Часть вторая: игроки и карты

И вновь, пылая пламенем азарта,
Я думал всё, исход бы был каков,
Когда бы игроки все знали карты,
И если б карты знали игроков?

Ульри Равнинный, «Застольные баллады»

Старое Замчище, резиденция Великого князя под Фарком. Год 1476 от В.Н., 12 день осени

Старое Замчище, резиденция Неркана Элендского под Фарком, было бастионом времен Империи Пустыни, построенным задолго до Великого Низвержения. Округлое каменное строение, расположенное на возвышении и окруженное высоким забором, зловеще возвышалось над окрестными деревнями. Местные селяне старались обходить это место стороной. Говорили, что обычный человек не может долго там находиться – он начинает слышать голоса, и в его мысли впутываются пугающие образы прошлых времен.

Так или иначе, ни с Нерканом, ни с его слугами, ни с великокняжескими гвардейцами никаких неприятностей в резиденции не происходило. Изнутри старая крепость представляла собой вполне комфортное жилище со спальнями на втором этаже, залом приемов, трапезной и кухней на первом и оружейными и скарбными в подвалах. Недалеко от резиденции располагались домики слуг и казармы для гвардейцев. Слуги, общим количеством двадцать человек, содержались здесь на круглогодичном пансионе, выплачивавшемся из казны Илина (илинский скарбничий хватался за голову от сумм, которые потребляли резиденции Неркана по всему Княжеству; он много раз намекал князю на то, что неплохо было бы перевести их на содержание великокняжеского бюджета, но поскольку в Илине Неркан бывал редко, а вот в Ластарте, в непосредственной близости скарбничего великокняжеского – постоянно, этот вопрос он всерьез никогда не рассматривал). В казармах же расположились бойцы илинской гвардии, личной охраны Великого князя, два десятка которой обычно сопровождали Неркана во всех официальных поездках. Общая численность гвардии составляла сто двадцать бойцов. Каждый десятник Илинской гвардии был боевым магом, каждый вой – профессионалом своего дела. Попасть в илинскую гвардию было мечтой для многих бойцов не только Ластарта, но и всего континента.

Командир гвардии, Дилиан Бор, несмотря на звание хорунжего, был по статусу немногим ниже воевод. Он не только сам был боевым магом, но и полвека назад возглавлял их Орден. После своей отставки с этого поста (не добровольной, хотя официальная версия была именно такой) Дилиан предложил свои услуги Неркану, который осуществлял амбициозный проект объединения юго-восточных земель Вэнинтора под знаменем Ластарта. Если Ирлинг Альята и Лону Беркликан были друзьями и соратниками Неркана, то Бор являлся его тенью. Великий князь с большой долей пренебрежения относился к собственной безопасности и использовал свою гвардию и ее командира для решения политических задач. Само появление Бора в том или ином месте, если он не сопровождал Неркана, могло означать, что это место или происходящие в нем события стали предметом первостепенного интереса Элендского. Дилиан выполнял самые деликатные поручения Великого князя – те, которые было опасно или нежелательно поручать даже канцелярии.

Утром двенадцатого дня осени Неркан отпустил юную пани Тилию, пообещав рассмотреть ее прошение в ближайшее время, и приказал слугам подготовить парадную одежду. Вызвал к себе цирюльника и Дилиана Бора. Пока Неркана брили, Дилиан докладывал ему новости из столицы. Ирлинг сообщал, что дела идут превосходно.

Никаких особых происшествий. На границах несколько небольших стычек, потери минимальны, нападавшие уничтожены. Сборщики податей отправлены и вскоре ожидается пополнение бюджета.
- Секретарь приготовил доклад для канцлера и прессы о прошедшем сейме, - Бор деловито посмотрел на Неркана. – Вы перечитаете сами или мне позаботиться об этом?

Неркан, у рта которого в этот момент находилась бритва, пальцами показал «второй вариант». Неожиданностей на сейме не случилось – отмену траура отклонили, блокаду настоек и трав сняли, уменьшение отправки налогов в центр поддержали и подали Великому князю на рассмотрение. Элендский подписал, не дожидаясь решения Государственного Совета. Главный скарбничий будет недоволен, но Великому князю было необходимо показать, что он склонен к компромиссам.
- Будет исполнено, Ваше Величество, - произнес Дилиан. – Далее: княгиня Альда Фаркская просила личную аудиенцию. Граф Теринский прислал приглашение на прием в честь сейма. Посольство Рейка просило присутствовать на балу в честь возвращения графини Рейкской.
- Ожидаемо, - произнес Неркан, освобожденный из плена мыла и бритвы. – Отказать всем. Сошлитесь на срочные дела в Илине. Перед княгиней и княжной извинитесь, графа просто проинформируйте. Проследите, чтобы об этом узнала местная пресса.
- Будет сделано, Ваше Величество.

Когда цирюльник закончил, Неркан встал, посмотрелся в зеркало, удовлетворенно улыбнулся и отпустил его. Затем ополоснул обнаженный торс водой из кувшина, немилосердно облив ковер, раздвинул занавески на единственном окне и потушил чародейский огонь. Сел на кровать и указал Бору на табурет, на коем только что сидел сам. Дилиан кивнул и сел.
- Какие новости из Берклики? – спросил Великий князь.
- У границ с Фарком князь Лону держит три тысячи воев, готовых в любой момент выдвинуться сюда, - ответил Бор.
- Сейчас ситуация вошла в нужное нам русло. Сделайте так, чтобы местное дворянство не беспокоилось насчет возможной интервенции. Потом проинформируйте князя Лону, что такова моя воля.
- Я прикажу переместить эти тысячи к границе с Айнвиллем. Там они не будут вызывать такого беспокойства, - поклонился Дилиан.
- У меня будет к вам еще одно дело, Бор, - сказал Неркан. – Очень деликатное. Слушайте внимательно: в свите графини Рейкской есть мертволесский эльф. Беглец, оказывающий на юную княжну очень большое влияние.
- Иниан Айклин, - сказал Дилиан. – Канцлер Ирлинг передавал нам материалы по нему.
- Да, именно он. Личность занятная и загадочная, - сказал Неркан, достал с полки под зеркалом запечатанный печатью Илина конверт и протянул Бору. – Вы должны доставить ему послание. Передайте его корчмарю в «Отважном вояре» до сегодняшнего вечера.
- Могу я полюбопытствовать, что в послании, Ваше Величество? – спросил Дилиан, принимая конверт.
- Приглашение на личную встречу, - ответил Неркан. – Без свидетелей.
- Ваше Величество, вы знаете, как я отношусь к вашим одиночным встречам, - неодобрительно сказал Бор. – Тем более с такими личностями, как Айклин. Может…
- Нет, Дилиан. Я ценю вашу заботу, но я сам могу решить, как действовать.
- Как пожелаете, Ваше Величество, - встал Дилиан и поклонился. – Я могу исполнять?
- Да, Дилиан, идите, - сказал Неркан. – И позовите слуг, пускай принесут одежду.

Дилиан вышел. Неркан лег на кровать и задумался. Отказав в своем присутствии на всех мероприятиях и не приняв у себя княгиню Альду, он показывал дворянству Фарка, что соблюдает нейтралитет и не намерен вмешиваться в ситуацию. Таким образом, с одной стороны, он придавал действиям Рейкских и Динских (все-таки Ирлинг удачно доверил операцию этому парню, Кирию) самостоятельность, с другой – убирал все

домыслы о «руке Ластарта» в этом конфликте. Ситуация в Фарке теряла государственное значение, становилась областной – местная знать делит сферы влияния. Что, несомненно, снимало напряженность в остальных княжествах и герцогствах, успокаивая лиц несведущих и давая лицам сведущим повод задуматься об опасностях и трудностях политики неповиновения.

День Великий князь провел на редкость спокойно. В отличие от столицы, в которой невозможно было уединиться надолго, здесь он воспользовался ситуацией и отгородился от внешнего мира. Неркан поел (местный повар оказался мастером по мясным блюдам, но очень небрежно отнесся к овощам), просидел несколько часов в библиотеке, перечитывая трактат «О сущности эльфов» (забавная работа, наполненная ненавистью и открыто перевирающая многие исторические и физиологические факты). С автором он был знаком лично. Того повесили темные храмовники лет семьдесят назад. Неркан периодически возвращался к этому трактату как к образцу извращенной фантазии, автор которой пострадал за свои убеждения. Потом князь отправился во внутренний двор и размялся со своими гвардейцами, сначала упражняясь в фехтовании, затем в единоборствах. Одолев в фехтовании всех трех соперников, а в единоборстве двух из четырех, довольный собой Неркан отправился в свои покои, приказав слугам подготовить ванну.

Лежа в теплой воде и наслаждаясь легким выллльским вином, Неркан размышлял о нынешней ситуации в Фарке и о причинах, приведших к ней. Было естественно, что его реформистская политика в экономической и общественной областях будет непопулярна среди консерваторов из числа дворян. Еще после восстания Клио Фаркского Неркан отметил для себя Фарк, но не столько проблемным, сколько экспериментальным регионом. В котором должна была пройти испытание задуманная им система власти.

Неркан Элендский не сталкивал двух своих ближайших соратников лбами, чтобы увидеть, кто из них окажется сильнее, как об этом думали сами Ирлинг и Лону. Великий князь Ластартский рассчитывал, что их соперничество в конце концов перерастет в плодотворную конкуренцию двух сил – консервативных, под началом Беркликана и прогрессивных, возглавляемых Ирлингом, на плечах которых будет держаться будущее Ластарта. Рано или поздно они должны осознать себя не игроками в борьбе за трон, но двумя частями одного целого, Великого княжества Ластартского. Он не объявил им своих замыслов, полагая, что они сами должны понять и осознать свою роль в настоящем и будущем государства. В эти планы он не посвящал даже Акру, опасаясь, что Великая княгиня может невольно выдать его замысел.

Фарк как нельзя кстати подходил для формирования подобной конкуренции. Здесь были сильны позиции дворянства, но разветвленная сеть торговых путей и развивающиеся цеха неуклонно увеличивали роль мястчан. Поэтому Неркан благословил вложения Ирлинга в оружейное дело в Фарке, создавая тем самым почву для контроля канцелярией производства оружия для армии. Лону не мог остаться в стороне, ведь такой контроль очень серьезно подрывал его позиции в Княжестве. По мнению Неркана, канцлер и воевода после этого вынуждены будут вступить в переговоры.

Великий князь сперва полагал, что реакция местного дворянства в лице Милана Теринского и его политики есть следствие действий Лону Беркликана. В этом случае Милан должен был идти на переговоры, выставляя требования, которые ему диктовала бы Берклика. Теринский же от переговоров уклонялся, либо же их срывал. Тогда Великий князь решил, что Лону Беркликан все же хочет решить дело силой, напомнив и Ирлингу, и самому Неркану, в чьих руках находится войско Княжества. После этого Неркан и направил деятельность Ирлинга на решение проблем в Фарке. Ему не было важно, что сделает Ирлинг, важно было то, как Лону отреагирует на действия конкурента. По реакции Беркликана на эти действия и на сообщения о мнимой торговле своих дворян с людьми Теринского (что торговля была мнимой, для Неркана выяснил Дилиан Бор через своих людей в канцелярии) Элендский понял, что правитель Берклики здесь ни при чем. Он хорошо знал Лону, и его реакция была абсолютно искренней. И Беркликан, и Альята

всерьез верили, что сражаются как друг с другом, так и с Миланом Теринским, которого, в меру своих сил, тоже старались использовать. Поэтому для Неркана стало очевидным, что даже если Лону и подправляет вектор движения фаркской оппозиции, то на общее направление он не влияет никак.

Тогда у Неркана и зародились подозрения, что Теринским и его окружением манипулирует кто-то другой. Великий князь не сбрасывал со счетов возможность и самостоятельных действий графа. Все-таки старая идея независимости Фарка будоражила умы многих дворян, и Теринский вполне мог искренне верить в свои слова и действия. Но вот очень быстрый переход от кулуарных интриг до открытой конфронтации настораживал Элендского. В этой ситуации идея выдвинуть Эглину Фаркскую в качестве противовеса Теринскому оказалась невероятно выигрышной. Молодая княжна, Неркан не сомневался в этом, станет той фигурой, которая (с его, Великого князя, помощью) объединит сторонников Беркликана и Ирлинга здесь, в Фарке, и в конце концов может указать верное направление и самим заклятым друзьям. А вот Иниан Айклин стал для Великого князя загадкой. Такие личности редко появляются случайно и уж точно сами не полагаются на случайности. Но больше всего Неркана заинтересовало письмо с просьбой о встрече, которое бывший храмовник передал Великому князю через Нику Рыжую. И Неркан надеялся на то, что Иниан Айклин поможет ему прояснить некоторые детали нынешней ситуации.

Великий князь был в своих покоях, когда вернулся Дилиан Бор. Хорунжий передал ему запечатанный пакет. Неркан вскрыл печать и прочитал вложенный лист. Айклин уточнял место и время встречи – за три часа до полуночи на правом берегу реки у Старого Моста.

- Отлично, Дилиан, - кивнул Неркан.

- Спасибо, Ваше Величество, - поклонился Бор. – Будут еще приказания?

- Распорядитесь, чтобы мне подготовили наряд и эскорт для поездки в город. Предупредите резиденцию в Фарке.

- Будет исполнено, Ваше Величество, - сказал Дилиан. – Удачи в… том деле, что вы замыслили.

- Спасибо, Дилиан, - Неркан улыбнулся. Бор покинул покои, а через десять минут туда доставили одеяние илинского гвардейца, которое использовал Неркан для путешествий инкогнито. Форма великокняжеской гвардии открывала все нужные двери и избавляла от ненужных вопросов.

Князь переоделся, надел широкополую шляпу, прикрепил короткий меч, по здешнему обычаю, к поясу слева. Из ящика прикроватного шкафчика вынул кошель. Достал монетку, подкинул ее. Выпала решка. Неркан вздохнул и вышел из покоев.

Дорога от резиденции до города заняла у него чуть больше часа. В сопровождении трех гвардейцев он подъехал к городским воротам. Городские стражники выглядели уставшими – суета вокруг блокады и сейма нервировала и выматывала воев. При приближении гвардейцев они вытянулись по стойке «смирно», десятник отвесил Неркану и его сопровождающим поклон и отворил ворота. Очередь, вынужденная ожидать утра, недовольно загудела. Десятник прикрикнул на них – и ропот пошел на спад. Неркан кивнул ему и направил пса в город.

Чуть отъехав от городской стены, Неркан спешился и отпустил сопровождающих вместе со своим псом, приказав ожидать его после полуночи. Старший из сопровождения отсалютовал Неркану принятым в войске ластартским жестом – приложив ладонь правой руки к сердцу и склонив голову. Неркан кивнул и направился к месту встречи.

Последний раз он был в Фарке на прощании с князем Виро. Пробыл один день, даже не заезжал в загородную резиденцию. Неркан не любил этот город. Его узкие улочки, где с трудом расходились двое мужчин, среди двух- и трехэтажных каменных домов напоминали ему стены каменного мешка, в котором он когда-то давно просидел десяток лет. Неркан шел к Старому Мосту и вспоминал, как первый раз побывал в Фарке – почти

полвека тому назад. «Да, это отторжение с первого взгляда, - подумалось ему. – Вот уж где бы мне не хотелось жить, так, наверное, здесь».

Быстротечная Фарчивка, отражая восходящую над городом луну, несла свои воды к южным морям. Город шумел: дворяне, еще не успевшие разъехаться по фольваркам после сейма, кутили в корчмах и трактирах, добавляя головной боли городской страже и волнуя сердца наивных мястчанских дочек. По набережной, достаточно широкой и для прогулок и для езды верхом, прохаживались влюбленные пары и шумные компании. Отряды стражников то и дело конвоировали нарушителей спокойствия. По дороге к месту встречи Неркан несколько раз обменялся войсковым приветствием с местными гвардейцами.

Старый мост, ныне каменный, широкий, длиной в полторы сотни шагов, первым соединил левый и правый берег тогда еще небольшого городка больше тысячелетия назад. После этого он неоднократно перестраивался и укреплялся. Последний раз это случилось после присоединения Фарка к Великому княжеству – арки моста были украшены гербами Фарка, Ластарта и Илина (так же, как был украшен постамент на проспекте Согласия в Ластарте и мост у Старой площади Илина). На них также выбили первую строку статута о создании Великого княжества.

Неркан встал у входа на мост, посмотрел на реку, потом оглянулся по сторонам, ища глазами эльфа. Он предполагал, что они без труда узнают друг друга – однажды они уже встречались мимоходом в Мертволесье при дворе Данэирта, а эльфы обладали превосходной памятью. Что можно было сказать и о Неркане.

- Пан кого-то ждет? – раздался голос за спиной у Неркана. Князь обернулся. Иниан стоял в двух шагах от него. Одет он был в неприметный темно-серый камзол, того же цвета брюки и перчатки. На голове широкополая шляпа – почти такая же, как у самого Неркана. Иниан вполне походил на любого из жителей Фарка, так что было немудрено, что князь упустил его из виду.

- Добрый вечер, пан Иниан, - Неркан пожал эльфу руку. – Отличный костюм, точно по последней фаркской моде.

- Благодарю, Ваше Величество, - склонил голову Иниан. – Я знал, что вы оцените мой вкус. Пройдемся?

- Отчего бы нет? – сказал Неркан. – Погода сегодня прекрасная, да и шум реки способствует приятной беседе.

Они двинулись вдоль Фарчивки по направлению к Великому озеру. По реке проплыла прогулочная лодка. Лодочник с вокальными данными, достойными городского театра, пел своим пассажирам романтическую балладу.

- Вы смелый человек, Ваше Величество, - прервал молчание Иниан. – Я предполагал заметить при вас охрану.

- Я не думаю, что мне стоит вас опасаться, пан Иниан, - Неркан посмотрел на него. – Долго вам пришлось за мной идти?

- Почти от ворот, - ответил Айклин. – Необходимые предосторожности, поймите меня правильно.

- Могли не трудиться, - заметил Неркан. – Я же обещал, что приду один.

- Вы обещали, - согласился Иниан. – Но, согласитесь, осторожность в нашем деле превыше обещаний.

Неркан промолчал. Он был согласен с позицией Айклина и отдавал должное его смелости и честности, хотя и был несколько недоволен недоверием.

- Надо отметить, - продолжил говорить эльф, - что город чудесно преобразился со времен вступления в Княжество.

- Вы полагаете? – задумчиво спросил Неркан.

- Век назад Фарк был большой ярмаркой. Я часто сюда наведывался тогда. Грязно было, тускло. На улицу не выйти в сумерках. А сейчас – производственный центр, освещенные улицы, благородные господа. Отличное место.

- Может быть, может быть. Вы решились участвовать в операции Ирлинга из-за желания посмотреть на Фарк?
- Возможно, - улыбнулся Иниан. - А может, просто потому, что мне было нечем заняться. Многие герои известных трактатов так и поступали.
- Я люблю такие трактаты, в которых у героев есть благородная цель и чистые намерения.
- Читал я и такие, - сказал Иниан. – Но не могу сказать, какие из них более оторваны от реальности. Я закурю?
- Пожалуйста, - ответил Неркан. Эльф набил трубку и закурил. – Признаться, последние годы меня приключенческие трактаты мало интригуют. Нынешние авторы отличаются простым языком и предсказуемыми сюжетами.
- В вас говорит возраст, Ваше Величество, - усмехнулся эльф, выдохнув дым изо рта. – Право же, нынешнее поколение не так уж и бездарно. И, поверьте, могут угодить вкусам даже самого придирчивого читателя.
- Кстати, о вкусах, - Неркан оторвался от созерцания реки и посмотрел на своего спутника. – Вы не голодны? У Речных ворот есть великолепный трактир с видом на Великое озеро. Удовлетворяет и кулинарные, и эстетические вкусы.
- Я недавно поужинал, - сказал Иниан. – Но не откажусь от бокала вина.
- Тогда идемте.

Они прошли по набережной. Иниан рассыпался в похвалах городу и Княжеству, Неркан отвечал учтиво, но немногословно. У истока Фарчивки, именуемого здесь Речными воротами, улицы стали более безлюдными, шум стих, а количество гвардейцев увеличилось. Здесь, у Великого озера, размещались самые дорогие и роскошные заведения для самых взыскательных гостей города. С террас трактиров и корчм можно было любоваться уходящей вдаль гладью озера и возвышающимися на горизонте Заснеженными горами, вершины которых терялись в облаках. Сейчас горы были почти не видны, однако луна проложила по глади озера изысканную серебристую дорожку, а безветренная погода превратила воду в фантастическое отражение бесконечного неба.

Трактир назывался «Золотой карась». Посетителей в нем было немного, по причине высоких цен и позднего времени. Неркан и Иниан, в сопровождении безупречно одетого официанта, поднялись на второй этаж и заняли место на пустой террасе. Великий князь заказал рыбное блюдо и настойку, эльф ограничился бокалом вина.
- Вы были правы, Ваше Величество, - сказал Иниан, когда официант удалился. – Вид здесь действительно великолепный.
- Называйте меня Неркан, пан Иниан, - Элендский облокотился на мягкую спинку широкого стула, - здесь не место для титулов.
- Хорошо, пан Неркан. Так о чем мы говорили?
- Вы рассказывали мне о новом морвидианском храме в пригородах Альята.
- А до того, как мы отправились в это чудесное заведение?

Подошел официант, наполнил рюмку Неркана настойкой и поставил перед Инианом высокий бокал с белым вином.
- Во здравие, - сказал тост Неркан и опустошил свою рюмку. Иниан ответил на тост и легонько пригубил вино. – До этого мы говорили о том, что нынешние авторы не способны угодить вкусам читателя.
- Это вы говорили. А я с вами не соглашался.
- Да полно вам! Пошлая мода на победу добра над злом и всеобщее счастье сменила еще более пошлая привязанность к массовым убийствам и половым сношениям. Я бы не хотел, чтобы мое жизнеописание превращалось в бесконечную смену декораций от бани с прелестницами к бане кровавой.
- А как же интриги, пан Неркан?
- Интриги давно уже потеряли свою утонченность. Когда-то родственная связь злодея и героя была внове, а когда герой в конце сам оказывался злодеем, читатель от

неожиданности приходил в восторг. Сейчас все это вызывает лишь зевоту и недоумение. Вот как бы вы описали хорошую интригу, пан Иниан?
- Я то? – начал было Иниан, но прервался – официант принес Неркану заказ, поставил его на стол и откланялся. – Пожалуй, для писательства у меня слишком бедный язык. А вы-то сами, Ва… пан Неркан, смогли бы?
- Отчего бы не попробовать, если вы мне поможете, - сказал Неркан и наполнил себе рюмку. – За непредсказуемый сюжет!
- Поддерживаю, - кивнул Иниан, и они выпили. Неркан закусил куском рыбы, тщательно пережевал ее и продолжил.
- Значит, рассказ бы начался с того, что некий отряд наемников ввязался в опасное предприятие на границе двух враждующих держав…
- Ну почему же ввязался, - заметил Иниан. – Его вполне могла нанять одна враждующая держава, для общения с некоей силой в другой враждующей державе.
- И какие же они могли вести общие дела, по вашему мнению?
- Вы же хотите сложную интригу? Пускай одна из них, назовем ее для примера Империя, хотела передать денежные средства другой (эту, опять же для примера, назовем Гильдией).
- И, конечно, для того, чтобы помочь третьей стороне в борьбе с четвертой, - утвердительно сказал Неркан. – Пока сюжет достаточно предсказуем.
- Его же пишете вы, я вам только подсказываю.
- Да, видимо, у меня тоже не очень получается. Третью и четвертую обзовем Союз и Княжество?
- Думаю, вполне нормальные названия.
- Но Империя и Гильдия не знали, что наемники кроме всего прочего ведут разведку для Княжества. И когда узнали, это им очень не понравилось.
- Нет, это действительно очень предсказуемо, - поморщился Иниан. – Я бы сделал так, чтобы Империя не знала об этом, а вот Гильдия точно знала, кому потом попадет информация о сделке.
- Зачем бы им это?
- Ну, например, для того, чтобы конфликт Союза и Княжества перерос в полномасштабную войну. Возможно, даже с поддержкой Империи.
- Интересно, - согласился Неркан. – Очень интересно. Тогда почему же этого не произошло?
- Несчастная случайность – когда сделка была уже оформлена, а капитан наемников писал донесения своим друзьям в Княжестве, на наемников напали их старые враги. В этой схватке удалось выжить лишь одному участнику. Эльфу-изгнаннику, который не знал об отношениях наемников и Княжества в тот момент.
- Он и будет нашим главным героем?
- До поры до времени.
- Если он не знает об отношениях наемников и Княжества, почему он решит действовать?
- Первоначально для того, чтобы добыть пропитание. Пускай его наймет какой-нибудь видный, уважаемый, скажем даже – святой человек, который будет знать о сделке между Империей и Гильдией.
- А откуда он будет о ней знать?
- Наш герой будет интересоваться в этот момент, как не умереть с голоду. Возможно, он заинтересуется этим позже. Возможно, оставит этот момент на совести авторов.
- Допустим, - согласился Неркан. – Вы бы не хотели заказать себе еды? Тьмой клянусь, рыба здесь великолепна!
- Пожалуй, вы правы. К тому же разговоры о литературе подогревают мой аппетит, - Иниан жестом подозвал официанта и заказал себе рыбу с овощами и еще один бокал вина.
- Так, значит, нашего эльфа нанимает этот самый святой человек…

- Да, нанимает и просит выяснить, что же задумала Гильдия и кто стоит за этой странной провокацией. Ведь до изгнания эльф был важной фигурой в… скажем, Королевстве. Эльф обязуется за хорошее вознаграждение выполнить эту миссию.
- Но это ему не удается?
- Почему же, вполне удается. Эльф узнает, что деньги действительно собирались направить Союзу и что главной задачей этой провокации было именно поссорить Княжество не только с Союзом, но и с Королевством. И вызвать большую войну. Но, поскольку момент был утерян, деньги задержались у Гильдии и теперь Империя требует, чтобы их пустили в дело. А Гильдия ищет способы, чтобы не только удовлетворить запрос Империи, но и устроить эту самую войну.
- Вот как? Но тогда на этом дело и должно было закончиться – ведь эльф выполнил свою задачу? Или заказчик обманул его?
- Нет, заказчик заплатил, как и обещал, - Иниан запнулся. Посмотрел на озеро, вздохнул. Повернулся и обратился к официанту, - Милейший, у вас можно курить?
- Если пан пожелает, - расплылся официант в улыбке. – Мы можем даже предложить пану перечень имеющихся у нас трав.
- Спасибо, у меня свои, - сказал Иниан, вынимая и набивая трубку.
- Как пану будет угодно, - официант поклонился и удалился. Иниан раскурил трубку. Неркан ел и ждал продолжения.
- Заказчик заплатил. Но вскоре эльф получил сообщение от… контакта. В сообщении говорилось, что Гильдия нашла какой-то способ воспользоваться деньгами и переправляет их небольшими суммами в Княжество. Также его контакт сообщала, что решила вмешаться…
- Контакт была женщиной?
- Да. И дорогой сердцу эльфа женщиной, я бы сказал.
- И по сюжету ее следует убить?
- Да. Так сюжет станет драматичней, а у эльфа появятся личные мотивы продолжать участие в этой истории. Кроме всего прочего его начнут преследовать убийцы.
- И он сбежит в город, которым правит его бывший ученик. Но не доверится ему. По крайней мере, не полностью.
- Да, не доверится. Эльф посчитает, что ученик обманывает его или, скажем так, говорит не всю правду.
- Зачем же эльф тогда решит помогать ученику?
- Возможно, он увидит связь между теми событиями, о которых ученик расскажет ему, и интригами Гильдии. Он понимает, что деньгами Империи будут вызваны некие волнения в Княжестве. Такие, которые заинтересуют местных правителей. И потом, когда начнется расследование, ниточки должны привести к Гильдии и Империи.
- Гильдия выдаст сама себя? Зачем?
- Потому что их цель – начать войну. Гильдия и те, кто ею правят, тоже не игрок, а карта. Козырная, конечно, сильная. Но для главной цели ею можно пожертвовать.
- А кто же тогда игрок?
- Этого наш герой знать не может, да сейчас ему это и не интересно. Тем более должна же быть лазейка для продолжения, - Иниан хмуро усмехнулся.
- Что же сделает наш эльф?
- Он сделает то, что обещал – воспитает молодую девушку, которую его ученик прочит в марионетки, в сильную личность. А потом с ее помощью разрушит планы Гильдии, использующей местное дворянство в качестве пушечного мяса.
- Эльф об этом точно знает?
- Нет. Но он уверен в своей правоте. Потом, чтобы его труд не пропал зря в паутине местных интриг, эльф встретится с мудрым правителем всех местных земель и расскажет о своих приключениях, подозрениях, догадках и намерениях ему. Под видом литературного анекдота.

- И что же сделает правитель?
- А это уже зависит от него, - Иниан посмотрел в глаза Неркану. – Что бы сделали на его месте вы, пан Неркан?

Неркан налил себе рюмку, быстро опустошил ее и закусил последним куском рыбы. Посмотрел на озеро, на свечи и тени, которые отбрасывало их пламя. Пальцами провел по листу виноградной лозы, спускавшейся по деревянному столбу террасы.
- Я думаю, правитель позволит эльфу действовать дальше. И даже постарается избавить его и его воспитанницу от опасений запутаться в местных интригах. Но если подозрения эльфа не подтвердятся или окажется, что он имел какой-то злой умысел, я бы не позавидовал нашему герою.
- Думаю, герой не решился бы злоумышлять против этого правителя, - Иниан закрыл глаза и поклонился.
- Благодарю за интереснейшую беседу, пан Иниан, - Неркан встал, вынул из кошеля две золотые монеты. – Я вспомнил об одном неотложном деле.
- Конечно, пан Неркан, - Иниан поднялся и пожал руку Великому князю. – Буду рад еще встретиться с вами. Возможно, обсудить продолжение нашего произведения.
- Мы обязательно встретимся, не сомневайтесь, - сказал Неркан и покинул террасу, оставив Иниана допивать вино, доедать рыбу и смотреть на лунный след на глади воды.

Великий князь добрался до своих городских покоев за пятнадцать минут. Он переоделся, умылся и велел вызвать Дилиана Бора. Неркану сообщили, что Дилиан вернулся в Старое Замчище и что гонец туда уже отправлен.

Бор явился к князю через два часа. Безупречная форма очень контрастировала с заспанным, осунувшимся лицом главы илинской гвардии. Неркан сидел в кресле за столом кабинета и писал письмо Ирлингу.
- Прошу прощения, что разбудил, Дилиан, - Великий князь просушил бумагу и поднялся, – но это срочно.
- Слушаю вас, Ваше Величество.
- Это письмо немедленно отправьте Ирлингу в Ластарт. Мы будем там через пять-шесть дней. Я хочу, чтобы письмо там было через два. Далее: поднимите нашу агентуру на Севере и в Срединных землях. Мне нужно знать об активности Храма на этих территориях и кто из исполнителей и экзархов последние пять лет бывал в этой области.
- Будет сделано, Ваше Величество. Вы подозреваете, что против нас действует Храм Семи?
- В данный момент нет. Но я хотел бы предотвратить такую возможность в будущем. Возьмите это дело под личный контроль, Дилиан.
- Я все исполню, как подобает, Ваше Величество.

Ластарт, здание канцелярии. Год 1476 от В.Н., 16 день осени

Ирлинг смотрел на молодое бледное лицо посла Уторы, небольшого королевства, граничащего с Княжеством на севере. Лицо это, худое, осунувшееся, вызывало у канцлера смешанное чувство жалости и раздражения. Жалости – потому что молодой человек был, с одной стороны, растерян, а с другой – невероятно горд своей ролью, что выглядело нелепо и именно что жалко. Раздражения – потому что тонущий в витиеватостях юнец (выпускник, кстати, Ластартской высшей академии) мешал эльфу размышлять о более насущных делах. Таких, как, например, новые обстоятельства по фаркскому вопросу.

Сперва Ирлинга приятно удивил Стеф Клийский. Подканцлер, видимо, сделал верные выводы о своем друге Лиине Миковском и включился в разработку фаркской оппозиции. Людям Клийского удалось найти то, что упустил подканцлер Легийский – крупные суммы денег, появившиеся на счетах Йатика Клесского незадолго до и сразу после его активного включения в политическую жизнь Фарка. Деньги поступали не напрямую – через банки гномов и даже через единственный банк пустынников. Подканцлер Стеф заподозрил, что таким образом непутевого отпрыска содержит сердобольный отец. Но все ниточки этих странных переводов, которые удалось отследить, вели к самым большим конкурентам старшего Клесского – Мертволесской металлообрабатывающей гильдии. Что ставило под вопрос участие старого графа и придавало сделке известную загадочность. Ведь младший Клесский всеми силами изображал явного эльфоненавистника. «Клийский провел замечательную работу, - думал про себя Ирлинг, краем уха слушая посла Уторы. – Надо обязательно поощрять расширение его аналитической практики. И он сильно утер нос Легийскому – подумать только, упустить такую явную связь! Лито, видимо, хотел подтвердить мои догадки насчет Лону так сильно, что не отнесся серьезно к версии внешнего влияния. Это надо пресекать! Интриги интригами, а такие промашки в будущем могут стоить нам очень дорого».

Тем не менее появление денег на счетах Клесского хоть и было подозрительно, само по себе ничего не доказывало. И тут, как нельзя кстати, пришло письмо Неркана. Ирлинг снова и снова возвращался к нему мысленно. «*Из заслуживающих доверия источников мне стало известно, что нынешняя ситуация в Фарке может быть результатом действий неких недобросовестных сил Мертволесья (купеческих или мануфактурных гильдий), вступивших без ведома Данэирта в сговор с Империей. Эти недостойные во всех смыслах существа могут производить как финансовую поддержку, так и прямое руководство событиями. Поэтому я прошу тебя немедленно обратить самое пристальное внимание на противостоящие нам там дворянские силы и обнаружить, через кого могут действовать внешние враги. Помни, друг мой, что в такие моменты нет времени для междоусобиц».* Теперь схема складывалась сама собой. Люди Дилиана (а кто же еще мог так быстро выяснить эту информацию?) смогли отыскать ниточки, ведущие из Мертволесья, но не смогли проследить их дальше. А вот он, имея информацию Клийского, теперь может оценить всю картину в целом. «И все равно этого мало, - продолжал думать канцлер. – Информация достоверных источников не доказательство, наличие счетов – тоже. Мы должны найти что-то более весомое».

- Нет, господин Риа, - прервал он посла. – Мы понимаем тяжесть вашего положения, мы очень сочувствуем Уторе. Но предоставить вам зерно по старым ценам – это будет означать, что наши собственные селяне разделят участь ваших.

- Но, Ваша Светлость, - молодой человек, казалось, сейчас упадет на колени, – наши предыдущие договоренности…

- Не учитывали ситуации, которая сложилась после засухи на наших северных территориях, - закончил за посла Ирлинг. – Вы должны понимать всю сложность транспортировки с юга на север. И это не учитывая наших собственных убытков. Наша цена окончательна.

Посол снова пустился в описания страданий и лишений его народа, а Ирлинг ненароком подумал, что такого худого и осунувшегося юнца Утора послала, чтобы давить на жалость. Согласно последним данным с Севера, уторцы, пользуясь скидками, которые им делал Ластарт, перепродавали зерно другим королевствам в полтора раза дороже, чем покупали. Такая ситуация полностью устраивала королевский двор Уторы, но нисколько не устраивала Великое княжество. Доказательств махинаций у Ирлинга не было, сведения поступали с верным человеком, ссылаться на которого было бы недальновидно. Но меры принимать было необходимо. Неркан поручил канцлеру добиться от Уторы выгодных для Ластарта условий, материальных или нематериальных – в конце концов, даже тех денег, что выручало Княжество за поставки, вполне хватало, но нельзя же, право слово, так нагло пользоваться добродушием соседа!

- Господин Риа, - Ирлинг демонстративно посмотрел на часы. – Такие вопросы невозможно решить мгновенно. Ваши доводы вполне убедительны, и мы постараемся сделать все, что в наших силах. В конце концов, в традициях добрососедства помогать друг другу в трудной ситуации.

Риа закивал, и на бледных щеках проявился румянец. «Ох ты, шельма, - подумал Ирлинг. – Ладно, напущу-ка я на тебя ребят Лито. Пускай обогреют и накормят тебя, а там, глядишь, ты начнешь делиться с нами секретами своих правителей».

- Я должен проработать этот вопрос, - продолжил канцлер вслух. – Завтра с вами свяжутся. Я уверен, у нас получится найти компромисс.

- Спасибо, Ваша Светлость! - посол встал и поклонился. Ирлинг подумал про себя, что все-таки надо обратить внимание на преподавание в академии. Судя по этому выпускнику, оно там поставлено не на должном уровне.

- Ну что вы, - улыбнулся, поднимаясь, канцлер, - не благодарите заранее. Вот когда мы подпишем новые договоренности, тогда и сможем поговорить о благодарности.

Лицо Риа вытянулось. Ирлинг продолжил улыбаться и, говоря о ценности дружбы Уторы для Княжества, выпроводил посла, открыв перед ним двери. Уторец, выходя, снова поклонился и попятился к двери приемной. Когда он вышел, Ирлинг вздохнул. Его секретарь, высокий подтянутый графканцлер, посмотрел на шефа ожидающе.

- Передайте бумаги по Уторе подканцлеру Легийскому, - сказал тихо Ирлинг. – Пусть ознакомится. Скажите ему, что задачу подробнее я опишу позже.

- Будет сделано, Ваша Светлость, - секретарь встал и поклонился.

- Что у нас там еще по графику? – спросил канцлер.

- В четыре на прием записалась Ния из Яра, журналистка «Ярской хроники» - ответил секретарь. – Материалы по ней у вас на столе.

- Доложите по ее прибытии, - сказал Ирлинг, возвращаясь к себе в кабинет. – А до этого не пускайте ко мне никого. И принесите травяного отвара, заварите покрепче.

- Да, Ваша Светлость.

Ирлинг присел за стол, и мысли его снова устремились к Фарку. «Итак, Империя и силы в Мертволесье, - размышлял Ирлинг. – Самый заклятый враг нашего дворянства и дельцы самого сильного, но отнюдь не самого любимого союзника. Мотив? У Империи ясен – ослабить нас перед любыми силовыми и политическими акциями. У Гильдии? Тоже все кристально чисто – мало того что ослабить (а потом, чем длимерн не шутит, и приобрести) основного конкурента, так и собрать в одном клубе всех своих политически активных противников в регионе. А потом избавиться от них нашими руками. Умно? Несомненно. Было – пока мы не вышли на их маленькую затею. И если допустить, что Клесский работает на эльфов, знают ли об этом его друзья во главе с Теринским? Скорее всего, нет. И, думаю, им это не понравится».

Секретарь принес отвар. Ирлинг поблагодарил его, откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Ему очень хотелось побыстрее завершить этот день. Да и следующие три дня, после которых в Ластарт вернется Неркан, а сам Ирлинг уедет в Альят, где наконец сможет побыть с Лил. Бродить по аллеям дворцового парка, сидеть у фонтанов, лежать на

траве и наблюдать за бегом облаков. Как во время такого уже далекого медового сезона. Ирлинг усмехнулся. Женитьба сделала его мягче. Если так будет продолжаться, впору не то что оставлять борьбу за трон, а вообще задумываться об отставке. «Надо собраться, - он потер виски руками. – Итак, если Клесский работает на эльфов, его подельникам это не понравится. Но таким образом мы ничего не добьемся – исключение одного, пускай и значимого, человека не разобьет организацию. Я уверен, Теринский двигался в направлении своего бунта задолго до того, как к этому проекту подключились наши эльфийские друзья. Да, Теринскому может не понравиться, что им манипулируют, но это разобьет его отношения с «Гардой» только в том случае, если они все повязаны с Мертволесьем. А если нет? Что тогда?». Ирлинг поднялся, прошелся по комнате, разминая ноги. Взял кружку, сделал глоток отвара. Душистый запах ударил в нос, горячая жидкость бодрила и помогала направить мысли в нужном направлении. «Только почему я по-прежнему ставлю Теринского во главу всего этого безобразия? – задал Ирлинг вопрос себе. – Для чего «Гарде» нужен Теринский? Он – символ объединения дворян против Княжества. У него есть титул и возможность занять трон. Он политик, с которым считаются. Но так ли он незаменим? Вряд ли. Особенно теперь, когда он потерпел такое сокрушительное поражение на сейме. И если почва начнет уходить у него из-под ног, тогда «Гарда» может отказаться от него. И тогда мы нанесем удар по самой «Гарде», по ее самой сущности, замарав связью с Мертволесьем. Главное, чтобы эта связь действительно была. Хотя в случае необходимости ее можно и создать Хорошо бы, чтобы Теринский понял, что его играли. Тогда с ним возможен диалог. Там уже неважно, кто из сестер займет престол – Теринский будет ценным союзником в любом случае».

Ирлинг улыбнулся, допил отвар и взялся за перо. Проработку деталей он поручит Лито. Даст подканцлеру шанс исправить оплошность с недооцененной информацией. Княжканцлер же Миковский такого шанса не заслуживает. Ирлинг не сомневался, что Стеф Клийский не стал бы отрекаться от своего протеже без веской причины. Значит, Миковский станет объектом игры. А уж какую игру с ним затеет Лито и его люди – этот вопрос канцлера не заботил.

Ирлинг написал распоряжения для Лито – и те, что касались Фарка, и связанные с послом Уторы. Окончив письмо, запечатав своей печатью и передав секретарю, канцлер принялся за материалы по Нии из Яра. В общем, он не рассчитывал там найти для себя ничего нового. Ния, она же Ниэль Яркая, в прошлом известная менестрель и бард из северных земель, была личностью известной и примечательной. Ее баллады были известны в Срединных и Северных землях, пользовались популярностью в Княжестве и Империи. Десять лет назад она была желанной гостей на любом балу, купалась в деньгах и славе. А потом вышла замуж за влиятельного среднеземского барона, оставила сцену и поэзию и остепенилась. Родила двух детей и могла жить размеренной жизнью супруги дворянина Срединных земель, выходя в свет раз в сезон и наблюдая, как муж спит с молоденькими служанками. Но не выдержала и сбежала от мужа через четыре года, оставив ему детей и оскорбленное достоинство. Барон был очень обижен, поэтому сделал все, чтобы Ниэль не смогла прибиться ни к одному двору в ощутимом радиусе от его владений. Менестрель скиталась по мелким городкам и селам, зарабатывала себе на жизнь чем придется. Ходили слухи, что Ниэль чуть не спилась, но тут ее подобрал один дальновидный редактор, Карл по прозвищу Прозорливый. Руководствуясь, видимо, расхожей истиной, что мастерство не пропьешь, он приютил бывшую Яркую Звезду Севера и попросил писать для его газеты материалы о светской жизни города и ближайших поселений. Сперва Ниэль, которая теперь стала Нией из Яра, работала за еду. Но острый ее язык, литературный талант и жгучая ненависть к дворянству вмиг увеличили продажи газеты, а «Ярская хроника» стала одним из известнейших изданий Среднеземья и Севера. За полтора года Ния приобрела себе славу ловкой журналистки, а также множество врагов среди знатной публики. И после того, как ее попытались средь бела дня зарубить прямо у входа в редакцию, Прозорливый отослал ее от греха подальше

– в Великое княжество Ластартское, а именно в славный город Альят, центр искусства и культуры и по совместительству вотчину канцлера Ирлинга. Изменилась и тематика репортажей Нии. Светская хроника все больше уступала место деловым сводкам и острым политическим вопросам. Ния даже прошла заочно обучение в Альятской деловой академии, дабы повысить свои знания в этих областях.

Внимание Ирлинга как главы канцелярии Ния привлекла, когда от агентов с Севера начали поступать сведения, что на ее репортажи (а также приложенные к ним донесения для Карла) опираются многие купцы и дельцы в Срединных землях и Северных Королевствах. Несколько раз канцелярия перехватывала послания Нии, но никакой информации, которая каким-либо образом могла повредить Великому княжеству, там не содержалось. Ирлинг лично читал копию одного из писем, и его поразили ум и способности это женщины. Он приказал вплоть до особого распоряжения не следить за ее действиями, ограничиваясь лишь обычным общим надзором за чужеземцами.

Последние материалы Нии были посвящены изготовлению и торговле оружием. В них, в частности, делались выводы, что вскоре дворяне Севера могут пойти на грандиозное переоснащение своих гвардий, так как превосходства Юга и эльфийских королевств в этих областях становятся угрожающими. Ирлингу становилась ясна цель Нии: узнать, будет ли способен Ластарт увеличить мощности производства вооружений, дабы выгодно торговать с северными соседями, или же тем стоит переключить свое внимание на Мертволесье, Империю или даже Литинию. О фаркских рудниках было известно многим, и нестабильность в этом регионе отпугивала купцов.

«Значит, говорить будем о Фарке, - подумал Ирлинг. – Что ж, здесь позиция понятна: нынешние события там – это внутренние дела местного дворянства. Государственная политика здесь остается неизменной, и никаким внешним договоренностям ничего не грозит».

Он поднялся, подошел к большому книжному шкафу у правой стены и вынул томик «Великих войн Юга», коллектива альятских авторов. Сел за стол и принялся за чтение глав по междоусобному периоду нынешнего Великого княжества. Ирлинг любил читать исторические трактаты, особенно Южных земель. Если история Севера последнюю тысячу лет писалась эльфами и была обязательна к изучению в Мертволесье, то события на Юге для Ирлинга во многом пестрели белыми пятнами. «Где бы взять больше времени да изучить самому все эти вопросы, - думал он, перелистывая страницы. – Возможно, многих трудностей можно было бы избежать. Ах, время-время, как же его не хватает».

Секретарь доложил о прибытии Нии без двух минут четыре. Ирлинг отложил книгу, поправил камзол и приказал пригласить посетительницу. Секретарь отворил дверь шире, и в кабинет вошла невысокая фигуристая женщина, одетая в длинное светло-серое платье с высоким горлом, скрывавшим шею. Светло-русые ее волосы были заплетены в аккуратную косу, которая спускалась по левому плечу до груди.

- Ваша Светлость, - поклонилась она.

- Проходите, пани Ния, - улыбнулся, поднимаясь, Ирлинг. Он кивнул секретарю, тот покинул кабинет и закрыл дверь. – Проходите, присаживайтесь, пожалуйста.

Ния подошла к столу и присела на стул напротив Ирлинга. Тот снова сел в свое кресло, глядя посетительнице в лицо. Личико у журналистки было округлое и в целом симпатичное, не считая морщинок в уголках глаз и на лбу.

- Травяной отвар? Кофе? Может быть, вина? – спросил Ирлинг, облокотившись на спинку кресла и положив руки ладонями на стол.

- Вы очень добры, Ваша Светлость, - заметила Ния. Она говорила с легким северным акцентом, протягивая гласные. – Я знаю немало особ вашего положения, кои бы оставили меня стоять и уж точно не предложили бы выпить.

- Истинно знатный пан никогда не кичится своей знатностью, - сказал Ирлинг. – Так любит говорить Великий князь.

- Его слова – да им бы в уши, - вздохнула Ния. – Я с удовольствием выпью отвара.

Ирлинг вызвал секретаря и приказал принести две чашки с отваром. Тот коротко поклонился и вышел.
- Еще раз благодарю, что приняли меня, - сказала Ния. – Я понимаю вашу занятость и постараюсь не задержать вас надолго.
- Что вы, пани Ния, - сказал Ирлинг и улыбнулся. – Я всегда рад ответить на вопросы прессы. Особенно если вопросы исходят от такой очаровательной и известной собеседницы. Ваши статьи чрезвычайно любопытны.
- Ваша Светлость читал мои статьи? Я польщена, - она наклонила голову чуть вбок и испытующе посмотрела на него.
- Ваш слог занятен, - эльф подался вперед, - а темы обычно актуальны и интересны. Я слышал, что из талантливых поэтов в будущем получаются хорошие прозаики. Вы – живое подтверждение этому.
- Благодарю, Ваша Светлость, - Ния опустила голову. Но уже через мгновение снова посмотрела на собеседника и улыбнулась. Естественно, она старалась не афишировать свое прошлое. Но ее реакция, без сомнения, делала ей честь.
- О чем вы хотели поговорить? – спросил Ирлинг, приняв непробиваемо вежливый вид.
- Ваша Светлость наверняка знает, что моими статьями интересуются на Севере многие влиятельные гильдии, цеха и политические деятели, - вкрадчивым тоном начала Ния. - И многих из них интересует Великое княжество – как торговый и политический партнер. И последнее время моих читателей беспокоит, простите за несколько корявый слог, беспокойство в западных регионах Княжества. Ходят различные слухи, вплоть до того, что в Княжестве может начаться междоусобица. Что вы можете сказать по этому поводу?
- Что я совершенно не понимаю, о чем идет речь, - сказал Ирлинг. – Люди, распространяющие такие слухи, либо больны и живут в своих фантазиях, либо совершенно оторваны от реально происходящих событий.

Вошел секретарь и принес поднос с чаем. Расставил чашки, поклонился и вышел. Ния проводила его взглядом.
- Вы знаете, пани Ния, - продолжал тем временем Ирлинг, – у Княжества множество врагов за его пределами, и многие бы хотели, чтобы дела у нас шли хуже, нежели идут сейчас. А когда у недоброжелателей не хватает сил воплощать свои мечты в жизнь, они пытаются хотя бы потешить свое самолюбие, выдавая желаемое за действительное.
- Возможно, они веруют в учение о материальности мысли, - хмыкнула Ния.
- Простите? – непонимающе посмотрел на нее канцлер.
- Одно из знахарских учений, - пояснила журналистка. – Весьма распространенное на Севере, в Срединных землях, да и на северных территориях Княжества. О том, что мысль материальна и все, что бы ни подумал мыслящий индивидуум, сбывается в реальности.
- Какая глупость! - удивленно сказал Ирлинг. – Любой практикующий маг скажет вам, что это не так. Во что только не верит обыватель!
- Да, вы в этом правы, - сказала Ния, сделав глоток. – Обыватель верит во многое. Однако мое дело – выяснять факты. И, если вы позволите, некоторые факты свидетельствуют в пользу того, что названные мною слухи небезосновательны.
- Например?
- Недавняя блокада Фарком трав и настоек из Княжества. Очень резкие высказывания в местной прессе о политике Великого князя и Государственного совета. Последние события на сейме в Фарке. И множество более мелких происшествий, свидетельствующих о том, что там назревает восстание.
- Восстание! – рассмеялся Ирлинг. – Еще скажите, гражданская война! Помилуйте, пани Ния, о каком восстании может идти речь? То, что сейчас происходит в Фарке – обычные дворянские политические игры, не более. Проблема же с блокадой родилась из-за несогласованной ценовой политики. И Великий князь одним своим визитом уладил этот вопрос.

- Значит, обычные политические игры местного дворянства? – спросила недоверчиво Ния. – И вы спокойно допускаете, чтобы окраинные территории могли таким образом выражать несогласие с верховной властью?
- Учитывая самолюбие дворянства, - кивнул Ирлинг, – и его роль в жизни Княжества, можем ли мы поступить по-другому?
- Тогда может ли верховная власть ручаться за выполнение договоренностей с другими государствами, Ваша Светлость? Ведь, если местное дворянство проявляет такую непоследовательность во внутренней торговле, что помешает им проявить ее во внешних делах? – Ния посмотрела на Ирлинга испытующе, но канцлер все так же вежливо улыбался.
- Пани Ния, это очень интересный вопрос. Видите ли, когда я только прибыл в Южные земли, мне показалась очень странной поговорка «Не выносить сор из хаты» - ведь в Мертволесье у нас как таковых хат и не было. Однако позже, осознав ее смысл, я был поражен такой простой и, в то же время, глубокой традицией. Наши друзья в Среднеземье и на Севере могут не опасаться – ни дворяне Фарка, ни верховная власть Княжества не станут выносить сор из нашего общего дома на всеобщее обозрение.
- Тем не менее этот, как вы выразились, «сор» все-таки просочился сквозь ваши двери, - заметила Ния.
- Не наша вина, что многие любят наблюдать за мусором других, не видя при этом, что творится под носом, - улыбка на мгновение покинула лицо Ирлинга, и оно стало жестким. А потом он все так же вежливо улыбнулся. – Без каких-либо намеков на кого-то конкретного, вы понимаете меня.
- Конечно, - кивнула Ния. – Без любых намеков. Так вы отрицаете вмешательство ваших людей во внутренние дела Фарка?
- Мы возвращаемся к началу беседы, - отметил Ирлинг. – Я уже говорил, что мы оставляем на откуп местному дворянству политические игры в их землях. До тех пор, пока это не касается безопасности Княжества, разумеется. Политические игры в Фарке, на мой взгляд, не угрожают безопасности Княжества.
- На ваш взгляд как опытного политика или как второго лица государства, господин канцлер?
- Я не отделяю эти две свои ипостаси.
- Тогда я бы хотела услышать ваши комментарии к событиям, происходившим в городке Нирра, где работала княжна Фарка Эглина. По информации в местной прессе, вы лично участвовали в серии происшествий, которые привели к суду над бывшим главой местной канцелярии. И, впоследствии, к отъезду оттуда этой самой княжны. Потом княжна Эглина неожиданно для всех в окружении сторонников возникает на сейме, где выступает против своей сестры и приводит в шок все местное дворянство. С точки зрения опытного политика и второго лица в государстве, скажите, разве это не является вмешательством во внутренние дела Фарка?
- Вы пытаетесь связать не связанное, пани Ния, - пожал плечами Ирлинг. – Все объясняется просто: мои агенты доложили, что на пани Эглину готовится покушение. Эту информацию мы никак не могли оставить без внимания. Один из лучших боевых отрядов канцелярии был отправлен на расследование этого дела. И когда слухи подтвердились, я лично выехал в Нирру для контроля над операцией. Согласитесь, жизнь наследницы такого знатного рода, как Фаркские, может быть достаточным поводом для беспокойства. При попытке ареста преступник покончил с собой. В его доме были найдены свидетельства, уличающие местного главу канцелярии в действиях против интересов Княжества. Затем я приказал вывезти пани Эглину в безопасное место до окончания расследования. Обо всех остальных ее действиях я не имел ни малейшего понятия.
- Мне говорили, что в Княжестве очень редкое событие происходит без вашего внимания, - Ния перестала делать пометки и подняла глаза на канцлера.
- Интересно, сказано это было сторонниками или злопыхателями?

- Наблюдателями со стороны, - ответила Ния, и Ирлинг хмыкнул.
- Их наблюдательность оставляет желать лучшего, - сказал канцлер. – Я всего лишь эльф на высокой должности, со всеми плюсами и минусами этого положения. А никак не бог.
- Тем не менее, насколько я слышала, одним из тех, кто оказал существенную поддержку княжне Эглине, был некий Кирий Динский, занимающий высокую должность в вашей организации, - утвердительно сказала Ния.
- А также сын графа Динского, одного из влиятельнейших дворян Фарка, - парировал Ирлинг. – И, чтобы для вас не было откровением, именно его группа проводила операцию в Нирре. Должность его не так высока, как вам кажется, но он несколько раз был отмечен за отличную службу и имеет высокое канцелярское звание. Однако даю вам слово чести, что в событиях на фаркском сейме он участвовал по собственной инициативе, не имея по этому поводу никаких указаний.
- И вы так просто позволили человеку на службе заниматься делами, имеющими государственное значение, по личной инициативе? – Ния покачала головой. Она старалась не потеряться в словесном потоке, который обрушивал на нее Ирлинг, будучи уверенной, что канцлер делает это специально.
- Кирий Динский выполнял свой дворянский долг, - улыбнулся Ирлинг. – При этом он не причинил вреда ни Княжеству, ни канцелярии.
- Значит, мои читатели могут быть уверены, что ситуация на западе Княжества находится под контролем и деловым контактам ничего не угрожает? – спросила Ния
- Контроль – это не совсем верное слово, - улыбнулся Ирлинг, а Ния слегка скривила губы. – Я бы сказал, что ситуация для ведения купеческих дел там благоприятна.
- Благодарю вас, Ваша Светлость, - Ния встала и поклонилась. Ирлинг поднялся вслед за ней. – За интервью и за отвар.
- Обязательно прочитаю вашу статью, - Ирлинг проводил журналистку к двери. – Надеюсь на объективное отражение информации.
- О, не сомневайтесь, - улыбнулась Ния, - таковым оно и будет.

Она покинула кабинет канцлера. Тот вновь вернулся в свое кресло, вызвал к себе секретаря, уточнил, что на сегодня больше посетителей нет. Затем Ирлинг наметил список завтрашних дел, пересмотрел его. Встал, накинул камзол, вышел, передал список секретарю и приказал подать карету.

По пути домой Ирлинг размышлял о той информации, которую передал ему Великий князь. «Вполне логично с точки зрения мертволесских гильдий не желать освоения фаркских рудников. Еще более логично Империи рассорить нас с Мертволесьем – если уж там нашелся полоумный, который решил работать на Рамонд. А если Рамонд начинает пересматривать свое отношение к эльфам? Слишком много вопросов – нужно будет поручить Стефу заняться их проработкой. А если это внутренняя провокация? Сыграть так, чтобы одновременно задействовать и Империю, и Мертволесье изнутри – и не привлечь к себе внимание? Возможно ли? В своих размышлениях я совершенно упустил Лону. Может ли он стоять за этими интригами? Сомневаюсь, тем более что после вмешательства Неркана он должен был бы отступиться».

Ирлинг доехал до своего особняка на Дворянской, отпустил карету и вошел в дом. Дворецкий, встретивший его, был немного растерян. Канцлер насторожился.
- Что случилось?
- Ваша Светлость, в гостиной вас ожидает Его Высочество князь Беркликан, - ответил дворецкий. – Я не был предупрежден о его визите, поэтому мы не успели подготовить ужин. Сейчас…
- Давно он здесь?
- Примерно три четверти часа.
- Значит, бутылку «Пустынной горькой» вы ему уже подали, - Ирлинг передал камзол подошедшему слуге. – Подайте ко мне в кабинет бутылку выллльского «Скитальца» и к нему вяленого мяса. Ужин принесете туда же.

- Будет исполнено, Ваша Светлость, - поклонился дворецкий.

Ирлинг машинально поправил рубашку, выдохнул и направился в гостиную.

- Ушастый! – раскатистым басом приветствовал его Лону. – А я думал, ты в своей канцелярии ночевать останешься!

- Лону, что за нежданная радость тебя видеть! - Ирлинг улыбнулся, и они обнялись. – Какими судьбами?

- Да вот, заехал в Ластарт решить несколько вопросов по форме для войска, - сказал Лону и протянулся за стоящей на столе бутылкой, сделал глоток, фыркнул. – Ты не представляешь, как меня достали эти торгаши. Вот так бы и приложил бы им по морде, да приходится сидеть и слушать, какие у них «проблемы с сырьем». Так вот, о чем это я. А, да. Уже собирался отбывать к себе, да дай, думаю, зайду к старому другу, пока Нерк где-то болтается. Ты, надеюсь, не против?

- Нет, что ты, - ответил Ирлинг. – Всегда рад тебя видеть.

- Ну, вот и славно, - широко осклабился Лону. – Ну что, составишь мне компанию?

И он указал на початую бутылку «горькой».

- Может, поднимемся ко мне в кабинет? - предложил канцлер. – Я приказал подать туда ужин.

- Неплохая мыслишка, - одобрил Лону.

Воевода прихватил бутылку с собой, и они поднялись наверх. В углу кабинета уже стояло два широких кресла, небольшой круглый столик. Слуга отворил дверь перед ними, а через мгновение принес тарелку с мясом и бутылку красного крепленого вина.

Ирлинг и Лону поговорили о делах на границах, о гномах, завышающих цены на бросовый товар. Припомнили истории из совместных походов.

Слуги подали ужин. Во время беседы Ирлинг наблюдал за тем, как Лону пьянеет, и все ожидал подвоха. Их отношения за последние несколько лет охладели, и вряд ли князь приехал только для того, чтобы провести время в совместной беседе. Но Лону пил (уже виднелось дно второй бутыли) и рассуждал о всякой чепухе. В конце концов Ирлинг расслабился и тоже отвлекся от текущих дел.

Но в один момент Лону вдруг стал серьезен.

- Знаешь, Ирлинг, а ведь твой Лито скормил мне какую-то муть про то, что мои торгуют с Теринским, - посмотрел князь на канцлера совершенно трезвым взглядом. – Я все проверил и не нашел никаких следов.

- Была информация – мы ее тебе сказали, - произнес Ирлинг, пытаясь вернуть себе трезвость мыслей. – Может, Теринский пустил слух, чтобы нас запутать?

- Что-то крысеныш стал часто тебе дурачить, ушастый, - хмуро сказал Лону. – Или это ты пытаешься дурачить меня и Неркана? Или только меня?

- Лону, брось ты! - возмутился Ирлинг. – Зачем бы мне?

- Это ты брось, герцог! Ты меня прекрасно знаешь, и я тебя ничуть не хуже! Давай начистоту.

- Добро, - Ирлингу наконец удалось отогнать туман опьянения, мешающий думать. – Давай начистоту. Ты хотел утопить Фарк в крови и обкатать там своих воев. Я хотел решить дело миром и получить в итоге неплохие деньги. В итоге все оказалось гораздо сложнее и Неркан начал вести свою игру. Мы оба не у дел. Но я пытаюсь сейчас сгладить впечатления у него от нашего небольшого междусобойчика. Неркан далеко не дурак, ты это знаешь не хуже меня. И вполне может в один прекрасный момент подумать, что мы мешаем ему в реализации его грандиозных планов. А ты помнишь, опять же не хуже меня, что бывает с теми, кто мешает Неркану.

- Неркан не дурак, тут ты прав, - согласился Лону. – Но длимерн меня возьми, если я понимаю, какие планы он строит. И мне это не нравится, Ирлинг. Ой как мне это не нравится.

- Я тоже не все до конца улавливаю, - признался канцлер. – Но в данном случае я сам на рожон не полезу и тебе не советую. Все получилось как получилось – играли мы с тобой, а

обыграл нас он. Поэтому забудь о Фарке или, если хочешь помочь, то лучше все сделай так, как думает наш князь. Подыграй мне в этот раз, и в другой раз я сыграю на твоей стороне.
- Ты прав, - после недолгих размышлений сказал Лону. – Хоть мне это и не нравится. Хорошо, сделаем так, как будет угодно Неркану. Лишь бы он не ошибался. Только я словил тебя на слове, ушастый, слышишь? Я подыграю тебе, но об этом не забуду!

Они посидели еще минуту в тишине. Ирлинг допил остатки вина и задумчиво смотрел на луну, заглядывающую в неплотно зашторенное окно. Лону смотрел на горящий чародейский огонь. Затем, абсолютно пьяным и беспечным голосом, он громко сказал:
- Был рад с тобой посидеть, Ирлинг. Как-нибудь бери жену и приезжай ко мне в Берклику. Выпьем, поговорим, поохотимся.
- С удовольствием, Лону, - ответил Ирлинг. – Как только будет возможность.
- Вот и славно, старый друг. Тогда я пойду. Не провожай, дверь я сам найти сумею.

И он вышел из кабинета, горланя старую боевую песню берклийских всадников. А Ирлинг встал и нетвердым шагом отправился в спальню. «Кажется, в этой схватке каждый остался при своем - подумал он устало. – Но за Лону нужно присматривать. Руку дам себе на отсечение, не одобрит он планы Неркана на уменьшение роли дворянства».

Он вызвал слуг, чтобы те помогли ему раздеться, а затем рухнул на кровать и заснул без сновидений.

Фольварк Рейк, пригороды Улесья. Год 1476 от В.Н., 21 день осени.

- А еще вот этот момент! – сказала Мали, и Эглина закатила глаза. С самого своего прибытия в фольварк Адда буквально вгрызлась в местную библиотеку, зачитываясь приключенческими трактатами, знакомыми Эглине с детства. К моменту прибытия княжны она уже прочитала несколько, и теперь Эглине постоянно приходилось выслушивать, насколько менестрели незнакомы с описываемым. Особенно досталось очень любимому княжной в детстве «Дню Девы».
- Ну что еще, Мали? – Эглина тяжело вздохнула. Она сидела в кресле у камина в гостиной второго этажа, в длинном бордовом платье с открытыми плечами. По окнам стучал дождь. Ветки деревьев, тревожимые ветром, стучали по стеклу. Иртэя смотрела в окно, слушая разговоры подруг за спиной. Она сочувствовала Эглине, но в беседу не вмешивалась.
- Вот, послушай, - продолжала Мали, - «ее длинные волосы развевались на ветру, словно крылья гигантской птицы, и блестели золотом на солнце». Это когда она в битву свое войско ведет. Потом еще она рыцаря Боли зарубила.
- Ну и? – Эглина поднялась и подкинула полено в камин.
- Ну, волосы, Эгли, волосы! – Мали возмущенно постучала пальцем по книге. – Ты себе представляешь бой на мечах с распущенными волосами? И еще она две седмицы в походе – какое «развевались на ветру»? Скорее «висели как пакля»!
- А я тебе говорила, Эгли, - отвернулась от окна Иртэя. – Я говорила, что не надо ей разрешать залазить в библиотеку.
- Правильно, тебе-то что? – посмотрела на полуэльфку Мали. – Ты кроме «Сказаний о Морвиде» и протоколов дознания в жизни и не читала-то ничего.
- Читала, - в голосе Иртэи появились назидательные менторские нотки. Эглина про себя подумала, что в такие моменты она становится похожа на преподавательниц в академии. – Просто я не стараюсь в каждом трактате выискать несоответствия с реальностью. Особенно если это менестрельское чтиво.
- А зачем они пишут, если это никак не соответствует реальности? – Мали фыркнула. – Если же в это поверят, то это же обман?
- Они пишут, чтобы приучать читателя к понятиям «честь», «отвага» и «гордость», - ответила раздраженно Эглина. – Менестрели пишут о легендах, а легенды не должны умирать, они должны вдохновлять на подвиг. Если бы автор написал, что у Мираль волосы обвисли как пакля, в походе разыгрался понос, а сама она воняла, как сточная канава, то вряд ли бы это вдохновило хоть кого-нибудь.
- Зато было бы правдиво, - парировала Мали. – И показало бы, что «отвага» и «гордость» идут рядом с «вонью» и «кровью».
- Вот выйдешь в отставку и напишешь что-нибудь подобное, - Иртэя подошла сзади и дала Мали подзатыльник.
- Эй, полуостроухая! - Мали подскочила. – Я-то напишу, а ты до отставки с такими манерами можешь не дожить!
- Потише, чернявка, - беззлобно улыбнулась Иртэя. – А то запутаешься в юбках, сломаешь себе чего-нибудь.

Эглина рассмеялась. И Мали и Иртэя, по прибытии в Рейк получив доступ к местному гардеробу, выбрали себе длинные платья, «чтобы хоть когда походить, как пани». Иртэя была теперь в аквамариновом платье с глубоким декольте и длинными рукавами, а Мали – в черном, закрытом, с несколькими нижними юбками. Эглина попробовала объяснить, что это платья для балов и вечеров, но подруги отмахнулись от нее – до бала еще дожить надо, а носить такую красоту удается крайне редко.
- Кирий с момента приезда чернее тучи, - сменила тему Эглина. – Судя по тому, о чем мне говорят пан Талько и пани Ирия, все не так уж и плохо. А он все хмурый, не подойти.

- Песка ждет вестей из Ластарта, - пояснила Иртэя, усаживаясь в кресло напротив Эглины. Мали перевела взгляд с Иртэи на Эглину, поняла, что продолжения спора не будет, и с книжкой завалилась на диван у дальней стены.
- Так вроде все прошло удачно? – удивилась Эглина. – Или я опять чего-то не поняла?
- Все прошло удачно, это верно, - подтвердила Иртэя. – Но действовали мы не по приказу. Если не сказать вопреки. Великий князь отказался посетить бал в Рейке – а для Пески это плохой знак.
- Он прислал извинения.
- Извинения у официальных лиц могут быть очень разными, - подала голос с дивана Мали. – Можно написать «простите, у меня нету времени», а означать это будет «завтра к вам придут и засунут кол в задницу».
- Мали, чего ты такая злая? – поморщилась Эглина.
- Звяк уехал, вот и злится, - полушепотом сказала Иртэя и улыбнулась. – А еще завидует Нике, которая сейчас эльфа соблазняет.
- Я все слышу, Эйни!
- И что? – хмыкнула Иртэя. Мали сказала непристойность и снова принялась за чтение.
- Все может быть очень плохо? – спросила Эглина.
- Ну, ты же подписала нам патенты на дворянство, - уверенно сказала Иртэя. – Значит, в худшем случае нас обезглавят, а не повесят. И без показательной порки, что весьма обнадеживает.
- Ну и юмор у тебя, Ирти, - обиженно сказала Эглина. – Я ведь серьезно волнуюсь.
- А я серьезно не знаю, - развела руками полуэльфка. – Не переживай, милая. Все будет хорошо.
- Ты-то сама в это веришь?
- А я не беспокоюсь, - Иртэя пальцем легонько коснулась носа Эглины. – Не первый и не последний раз мы в такой ситуации. Песка умный, он все разрешит.

Эглина улыбнулась. Она бы очень удивилась, если бы узнала, что вот такие маленькие фамильярности давались Иртэе с большим трудом, хотя та старалась делать их естественно. За последние дни они очень сблизились, и княжна отмечала, что воспринимает все действия Иртэи как сами собой разумеющиеся, а в ее присутствии чувствует себя гораздо увереннее.
- Эй, заговорщицы, - снова подала голос Мали. – В этом доме вообще кормят? Я ужасно голодная.
- Странно, что ты не рассказала, как у тебя в брюхе урчит, - заметила Иртэя. – Вообще, запомнила бы уже, что ужин ближе к шести вечера.
- Еще полтора часа! – жалостливо сказала Мали. – А в брюхе действительно урчит. Эгли, будь хорошей графиней, попроси слуг принести какой-нибудь еды.
- Она полторы седмицы здесь, а уже без слуг обойтись не может! – возмутилась Иртэя. – Этак ты вообще расслабишься.
- А иди ты, - ответила Мали. – Я бы сама сходила на кухню. Но прошлый раз там такой хай подняли, что лучше уж пускай принесут.
- Хорошо, Мали, - Эглина улыбнулась. Три дня назад Мали пошла на кухню глубокой ночью, закутавшись в простыню. Служанка приняла ее за призрак и заголосила так, что всполошился весь дом. С тех пор Адда использовала этот случай как предлог, чтобы на кухню не заходить совсем. – Сейчас мы разберемся с твоим голодом.

Эглина дернула за звонок вызова слуги.

Тем временем Песка сидел в кабинете на первом этаже, где расположил «оперативный штаб». Вместе с ним за столом сидели мастер Айклин и пан Бойковский. Пани Ирия, после сейма переложив все бремя управления на плечи Эглины (то есть, на Песку), теперь с чувством выполненного долга отдыхала у себя в фольварке и обещала быть дня через три, когда восстановится от последних переживаний. Чуть поодаль от стола, в выемке между шкафом и печью сидела «секретарь собрания» Ника Рыжая, одетая

по полной канцелярской форме. Песка приказал ей вести протоколы заседаний – на тот случай, если ему потом придется отчитываться перед начальством о проделанной работе.
- Итак, панове, давайте подведем итог сложившейся ситуации, - сказал Песка. – Мы смогли отвести угрозу скорого официального завладения властью Теринским. Однако в условиях молчания Ластарта нам сейчас остается только держать верные нам силы в боевой готовности и готовиться к возможным ответным действиям нашего противника.
- Я согласен с вами, пан Динский, - кивнул Бойковский. – Мы не можем ничего предпринять, пока Ластарт не даст на то официальной санкции. Если я правильно понял, наши действия и так были очень смелой импровизацией.

Иниан опустил голову и хмыкнул. Песка на него неодобрительно посмотрел. Бойковский перехватил взгляд барона и повернулся к эльфу.
- Если пану эльфу есть что сказать, то пусть говорит, - сказал тысячник.
- Во-первых, прекратите называть меня паном эльфом, - сказал Айклин. – Или пан Иниан, или мастер Айклин. Постарайтесь запомнить, пан Бойковский, мое родовое имя не сложнее вашего. Во-вторых, вы ведете себя, как нашкодившие дети, панове. Не обижайтесь и не вспыхивайте, пожалуйста.
- Да кто обижается, - пожал плечами Кирий, упреждающе глядя на пана Талько. – Мы уже привыкли к вашим манерам, мастер.
- Кирий… ай, ладно, не важно, - махнул рукой Иниан. – Я остановился на вашем поведении. Если Ластарт не отвечает, то, вполне вероятно, они решили свести произошедшие здесь события к местным дворянским дрязгам. Тогда их ответа вы можете и не дождаться, а пока будете ждать, сдадите с таким трудом завоеванные позиции.
- А если сделаем что-то не так, можем навредить планам Великого князя, - не сдавался Бойковский. – У нас есть время, мы можем не предпринимать решительных действий. Мы не имеем права на ошибку.
- Самой большой ошибкой будет сейчас бездействие, - ответил Иниан. – Времени у нас меньше, чем вы думаете. Появлением Эглины на сейме мы выиграли плацдарм, нам надо его использовать…
- Совсем не понимаю, - перебил его Кирий. – Почему у нас мало времени? Свадьбу мы отложили – это раз. Против Теринского образовалась нормальная коалиция – это два. Судя по всему, на сейме нам удалось вбить клин между Альдой и Миланом – это три. Не скажу, что время работает на нас, но, по крайней мере, оно у нас есть.

Иниан покачал головой. Кирий вполне справедливо полагал, что если весь бунт замыслил Теринский, то они нанесли ему ощутимый удар и теперь могут взять паузу. Но сам Айклин, предполагая, что Теринский лишь верхушка айсберга, был уверен - промедление смерти подобно. И теперь ему надо было убедить в этом Песку и Бойковского.
- Не понимаю, Кирий, почему ты так не хочешь закрепить успех? - сказал эльф. – У нас даже без санкций Ластарта есть возможность заняться расследованием смерти матери Эглины. Мы можем провести работу с прессой. В конце концов, хотя бы начать изображать деятельность, если тебя так беспокоит реакция канцлера.
- Относительно смерти пани Иллы я согласен с эльфом, - сказал Бойковский. – В конце концов, вы обещали расследование, так зачем же все это откладывать?

Песка хотел что-то ответить, но в дверь постучали, и вошел пожилой дворецкий, Руфий. Биография его была несколько темная. Говорили, что он сбежал из легионов Империи, переметнулся на сторону Ластарта, служил под началом деда Эглины, а потом, выйдя в отставку, устроился у ее матери дворецким.
- Панове, прибыл пан Сайн, - поклонился Руфий.
- Пусть войдет, - кивнул Кирий.

Через минуту в кабинет вошел Звяк, оставляя на полу подошвами мокрые следы. Он окинул взглядом кабинет, улыбнулся Нике, кивнул Иниану и Бойковскому и пожал руку Песке. Выглядел Сайн растрепанным и возбужденным.

- Присаживайся, - сказал Кирий, - у нас тут как раз спор о дальнейших действиях. Мы с паном Талько думаем обождать, мастер Иниан предлагает действовать.
- Я согласен с паном Айклином, - сказал Звяк, придвигая стул к столу. – Все скверно, Кирий. И чем дальше, тем более скверно оно будет.
- Два на два, - заметил как бы про себя эльф
- Поясни.
- Если летом часть моих контактов в Фарке и Гиррде была еще доступна, то сейчас Фарк полностью очищен от организованного криминала. Не следует так улыбаться, пан Бойковский. Свято место пусто не бывает – скоро там пойдет редкостная резня. Но мы сейчас не об этом. Любые контакты с криминалом в Фарке, я имею в виду город, сейчас как на ладони, и договориться с ними там будет очень сложно. Все забились по норам и никому не верят. Остается Гиррд, там и скрываться проще, и стража старается в цеховые кварталы носа не совать без веской необходимости. Но это пока, и скоро мы можем лишиться контактов и там.
- Я не понимаю, пан Кирий, - возмущенно сказал Бойковский, - при всем уважении, зачем нам обращаться к жуликам и ворам. Контакты с ними плохо пахнут и не несут ничего, кроме обмана и бесчестия. Я очень не люблю Теринского, но его успехи на борьбе с этой язвой на теле Фарка я не могу не приветствовать.
- Кирий, я здесь бессилен, - скривился Сайн. – Объясни, пожалуйста, пану.
- Пан Бойковский, - Песка посмотрел на старого тысячника, – давайте отложим объяснения на потом. Постарайтесь поверить на слово, что работа пана Сайна необходима.
- Как скажете, барон, - недовольно проворчал Талько. – Но мне это не нравится.
- Так вот, - продолжил Звяк. – На Тихо Мерзкого – если помнишь, мы о нем говорили еще в Нирре – объявлена настоящая охота. По слухам, он в Гиррде, где именно – тут мне никто сейчас не скажет. Но есть другие слухи: что некие силы, близкие к новой власти, поддерживают Тима Крупного из новичков и прочат его в криминальные князи. По крайней мере, среди городских братьев ходит слух, что с людьми Тима лучше не связываться, а то заимеешь проблемы со стражей и канцелярией.
- Канцелярией? – переспросил Кирий.
- Ага, - подтвердил Звяк. – Это самое веселое. Так что, Песка, я согласен с Инианом. Действовать надо, не то мы здесь все упустим. Если Теринский и его дружки готовят бунт, нам надо иметь городских на нашей стороне, ты сам это понимаешь.
- Понимаю, - Кирий сжал губы. – Мне надо подумать.
- Да мы вроде здесь и собрались, чтобы вместе подумать, - заметил Иниан. Кирий недружелюбно посмотрел на эльфа. Тот пожал плечами и повернулся в сторону Ники. Та смущенно отвела глаза. Эльф улыбнулся.
- Еще я бы хотел напомнить тебе, Кирий, - снова заговорил эльф, - что у нас под боком ошивается некий неприятный тип по имени Клио, который заставляет местное дворянство – без обид, пан Талько – дрожать в ужасе. И чем скорее мы бы разобрались с этим раздражающим фактором, тем лучше.
- Так вызови его на дуэль, - хмыкнул Звяк. – Всего делов-то!
- Он вряд ли согласится, - печально сказал Иниан. – К тому же, я не дворянин, а это дает ему право послать меня на все четыре стороны.

В дверь снова постучали. На этот раз на пороге появился молодой слуга, помощник Руфия. Выглядел очень взволновано.
- Я надеюсь, вы принесли мне отвар? – спросил Звяк.
- Нет, пан… прошу простить, пан, - запинаясь, сказал юноша, – но там…
– Что там, молодой человек? – спросил Кирий.
- Там вас ожидают, пан Кирий, - подобрался слуга. – Панство. Пять панов и три пани. Говорят, что прибыли по приказу из Ластарта. Я их провел в большой зал.

- Ясно, - Кирий поднялся. – Собрание делает перерыв, панове. Я попрошу вас задержаться, пан Талько, если у вас нет никаких особых дел. Слуга проводит вас в гостиную. Мы встретимся после ужина.
- Хорошо, пан Кирий, - Талько поднялся, поклонился и вышел вслед за слугой.
- Звяк, Мали тебя заждалась, наверное, - Кирий повернулся к другу. – Она наверху, с Эглиной и Иртэей. Поднимись к ним.
- Понял, Кирий, - кивнул Звяк. Правильно, надо предупредить всех. Восемь человек – это много. Это может быть не к добру.
- Пойдем, - сказал Кирий Иниану, - посмотрим, что там за делегация.
- Пятерых панов я возьму на себя, - подмигнул эльф. – С паненками ты справишься?
- Надеюсь, что все не так критично, - вздохнул Кирий.

Они прошли в большой зал. Там действительно находилось восемь человек. Все были одеты в повседневную форму канцелярии, при оружии. Песка сразу отметил высокого худого бледного мужчину с острыми чертами лица, который стоял чуть впереди от остальной группы, и девушку явно с примесью эльфийской крови в вальяжно расстегнутом камзоле, на поясе которой висело два кинжала.
- Графканцлер Динский? – спросил высокий. На лычках у него были мястканцлерские значки.
- Да, - кивнул Песка, - а это пан Иниан Айклин, доверенное лицо княжны Эглины. С кем имеем честь беседовать?
- Мястканцлер Льох Перина, - ответил мужчина и приложил правую руку к груди в войсковом приветствии. – Специальный отряд канцелярии «Серые стрелы».
- Писарь Польный Дэйнэ Зиния, - шагнула вперед девушка с кинжалами на поясе, - Специальный отряд «Выллльские совы».
- Прибыли в ваше подчинение по приказу подканцлера Легийского, пан Динский, - продолжил Льох. – Также приказано передать вам это письмо.

Кирий принял из рук мястканцлера запечатанное письмо, сломал печать и прочитал:

Графканцлеру Кирию Динскому
Лично
Секретно

Пан Динский.
Поздравляю вас с блестяще проведенной операцией. Ваши действия могут служить примером грамотной инициативы и смелости. В связи с этим сообщаю вам, что приказ о награждении вас Орденом Огненного пера второй степени, а также об отметке каждого из членов специального отряда канцелярии «Алый клинок» наградными знаками «За отличную службу» находится на подписании у Его Величества, Великого князя Неркана Элендского.
Также сообщаю вам, что при проведении детального расследования открылись новые обстоятельства, затрагивающие вверенную вам операцию. На данный момент мы предполагаем следующее:

1. *События в Фарке могут являться либо следствием действий Мертволесской металлообрабатывающей гильдии, ставящей своей целью ухудшение экономического положения Княжества, либо провокацией со стороны Рамондской Империи для дестабилизации обстановки на территории Княжества и осложнения отношений между Княжеством и Мертволесьем. Мы предполагаем, что основным агентом их влияния на территории Фарка является граф Йатик Клесский, однако пока не можем выдвинуть против него официальные обвинения из-за отсутствия веских доказательств его виновности.*

2. *Вольными или невольными агентами этих интриг являются члены терийского фехтовального клуба «Гарда», они же ближайшие соратники Милана Теринского.*
3. *Вольным или невольным агентом этих злоумышленников стал княжканцлер Фарка граф Лиин Миковский, коий своими действиями препятствовал получению объективной информации о происходящих в Фарке событиях.*

В связи с этим, с целью выявления истинных причин фаркского кризиса, а также стабилизации обстановки и наказания виновных, приказываю:
1. Расследовать действия клуба «Гарда» и Йатика Клесского. Подтвердить или доказательно опровергнуть предположения об их связях с Мертволесьем и/или Империей. Всеми силами препятствовать дальнейшей дестабилизации ими обстановки в княжестве Фарк.
2. Установить степень вины графа Миковского и привлечь его в качестве обвиняемого или свидетеля для выполнения основной задачи.
3. Выявить и предать суду всех виновных в возникновении вышеназванного кризиса.
Рекомендую:

1. *По возможности довести до сведения графа Милана Теринского истинные цели его сподвижников, так как имеются основания полагать, что граф не осведомлен о них. Рассмотреть возможность вернуть лояльность графа Теринского Княжеству.*
2. *Ненасильственными методами привести на престол Фарка княжну Эглину, графиню Рейкскую. Обеспечить ей поддержку среди местного дворянства.*
3. *Расследовать истинные причины смерти княгини Иллы Фаркской, при необходимости наказать виновных.*

Сообщаю вам также, что вы назначены исполняющим обязанности управляющего канцелярией Фарка. Граф Миковский освобожден с должности управляющего приказом канцлера. В приложении к письму вы найдете соответствующие документы. Информацию об отстранении от должности доведите до сведения Миковского в любой момент, исходя из обстановки. Предоставляю вам полную свободу инициативы в действиях для достижения поставленных задач.

Слава Ластарту!

Подканцлер Великого княжества Ластартского,
Граф Лито Легийский

Снизу письмо было завизировано печатью канцлера Ирлинга. Кирий перечитал письмо, посмотрел на Иниана, хмыкнул и произнес:
- Ну что, пора действовать.

Корчма «Верный меч», Терия. Год 1476 От В.Н., 22 день осени.

Столица графства Теринка, Терия походила на старую деву, блюдущую строгость и чопорность, но в душе скорбящую об утраченной молодости. Почти столетие назад город пережил большой пожар, и с тех пор большинство зданий в нем были каменными, двух- и трехэтажными. Утреннее солнце скользило по их серым силуэтам. Теринка издревле славилась своими ремесленниками и оружейниками, но столица ее никогда не была центром производства или торговли. Дворянство огородило город от кузниц, гильдий, рыночных площадей, сделав его сосредоточием, как им казалось, величия и знатности. И в течение ста лет Терия тихо умирала в своей неприступности. Большую часть времени город напоминал призрак. Лишь к осени он немного оживал, когда местное дворянство наведывалась в городские особняки. Слуги знатных особ наводняли пригородные рынки, открывались корчмы и трактиры. А к зиме, когда знать разъезжалась обратно по фольваркам, город вновь впадал в летаргию.

Йатик Клесский тем не менее находил в таком состоянии города определенную пользу. Здесь очень легко было встречаться с нужными людьми и очень легко примечать за собой слежку. Клесский сидел на террасе корчмы «Верный меч», скользил глазами по фасаду нэриолианского собора, стоящего напротив корчмы. Стараясь отвлечься от собственных невеселых мыслей, он ловил взглядом мелкие трещинки и сколы, покрывшие старинное здание, вглядывался в затемнения, находя в них следы пожара столетней давности. А еще осматривал площадь в ожидании человека от Мертволесской металлообрабатывающей гильдии.

Йатик был первым и любимым ребенком в семье илинского графа и одного из богатейших людей Княжества Тарна Клесского. Будущее его было предрешено с момента рождения – он должен был унаследовать дело отца, одного из первых понявшего, что быть дворянином и быть дельцом не есть противоположности. Йатику доставались огромные деньги, мануфактуры и гильдии в Илине, Ластарте и Фарке (не говоря о филиалах во многих северных и средниземских королевствах). Он был записан в Ластартскую высшую академию уже в тот момент, когда только научился ходить. Ему завидовали, им восхищались, он был одним из самых желанных женихов Княжества.

А его это все неимоверно тяготило.

Йатик думал о себе как о личности необычной, возвышенной и творческой. Он считал, что даже среди близких ему людей только мама понимала его трепетную и ранимую душу. Что уж говорить о людях вне семьи, таких далеких, грубых и неотесанных. Чувство собственной исключительности и болезненное желание доказать ее остальным двигали младшим Клесским с самого детства. У Йатика были способности к дипломатии и предпринимательству, однако он решил, что его уделом будет рисование. Отец имел долгий разговор с сыном и заставил его отказаться от идеи поступления в художественное училище. Клесский подчинился, но затаил на отца злобу. Йатик завидовал своим сестрам, которые могли заниматься, чем хотели. Завидовал своему младшему брату и ненавидел его, ведь при его рождении умерла их мать. Мягкая, добрая женщина, она всегда одобряла действия старшего сына и души в нем ни чаяла. После ее смерти Йатик решил, что теперь он остался на свете один. Он не замечал беспокойства отца и сестер. Он стал еще более замкнутым и резким. Но стал проводить за работой больше времени, и Тарн решил, что сын наконец посвятил себя семейному делу. Он не мог догадаться, что тот близко сошелся с его давними конкурентами – Мертволесской металлообрабатывающей гильдией. Ариэн Ниэн, один из советников гильдии, убедил молодого Клесского, что во всех несчастьях его виноват отец. Йатик легко заглотил наживку – тем более что эльфы не требовали от него какой-то определенной информации. Ариэн терпеливо выслушивал все жалобы Йатика, участливо кивал, а затем говорил, что тому пора бросать все это дело. «Он не видит, каков ты на самом деле, Йатик, - говорил эльф. – Он хочет, чтобы ты был таким, как он». Вскоре они стали лучшими друзьями, а

потом и любовниками. Их связь была тайной, что еще более волновало молодого Клесского, и он сам не замечал, как делает все, чего хочет от него эльф. Он считал, что наконец становится самостоятельным, что вырабатывает собственное мнение. Он не понимал, что «его» мнение навязано ему Ариэном. И когда он сказал своему другу, что хочет сбежать от отца, тот предостерег его, говорил о трудностях и лишениях, хотя втайне радовался – план сработал.

Ариэн помогал Йатику деньгами – именно этот перевод позже смогли обнаружить в канцелярии. Он подсказал молодому графу, что нужно войти в контакт с Теринским и Циверским, именно в тот момент, когда те остро нуждались в единомышленниках, способных не только следовать за ними, но и участвовать в организации набирающего силу движения. Так появился клуб «Гарда» - антиэльфийское собрание, тайно созданное на эльфийские же деньги. И все это было таинственно, опасно и в высшей степени эстетично, что неимоверно захватывало впечатлительного Клесского.

И вот однажды в двери небольшого купленного Йатиком фольварка, расположившегося в некотором отдалении от Терии, постучал гонец от Ариэна. В послании эльф говорил, что крупно подставился с денежными переводами, что его арестовали стражи гильдии и что спасти его сейчас может только Йатик. Тот всего-то должен был выполнять – четко и без вопросов – указания, которые будут приходить от эльфов. Если все будет сделано правильно, через полгода, максимум через три сезона, Ариэна отпустят. Клесский помнил, как ему стало страшно. Но он не мог отказать тому, кому, как считал, он был обязан нынешней счастливой жизнью.

Первым указанием было усилить воздействие на Теринского и Циверского, дабы сделать отношения с Княжеством еще более натянутыми. Человек Гильдии объяснил Йатику, что Мертволесью будет выгодно отделение Фарка, и что он, Клесский, должен сделать все, чтобы это отделение стало реальной перспективой. Молодой граф понял, что его подбивают на государственную измену, но сделать уже ничего не мог. Когда он попытался возражать, ему сообщили, что при его неверных действиях Ариэн Ниэн будет казнен, а информация о действиях самого Клесского попадет в нужные руки – или в канцелярию, или его «антиэльфийским» друзьям. И тут Йатик понял, что он попал в ловушку, из которой выхода у него нет. Он был слишком слаб, чтобы сдаться властям или пойти на мировую с отцом, но недостаточно, чтобы покончить с собой.

Теперь Йатик сидел и ждал очередного задания. Лицо его с тонкими, почти женственными чертами осунулось – в последнее время он много пил. Рыжие кудрявые волосы трепал легкий ветер. Связника он увидел издалека. Тот неторопливой походкой дошел до корчмы, поднялся на второй этаж, вышел на террасу и сел напротив Клесского. Связник был невысок, плечист, одет в серый неприметный костюм. Борода его была аккуратно подстрижена. Он поглядел на Йатика, прищурившись, сквозь очки в тонкой позолоченной оправе.

- Доброго дня, молодой человек. Кажется, ветер нынче дует с юга.

- Северный ветер был бы свежее, ведь здесь далеко от моря, - выпалил Йатик слова отзыва скороговоркой. – Как там Ариэн?

- Держится, - сказал связной. – Достойно держится.

- Я хочу его видеть, - эту фразу Йатик повторял про себя все время ожидания. Он хотел, чтобы она звучала твердо – в конце концов, он так много делает для них, ради Ариэна, он должен знать, что тот в порядке.

- Сейчас это невозможно, - спокойно ответил его собеседник.

- Я имею право знать! – повысил голос Клесский. – Иначе…

- Иначе вы будете так орать, что оповестите хозяина корчмы о наших делах? – с издевкой спросил связной. – Не волнуйтесь, ему хорошо платят, чтобы он молчал обо всем. Вы хотели сказать, что прекратите на нас работать? Тогда Ариэн умрет, а вас лишат дворянства и повесят, все просто.

- Откуда мне знать, что он еще жив? – тихо сказал Йатик. Его трясло.

- С этого и начинайте, молодой человек, - назидательно сказал связной и усмехнулся. Потом достал из кармана и передал Клесскому записку. – Вот, это от него.

Йатик развернул письмо и прочитал:

«Милый друг!

Пишу тебе это письмо, сильно тяготясь нашей разлукой. Но в данный момент, как ты сам понимаешь, я не могу сам приехать к тебе. Потерпи еще немного, и скоро мы обязательно встретимся.

Твой Ариэн»

- Это его почерк! Он пишет, что мы скоро встретимся, - посмотрел на связника Йатик.

- Если будете вести себе правильно – непременно встретитесь. А теперь – вы готовы слушать меня? Или мы у вас есть еще какие-нибудь вопросы?

- Готов.

- Значит, слушайте внимательно, - связник наклонился чуть вперед. – В связи с последними событиями вы должны уговорить своих друзей на более активную подготовку восстания. Мирный переход власти становится все более и более эфемерным. В случае если Теринский будет упорствовать, руководство следует передать Циверскому. Нам он кажется очень решительным человеком. Естественно, все решения должны будете принимать коллегиально, посоветовавшись перед этим с нами.

- Вы хотите крови? – спросил Йатик. – Почему?

- Отделение Фарка пойдет на пользу всем, - отрезал связник. – Вы должны это понять. Вам – особенно. Вы думаете, если начнете праздную жизнь, от вас отстанут? А вот когда приказания будете отдавать вы, когда вы покажете себя человеком, с которым нужно считаться, тогда вы сможете делать то, что хотите.

- Я понимаю, - кивнул Йатик. – Вам нужны деньги, мне – свобода.

- Именно так, - согласился связник.

- Но неужели вы не понимаете, - возмущенно прошипел Клесский, - что Княжество раздавит нас, утопит в крови?! У нас нет никаких шансов против них!

- Я бы не был так категоричен, пан Клесский, - связник почесал переносицу. – Как только восстание наберет силу, мы сведем вас с нужными людьми и эльфами в Мертволесье, Ластарте, Илине и Берклике. Если вы сойдетесь в цене, а вы в ней сойдетесь, Неркан Элендский будет вынужден уступить. В конце концов, при необходимости, у нас есть контакты и на Севере, и в Империи. Вы не пропадете. Понимаете меня?

- Понимаю.

– Далее. Мы считаем, что наиболее опасной фигурой среди ваших политических конкурентов здесь, в Фарке, является Кирий Динский. Он должен сыграть в ящик, и как можно скорее.

- Динский – офицер канцелярии. Его убийц будут искать, как никаких других.

- Вот и прекрасно. И когда их найдут, они должны сказать, что их нанял Теринский. Это еще ближе подведет того к открытому противостоянию. В свою очередь, Ластарт тоже не сможет остаться в стороне, как бы они сейчас ни старались сделать вид, что ничего не происходит.

- Вы предлагаете мне подставить Милана? – тихо спросил Клесский. Он чувствовал, как все более и более погружается в пучину этого заговора и что шансов всплыть у него все меньше и меньше.

- Считайте, что так мы его подталкиваем к активным действиям.

- Что по поводу княжны?

- Эглины Фаркской? Она нас не интересует – не более чем марионетка. Когда Динского не станет, она перестанет представлять угрозу.

- Я понял, - кивнул Клесский.

- Деньги мы вам перечислим старым способом, - связник поднялся. – Для вашего дела их потребуется много. О следующей связи сообщим вам позже. Всего доброго, и берегите себя.

Связник ушел. Клесский посидел еще немного, допил пиво и тоже покинул корчму. Отвязал своего пса и направился к выезду из города. «Они считают, что поймали меня, - думал он. – Пускай. Для начала надо сделать так, чтобы Ариэн оказался на свободе. А потом мы посчитаемся. Ой как мы посчитаемся, мало не покажется». С этими мыслями он покинул город и направился к небольшому фольварку, выкупленному им под клуб «Гарда».

Сам фольварк был каменным и одноэтажным, но достаточно широким, чтобы вместить в себя комнату на сорок спальных мест, столовую и четыре кабинета для инструкторов-офицеров. Окружен он был высоким деревянным частоколом с вышками по углам и железными воротами. Раньше здесь располагался тренировочный гарнизон теринской гвардии, потом его купил один из ветеранов ластартского войска. Клесский выкупил фольварк в дополнение к своему новому дому у сына этого ветерана, промотавшего и так небольшое наследство и очень нуждавшегося в деньгах. Теперь здесь тренировались и делились опытом лучшие фехтовальщики графства и брали у них уроки те, кто стремился стать лучшим фехтовальщиком. Здесь же готовился костяк будущего восстания – его боевых офицеров. Многие из хорунжих и десятников теринской, фаркской и миковской гвардии бывали в клубе. В клубе могли состоять только дворяне мужского пола, уроженцы княжества Фарк. Единственное исключение было сделано для основателя клуба – Йатика Клесского.

На деревянных, обитых железом воротах красовался герб «Гарды» - рукоять меча с широкой фигурной гардой и девизом «Сверкать, как золото, защищать, словно сталь». Стражник у ворот поклонился Клесскому и отворил створки. Йатик кивнул и направил пса внутрь. До него доносился лязг стали о сталь и глухой свист стрелок – с недавних пор у клуба накопилось достаточно самострелов, чтобы организовать тренировочные стрельбы. Когда Йатик смотрел на дело рук своих, его переполняла гордость. Все это сделал он, он сам. Пускай даже его мотивы показались бы странными большинству членов клуба, но это был его клуб, и он заставил его работать. Он, выставив на первый план Теринского и Циверского, стал тем факелом, с которого пожар поднимется по всему Фарку.

Он передал пса слуге и вошел внутрь фольварка. Навстречу ему вышли несколько человек в тренировочной форме. Первым шел его любимец – длинноволосый голубоглазый блондин Каит. На секунду Йатик залюбовался его крепким телом и мышцами рук, потом быстро стал серьезен – негоже основателю клуба так смотреть на своих питомцев. Да и что сказал бы Ариэн?

- Приветствую, пан Клесский, - Каит поклонился, и остальные последовали его примеру.

- Здравствуй, Каит, - Йатик протянул ему руку. – Как твои успехи?

- Сегодня выиграл все поединки, - улыбнулся Каит. – Сейчас прибыли новички – буду проводить пробное занятие.

- Построже с ними, - кивнул Йатик. – Ты помнишь, нам не нужны размазни.

- Конечно, помню, пан Клесский, - быстро сказал Каит. – Вы можете на меня рассчитывать – три шкуры с них спущу.

- Вот и прекрасно, - улыбнулся Йатик. – Панове офицеры уже собрались?

- Да, пан Клесский. Ожидают вас.

- Тогда до скорого, Каит, - сказал Клесский. – Сегодня, если у меня будет минутка, постараюсь скрестить с тобой клинки.

- До скорого, пан, - улыбнулся Каит.

Йатик миновал столовую, где обедали несколько групп фехтовальщиков, прошел сквозь тренерскую и вошел в офицерскую комнату. За столом сидели купец Кир и Борин Циверский. Чуть дальше, на лавке у стены завалился на угол и дремал Коссит Анесский.

- Ну наконец-то, Йатик, - недовольно сказал Циверский, поднимаясь навстречу Клесскому. – Мы тебя уже пару часов ждем. Коссит вон уже заснуть успел.

- По делам был, в Терии, - ответил Йатик, пожимая руки Борину и кивнув Киру. – Пришлось задержаться.
- Время стоит денег, пан Клесский, - заметил Кир. – А сейчас оно воистину дорого.
- Случилось еще что-нибудь плохое? – спросил Йатик.
- Случилось, - послышался голос хоружего Анесского. – Одного несносного мальчишку не научили являться вовремя.
- Доброго утра, пан Анесский, - ответил Йатик. – А вы все не высыпаетесь.
- На том свете отосплюсь, - пробурчал Коссит. – И чем позже, тем лучше.

Он поднялся, потянулся, поправил мундир. Затем отер лоб платком и присел к столу. На его небритом лице, контрастировавшим с гладко выбритой головой, читалось раздражение.
- Раз уж мы наконец собрались, - начал говорить Борин Циверский, прерывая зарождающуюся перепалку, - давайте обсудим наше положение. Если позволите, я начну.
- Начинай, Борин, - кивнул Анесский. – Что слышно у будущего князя Фаркского?
- Будущий князь Фаркский прилагает все усилия, чтобы не остаться просто графом Теринским, - ответил Циверский. – Потому что после сейма его пока еще не благоверная, княгиня Фаркская, устраивает ему обструкцию. Милан терпеливейший человек, честное слово. Я бы ее уже убил.
- Или трахнул, - заметил Анесский. – И ему давно бы пора это сделать. Заделал бы ей ребенка, она бы никуда не делась.
- Все сложнее, чем ты думаешь, Коссит, - криво ухмыльнулся Борин. – Но не в этом суть. Пока у Милана хватает запала, и он вроде не пытается отклониться от выбранного нами курса. Но что-то его начинает подтачивать – я вижу. Но, я думаю, сил и решимости у него должно хватить.
- Очень надеюсь на это, - сказал Кир. – Мы делаем на графа Теринского большую ставку, и мы не должны проиграть.
- А почему мы должны проиграть? - сказал Йатик. – Даже в случае если Теринский откажется, он ведь не незаменим. Что есть у Милана, чего нет, например, у Борина?
- Титул и имя, - резко сказал Борин. – И хватит об этом. Пока Милан с нами и я даже думать не хочу о том, что может быть по-другому.

«А ведь хочешь, - подумал Йатик. – Это эльфы верно поняли. Значит, надо тихонько подыгрывать твоему самолюбию. И тогда ты сам в конце концов выдвинешь идею о замене Теринского. Если будет необходимо, конечно».
- В графствах сейчас неспокойно, - продолжал тем временем Циверский. – И мы стараемся поддерживать это беспокойство всеми силами. Через две трети сезона, максимум к середине зимы, мы будем готовы к полномасштабному бунту. И в случае если политически все решить не удастся – у лояльных Княжеству сил не будет шансов. Политическая ситуация пока неопределенная – рейкские и динские поутихли со времен сейма, видимо, празднуют победу. Газетенки их вновь заработали. Славят Великого князя, славят графиню Эглину, чтоб ее длимерны взяли. В остальном пока полный застой – пока Альда истерит, Милан ее успокаивает, Миковский разбирается со своими трудностями.
- Что за трудности? – спросил Йатик.
- В большей степени тут одна трудность, - поморщился Борин. – Миковский – благородный идиот. Он изображает из себя борца за справедливость и защитника благородных кровей. Он даже порядочную дезинформацию не смог состряпать своим шефам. Ну, те и переполошились после наших игр с блокадой. Вызвали его на ковер. Вроде все обошлось – он с подканцлером знаком давно. Но сейчас сидит, переживает.
- Не понимаю Теринского, - проворчал Коссит. – Давно пора было сказать все Лиину. Да - да, нет – нет. Тут бы и порешили.
- В общем, многие дворяне из баронов и панов согласны, что Фарку нужна крепкая рука, и как можно скорее, - подытожил Борин. – И это нам на руку.

- Это все хорошо, - сказал Йатик. – Но что с графствами? Многое будет зависеть от позиции графов и графинь. В конце концов, и от гвардейских командиров.
- Фарк, Теринка, Миков определенно за нас, Озерецкие выдерживают паузу, но им нужно предложить хорошие условия. Рейк в случае бунта отойдет Альяту или Ластарту – с этим мы должны смириться. Проблема с Динскими. Они неожиданно оказались по ту сторону наших баррикад. Скорее всего, их придется вырезать, здесь ничего не поделаешь. То же касается и старой ведьмы Картент. Троеграфье, когда увидит, что у нас сила, поддержит нас.
- Осторожнее с Картент, Борин, - предостерегающе сказал Анесский. – Арамель накрепко повязана с Ресментелем. Я дитенком еще был, а про нее уже слухи ходили, что с нечистой силой она знается. Да и отец мой в детстве это слышал. Дед рассказывал, что к ней сам князь и канцлер когда-то на поклон приезжали. Попомни мое слово, лучше от нее откупиться. В конце концов, что ей до мирских дел?
- Бредни это, Коссит, - ответил Борин. – Байки эльфийские. Но если ты настаиваешь, можем и откупиться. Будет необходимость – и с демонами сделки люди заключают.
- Богохульствуешь, - проворчал Коссит. – Не гневи богов, Циверский. По крайней мере, при мне.
- Ну, извини, - покачал головой Циверский. – Мысль мою ты уловил.
- Уловил, - кивнул Анесский. – И давайте я продолжу, мне скоро на службу возвращаться.
- Продолжай, - кивнул Йатик.

Анесский отвечал у заговорщиков за связи с войском. Многие офицеры были согласны за определенные привилегии перейти на их сторону. Городские гарнизоны, лишившись, в большинстве своем, стрелкового оружия, были не опасны.
- Вопрос с оружием остается открытым, - Анесский посмотрел на Кира. – Арсеналы мы можем захватить, но их не хватит для долгосрочной полномасштабной войны.
- Я все-таки надеюсь на политическое решение, - ухмыльнулся Кир.
- Мы все бы предпочли политическое решение, - соврал Йатик. – Но должны готовиться к худшему.
- Здесь я с вами согласен, пан Клесский, - сказал Кир. – Я прорабатываю вопрос поставок оружия из Рейнвилля и Империи – но это очень сложно. Мертволесье было бы ближе – но они вряд ли станут продавать оружие тем, кто выступает под лозунгами расовой ненависти.
- Эльфийское оружие, - поморщился Анесский. – Уж лучше воевать косами.
- Вам виднее, пан Анесский, - пожал плечами Кир и пригладил непослушную каштановую прядь волос. – Одно могу сказать точно – поставки при необходимости я обеспечу. Но пока есть надежда на мирное решение, я бы предпочел не светить мои каналы. Вскоре канцелярия может взять нас в оборот, и тогда все может окончиться, даже не начавшись. Нам всем следует быть очень осторожными.
- Правильная мысль, – согласился Клесский и поднялся. – Теперь, панове, выскажусь я. Начну с клуба. Число доверенных лиц растет. Сейчас у нас есть около сотни людей, преданных нам до конца. Точное число можно спросить у Каита. Удалось добиться того, что часть стрелкового оружия городских гарнизонов – правда, пока только местных – передали нам, значительно расширив наш арсенал. К срокам, названным Борином, мы сможем единолично выставить полтысячи верных людей на основные посты в нашем княжестве. Этого количества должно хватить для обеспечения выполнения задач на первых порах. Если предположить мирный вариант, то постепенно мы заменим всех неугодных нам людей по всему Фарку на наших выдвиженцев. Процесс будет более длительный – примерно полтора-два года. Но зато это уже наверняка.
- Отлично, Йатик, - одобрил его Борин. – Прекрасная работа.
- Спасибо, - улыбнулся Йатик. – Далее. Я провел переговоры с влиятельными людьми. Так вот, мне обещали, что нашему отделению окажут поддержку по всему Княжеству. А в случае военного конфликта мы сможем рассчитывать на помощь Рейнвилля и Империи.

Клесский ничего не сказал про Мертволесье, понимая, какие чувства это название может вызвать у собравшихся. «Ничего, если жизнь заставит, так и с демонами подружимся, как сказал Борин», - про себя думал он.
- Я бы предпочел не пользоваться помощью Империи, - сказал Циверский.
- Да, Император Сайдэн известен своей нетерпимостью к дворянству, - согласился Коссит. – Воспользуемся его помощью – и можем потом вмиг оказаться на плахе, когда сюда ступят легионы Рамонда.
- Я тоже рассматриваю вариант с Империей только в крайнем случае, - сказал Йатик. – Поверьте, панове, я понимаю, какие чувства вызывает у нашего дворянства имя проклятого Императора. И мы обратимся к тем средствам только в крайнем случае.
- Дай то боги, чтобы этот случай не наступил, - произнес Коссит, поднимаясь. – Мне пора на службу, панове. Благодарю за компанию.
- Я поеду с тобой, Коссит, - сказал Циверский, тоже вставая и надевая жилет, висевший на спинке стула. – Надо заехать к надежде и опоре нашей, графу Теринскому, узнать последние новости.
- Хорошо, - кивнул Анесский. – Панове, вы остаетесь?
- Да, - ответил Йатик. – Мне хочется размяться на тренировочной площадке.
- Я, пожалуй, поддержу пана Клесского, - сказал Кир. – Всего доброго, панове. До встречи.
- До встречи.
Кир и Йатик отправились в раздевалку, Коссит и Борин – к псарням.
- Не к добру это, Борин, - тихо сказал Анесский по дороге. – Я не знаю, с кем якшается наш Йатик, но мне это не нравится.
- Побойся богов, Коссит, - недовольно посмотрел на него Циверский. – Йатик организовал этот клуб, Йатик не жалеет себя ради нашего дела, хотя сам, в общем-то, не отсюда.
- Вот это-то и подозрительно, Борин, - Анесский сплюнул. – Бросить богатство и положение и отправиться на другую землю, чтобы, может, голову сложить?
- Все, оставь эти разговоры, Коссит, - предостерегающе сказал Борин. – Это бесчестно. Если у тебя есть к нему претензии – выскажи в лицо. Если есть доказательства его бесчестия – предоставь их. А оговаривать одного из нас за спиной я тебе не позволю.
- Как знаешь, Борин, как знаешь.
В это время в раздевалке Йатик сказал Киру:
- Коссит беспокоит меня. Его прямота и негибкость может помешать нашему делу.
- Пан Анесский – типичный вой, - пожал плечами Кир. – Их надо либо воспринимать такими, как есть, либо вообще к ним не подходить. Что касается дела – он нужен нам, пока мы предполагаем военное развитие конфликта. А потом – кто знает, что может случиться? Бунт – дело опасное.
- Это точно, - кивнул Йатик, и они улыбнулись друг другу. Сын дельца-дворянина и успешный купец, они понимали друг друга практически с полуслова. – Кстати об опасном деле…
- Слушаю, - Кир затягивал на броне перевязь. – Опасные дела обычно отличаются повышенной прибыльностью.
- Я не про эту категорию опасных дел, - усмехнулся Йатик. – Я про государственных служащих. Как ты думаешь, работа в канцелярии опасна?
- Решили сменить род занятий? – удивился Кир. – Или вы о знакомом?
- О знакомом. Пан Кирий Динский, приближенный к княжне Эглине.
- Слышал о нем, - кивнул Кир. – Судя по всему, его работа очень опасна.
- Вот и я так думаю, - Йатик подошел к оружейной стойке и придирчиво осмотрел клинки. – Он ведь перешел дорогу Милану Теринскому. Тот, должно быть, ужасно обижен. Может ли быть так, что настолько, что пошлет по следу Динского кого-нибудь?

- Милан Теринский? – переспросил купец. – Не знаю даже. Он с криминалом не якшается. Возможно, кто-нибудь из молодых и рьяных сторонников графа может оскорбиться за честь своего пана.
- Дуэль?
- Вряд ли. Здесь у Динского было бы преимущество. Он все же профессионал. Скорее я бы не удивился, если бы кто-нибудь из них подстерег его в одиноком переулке.
- Да, смерть сына такого знатного рода, да еще и офицера канцелярии была бы большой трагедией, - Клесский выбрал клинок и взмахнул им несколько раз, проверяя, как тот сидит в руке.
- Я не знаю, насколько это было бы выгодно Милану Теринскому, - Кир тоже подошел к оружейной стойке. – Это бы сильно усложнило его жизнь.
- Но, возможно, подтолкнуло бы к более решительным действиям, которых так ждет от него общественность? – как бы сам у себя спросил Йатик.
- Вероятно, - согласился купец. – Что ж, может, это было бы и к лучшему.

Йатик посмотрел в глаза Киру. Тот прищурился и кивнул. Потом они рассмеялись, взяли оружие и направились к тренировочной площадке.

Казармы городской стражи. Гиррд, графство Фарк. Год 1476 от В.Н., 23 день осени.

Тысячник городской стражи Гиррда Ольех повидал многое на своем веку. То, что будучи стражником в самом опасном городе княжества Фарк, он дожил до своих сорока и занимал пост главы городской стражи уже в течение трех лет, многие считали огромной удачей – в Гиррде быть стражником было чуть ли не опаснее, чем воем где-нибудь на беспокойных приграничных землях. Сам же Ольех видел причины своего успеха в том, что давно понял, чего следует и чего не следует опасаться в его работе и когда надо действовать, а когда можно и подождать. Опытные матерые криминальные «бароны» и «графы» были ему не страшны – все хотят жить, все хотят работать. А значит, с ними можно договориться. Опасными в этой среде были молодые «хищники», которые ищут место под солнцем. Живут они недолго, терять им нечего, договариваться с ними сложно. Наибольшую же опасность, по мнению Ольеха, представляла непредсказуемость действий канцелярии – этих проныр, привыкших совать свои носы в дела стражи, городского совета и кого бы то ни было, попадавшего в поле зрения их интересов.

Когда почти сезон назад в город прибыл «в усиление» мястканцлер Васий, этот небольшого роста желчный мужичок средних лет, Ольех понял – быть беде. И точно – через пару дней труп старого мястканцлера, пана Мирко, нашли в канавах у цеховых трущоб, а еще через день пришел указ от графканцлера – установить полную блокаду города и начать «вычистку преступных сообществ». Городской совет, в основном состоявший ранее из ставленников местного криминала, теперь бездействовал – каждый из советников, включая градоначальника, каждый день ожидал либо ареста, либо ножика в сердце от конкурентов. Ольех, как мог, тормозил усердие Васия. Тысячник не был дураком и видел, в каком направлении дует ветер. Во всем Фарке преступность выметали метлой, но только в столичном графстве метла мела в строго определенном направлении – убирая всех, кроме новоявленного «графа» Тима Крупного. «Мястканцлеры приезжают и уезжают, а нам еще здесь работать», - говорил он своему помощнику, убирая в стол очередной приказ. Ольех понимал, что в конце концов с таким положением дел перестанут мириться, но чень надеялся, что переходный период фактического безвластия в Фарке закончится, или же начнется что-то более серьезное, а от Гиррда наконец отстанут.

Однако сегодня дела начали принимать еще более чудной оборот. Ольех про себя поносил Великого князя, канцлера, княгиню и страшно богохульствовал. Ибо у него в кабинете кроме Васия теперь стоял еще один канцелярский – с «особым предписанием», как командир боевого подразделения. «Этого еще принесла нелегкая, - думал Ольех. – Одного нам было мало. Только этот-то, видно, из самого Ластарта, не иначе. Свои разборы будут здесь устраивать – а мне потом расхлебывай. Чтоб их длимерны взяли, Феломена побери!»

- Я не понимаю, пан Льох, - Васий смотрел на высокого мястканцлера. – Мы не запрашивали никакого подкрепления, а также помощи ни со стороны Рейка, ни со стороны Ластарта. Наша операция проходит весьма успешно, не правда ли, Ольех?

- Ваша правда, пан Васий, - кивнул Ольех. «Я со всем согласен, лишь бы только этот свалил куда подальше».

- Не сомневаюсь, пан Васий, что так и было, - отчеканил Перина. – Но ситуация резко изменилась. Тысячник Ольех, вы ведь здесь давно служите?

- Пятнадцать лет, пан мястканцлер, - сказал тысячник.

- Знаком ли вам такой человек, как Зар по прозвищу «Вестник»?

Ольех тяжело засопел. Зар Вестник шесть лет назад устроил в Гиррде настоящее побоище между мелкими и средними группами бандитов и даже убрал несколько крупных игроков. Вернее, его подозревали в этом, но Зару удалось выйти сухим из воды и скрыться до того, как стража смогла добраться до него. Ольех тогда вздохнул чуть ли не с облегчением, надеясь, что Зара убрали свои. Каждый раз, когда тысячнику докладывали,

что видели в городе кого-то похожего на Вестника, он отчаянно молил богов, чтобы его люди ошиблись. И вот теперь у него было очень нехорошее предчувствие.
- Да, сталкивался несколько лет назад, - кивнул тысячник.
- И вы, панове, наверняка слышали о такой серьезной организации, как Ластартская Артель? – Льох перевел взгляд на Васия.
- Еще бы не слышать, - хмыкнул тот и пояснил Ольеху, - крупнейшая криминальная группировка во всем Княжестве. Оружие, зелья и дурман-травы, торговля людьми, заказные убийства. Сложно назвать пункты статута по криминальным делам, по которым не засветилась Артель.
- Именно так, - подтвердил Льох. – Так вот, сообщаю вам, панове, что этот самый Зар Вестник с недавних пор подозревается в самых тесных связях с Артелью. Есть основания полагать, что он направляется в Гиррд, если уже не прибыл в город, для того чтобы предложить местным группам побороться за право сотрудничать с ними. Вы понимаете, что это может означать?
- Может, они в карты играть будут или в кости? - проворчал Ольех.
- Очень сомневаюсь, - скривился Льох. – В итоге может пролиться много крови. Наша задача – не допустить этого. Поэтому с сегодняшнего дня именем канцлера я принимаю на себя обязанности по руководству безопасностью в этом городе.
- Пан Льох, мне кажется, вы слишком много на себя берете, - возразил Васий. – На данный момент мы с паном Ольехом прекрасно справлялись. Я понимаю, приказ есть приказ, но не лучше ли доверить дело тем, кто знает обстановку?
- Обстановка изменилась, пан Васий, - Льох посмотрел на местного канцелярского сверху вниз, и тот, казалось, сжался. – И вы правильно сказали, приказ есть приказ. К тому же, я к каждому из вас приставлю своего человека. Предвидя возражения: есть сведения, что Артель весьма обеспокоена вашими успехами здесь и Вестник попытается устранить вас физически.
- По десятку стражников было бы надежнее, - подал голос Ольех.
- Не думаю, тысячник, - жестко сказал Льох. – У Артели длинные руки и толстые кошельки. Своим людям я доверяю полностью, а вот вашим – не очень. Одного мястканцлера здесь уже убили, и что-то убийцы пока не найдены.
- Мы уверены, что это люди из банды Тихо Мерзкого, - сказал Васий. – Мы уже сели им на хвост. Ваше вмешательство…
- Одобрено канцлером, - перебил его Льох. – Закончили препираться, панове. Пан Васий, если у вас есть возражения – в письменной форме и начальству. Пан Ольех – я прошу предоставить мне полную информацию обо всем происходящем в городе в письменном виде завтра к утру. Я к девяти жду здесь вас обоих – обсудим план мероприятий. Если будет что-то срочное – я со своими людьми снял корчму «Бобровая Хатка». До завтра, панове.

Они встали, тысячник поклонился, Васий пожал коллеге руку. Льох вышел и спустился ко входу в казармы. Там ожидали его люди.
- Перо, ты следишь за мястканцлером, Древ – за тысячником, - сказал он. – Глаз с них не спускать, в нужник, если понадобится, вместе ходить. Упустите что-нибудь – шкуру спущу.
- Поняли, пан мястканцлер, - кивнул Древ, коренастый, крепкий рыжий молодец с кучерявой шевелюрой.
- Не подведем, пан Перина, - вторил ему Перо, широкоплечий лысый мужчина.
- Вот и славно, - ухмыльнулся Льох. – Остальные – за мной.

В это время в кабинете у Ольеха Васий ходил из угла в угол, а сам тысячник, сидя за столом, стучал по подлокотнику пальцами.
- Принесло мерзавцев, - ворчал Васий. – Главное еще, как просишь местное снаряжение обновить, так «денег нет». А как вот такие приедут, так целую корчму сняли, да не поморщились.

- Это точно, - согласился Ольех. – Не было несчастий.
- Что за Вестник, о котором он говорил? - спросил Васий. – Опасный малый?
- Не то слово, пан. Шесть лет назад устроил тут такую заварушку, головы у местных послетали. А сам чистеньким вышел.
- Мне вот интересно, как он сейчас через ваши посты прошел? – Васий посмотрел на тысячника.
- Наши посты, пан мястканцлер, - тысячник недружелюбно окинул взглядом канцелярского. – Люди мои, это да. Но вы туда их подбирали и расставляли. Так что давайте не будем валить вину друг на друга. И неизвестно, прошел ли он их.
- Точно! - ткнул себя по лбу Васий. – Данных-то нет. Надо срочно разослать вести по постам! На Цеховой отправить людей! Портреты, может, его остались?
- Поищу, - встал из-за стола Ольех. «И ведь я тоже раньше не додумался, голова садовая», обругал он себя.

В дверь постучали.
- Войдите, - откликнулся тысячник.

В кабинет вошли Перо и Древ.
- По приказу мястканцлера Перины, панове, мы будем вас охранять, - сообщил Древ.
- Прекрасно, - не скрывая сарказма, сказал Васий. – Панове, будьте добры, охраняйте нас за дверью.

Писари переглянулись.
- Не велено, - сказал Древ.
- Вы действительно думаете, что ваш это самый Вестник проберется сюда через окна? Или, может, он сейчас сидит в шкафу? – Васий подошел и демонстративно открыл шкаф, показывая, что там никого нет. Вся эта ситуация его очень злила.
- Не велено, - повторил Древ.
- Оставьте их, пан мястканцлер, - сказал Ольех. – У ребят приказ, ничего они с этим не поделают. Да и мы тоже.
- Пусть будет так, - проворчал Васий. – Но я буду жаловаться.

В это время Льох Перина в компании своих людей, Мира Тетивы и Динко Упрямого, проходил по узким улочкам Гиррда в сторону центральной площади. Оба его спутника были высокими, подтянутыми, чисто выбритыми и стрижеными наголо. На канцелярских то и дело обращали внимание прохожие. Законников в Гиррде никто не любил. Так уж повелось в этих местах, что никто не ожидал от власти ничего хорошего.

Пару десятков лет назад Гиррд, что называется, обрел второе рождение. Занимая выгодное положение по пути основных торговых путей, он стал не просто перевалочной базой для купцов – здесь стало выгодно развивать собственную обрабатывающую отрасль. Открывались цеха и мелкие кузнечные лавки. В город потекли деньги. А за деньгами пришел и криминал. Пока он не касался государственных интересов, все оставили на откуп местной стражи и градоправителя. После, когда местные банды обнаглели и стали лезть на княжеские цеха, канцелярия взялась за них всерьез. И все равно уровень активности преступников здесь был сравним с уровнем активности дельцов и купцов. Именно в Гиррде находился самый большой в Княжестве «криминальный квартал».

Наверно, в каждом городе можно найти район, в котором лучше не появляться ночью, а иногда и днем. В Ластарте это был район Дальней Стены, размером с три квартала, в Фарке – Заводь, занимавшая территорию размером со среднее село. В Гиррде криминальным районом были рабочие кварталы, и занимали они две трети города, ибо за центральной площадью и купеческим районом территория стражи заканчивалась. В рабочих кварталах пришлого отличали по одежде, по манере держаться и по говору. От всего этого зависело, останется ли этот пришлый при кошельке и доживет ли вообще до следующего рассвета.

Город был построен так, что большинство выходов из него было в купеческих кварталах, где стража могла более или менее контролировать, кто и что в него въезжает. Единственным выездом из рабочих кварталов был Цеховой проезд, на котором даже после указа княгини Альды, запрещающего городской страже в мирное время носить стрелковое оружие, дежурили военные патрули с воинскими и малыми самострелами.

Бобровая Хатка находилась на краю дворянского квартала у южного выхода с центральной площади, рядом с рекой Гирой, служившей естественной границей между купеческим и рабочими районами. На мостах через реку дежурили стражники. То и дело эхом по каменным переулкам разносились брань и крики. Льох вышел на центральную площадь – небольшую, с двухэтажной ратушей и несколькими купеческими особняками, возвышавшимися над ней.

- Эй, Тетива, - хмыкнул Льох. – Хотел бы жить в таком домике?

- Ой, скажите тоже, пан Перина, - заливисто откликнулся Мир. – Мне бы какую лачугу, да чтоб соседи не завидовали да носа в мои дела не казали.

- Это он сейчас так отговаривается, - подначил товарища Динко. – А коль бы окрутил купеческую дочку, так глядишь – не жаловался на размер дома.

- Упрямый ты, вот как всегда, токмо о бабах и думаешь, - недовольно сказал Тетива. - Ты бы хоть раз вот задумался, каково этим купчишкам – если самого на дороге не грабанут, так запросто сынка или дочку сопрут из домика да денег будут просить. И хорошо, если потом вернут целыми.

- Ой, разжалелся, - покачал головой Упрямый. – Ты трущобы местные видел? Да я бы сам, коль в таких жил, какого богатея бы по голове – да и кошелек в карман.

- А потом мы бы тебе веревочку вокруг шеи да подвесили бы на солнышке, - посмотрел на подчинненого Льох.

- Ты, командир, зря так, - сказал серьезно Динко. – Еще неизвестно, кого из них надо вешать – воришек, что с голодухи пухнут, или купцов энтих, которые на воровских делах золота сделали да купаются в нем теперь.

- Вешать тех надо, кто статуты нарушает, Динко, - сказал Тетива.

- Верно Тетива говорит, - согласился Льох.

- Верно-то верно, - проворчал Упрямый. – Но статуты-то богатеи тоже пишут. И себя не обижают.

- Вот сколько тебя знаю, Динко, все дивлюсь, - сказал Перина. – Ты вродь и служишь верно, и действуешь правильно, и приказы выполняешь хорошо. А как скажешь иногда что-нибудь – так хоть стой, хоть падай.

- Я, командир, служу потому, что мир стараюсь лучше сделать, - ответил Упрямый. – А наши статуты, несмотря на то, что богатеи их пишут, по справедливости написаны. Это я усвоил. Хотя многие не понимают этого или не помнят. Вот и служу, чтобы разъяснять и напоминать.

- Уж шибко ты мудришь, Упрямый, - сказал Тетива. – Сказал бы, что в мундире ты девкам нравишься, я бы поверил. А вот наговорил, наговорил – как будто певун какой-то.

- Да ну тебя, - отмахнулся Динко. – Что ты понимаешь? Хотя девкам мундир нравится – это верно сказано.

Льох рассмеялся. Мир улыбнулся и похлопал товарища по плечу. Упрямый тоже заулыбался. За разговором они подошли к корчме. Бобровая хатка была одним из немногих деревянных строений города, двухэтажная, с небольшой надстройкой на крыше – комнатой хозяина. Коричнево-белая с широкими окнами, корчма в этом сезоне обычно была переполнена гостями города – находясь на краю купеческого района, она была не очень дорогой, но в тоже время еще находилась на охраняемой стражей территории, что делало ее отличным местом для остановки во время деловых визитов. Льох точно не знал, сколько было потрачено денег, чтобы арендовать эту корчму до конца сезона, и был уверен, что лучше ему этого не знать.

Однако мястканцлер Васий был неправ, сетуя на расточительность канцелярии. Ни местная, ни центральная канцелярия не потратила на аренду корчмы ни копейки. Кирий Динский, решив, что таким образом он создаст для операции в Гиррде лучшую базу, вспомнил о том, что он барон, имеет в своем распоряжении фольварк и немалые деньги на счетах, и оплатил всю аренду из кармана своего семейства. Песка, конечно, надеялся, что эти вложения ему вернутся из бюджета канцелярии, но не особо на это рассчитывал. «В конце концов, я согласен пожертвовать за Княжество жизнь, так почему бы не пожертвовать деньги», - хмыкнул он, когда они обсуждали план операции. Кроме всего прочего, этим вложением Песка надеялся вызвать реакцию у Васия или Ольеха. Он считал, что один из этих двоих точно осуществляет коммуникацию между бандой Тима Крупного и его покровителем из канцелярии.

- А почему сам мястканцлер не может быть этим покровителем? – спросил его Льох.

- Слишком мелкая сошка, - ответил Кирий. – Если это он – то он очень умелый интриган, а я почему-то в этом сомневаюсь. Корни здесь растут или из Фарка, или из Миковки. Ну, на худой конец, из Терии.

Песка полагал, что такие траты на операцию покажут всю ее серьезность и вызовут у Васия или Ольеха (или, может, даже у обоих) беспокойство и они попытаются связаться со своим покровителем. Льох предложил учредить за ними слежку. Потом, уже вдвоем они дошли до идеи «охраны», которая будет нервировать объекты еще больше.

- Это мы с тобой, Перина, здорово придумали, - улыбнулся Песка тогда.

Канцелярские вошли в корчму. Две служки, которых наняли за очень хорошие деньги на условии того, что они не будут покидать корчму без разрешения и будут беспрекословно выполнять все указания Льоха, поклонились.

- Панове желают что-нибудь? - сказала невысокая полненькая молодая девушка. Тетива посмотрел на нее и похабно улыбнулся. Девочка залилась краской. Вторая служка – постарше, куда стройнее и выше, мыла пол в дальнем углу.

- Подайте ужин на двоих через час в общую залу, и еще двойную порцию в верхние покои, - распорядился Льох. – Тетива, ты помнишь, что девочек можно трогать только с их согласия?

Мир кивнул, а девочка опустила глаза и скрылась на кухне.

- А еще он говорит, что это я о девках думаю, - проворчал Упрямый.

- Так, бойцы, - сказал Льох. – До ужина у дверей дежурит Динко, после – Тетива. Ко мне никого не пускать. Смотрите в оба.

И он ушел наверх.

- Пойду-ка я вздремну, - потянулся Тетива. – Хоть высплюсь перед ночью.

- Давай-давай, лентяй, - ткнул его кулаком в плечо Динко. – Смотри только девку с собой не утащи – а то я тебя знаю.

А Перина в это время дошел до комнаты хозяина, достал из кармана ключ и открыл широкие двойные двери. Помещение было просторным, восьмиугольным и очень светлым. По стенам расположились несколько шкафов, недалеко от дверей стояла кровать, а напротив нее у дальней стены – стол и мягкое кресло. В кресле сидел, затягиваясь трубкой, Сайн из Леснерта, одетый в щегольский красный камзол, расшитый золотом, красные же брюки и остроносые сапоги. На столе лежала шляпа с высоко поднятыми краями.

- Так вот ты какой, Зар Вестник, - произнес Льох, оценивающе осмотрев коллегу. – Не слишком ли ты стараешься выделяться?

- Приходится соответствовать своей славе, - сказал Сайн, поднимаясь навстречу Перине. – Видишь, даже эту гадость курю.

Зар Вестник прибыл в Гиррд сегодня утром. Льох Перина знал об этом совершенно точно потому, что вышеназванный бандит приехал вместе с ним в одном экипаже, который, естественно, никто не стал досматривать с пристрастием. Шесть лет назад Сайн из Леснерта стал известен в Гиррде как Зар Вестник, выполняя задание канцелярии под

прикрытием. Прибыв в город теперь, он первым делом добрался до своего тайника – расположенного как раз в корчме «Бобровая Хатка», где преобразился из канцелярского писаря в известного преступника. Потом через подземный ход, ведущий из Хатки в цеховой район, Зар Вестник отправился на встречу со своим старым товарищем – Янкой Котом, который за последнее время остался одним из немногих живых и независимых криминальных баронов Гиррда.

- Слава славой, Звяк, но ты серьезно уж очень выделяешься, - недовольно сказал Льох, усаживаясь на кровать. Он достал трубку, забил в нее травы. – Огонь будет?

- А то как же, - Сайн распалил огнивку, и Льох раскурил трубку. – А чего мне, собственно, опасаться? За рекой стражи нет, да даже если б была – предъявить им мне нечего.

- Кроме ношения холодного и стрелкового оружия.

- Стрелковое я с собой не брал. А холодное в заводских районах носят даже дети. И, поверь мне, я сумею скинуть перышко в нужный момент. В моем случае важна наглость. Немногие из тех, кто помнил Вестника, остались в живых. Но многие о нем слышали. Мне тогда было нужно, чтобы меня заметили, и я сделал образ Вестника запоминающимся. Мне самому такой наряд поперек горла. Но Кот наверняка что-то заподозрил бы, приди я в чем-нибудь сером и неприметном.

- Глупо, Звяк, - не согласился Перина. – Я навел шороху в казармах. Сейчас тебя будут искать.

- Пускай ищут, - махнул рукой Сайн. – Расскажи, как все прошло.

Перина пересказал утреннюю беседу с мястканцлером и тысячником. Сайн сидел, задумчиво затягиваясь.

- Как тебе показалось, кто больше нервничал? – спросил он.

- Оба, - ответил Льох. – Но здесь вопрос в том, как и почему. Тысячник тебя очень не любит, Васий может бояться за свою жизнь – это естественно. Посмотрим, что будет дальше. А у тебя как прошло?

- Как я и рассчитывал, - хмыкнул Сайн. – Ребята Кота меня признали, благо с одним из них я встречался, когда был здесь прошлый раз. Завтра я встречусь с самим Котом в «Метле», есть такая рыгаловка ближе к цехам. Я думаю, сегодня к вечеру о моем прибытии станет известно и Тихо, и представителям Тима.

- А почему не самому Тиму?

- Тим сидит в Фарке, видимо, рядом со своим покровителем. Сюда прислал бойцов. Надо сказать, ребята серьезные. Они бы и без поддержки со стороны закона многое смогли. Или у ребят Кота глаза от страха велики.

- Думаешь, Кот скажет точнее?

- Скажет, - кивнул Сайн. – Я думаю, что смогу убедить Кота поработать на меня. Ему польстит работа с Артелью.

- Не заигрывайся, Звяк, - предупредил его Льох. – Что будет, если кто-нибудь из Артели скажет, что не знает Зара Вестника?

- А кто тебе сказал, что там не знают Зара Вестника? – Сайн посмотрел в глаза Льоху.

Идея о том, чтобы использовать связь Вестника и Артели родилась у Сайна по мере обсуждения плана с Периной и Пеской. Песка схватился за эту идею, Льоху же она казалась сомнительной. Перина слышал о том, что у Артели есть связи с канцелярией. Но он не мог знать, что вся Артель была целиком и полностью проектом подканцлера Лито Легийского, а одним из исполнителей в создании этого криминального сообщества был именно Зар Вестник. Его хорошо знали в Артели, и ни один из трех ее боссов не стал бы открещиваться от операций Звяка – он когда-то был их связующим звеном с канцелярией.

- Поверь, Перина, здесь все схвачено, - Звяк встал и вытряхнул трубку в пепельницу на столе. – А думать надо вот над чем – как вытянуть Тима сюда и как сделать так, чтобы он сдал нам своего покровителя?

- Или сделать так, чтобы покровитель сдал нам Тима, - сказал Льох, отогнав от себя мысли о сказанном Звяком. – Тогда мы установим их связь. Дальше будет уже легче.

- Верно, - кивнул Сайн. – Ладно, мне пора.
- Ты не поужинаешь? – спросил Льох. – Я заказал девочкам ужин на двоих.
- А чего бы и не поесть? - Звяк снова сел в кресло. – В конце концов, тут наверняка кормят лучше, чем в Метле.

Корчма «Лесной куток». Вольный Яр, графство Рейк. Год 1476 от В.Н., 24 день осени.

- Так вся эта бодяга с блокадой была из-за вас? – Дэйнэ Зиния по прозвищу Коготь удивленно посмотрела на собеседницу. – А мы тут с ног сбились, пытаясь узнать, что ж это Его Сиятельству Теринскому в голову-то стукнуло!
- То и стукнуло, - сказала Мали. – Да и мы ждали не пойми чего и долго. Вот и пришлось героически преодолевать трудности.
- Да, представляю, как эту девку мытную проняло, - засмеялась Коготь. – Лезешь, ты значит, к трупу в штаны – а тут он встает и на тебя зыркает. Я бы после этого не то что к трупу, я б к живому в штаны лезть остереглась.
- Да вообще мерзость, - скривилась Мали. – Это к покойнику… Фу!
- Ладно, а как вы в город-то пробрались? Там ведь заставы по всем воротам стояли. Нас даже с грамотами от местной канцелярии до утра не пускали, а вы, видать, ночью заехали, раз такого шороху успели навести.
- Ну, может, потому вас и не пускали, что с грамотами от местной канцелярии, - покачала головой Мали. – А как пробрались – отдельная история. Значит, сидим мы в этой башне, Песка возвращается, отзывает к себе эльфа, потом Эглину и уходит. Эльф вернулся, ну и говорит, дескать, если слышим шум, мы с ним вырываемся, режем стражу и наверх, Песку выручать. Я аж присела от такого, мы ж без оружия остались. Но делать-то нечего – надо, так надо. Приготовились, значит. И тут Песка с другом своим, начальником заставы, спускается. Эглина за ними. Видно, что все нервничают. Песка подошел, говорит, что сейчас он, друг его, Эглина и Иртэя едут в город, прорываться будут, а мы все следим, чтобы никто из башни не выходил до полудня завтрашнего – а потом сами в город, к залу сейма. И уехали они. Мы ночь глаз не смыкали, но все спокойно прошло, а днем завтра поехали уже к ним.
- А они как проехали? - нетерпеливо спросила Коготь, немного раздраженная тем, что Мали сразу не рассказала самую интересную часть.
- Вот торопыга! Я ж рассказываю! Со слов Пески: подъехали они к заставе – а там не пущают никого. Друг Пески подозвал десятника дежурного и говорит, что, дескать, братан приехал, служили вместе. Вот девочек сняли в селе, как люди выпить хотим да погулять, пусти, братуха. Тот помялся, помялся, Песка сунул ему два золотых, тот и сказал, что по неотложному делу ребята едут – ну и пустили их. А там – сначала поехали к отцу Пески, потом к Рейкским. Потом Иртэя и Песка разбудили сеймканцлера и с ним долго беседовали, пока не согласился сделать по-ихнему. Ну, остальное в газетах писали.
- Ваш Песка, конечно, голова, - протянула Коготь. – Да и красавец писаный просто. Я бы его окольцевала.
- В точности мысли большей части девочек, которые первый раз видят Кирия, - хмыкнула Мали.
- Ой, да ладно, ты-то сама, небось, так думала! – недоверчиво посмотрела на нее Дэйнэ.
- Не-а, - возразила Мали. – Я в канцелярию за Сайном пришла. Поэтому с Пеской у меня чисто дружеские и деловые отношения.
- Ну-ну. Чего ж твой Сайн на тебе не женился до сих пор?
- А зачем? – просто спросила Мали. – Я со своего села сбежала не для того, чтобы замуж выскочить сразу. Это и там можно было сделать. Пока ни кола, ни двора нет – так чего жениться-то было? А вот уже дворянство получили, скоро фольварк, глядишь, заработаем. А там и свадьбу сыграть можно.
- Странно это как-то, - неодобрительно сказала Дэйнэ. – Ложится в кровать с мужиком без венца.
- Ой, сама ты, скажешь, еще девка? – хмыкнула Мали. Коготь покраснела и отвернулась. – Что? Серьезно? Ни разу?
- Не ваше дело, пани Адда, - смутилась Дэйнэ.

- Ох, грешница Мали задела девичью честь! – засмеялась Мали, но посмотрев на Коготь, быстро сказала: - Ладно, молчу, молчу! Все, не серчай, подруга.
- Забыли, - пробурчала Дэйнэ.

Некоторое время они сидели молча. Мали откинулась на кровать и смотрела в потолок. Коготь выглядывала в окно.
- Давай лучше проговорим еще раз, что нам известно об объекте, - предложила Мали.
- Клио Лимицский, барон, хозяин фольварка Лимица, номинально вассал графов Рейкских, реально подчиняется приказам Теринского. Первоклассный фехтовальщик, задира, дуэлист. Отпетый расист – не выносит даже полукровок и квартеронов. Из подвластных себе земель выдворил почитай всех эльфов и гномов около года назад. Считается первым мечом графства. Задел в той или иной степени почти всех дворян Рейка, но за свою жизнь, видимо, не опасается, или, вернее, относится к ней наплевательски. Вообще, я не понимаю, почему мы его просто не прирежем?
- Потому что Песка не хочет ссориться с дворянством, а убийство из-за угла будет бесчестно и из ряда вон выходяще, - последние слова Мали произнесла, подражая голосу Кирия.
- Этот Клио задел столько человек, что вообще удивительно, что он еще жив, – проворчала Коготь. – Почему бы не вызвать его на дуэль?
- Песка не уверен в своих силах, я думаю так, - сказала Мали. – И не хочет рисковать своей шкурой. Ну, в смысле, операцией.
- А почему бы тебе не вызвать его на дуэль, ты-то теперь дворянка? – спросила Коготь.
- А, длимерн его знает, - пожала плечами Мали. – Что-то там есть в этом самом дуэльном кодексе. Не вникала я еще. Вообще, я считала, что быть дворянкой проще, а тут столько предписаний, столько всего знать надо – ужас.

На самом деле Мали соврала. Кирий перед их отъездом дал ей четкие указания, в том числе и по поводу дуэли. В дуэли с Клио была обратная сторона дворянской спеси – ведь проиграй Клио Мали, пошел бы слух, что рейкские дворяне настолько никчемны, что им пришлось приглашать заезжую убийцу и даже принять ее в свои ряды, только чтобы избавиться от неугодного. Песка оставлял в плане место для дуэли, но исходил из того, что это будет крайний вариант.
- Ладно, с этим разобрались, хоть и не до конца, - сказала Коготь. – Продолжаем дальше про Клио. Семьи у него нет. Пока я даже не представляю, как к нему подобраться.
- Учитывая, что местный глава стражи – его лучший друг, мы его даже на нарушении порядка в городе не можем прихватить. Только если самим организовать беспорядки. А такого нам Песка не велел без особой нужды.
- Вот и ходим по кругу.

Два дня назад Мали и выделенные ей в помощь Выллльские Совы прибыли в Вольный Яр, где, как они узнали, находился сейчас Клио Лимицский. Сняв одну комнату на четверых в корчме на две седмицы, они учредили слежку за бароном. Сейчас дневную смену несли младшие из Сов – Филин и Сычик. Вечером их должна была сменить Мали, а следующим утром – Коготь.
- Вообще, стоило бы его перехватить по дороге в фольварк, прирезать и закопать под деревцем, - размышляла Коготь. – Лесных по дорогам хватает.
- Да, я Песке предлагала, - отозвалась Мали. – Он сказал, что после этого Теринский пригонит сюда гвардию и будет шерстить местные леса, а заодно и всех, кто попадется под руку.
- Об этом я как-то не подумала, - признала Коготь. – Видишь, как сказывается отсутствие опыта.
- Опыт – дело наживное, - сказала Мали. – Песка, небось, тоже не сразу таким стал, как сейчас. Были у нас разные случаи.

Коготь вздохнула. Она стала главой Сов аккурат перед отправкой в Фарк. Предыдущий глава, мястканцлер Руса, погиб на задании, в засаде лесных братьев. Задание

было успешно выполнено благодаря смелым действиям Дэйне, но она до сих пор чувствовала себя неуютно во главе отряда. Песка, пообщавшись с ней, почувствовал это и приставил к отряду Мали – для контроля и боевой поддержки.

День клонился к вечеру, когда в комнату вошла младшая из Сов – Миридэт по прозвищу Сычик. Она была совсем худенькой девчушкой с короткими соломенными волосами и большими зелеными глазами. Ей было шестнадцать, хотя на вид Мали дала бы ей не больше четырнадцати.

- Пани Коготь, разрешите доложить? - с ходу сказала Сычик, и Мали, отвернувшись, хмыкнула, настолько по-детски серьезной выглядела сейчас девушка.

- Говори, Мири, - Коготь мягко посмотрела на нее.

Сычик подробно – словно по бумаге – воспроизвела маршрут перемещения Клио за день. Сначала барон, выехав из своего особняка в дворянском квартале, посетил казармы городской стражи, потом пару часов сидел в трактире на центральной площади. Затем в компании свои приближенных дворян заехал в богатый дом недалеко от купеческого квартала. Следом за этим посетил какого-то гнома. Тот вышел встречать его в сопровождении охраны на крыльцо.

- Гнома? – переспросила Мали. – Ты уверена?

- Я не уверена, пани Мали, - серьезно сказала Сычик. – Но пани Филин сказала, что это именно гном. Она, если позволите добавить, очень удивилась.

- Хм, интересно, - сказала Коготь. – Продолжай.

- А потом барон вернулся в тот богатый особняк, в котором был до этого. Сейчас он там, а пани Филин интересовалась, когда нас придут сменить.

- Скоро, - сказала Коготь. – Сычик, сбегай вниз, купи себе что-нибудь поесть.

- Да, пани Коготь, - девушка коротко кивнула и, взяв у Дэйне деньги, вышла за дверь. – Мали, ты думаешь о том же, о чем и я?

- Гном? – посмотрела на нее Мали.

- Точно, - кивнула Коготь. – Он известен своим почти животным расизмом, нелюдей на дух не переносит. А тут – сам приезжает к гному, который с охраной встречает того на пороге.

- Может, это последний оставшийся местный гном? – предположила Мали. – Который очень не хочет уезжать, поэтому и с охраной, поэтому и на пороге?

- Чтобы почитай в его вотчине сидел гном – когда и в малых местечках их здесь не осталось? – покачала головой Коготь. – Это вряд ли.

- Гном гномом, а вот что это за особняк, в который он ездил?

- В нашем деле появляются интересные подробности, - отметила Коготь. – Предлагаю так: ты берешь Мири и идешь выяснять, что там за особняк, а я разузнаю все про таинственного гнома.

- Отличный план, - согласилась Мали.

Она перехватила Сычик, поднимавшуюся по лестнице, и приказала той показывать дорогу. Они вышли и направились в сторону центральной площади города. Коготь сбежала следом, кинула ключ от комнаты хозяину корчмы, предупредив, что они могут вернуться поздно, и дворами пошла в сторону купеческого квартала. Она не сомневалась, что без подсказки сможет найти жилище, судя по всему, единственного гнома в городе.

Найти дом оказалось действительно несложно: это было небольшое двухэтажное деревянное строение на Лавочной улице. Второй этаж по размерам был меньше первого, с тремя окнами с трех сторон. А вот выяснить, чем этот гном так понравился местному барону, оказалось проблематично. По роду занятий досточтимый мэтр Дарли был ростовщиком, жил тем, что его процент был всегда чуть ниже, нежели у местных банков. Поговорив с соседями, Дэйне выяснила, что аккурат во время гонений на нелюдей к Дарли барон приезжал лично. Слухи ходили разные: одни говорили, что Дарли откупился от Клио каким-то заговоренным гномьим клинком. Другие – что рассказал, где хранят тайники остальные гномы-ростовщики баронства. Третьи предполагали, что гном просто

дал барону неплохую сумму денег, чем и заслужил благодушное отношение. Все три варианта казались Коготь невероятными. За одаривание гномьим оружием, равно как и за раскрытие тайны сундуков у гномов полагалась казнь, приговор приводился в исполнение вне зависимости от местоположения приговоренного. Дарли прожил бы максимум седмицу, да и то – если бы сбежал в другой город, сменил бы имя и сбрил бороду. Карающий перст гномьих королевств был беспощаден. Что касается третьего варианта, то, если бы барон хотел бы таким образом нажиться, он брал бы «налог» с нескольких ростовщиков, это было бы выгоднее. «Что бы там ни говорила Мали, - думала Коготь, – а положение этого гнома очень необычно. Этим надо будет заняться тщательнее».

Она вернулась в «Куток» к полуночи и была очень удивлена и недовольна тем, что застала там не только Сычик и Филин, но и Мали.

- Я что-то не поняла, - сказала Коготь строго, войдя в комнату, где пане поглощали жареную птицу, закусывая ее пшеничной лепешкой и запивая вином. – А кто следит за бароном?

Сычик и Филин переглянулись и обе посмотрели на Мали. Та хмыкнула, прожевала и поднялась:

- Писарь польный Зиния, разрешите доложить!

- Докладывайте, писарь польный Адда из Леснерта!

- В общем, слежку за бароном я считаю возможным прекратить в связи с тем, что мы представляем его распорядок дня на ближайшую седмицу вплоть до мелочей!

- Мали, ты можешь говорить короче и подробно? – скривилась Коготь.

- Могу, - Мали села. – Ты присаживайся и ешь – мы тебе тоже взяли.

- Я бы сначала умылась, - ответила Коготь. – Вернее, выслушаю тебя – и умоюсь.

- Хорошо, слушай. В этом особняке, куда наш объект наведывался сегодня два раза, находится игорный клуб, который барон содержит на свои деньги и в котором эти деньги и просаживает. Сейчас они устраивают там турнир по «вяселлю» и барон не только в нем участвует, но и выставляет главный приз. Турнир для фаркского дворянства – особенно завлекают туда молодых. Головы, знамо, дурить будут.

- Неплохо придумано, - одобрила Коготь. – Пробраться бы туда да посмотреть на все это изнутри.

- Так уже устроено, - хитро улыбнулась Мали.

- То есть как? – удивилась Коготь.

- Как сказала Мали, там много молодых дворян, - вступила в разговор Филин, кокетливо улыбаясь. Она была невысокой фигуристой девушкой с собранными в хвост русыми волосами. За смазливым личиком прятался расчетливый ум и твердая рука. – Я окрутила одного из таких и сказала, что с удовольствием стану его удачей завтра вечером.

- Я думаю, он больше будет рассчитывать на продолжение ночью, - хмыкнула Мали.

- Ну, посмотрим, насколько он окажется мил, обходителен и полезен, - глаза у Филин сверкнули.

Коготь смолчала. Она не одобряла поведение подчиненной с нравственной точки зрения, но понимала, что подобные действия в их работе необходимы, и была даже рада, что Филин они нравятся.

- А что ты выяснила, пани командир? – спросила Мали.

- А вот это я расскажу после того, как умоюсь и поем, - сказала Коготь и удалилась из комнаты в уборную.

- Вот так и проявляется начальственность, - отметила Мали, вновь принимаясь за еду. – Как нам – так отвечай быстренько, а как сама – так сначала удовольствие, а потом дело.

Филин засмеялась, Сычик посмотрела на них недовольно, но ничего не сказала. Мали в очередной раз отметила, что в этой девке, вроде простоватой и исполнительной, ей что-то не нравится. Было в Миридэт что-то отталкивающее, но что – Мали понять не могла.

Коготь вернулась, посвежевшая, с каплями воды на лице. Мали указала ей на ее тарелку и кружку. Дэйне ела долго и с удовольствием, и Мали уже начала неодобрительно поглядывать в ее сторону. Но Коготь как будто не замечала этого, наслаждаясь трапезой. Закончив, она поделилась тем немногим, что ей удалось узнать.

- Тем не менее я думаю, что гнома следует взять в разработку, - сказала она. – Мне представляется, что он может быть ключом к нашему барону.

- И что ты предлагаешь? – спросила Мали.

- Нам стоит посетить его.

- А если он знатный сторонник Клио? – скептически спросила Мали. – Завалим всю операцию.

- А почему мы должны посещать его как представители канцелярии? – парировала Коготь. – Почему не как клиенты?

- Разумно, - признала Мали.

- Так и поступим, - сказала Коготь. – Я завтра днем пойду втираться в доверие к гному под видом домоправительницы молодой мястчанки, а Филин проведет день и вечер со своим ухажером и постарается выяснить все, что только сможет, о клубе и причастности к нему барона. У тебя хоть платье подходящее к случаю с собой, Фил?

- Найдется, не переживай, - ответила Филин и рассмеялась. – Ой, девки, чую, весело время проведу.

- Главное, чтобы с пользой, - сказала Мали.

- Дай то боги, - кивнула Коготь. – Все, спать, девочки. Завтра будет долгий день.

На следующий день в дверь к мэтру Дарли постучали. Один из его охранников, рослый плечистый детина в форме городской стражи, открыл дверь. На пороге стояла девушка в строгом длинном платье. На улице шел сильный дождь, и охранник отметил, что, несмотря на зонт, она промокла и, видимо, замерзла.

- День добрый, пан! – сказала Коготь звонким и слегка раздраженным голосом. – Мэтр Дарли у себя?

- Добрый, - охранник осмотрел ее с ног до головы. – А вы к нему по какому вопросу?

- Мне сказали, он может ссудить денег под меньший процент, чем рейкский банк, - сказала Коготь. – Может, вы впустите меня, или досточтимый мэтр всегда заставляет потенциальных клиентов мерзнуть на пороге?

Охранник подумал мгновение. Затем кивнул.

- Проходите и подождите здесь, - сказал он. – Я узнаю у мэтра, свободен ли он.

Страж поднялся вверх по лестнице на второй этаж, а Коготь вошла и огляделась. Изнутри дом ростовщика выглядел достаточно скромно и неопрятно. На шкафах скопилась пыль, в углу прихожей под потолком она разглядела паутинку. Печка внизу растоплена не была, так что в комнате было холодно и неуютно. Из закрытой комнаты, дверь которой находилась чуть дальше лестницы, раздавались зычные голоса, иногда прерывавшиеся смехом. Дверь на кухню была закрыта на висячий замок.

Охранник спустился, коротко кивнул:

- Мэтр Дарли ожидает вас у себя.

- Прекрасно, - ответила Коготь и поднялась наверх. Охранник проследовал за ней.

Комната гнома на втором этаже разительно отличалась от покоев внизу. Здесь было чисто прибрано, светло и тепло. Гном, с аккуратно подстриженными волосами и бородой, сидел на кресле перед низким, под рост хозяина, но широким письменным столом. В углу комнаты, у кровати, стоял большой стальной сейф с тремя замочными скважинами.

Охранник вошел вслед за Коготь, затворил дверь и встал около нее. Дэйнэ протянула ему зонт.

- Повесьте, пожалуйста, и помогите мне снять накидку, - сказала она строго. Мужчина посмотрел на нее недоуменно.

- Помоги пани! - ворчливо сказал гном. - Что стоишь как истукан?

Охранник нехотя принял зонт, затем помог Коготь снять накидку и повесил ее на спинку стула.
- Вы не будете так любезны, уважаемый хозяин, сделать мне отвару? - сказала Дэйне. – Я очень замерзла, пока ваша охрана соизволила открыть дверь.
- Тарик, не будешь ли ты так любезен принести даме отвару? – спросил гном охранника.

Охранник открыл дверь и громко передал вниз просьбу гнома. Оттуда послышалось недовольное ворчание, звон ключей и звук отпираемой двери.
- Так о чем вы хотели поговорить, пани? – спросил гном.
- Меня зовут Олия. Видите ли, достопочтенный мэтр, - деловым, слегка жеманным тоном заговорила Коготь, - я прислуживаю одной молодой мястчанке, которая хотела бы переехать в этот город. Хозяйка моя не очень состоятельна, и поэтому она хотела бы ссудить у вас сумму денег, которую она в будущем надеется вам возместить.
- Какую сумму, и за счет каких средств она надеется ее возмещать? – спросил гном.

Коготь посмотрела на охранника. Тот заинтересованно слушал беседу.
- Я не думаю, что моя хозяйка хотела бы, чтобы это знал кто-нибудь, кроме вас, - сказала она.
- Моя охрана очень бдительна, пани, - саркастично сказал гном. – Боюсь, они побоятся оставить нас наедине.
- Даже если это будет стоить вам сделки?
- Даже если, - кивнул гном.
- Тогда я прошу прощения за отнятое время, - Коготь недовольно нахмурилась и поднялась.
- Это я прошу у вас прощения, - гном тоже поднялся. Коготь посмотрела тому в глаза – в них читались злоба и бессилие. – Может, вы хотя бы выпьете отвару?
- К сожалению, мне некогда, - отрезала Коготь. – Но если вы вдруг передумаете – я могу написать вам адрес корчмы, где я остановилась. У вас есть письменные принадлежности?

Гном протянул ей бумагу и перо. Коготь написала несколько строк и протянула ему назад. Дарли посмотрел на листок. «Если охрана вас не стережет круглосуточно, мы можем обговорить дела сегодня в полночь. Оставьте открытым окно. Если согласны – разорвите бумагу и откажитесь встречаться», - гласила надпись на мертволесском.
- Я не думаю, что смогу исполнить вашу просьбу, - сказал Дарли, разорвав лист и выбросив обрывки в корзину при столе. – Всего доброго, пани Олия.
- И вам, мэтр Дарли, - Коготь взяла накидку, зонт и вышла из комнаты. На лестнице она едва не опрокинула несущего ей отвар второго охранника – почти точную копию первого. Она почти физически ощутила, как тот жег взглядом ее спину, но, не повернувшись, вышла.
- Не слишком самонадеянно? – спросила ее Мали, когда Коготь рассказала о результатах своего визита.
- Не думаю, - ответила Дэйне. Она сняла промокшую одежду и теперь в одном белье сидела, закутавшись в одеяло, и пила отвар с настойкой. – Мали, это не охрана, а домашний арест. Эти умники даже форму городской стражи не сняли. Прислугу выгнали, видимо, чтобы гнома связи с окружающим миром лишить. Судя по всему, он постоянно находится на втором этаже. Уж очень разительно обстановка снизу и сверху отличается. Они его в заложниках держат.
- А если он тебя в ловушку заманит? – спросила Мали.
- На этот случай ты и Сычик будете меня прикрывать, - сказала Коготь и сделала глубокий глоток. Потом поежилась. – Если я к полуночи не слягу.
- А если сляжете? – поинтересовалась робко сидящая рядом Сычик.
- Все равно пойдем, - ответила Коготь. – Мы падаем только мертвыми, Сычик. Так вот, если это окажется ловушкой, режем гнома и его охранников и выдаем все за ограбление. Понятно?
- Совершенно, - ответила Мали.

Сычик насупилась, оправдывая свое прозвище. «Может, я строга к девчонке? – подумала Мали. – Я в ее возрасте в классах грамоту зубрила, а она вот в отряде уже служит».
- Филин, небось, намазалась от души, - переменила Коготь тему.
- О, да, - протянула Мали. – И платьишко у нее по последней моде неприличных улиц, как бы сказал Песка.
- Красное или зеленое? – поинтересовалась Коготь
- Зеленое, - ответила Мали.
- Это да, - вздохнула Коготь. – Вот где девка на передок слаба-то.

Мали пожала плечами. Коготь ушла в свои мысли, допивая отвар. Сычик смотрела на большого солнечного зайчика на стене, противоположной зеркалу, и по-детски улыбалась этому кусочку света, коим наградило их комнату закатное солнце.

К полуночи Мали и Сычик заняли позицию в переулке чуть поодаль дома Дарли. Отсюда был виден второй этаж и крыша перед ним – место, где Коготь собиралась вести переговоры с гномом.
- Рисковая у вас командир, - сказала Мали. – Но изобретательная.
- И добрая, - добавила Сычик. Мали смотрела на нее, но на лице девушки не отражалось беспокойства – только любопытство и возбуждение.
- Сычик, а как ты попала к Совам? – спросила Адда.
- А почему вам это интересно? – спросила Сычик настороженно.
- Не хочешь – не рассказывай, - покачала головой Мали. – Просто любопытно: такая молодуха – и уже в боевом отряде.
- Да я и сама не знаю, - чуть смущенно призналась девушка. – Я во внутренней школе училась после приюта. А потом пришла пани Коготь и сказала, чтобы я собиралась и что буду теперь служить у нее.
- А на кого училась?
- Допрос и пытки, - просто сказала Сычик. – Двухгодичный курс освоила, на повышение пошла. Хвалили меня очень.

Мали отвернулась. «Допрос и пытки» был побочным курсом для боевых отрядов. Туда обычно шли после нескольких лет службы и уже закаленными в тайных операциях – практику иногда приходилось проходить на живых целях, и психика курсантов не выдерживала. Одно дело убивать в бою или даже из-за угла. Другое дело – причинять боль беспомощной цели, долго и старательно, выведывая информацию. Мали знала, что подобный курс прошла Иртэя, но только один год, и то в рамках развития Темных способностей. То, что Сычик окончила двухгодичный курс, многое говорило о ней.
- А туда ты как попала?
- Простите, пани Мали, но я не хочу об этом говорить, - сказала Сычик твердо.
- Хорошо, - ответила Адда и улыбнулась. Миридэт на улыбку не ответила.
- Смотрите, - сказала она. – Гном открыл окно!
- Точно, - подтвердила Мали. – И, вроде бы, он один. А где же… А вот, вижу! Хороша, паршивка. Прости, Сычик, я хотела сказать, что пани Коготь отлично справляется.

Сычик сама могла это видеть. Вернее, не видеть, потому что она так и не поняла, как Мали отличила Дэйне на фоне стены. Да и не могла она этого заметить. Даже Мали, более привычная к оттенкам, и та видела лишь руку Коготь на фоне окна.

Мэтр Дарли был гномом бывалым. В своей далекой молодости – полтора века назад – он даже рубился с мертволесскими эльфами на северных границах Королевства Заснеженных Гор, откуда был родом. Навидался он всякого, но Коготь удалось удивить и его – и гном, отплевываясь, шепотом помянул и Морвида, и Феломену.
- Тише, пан гном, - прошипела Коготь. – Ваша охрана может решить, что вы свихнулись, раз разговариваете с темнотой. И доложить об этом своему истинному хозяину.
- Кто вы? – спросил гном. Он-то ждал письма, брошенного с камнем, или любого иного послания. А отнюдь не сидящую на покатой крыше девушку, от которой были видны

лишь белки глаз, да проступавшие на лице, выкрашенном камуфляжной краской, губы. – Вряд ли вы пришли за деньгами.
- Общество защиты людей и нелюдей от диких дворян, - прошептала Коготь. – Я так поняла, местный барон доставляет вам неприятности?
- Почему именно барон? – спросил гном. – И отчего вы так решили?
- Мэтр Дарли, я понимаю, что у вас множество причин не доверять случайной барышне, сидящей у вашего окна, - сказала Коготь. – Но в таком тоне разговор у нас не сложится. Давайте так – я правильно понимаю, что барон Клио держит вас в заложниках в собственном доме с какой-то целью?

Дарли задумался. Его положение, в общем, было и так не сахарным. Он перебрал варианты, но не нашел такого, в котором барону Клио было бы выгодно вывести его на откровенность таким экстравагантным способом.
- Вы правы, - наконец сказал он. – Именно барон, и именно держит.
- С какой целью?
- А с какой целью можно держать гнома-ростовщика в заложниках? – зло спросил Дарли. – Как источник денег для своих капризов. Ну, и еще как гарантию, что никто другой не узнает о них.
- А подробнее можно? – спросила Коготь.
- А что я с этого получу, пани? – в ответ спросил Дарли. – Я устал от всего этого, но я не буду откровенничать только потому, что вы сказали, что вы враг Клио. Кстати, вы и этого-то не сказали.
- Хорошо, мэтр. Скажем так, мне и еще нескольким людям хотелось бы, чтобы барон Клио оказался либо за решеткой, либо на эшафоте, либо, на худой конец, перестал бы быть бароном. Вы, насколько я могу догадываться, хотели бы получить свободу и избавиться от этих верзил, которые мешают вам жить и делать деньги. Здесь наши цели могут пересекаться. Согласны?
- Согласен, - сказал Дарли. Он быстро продумал сказанное гостьей. «Кого-то серьезного Клио зацепил. Но не из наших – те бы его просто пришили. Богатые купцы или гильдийцы тоже вряд ли бы решали что-то так деликатно и сложно. Наняли бы лесных, да и поминай барона, как звали. Нет, это либо эльфы, либо местные законники, эти любят решать все сложно, как они говорят – «элегантно». Или сам Клио… Нет, вряд ли, этот чурбан на такую комбинацию не способен. Стоит рискнуть, в конце концов, что у меня сейчас за жизнь? Выиграю – так получу барыши, проиграю – так хоть, может, кого из этих зарубить удастся». – Хотите узнать, как я оказался в этой ловушке? Ну, так слушайте! Как пошел гон на других нелюдей, я уже готовился собирать вещи, как ко мне пришел барон собственной персоной. С охраной, все как полагается. Ну, я принял его, как гостя дорогого. Прислуга у меня тогда была, готовила так, что богов не стыдно угостить. Посидели мы, выпили из моих личных запасов винца. Тут он мне и говорит, что если я ему денег ссужу под процент низкий, то он мне разрешит в городе остаться. Единственным из ростовщиков, понимаете?
- Понимаю, - кивнула Коготь. – А вы?
- Предложение очень щедрое, - продолжил гном. – Я сразу подвох почувствовал. А он мне говорит: «Честное дворянское слово, все верну вовремя, только процент в два раза меньше мне, чем остальным. И в городе никто вас тронуть не посмеет». Поговорили мы, значит, я с него расписку взял, денег дал и ушел он.
- А потом?
- Сначала все шло прекрасно, - сказал гном и нахмурился. – Действительно, он меня не трогал, да и клиентура возросла. Только денег барон не возвращал, а только еще брал. Я коллекционировал расписки и ждал. Однажды он даже заявился ко мне пьяный и попросил заоблачную сумму. Я ему говорю: «Шутить изволите, вы мне предыдущее не отдали», а он: «В залог фольварка дай и земли родовой, все потом верну». И написал расписку. Я сам подкрутился, деньги достал – шутка ли, дворянский фольварк.

- Ага, - сказала Коготь. – А вы знали, что он не имел права этого делать? Что за продажу родовой земли недворянам без согласия сюзерена можно и привилегий лишиться, и в острог загреметь?
- Знал, - кивнул гном. – Поэтому и делал. Расписка у меня – что он мне сделает? А он сделал. Раз прихожу я домой, а тут десяток городской стражи обыск устроили, расписки ищут. Схватили меня, к креслу привязали, нагрели кочергу. И тут сам барон заходит и говорит, что если расписки не отдам, то меня в озере завтра найдут. Я ему кричу про разбой, что буду жаловаться, а он рассмеялся и говорит своим засунуть мне эту кочергу в… ну, в общем, вы поняли. А потом наклонился и шепчет, дескать, скоро князем здесь его друг будет, так что жалуйся я или не жалуйся, никто и не почешется – а меня повесят как шпиона. В общем, отдал я им расписки. Он рассмеялся тогда и говорит, что теперь я его буду бесплатно деньгами снабжать, жизнь свою выкупать. А чтобы я не убежал и не удумал чего – приставит он ко мне молодцов своих. И было это полгода назад. Так я до сих пор и живу.
- А деньги где берете?
- Имя моего рода на родине кое-чего стоит, - сказал гном. – Кредитуюсь в Снежном Банке у родичей. Да и здесь работа все-таки есть, хоть и меньше, чем раньше. Вы же видели, как меня опекают. Только этих денег еле хватает, чтобы оплачивать возросшие аппетиты Клио. Когда год закончится, не знаю, что делать буду – я ведь беру, и не возвращаю даже процент. Если и выяснят, в чем дело, может, вытянут из истории – но денег я от них больше не получу, да и позора не оберусь. По миру пойду.
- Так, расписки вы им отдали, - задумалась Коготь. На показаниях гнома да на результатах расследования арестовать Клио, конечно, можно. Но нет гарантии, что местный кандидат на княжеский престол Теринский не полезет его защищать. И что негодяй не останется гулять на свободе «до выяснения обстоятельств». – Это плохо. Дорого бы я дала, чтобы они остались у вас.
- Насколько дорого? – спросил гном.
- А что? – насторожилась Коготь.
- Я предлагаю вам сделку, пани ночная гостья: вы освобождаете меня из этого дома и выплачиваете три тысячи монет золотом, а я нахожу вам убедительные доказательства вины барона Клио, - сказал Дарли. «Даже если это человек барона – я скажу, что просто хотел получить лишние деньги. А если что, то перережу себе горло. Лучше уж так».
- За такие деньги эти доказательства должны быть очень убедительными, - сказала Коготь.
- Вам понравятся, - заверил гном.
- Я прибавлю условием, что вы должны свидетельствовать против него в графском суде, - сказала Коготь. – Деньги достанем к тридцать третьему дню. И договорились.
- К тридцать первому, - сказал гном. – Мне они нужны к тридцать первому числу.
- Это приемлемо, - сказала Коготь. – Все-таки с вами приятно иметь дело, мэтр Дарли.
- С вами тоже, пани Олия, - хмыкнул гном.
- Тогда до встречи на тридцать первый день – в то же время, на этом же месте, - сказала Коготь и растворилась в ночи.

Дарли вдохнул ночной воздух. Он снова вспомнил, как тот пахнет, и усмехнулся – впервые за последние полгода.

Филин вернулась утром – не выспавшаяся, но очень довольная. Из ее рассказа следовало, что в игровом доме собралось множество молодых дворян, в том числе из других графств, и даже тех, кто не сочувствует делу Теринского. Насколько Филин смогла уловить, Клио вел себя расковано, сорил деньгами, не расстраивался из-за проигрышей, хвалил выигравших. Однако ей удалось заметить, что некоторые из слуг уж больно внимательно прислушивались к разговорам собравшихся и даже делали какие-то пометки.
- Вербовочный центр у них там, - сказала она, разваливаясь на кровати. – Явно ищут сочувствующих.

- Или выискивают несогласных и составляют списки на ликвидацию, - сказала Коготь. – А с деньгами теперь понятно. Когда, говоришь, этот клуб открыли?
- Полгода назад, - ответила Филин.
- Вот и сходится все, - подытожила Коготь. – Деньги он взял под заклад фольварка – видимо, эта светлая мысль ему пришла по пьяни. А потом, когда очухался, понял, что натворил, и решил взять гнома за бороду. Что еще тебе рассказывал твой ухажер?
- А что он мог рассказать? - пожала плечами Филин. – Пока трезвый был, так говорил, что сделает меня дворянкой и увезет к озеру. А как напился, так все за задницу хватал и рассказывал, что когда они придут к власти, я буду купаться в роскоши.
- И ты ему все-таки дала? – вступила в разговор Мали.
- Ну, он был очень даже ничего, - улыбнулась Филин. – Да и неизвестно, когда у меня в следующий раз мужик-то будет!
- Ой, все, - проворчала Коготь, отрываясь от письма, которое методично выводила. – Тоже мне. Главное бременем не обзаведись, гуляка.
- Обижаешь, Коготь, - скривила губки Филин. – Все предусмотрено.
- Ну и слава богам! – Коготь возвела очи к потолку. Потом сложила письмо, запечатала своей печатью и протянула Мали. – Мали, отвези письмо Ее Высочеству. Я очень надеюсь, что на это дело не пожалеют денег.
- А если гном нас кинет? – спросила Мали, пряча письмо во внутренний карман камзола.
- Прирежу заразу усатую, - пообещала Коготь. – А потом и этого барона длимернова. Так вчера лодыжку потянула, пока слазила, сил нет.

Мали хмыкнула, застегнула камзол и вышла из комнаты.

Город Дин, графство Дин. Год 1476 от В.Н., 26 день осени.

Барон Кирий Динский въезжал в родной город, будучи в весьма возбужденном и даже нервном состоянии. Посвятив последние восемь лет своей жизни канцелярии и тайным операциям, он совершенно отвык от официального сопровождения и тем более от всеобщего внимания. Однако, став, независимо от своего желания, личностью публичной (официальный представитель княжны Фаркской), он теперь не мог перемещаться так, как привык. Песка оглянулся на свою свиту – четырех динских гвардейцев и еще четырех личных дворян, знакомых еще с детства (он как-то уже и забыл об их существовании), втянул носом влажный воздух и направил пса к въезду в город.

Дин делился на нижний и верхний город. В нижнем, куда и въезжала процессия во главе с Кирием, как таковых ворот и стен не было. Широкие тракты проходили в город с трех сторон, сливаясь на центральной площади в один, ведший в город верхний и к воротам замка, родового имения графов Динских. В отличие от многих других дворян Княжества, Динские не променяли свой старый замок на дворец, пускай и более комфортный, но менее надежный в оборонном значении. Словно великан из древних сказаний, возвышался над нижним городом огромный каменный замок, который венчала башня Никлоса, основателя твердыни, от которого Динские и вели свой род. Замок представлял собой сооружение с двойным рядом стен, первый из которых, окруженный рвом, отделял нижний город и пригороды от верхнего, а второй – верхний город от донжона и внутреннего дворца. На верхней части ворот первого ряда помещался герб рода Динских - три отдельно стоящие башни на трех холмах – и девиз «В служении – величие».

В нижнем городе кипела жизнь. Дорогу к центральной площади наводнили повозки и телеги – начинались дни традиционной осенней ярмарки. Кирий приостановился и осмотрелся. Обычно в такой ситуации он спешился бы и оставил пса в ближайшем трактире или корчме, отправившись на место назначение пешком.

- Пан Кирий, - к нему подъехал один из его сопровождающих – молодой, высокий, плечистый пан Мицлав, - Не стоит въезжать в толпу первым. Его Сиятельство говорил, что пришлет отряд встретить нас.

- Ради богов, Мицлав, - сказал Песка раздраженно. – Вы ведете себя, словно мы на территории противника. Ну не вооруженную же засаду мне Теринский в родном городе устроит?

- Ваш отец будет очень недоволен, если мы не поступим по его указаниям, - сказал Мицлав. – Я прошу вас, давайте дождемся сопровождения.

- К длимернам! – рявкнул Кирий. Он понял, что пойти пешком и в одиночку ему точно не дадут. – Расчистите дорогу, едем к замку.

Гвардейцы двинулись вперед, но в этот момент с противоположной части улицы послышались крики и брань.

- А вот, видимо, и наше сопровождение, - заметил Мицлав. Песка не ответил, вглядываясь в толпу.

Постепенно стоявших перед ними людей оттеснили к левой стороне улицы, и стало видно, что Мицлав был прав. К ним приближались динские гвардейцы, в авангарде которых ехал невысокий длинноволосый юноша. Одет он был в парадный белый гвардейский мундир с отличительными знаками десятника на золотом фоне. На лице его, неуловимо напоминавшем лицо самого Кирия, по приближении появилась широкая улыбка.

- Дядя Кирий! - закричал юноша. – С прибытием!

Он направил своего пса к Кирию. Его отряд остановился чуть поодаль, образовав полукруг. Отряд Кирия тоже рассредоточился так, что Кирий и юноша оказались посреди внушительного пустого пространства. Вынужденные столпиться у края улицы вместе с телегами селяне про себя на чем свет стоит поносили важных особ, но вслух ничего не

говорили. Одно дело права, данные статутами, другое – получить прямо здесь здоровенным кулачищем (и это в лучшем случае) от гвардейца за оскорбление дворянина.

Кирий и юноша спешились и обнялись.

- Алек, как ты вырос! – Кирий выпустил молодого человека из объятий. – Я думал, ты у западных границ.

- Позавчера вернулся, - сказал Алек. – Отпуск дали на треть сезона, я решил навестить деда. А тут, оказывается, вся семья нежданно собралась!

- Неужели? – спросил Кирий.

- Да, - кивнул юноша. – Дядя Михо тоже здесь. Дед думал сначала отправить его вам навстречу, но я сам напросился, и он разрешил.

- Еще бы, - Кирий скривил губы.

Алек был старшим сыном старшего брата Кирия, Виро. По праву наследования он был основным претендентом на трон графства после своего отца и деда и имел право, как и они, именоваться графом. Михо и Кирий, второй и третий сыновья Ульта, имели титулы баронов. И если с Виро и его детьми у Кирия были вполне сносные отношения, то с Михо они не ладили с детства. Михо был воспитан братом матери, старым тысячником, проведшим большую часть своей жизни в казармах и боях. С десяти лет он забрал мальчика к себе. Отец не возражал – Михо с раннего детства тянулся ко всему военному. Проведя несколько лет в компании дяди и его друзей, Михо стал грубым, вспыльчивым и прямолинейным. Он насмехался над страстью Кирия к чтению. Их отношения более-менее нормализовались, лишь когда Кирий ушел служить в войско, но после того, как он оставил службу и перешел в канцелярию, Михо с ним перестал разговаривать. Средний Динский считал, что такая служба позорит дворянина. Кирий же считал его неотесанным мужланом и старался не пересекаться с ним.

- И надолго Михо к нам заехал? – спросил Кирий Алека, когда они уже двинулись в сторону замка.

- В восточном войске сейчас грядут перемены, - сказал Алек. – Говорят, Великий князь ими недоволен. Дядя Михо взял две седмицы отпуска, но думает подать рапорт о переводе на север.

- Он же тысячник, - удивился Кирий. – Воевода вряд ли отпустит его.

- Не знаю, дядя, - развел руками Алек. – Говорю, что слышал. Он еще меня расспрашивал, как у нас служится.

Кирий ничего не сказал. События в войсках его интересовали мало, пока это не касалось его текущего задания.

- Отец велел что-нибудь передать мне? – спросил он Алека.

- Дед сказал, чтобы вы пришли к нему, как только сможете. Вроде все.

- Хорошо, - кивнул Кирий. – Как только приедем, я зайду к нему. А пока расскажи о себе! Мы так давно не виделись. Как служба? Что нового?

Алек рассказывал, Кирий слушал и сам, в свою очередь, описывал свои приключения. Так, за беседой, они въехали в верхний город, обиталище знати, жрецов и воев. Здесь было значительно тише и спокойнее. Проехав мимо стоявших напротив друг друга городской ратуши и храма Семи, они двинулись по широкой дороге к внутренним воротам. У ратуши стража города приветствовала высоких господ низкими поклонами. Несмотря на самоуправление, дарованное Великим князем городам, в Дине при номинальном градоправителе и городском совете настоящим главой города был граф Динский.

Они спешились, передав псов слугам. Гвардейцев отправили в казармы, личных дворян Кирий отпустил с приказом явиться на следующий день к десяти утра в замок. С Алеком они до ужина распрощались уже внутри. Молодая служанка, из новеньких, проводила Кирия в его покои на втором этаже. Барон велел подать еды и вина. Когда служанка вышла, он стянул сапоги и рухнул на кровать прямо в походном. Нужно было идти к отцу, но это он сможет сделать после того, как поест. Оказавшись дома, Кирий

почувствовал в себе прилив воспоминаний и некого «хозяйского» состояния. Он удивился сам себе. На службе он был неприхотлив, со своими сослуживцами, подчиненными, да и с простыми мястчанами и селянами, с коими приходилась встречаться, ровен и общителен. Но стоило ему приехать в Дин, и он словно перестал быть сотрудником канцелярии Пеской, а снова стал бароном Кирием, сыном графа Ульта Динского, свысока смотрящим на простолюдинов. «Главное не привыкнуть, - подумал он. – Службе это только повредит, да и Мали с Сайном не поймут».

Через полчаса он переоделся, наскоро перекусил куском свинины с хлебом, спросил, где сейчас отец. Получив ответ, что граф Ульт у себя в кабинете, Кирий кивнул, выпил стакан вина и поднялся на третий этаж.

Кабинет Ульта, смежный с его спальней, мог служить музеем боевой славы рода Динских. Стены его были увешаны различным оружием, большая часть из которого являлась трофеями. Здесь были и двойные мечи храмовников Мертволесья, и гномьи топоры, за которые представители Королевства Туманных Пиков предлагали огромное количество золота, лишь бы вернуть их назад. Почетное место между двумя узкими стрельчатыми окнами прямо над столом графа занимали скованные цепью изогнутые клинки островных пиратов – трофей, который привез сам Ульт, в молодости своей не раз отбивавший набеги островитян со своей тысячей, когда служил комендантом крепости в устье Берки.

Кирий вошел в кабинет. Отец сидел за столом, читая письмо. Подняв взгляд на Кирия, он жестом пригласил его сесть напротив, а сам снова углубился в чтение. В кабинете было прохладно. Свет из окон в кабинет почти не попадал, и единственным его источником была свеча на столе Ульта – старый граф не любил «колдовские заморочки», такие, как чародейские огни или молниевые кристаллы. Замок был оснащен ими, но у себя в кабинете и спальне он продолжал по привычке пользоваться свечами. Дочитав письмо, Ульт постучал пальцами по столу, а затем поднес бумагу к огню свечи. В глазах графа отразилось пламя, хотя лицо оставалось бесстрастным. Кирий наблюдал, как сгорает письмо, потом перевел взгляд на отца.

- Муж твоей сестры погиб при нападении рейнвилльских рейдеров, - пояснил Ульт. – Оставив ее с четырьмя детьми на руках, без денег, в сарае с прохудившейся крышей вместо дома.

Мара Динская, сестра Кирия, младший ребенок в семье в пятнадцать лет сбежала из родительского дома с купеческим караваном из Айнвилля. Девчонке вскружил голову охранник, молодой наемник. Понимая, что отец будет в ярости, когда узнает об их связи, Мара украла часть фамильных драгоценностей и исчезла. Ульт с женой тогда были в отъезде и побег обнаружили поздно – дочь была уже за границами Княжества. События эти очень подкосили мать Кирия, графиню Лару, и через треть сезона она умерла от сердечного приступа. После похорон Ульт публично отрекся от своей дочери и запретил произносить ее имя в своем доме. С тех пор прошло семь лет, и вестей от Мары не было.

- Письмо было от нее? – спросил Кирий.

- От верного человека, - ответил Ульт. – Некоторые вещи нельзя оставлять на откуп провидению.

Они помолчали. Кирий не понял, что именно не оставлял на откуп провидению отец – судьбу дочери или же возмездие. И знать он этого, пожалуй, не хотел.

- Однако я не поздравил тебя с прибытием домой, сынок, - сказал Ульт и улыбнулся. – Ты давно здесь не был, и мне приятно тебя видеть дома. Хотя я предпочел бы, чтобы повод был другим.

- Без этого повода я мог бы попасть сюда еще очень нескоро, - заметил Кирий.

- И то верно.

- Ты хотел меня видеть по прибытии, отец, - напомнил Кирий. – Имеются ли какие-нибудь важные вести? Проводил ли ты переговоры?

- Переговоры проходят даже сейчас, Кирий. Нам удалось расшевелить дворян, и наше княжество медленно, но верно разделяется на два лагеря. Даже Картент не осталась в стороне, хотя от нее я вообще не ожидал ответа.
- Ух ты, - удивился Кирий. – И что она сказала?
- Сказала не она, а ее представитель. Сказал он, что графство Картент всецело стоит за неделимость Великого княжества и всегда будет придерживаться этой позиции, но по возможности будет воздерживаться от активных действий.
- Перевести это можно как «мы мысленно с вами», - сказал Кирий. – Ну, больше, чем ничего. А как вообще расклад сил?
- Пока неопределенно. Более крупные дворяне и землевладельцы стоят за Княжество, мелкая знать из числа личных дворян или просто независимых баронов симпатизирует Теринскому. Интересно другое – у меня складывается впечатление, что кто-то упорно толкает Фарк к войне. Число дуэлей среди молодых за последнее время увеличилось многократно, постоянно происходят непонятные стычки на границах баронств. Участились нападения лесных братьев или кого-то, кто под них маскируется. Нападают в основном не на купцов, а на дворян или на слуг. В общем, стараются сделать обстановку как можно более нервозной.
- Думаю, это объяснимо, - сказал Кирий и передал отцу информацию, присланную из Ластарта. – Я думаю, что те, кто управляет всем этим заговором, поняли, что политически ослабить Княжество им не удастся, и теперь провоцируют здесь бойню.
- Да, это многое бы объяснило, - кивнул Ульт. – В любом случае, я решил, что будет отличным шагом, если ты выступишь перед журналистами и опишешь ситуацию в выгодном для нас свете.
- Я? – спросил удивленный Кирий. – Перед журналистами? Отец, при всем уважении, из меня получится не очень хорошая публичная персона.
- Об этом, мальчик мой, думать следовало до того, как ты полез в эту историю, - назидательно сказал Ульт. – После показательного выступления на сейме многие считают тебя основным игроком на этом поле, выступившим против Теринского. Разные, знаешь, ходят слухи. Некоторые говорят, что это Динские в борьбе за власть хотят посадить на трон младшую дочь Виро. Есть те, кто идут еще дальше, подозревая тебя в княжеских амбициях. Дескать, посадишь незамужнюю Эглину на трон, а потом сам на ней и женишься.
- Хм, а почему сразу не в великокняжеских? – спросил Кирий.
- Ну, это перебор даже по меркам почтенных матрон в свите Озерецкой, - засмеялся Ульт. – Впрочем, если хочешь продвинуть эту версию, то я возражать не буду. Наша задача – успокоить людей, показать, что мы боремся за справедливость, а не за власть. Ну, и окончательно развеять все сомнения относительно «руки Ластарта». Тогда Теринские потеряют множество союзников.
- Да, одно дело – драться за независимость Фарка с Княжеством. Совсем другое – за власть для одного графа против своих же дворян.
- Умный мальчик, - кивнул Ульт. – Вот завтра и постараешься это сделать.
- Ты меня не предупредил, чтобы у меня не было возможности избежать встречи с журналистами? – спросил Кирий.
- Все-таки я тебя неплохо воспитал, - прищурился Ульт. – Умный и догадливый. Встреча завтра в ратуше. В полдень. По этому поводу я даже не приглашаю тебя на семейный ужин. Отдыхай у себя в покоях и готовься.
- Кто будет присутствовать на встрече? – спросил Кирий, вставая.
- Будут представители «Динской вежи», «Улесского вестника» и «Фаркской зари». Ожидается кто-то из Терии, но тут я тебе ничего точно не скажу. И да, сегодня в город прибыла какая-то дама с Севера. Думаю, тоже приехала посмотреть на тебя.
- Прелестно, - произнес Кирий. – Ну что ж, пойду приму ванну, поем и прикажу приготовить мне парадный мундир. До завтра, отец.

- До завтра, сын, - сказал Ульт. – Я прикажу Мицлаву приготовить тебе сопровождение, он будет тебя ждать в одиннадцать во дворе.

Кирий направился в свою комнату. «Отец не потерял былой прозорливости, - подумал он. – Как элегантно выставил меня на передний план, да еще и избежал перепалки за ужином. Но – Боги, и что мне завтра им говорить?». Здесь его, однако, тоже ждал сюрприз – вечером слуга принес запечатанный конверт от отца, в котором Кирий нашел список вопросов от лояльных изданий. Кирий пробежался по вопросам и сделал себе пометки. Было очевидно, что сторонники Теринского постараются задавать более неудобные вопросы, но хоть какой-то фундамент он себе наметил.

Мицлав с отрядом гвардейцев встретил Кирия у входа во дворец. Ночь у Пески была неспокойной, утро выдалось пасмурным. От сонливости не помог даже кофе, пришлось облиться холодной водой, дабы взбодрить организм. На улице Кирий появился слегка продрогший, раздраженный, но бодрый. Одет он был в парадный мундир динской гвардии без знаков различия, чисто выбрит. На пояс он подвесил кобуру с самострелом и кинжал с инкрустированной самоцветами рукоятью.

- Доброе утро, пан Кирий, - поприветствовал его Мицлав. – Мне сообщили, что приглашенные уже собрались в ратуше. Ждут только нас.

- Тогда поспешим, - сказал Кирий, оседлав пса. – Не будем заставлять почтенную публику ждать.

- Как скажете, пан Кирий, - кивнул Мицлав.

Отряд выдвинулся в сторону ратуши. Вскоре они уже были там. Кирия встретил лично градоправитель, учтиво поклонился и провел в зал собраний. Более всего обстановка напомнила Кирию гимназический зал. Представители прессы сидели за узкими столами. Их было человек пятнадцать, и все они в один момент посмотрели на него. Кирий заставил себя улыбнуться и прошел на свое место. Справа от него поместился градоправитель, слева – Мицлав. Градоправитель, худой, высокий, опрятно одетый пожилой человек, встал и произнес:

- Панство, представляю вам высокородного барона Кирия Динского, сына Ульта, официального представителя княжны Эглины Фаркской. Барон любезно согласился ответить на ваши вопросы сегодня.

- Я буду рад дать некоторые разъяснения почтенной публике, - сказал Кирий, поднявшись. Он оценил собравшихся представителей прессы. У многих на лицах читался интерес и любопытство, у некоторых – волнение, у парочки – видимо, тех самых представителей Терии – неприязнь. Особо выделялась девица в красном платье с глубоким декольте и короткими рукавами. Волосы ее были распущены, рассыпаясь по плечам. Шею скрывал шарф в цвет платья. «Видимо, та самая гостья с Севера, - подумал Кирий. – Вполне ничего себе».

А Ния из Яра с первого взгляда про себя оценила Кирия как скользкого и верткого. Для себя она решила, что вытянет из него все, что только сможет, а если получится, то выведет из себя, дабы увидеть лицо местного дворянства.

Ирлинг недооценил Нию, посчитав, что она успокоится после его интервью. Северянка еще в кабинете канцлера решила, что получить ответ на все интересующие ее вопросы она сможет, только побывав на месте событий. Несмотря на все возражения своего местного начальника («Ния, мы тебя увезли сюда, чтобы тебя не убили, а ты снова лезешь на рожон!»), она отбыла в Фарк через день после разговора с Ирлингом. Ния успела посетить столицу княжества, прочувствовав аромат тревоги, носившейся в воздухе там. Приехала в Терию, но представители Милана, сославшись на большую занятость, отказались с ней встречаться. Тогда, посетив одного знакомого из местной газеты, она узнала, что вскоре состоится общение Кирия Динского с представителями прессы. Ния не могла упустить такой случай и вместе со своим товарищем отправилась в Дин.

Первая часть встречи прошла для Нии скучно. Местные задавали обычные вопросы – о биографии, о службе, о семье. Кирий Динский столь же предсказуемо на них отвечал.

Также не удивил барона и выпад ее знакомого, Сайна из Надтерницы, о «недопустимой для дворянина Фарка позиции по вопросам разбазаривания местных богатств». Кирий, улыбнувшись, ответил, что все вопросы собственности и на землю, и на другие богатства были согласованы в статутах при присоединении княжества и данный вопрос лучше обсуждать на сейме и в Государственном Совете, который последние несколько раз Альда Фаркская игнорировала. Что, несомненно, подтверждает ее непригодность для правления – ведь если у дворянства есть вопросы, а их лидер не выставляет их на обсуждение, то следует задуматься о компетентности лидера.

Следующие несколько вопросов касались роли канцелярии в конфликте.

- В настоящей ситуации, пока действия сторон не затрагивают национальной безопасности, я высказываю свою политическую позицию как дворянин Великого княжества и княжества Фарк, - ответил Динский на последовавший вопрос. И этот ответ наконец позволил Нии вступить в дискуссию.

- Значит, вы можете изменить позицию, если действия той или другой стороны затронут национальную безопасность.

- Пани…

- Ния из Яра, - сказала девушка, поднявшись и поклонившись.

- Пани Ния, как человек, поклявшийся служить государству, в случае, если будет затронута его безопасность, я поставлю интересы государства выше своей позиции, - ответил Кирий без улыбки.

- То есть, - продолжила Ния, - если ваши политические сторонники нарушат законы Великого княжества, пускай даже в борьбе за ваше дело, вы откреститесь от них?

- Я постараюсь не допустить такого поворота событий, - сказал Кирий и нахмурился.

- А если все-таки это произойдет?

- Я сделаю то, что должен, - отрезал Кирий.

- Предположим, что я приму такой ответ, - обворожительно улыбнулась Ния. – Если коллеги мне позволят, у меня есть еще вопросы.

- Пожалуйста, - сказал, улыбнувшись, сидящий рядом пожилой брюнет, журналист миковского «Вестника», - продолжайте.

- Господин барон, - Ния оперлась рукой на стол, - вы говорили, что канцелярия не участвует в текущих событиях в Фарке.

- Совершенно верно, - согласился Кирий.

- Насколько мне известно, - продолжила Ния, - вы, как офицер канцелярии, возглавляли группу, которая спасла княжну Фаркскую от покушения на ее жизнь в городке Нирра летом.

- У вас хорошие информаторы, пани Ния, - испытующе посмотрел на нее Песка. – Но отрицать я не буду, именно так и было.

- Где сейчас остальные члены вашего отряда, пан Кирий? - спросила Ния. – Если вы сейчас заняты исполнением своего гражданского долга, что делают они? И не они ли помогли вам доставить так своевременно княжну Эглину в Фарк?

Кирий глубоко вздохнул и задержал дыхание. Естественно, ему не было известно, что Ния встречалась с канцлером Ирлингом и именно от него узнала об «Алом Клинке». Песка представить себе не мог, что именно канцлер допустил такой промах, снабдив журналистку этой информацией. Мысли мгновенно сложились у Пески в концепцию: однажды они и сами подставили журналиста под удар, рассказав ему то, что тот знать не мог по определению. И когда того попытались убрать, «Алый Клинок» взял нечистого на руку градоначальника. Теперь же Песке представилось совершенно другое. «Знали о том, что в Нирре действовал боевой отряд, мы. Еще могли выяснить наши противники, но в прессу это точно не уходило. Значит, сейчас они хотят подставить эту самую Нию под удар. Я-то ее трогать не буду, но вот кто-нибудь из бойцов Теринского или Гарды вполне себе может убить ее. И тогда завопят, что именно мы ее убрали – за неудобные вопросы».

- Подробностей работы моих коллег я не могу раскрывать во всеуслышание, пани Ния, - ответил он через несколько мгновений. – Наша работа связана с определенным риском для жизни, вы понимаете.
- Понимаю. Но и на последний вопрос вы мне не ответили. Не они ли помогли вам преодолеть незаметно путь к Фарку?
- Этот вопрос я также оставлю без комментариев, - сказал Кирий.
- Тогда скажите, возобновление расследования обстоятельств смерти княгини Иллы Фаркской канцелярией не является ли попыткой давить на политических противников? Ведь расследование уже проводилось, и смерть была признана естественной.
- Возобновление расследования – лишь часть мероприятий, направленных на проверку действий местной канцелярии, - ответил Кирий. – У нас имеются основания полагать, что расследование провели не должным образом.
- А не кажется ли вам, что это слишком странное совпадение, пан Кирий, - вклинился уже журналист из Озерца, - что проверка началась именно в этот момент?
- Проверка началась после заявления княжны Эглины о покушении на ее жизнь, - Кирий начинал выходить из себя. Мицлав посмотрел на него обеспокоенно. Песка словил его взгляд, мгновенно собрался и изобразил вежливую улыбку. – Больше, к сожалению, я вам ничего не смогу сказать, пани Ния. Интересы следствия.
- Спасибо, господин Динский, - улыбнувшись в ответ, сказала Ния. – Пока больше вопросов у меня нет.

Беседа продлилась еще полчаса и была менее острой, несмотря на попытки газетчиков Теринского снова вернуться к вопросам, поднятым Нией. Что в очередной раз убедило Песку, что он на верном пути. Закончив на вопросе о политических планах («Нет, пан, я не претендую на княжеский престол, публичность меня очень тяготит, сами видите»), он поблагодарил собравшихся и объявил встречу законченной. Затем вышел в сопровождении Мицлава и сказал тому:
- Отправляйся к отцу, скажи, чтобы усилил отряды стражи в Верхнем Городе. Пусть узнает, где поселилась эта Ния и поставит охрану там. Нужно отправить гонца в Ластарт, к подканцлеру. Мне нужна информация о ней, чем быстрее, тем лучше.
- Понял, пан Кирий, - быстро ответил Мицлав.
- Я провожу ее к дому, - продолжил Песка. – Без охраны – чтобы не настораживать.
- Ваш отец не одобрит…
- Мне плевать, это нужно для дела, - рявкнул Кирий. – Я могу о себе позаботиться! Ступай!
- Хорошо, пан Кирий, - Мицлав поклонился.

Песка нагнал Нию у выхода из ратуши. Та была очень удивлена, но, как показалось Песке, ни капли не напугана его появлением.
- Господин барон? Я не ожидала вас увидеть так скоро.
- Мне показалось, что не стоит вам идти одной, - сказал Кирий. – Если вы согласитесь, чтобы я составил вам компанию.
- Но неужели ваш город так небезопасен, - улыбнулась она удивленно, – что почти средь бела дня мне может что-то угрожать?
- Я думаю, вы понимаете, что сама ваша профессия не слишком безопасна, - сказал Песка и тут же спохватился. – Не сочтите за угрозу.
- Не сочту, - сказала Ния уже серьезнее. – И я прекрасно это понимаю. И, поверьте, могу за себя постоять.
- Тогда я могу предложить вам ответить еще на несколько интересующих вас вопросов, - сказал Кирий. – Если вы согласитесь на мою компанию

«Все понятно, - подумала Ния. – Господин барон хочет развлечься с заезжей писакой, а потом уговорить – чисто по любви – ничего не писать. Это мы уже проходили, но я посмотрю, что сумею из тебя вытащить».

- Вы умеете убеждать, барон, - она кокетливо потеребила прядь волос. – Ну что ж, пойдемте.

Несмотря на опасения Кирия, говорила она с ним по дороге о всякой чепухе. По жестам и поведению походило на то, что она хочет его соблазнить. Но она переигрывала в некоторых моментах, поэтому Песка решил, что этот флирт рассчитан на то, чтобы он потерял бдительность и она выведала у него что-нибудь сенсационное. Его это пока устраивало, так что он спокойно подстроился под линию поведения Нии.

Ния не могла знать о ложных подозрениях Кирия. Да и не могли они оправдаться – Ния приехала слишком внезапно, чтобы Теринский или Гарда могли включить ее в игру. Динский же, будучи человеком, для которого смертельная опасность была частью работы, но которая редко относилась к нему персонально, не включил в расклад то, что его самого могут попытаться убить.

Они разговаривали о генеалогии дворянских родов Фарка и уже подходили к корчме, где сняла комнату Ния, когда краем глаза Песка уловил движение. Ния шла слева, и Кирий сделал шаг, заслоняя ее, когда навстречу им выступил худой осунувшийся юноша с малым самострелом. Кирий успел вытащить свой самострел – но тут резкая боль пронзила его грудь справа, в глазах потемнело, и он почувствовал, что падает. Он успел услышать крик и после этого потерял сознание.

Фольварок Рейк, пригороды Улесья. Год 1476 от В.Н., 28 день осени.

- Держу пари, Песка там развлекается, - сказала себе под нос Иртэя, сидя за столом кабинета и перечитывая протокол осмотра дома и записи показаний слуг, сделанные после смерти Иллы Фаркской. – Да и Мали, судя по всему, не скучает.

Вчера Мали приехала в Рейк в весьма возбужденном состоянии, долго беседовала с Бойковским и Эглиной, получила в свое распоряжение увесистый кошель с монетами и охрану из десятка вооруженных до зубов дворян и уехала. На вопросы Иртэи она ответила только, что у них появилась зацепочка и скоро с ненавистным всему местному дворянству бароном Клио будет покончено.

- А ты, хочешь сказать, грустишь? - подначил ее эльф. Он в своей обычной манере прогуливался вдоль книжных полок, переводя взгляд то на книги, то на окно, то на Иртэю.

- Мастер, а вас из Мертволесья за дрянной характер выгнали или за навязчивую привычку мешать работать? – огрызнулась девушка.

- Скорее за второе, - ничуть не смутившись, ответил эльф. – А что, я не прав?

- Если развлечением вы считаете читать эти записки, то ошибаетесь, - Иртэя перевернула страницу. – Таких вещей я еще в Илине начиталась. «Все было как всегда», «ничего не видела». Мне кажется, что случись здесь пришествие Богов, все равно при опросе скажут «ничего не видели»!

- Может быть, - согласился Иниан. – Считаешь, следует опросить их еще раз?

- Ничего не даст, - покачала головой Иртэя. – Из находившихся здесь тогда остались дворецкий, псарь, свинарь да жрец с послушником. С тремя первыми я уже поговорила. Дворецкий подтвердил свои показания слово в слово, кажется, даже паузы ставил в том же месте. Псарь со свинарем в тот вечер рубились в карты. Никто не приезжал, ничего подозрительного не слышали. Ночевали в домике для слуг. Говорят, что спали, как убитые. Хотя, судя по всему, надрались они порядочно и не видели ничего.

- А жрец?

- Этого я выловить не смогла пока, - ответила Иртэя, - С послушником побеседовала, но там парень больше пялился мне на грудь, чем на вопросы отвечал.

- Ну, не могу его винить, у них до конца обучения обет безбрачия. А тут такая женщина! – лицо эльфа оставалось совершенно серьезным, и Иртэя пропустила очередную шпильку мимо ушей. – Давай тогда сначала: в ночь смерти Иллы в доме не было никого, кроме нее и слуг. Утром ее обнаружила служанка, которая пришла сообщить, что приготовила завтрак. Показания служанки у нас есть?

- Допрошена с пристрастием, - ответила Иртэя. – Ну, здесь понятно, проще всего повесить труп на того, кто нашел. Но там свидетельств насильственной смерти не было, и от девчонки отстали.

- Хорошо. Обследование лекарей показало, что ядов ей не давали?

- По крайней мере, тех, что можно было бы обнаружить знахарскими средствами, - кивнула Иртэя. – С другой стороны, смерть не была вызвана болезнью. Создавалось такое впечатление, что она просто умерла без всяких на то причин.

- Магический осмотр не проводили?

- Нет, ограничились тем, что осмотрел послушник. Потом дело решили быстро свернуть – вроде как даже по приказу княжканцлера.

- Вот это и странно, - сказал эльф. – Тем более что доверили осмотр послушнику, а не позвали самого жреца.

- Жрец тогда седмицу пил – кстати, со свинарем и псарем, - заметила Иртэя. – К осмотрам, видимо, был непригоден. Парень, служка в смысле, все, кстати, профессионально записал и качественно оформил.

- Молодые – они такие, дотошные, - Иниан подошел и сел на стул напротив Иртэи. – В покоях у нее было что-нибудь подозрительно?

- Ничего, судя по записям. Воду у стола проверили на яды, постель и все, что она могла носить – тоже.
- А что говорят про состояние? Особенно дворецкий. Что-нибудь странное заметил за хозяйкой?
- Нет, ничего. И она ни на что не жаловалась. Единственное, где-то декады за две до смерти она стала гораздо более задумчивой, менее эмоциональной. Необщительной, что ли.
- Строгой? Придирчивой? – спросил Иниан.
- Нет, просто менее общительной, - пожала плечами Иртэя.
- Странно, - сказал Иниан. – Будет очень обидно, если это все окажется действительно естественной смертью.
- А если магия?
- Сомнительно. Такие вещи отслеживает Орден боевых магов своими средствами. Этих ребят не подкупишь, и методы у них надежные. Они чувствуют даже ланиртскую порчу, не говоря уже о серьезных ритуальных проклятиях. Только храмовые проклятия они не видят. Поэтому я и спросил про жреца. Но их обнаружили бы на вещах при магическом осмотре. Ты покои ее сама осматривала?
- Не осматривала, - покачала головой Иртэя. – Руфий не пускает туда никого без присутствия хозяев. Да и без Эглины там делать нечего – я ведь не знаю, что там должно быть, а чего нет.
- А пани Ирия?
- Она ничего не заметила на первичном осмотре. Вряд ли и сейчас сможет нам помочь.
- Княжна тоже, - заметил эльф. – Она здесь не была почти десять лет. Достаточный такой срок, чтобы что-нибудь поменять в покоях.
- Все равно, если проводить осмотр, то только вместе с ней. Может, она бы заметила что-нибудь нехарактерное для ее матери.
- А в чем проблема?
- Проблема в том, что Эгли… - Иртэя запнулась. – Она очень болезненно относится к смерти матери. Даже когда мы просто гуляли по дворцу, всякий раз, когда она говорила о матери, у нее слезы в глазах проступали.
- И? – недоуменно посмотрел на Иртэю Иниан.
- Мне неприятно причинять ей боль.
- А я думал, в дознаватели канцелярии берут менее сентиментальных сотрудников, - покачал головой эльф. – Пошли, мястканцлер, раз уж сама ты не можешь отделить личное от делового.

Иртэя про себя обругала эльфа последними словами, но встала и вышла из кабинета вместе с ним.

- Наша задача – это провести расследование как можно быстрее и тщательнее, - говорил Иниан, пока они шли в главный зал. – Важна определенность – можем ли мы полагаться на этот козырь в борьбе с Теринским или нет.

По дороге Иниан перехватил молодого помощника дворецкого, велел тому разыскать Руфия и отправить ожидать их к комнатам покойной княгини.

- Чем там сейчас наша княжна занята? – спросил у Иртэи Иниан, когда они подходили к главному залу.
- Танцами, - ответила та.
- Чем?!
- Пани Ирия считает, что княжна должна произвести впечатление на балу, - пояснила Иртэя. – Поэтому повторяет с ней этикет и танцы.
- Эка невидаль, танцующая девица, - проворчал эльф. – Вот умная девица – это да, это случается редко!

Иртэя приготовилась съязвить насчет мужского ума, но эльф рывком приблизился к дверям большого зала, отворил их и влетел внутрь, девушке только и оставалось, что

последовать за ним. На них обернулись все – и придворный музыкант, прекративший наигрывать вальс, и Ирия, прерванная открытыми дверьми на полуслове, и стоявшие в паре Ника и Эглина, немедленно отодвинувшиеся друг от друга и застывшие с таким видом, будто их застали на месте преступления.
- Княжна, - сказал Иниан, - прошу простить, что оторвали вас от важных государственных дел, но нам необходима ваша помощь.
- Мастер Айклин, - ворчливо сказал старая баронесса, - вы слишком бестактны для представителя своего народа. Что за манеры? Могли бы постучаться, или же прислать слугу.
- Так быстрее, - откликнулся Айклин и поманил Эглину пальцем. – Пойдем, княжна.

Эглина глянула на баронессу, помедлила, потом поклонилась ей и подошла к эльфу.
- Куда мы идем, Мастер? – спросила Эглина.
- В покои твоей матери, - ответил эльф. – Посмотрим, может, ты сможешь нам что-нибудь подсказать.

Эглина наклонила голову и ничего не ответила. Спорить с эльфом было бесполезно. Если он решил, что так нужно, он не отступится. Но любые воспоминания о матери делали Эглине больно. В Нирре она почти что забыла об этой своей жизни, притупила воспоминания и привыкла считать себя сиротой. Проживание в Рейке оживило детские воспоминания, и теперь в ней каждый день болью отзывались слова Альды о том, что Эглина бросила семью. Отец был тираном, но когда он умер, она могла вернуться и, возможно, все было бы по-другому – эта мысль не оставляла ее. «Почему я не вернулась тогда? - спрашивала она себя. – Почему меня пришлось уговаривать вернуться сюда? Из-за отца? Он давно мертв. Чего я боялась?». Мать ее никогда не возражала отцу, но она относилась к дочке с добротой, насколько могла. Эглина могла быть на нее обижена за то, что та не заступилась за нее, но понять, почему она не смогла уладить этот конфликт, когда отец был уже мертв, а мать еще нет, теперь у Эглины не получалось.

Иртэя видела, что княжну гнетут тяжелые мысли, и почти ненавидела эльфа за его действия, хотя прекрасно понимала, что тот прав. Эльф же, как ни в чем не бывало, поднимался по лестнице впереди всех. Иртэя вдруг подумала, что тот прекрасно читает эмоции – как ее, так и Эглины – и сам все осознает. «Хороша же я, в самом деле, - одернула она себя. – Это уже не то что «непрофессионально», здесь уже пора раппорт по несоответствию писать».

У покоев Иллы их ждал Руфий, как обычно безукоризненно одетый и подтянутый.
- Вы звали меня, Мастер Айклин? – спросил он после того, как поклонился.
- Звал, Руфий, звал, - сказал Иниан. – Можешь отпереть нам покои пани Иллы? Мы хотим еще раз осмотреть их в твоем присутствии. Вдруг ты сможешь что-нибудь нам подсказать.
- Если княжне будет угодно, - ответил Руфий, и Эглина кивнула. Иниан осмотрел его сквозь Тьму – дворецкий был вообще непроницаем, лишь иногда резкие вспышки негатива озаряли ауру.

Руфий открыл дверь, пропустил вперед себя Эглину, Иртэю и Иниана и затем вошел в покои. Тусклый свет еле пробивался из-за штор. Аккуратно застеленная широкая кровать, две тумбочки при ней, туалетный столик с зеркалом напротив кровати. Над ним, чуть левее, портрет молодой задумчивой девушки с серебряными волосами. Точно такой портрет Эглины был в ее личном деле, которое им показывал канцлер, вспомнилось Иртэе. На стене напротив окна еще два портрета. На одном женщина средних лет в бальном платье, с заплетенными в косу рыжими волосами, на втором одетый в мундир гвардии Рейка гладковыбритый брюнет.
- Дед и бабушка, - сказала Эглина, когда взгляд Иниана скользнул по ним.
- Понятно, - Иниан перевел взгляд на нее. – Ты похожа на бабку. Всем, кроме волос.

- Серебряные волосы у нас по отцовской линии, - Эглина выглядела спокойной, но эти слова вызвали у нее вспышку эмоций. – Я думала перекрасить однажды, но Ника сказала, что мне не стоит их портить.
- Правильно сказала, - одобрил Иниан. – Редкий цвет и очень красивый. Иртэя со мной согласится.
- По мне, цвет волос должен нравиться себе самой, - заметила Эйниэ. – Я с десяток лет назад вообще красилась каждый сезон. Хотелось попадать в настроение времен года.
- Ладно, - прервал ее эльф. – Давайте быстренько посмотрим, что здесь может быть не так.
- Знаете, Мастер, - сказала Эглина. – Это может показаться странным, но тут все как будто застыло с тех времен, как я здесь последний раз была. Единственное что… - она подошла к стене, где висел ее портрет, и показала на место чуть правее его. – Видите, здесь стена чуть менее выцветшая. Тут висел портрет Альды, написанный, когда ей было двенадцать, перед дворянской клятвой.
- Совершенно верно, Ваше Высочество, - сказал Руфий. – Примерно за две декады до смерти ваша матушка приказала снять портрет княгини Альды и унести его в подвал.
- И как раз после этого она стала менее общительной? – спросил у него Иниан.
- Совершенно верно, Мастер Айклин, - ответил Руфий.
- Больше ничего не происходило в это время?
- Насколько я припоминаю, нет, - ответил Руфий.
- Хорошо подумайте, Руфий, - сказал Иниан строго. – Очень хорошо подумайте, не происходило ли что-нибудь в это время.
- Я подумаю, Мастер Айклин, - все так же бесцветно произнес дворецкий.
- Эглина, посмотри, пожалуйста, что еще могло здесь измениться, - обратился Иниан к княжне. Некоторое время Эглина осматривала комнату.
- Мы здесь прибрали после того, как княгиню похоронили, - заметил Руфий. – Когда было объявлено, что смерть ее была естественной. Но по приказу пани Ирии здесь все так, как было в последние дни при пани Илле.
- Нет, я больше ничего странного не вижу, - сказала Эглина. – Можно, я пойду?
- Пожалуйста, - кивнул Иниан. – Эйниэ, проводи княжну и можешь тоже сегодня расслабиться.
- Как прикажете, пан эльф, - со всем возможным сарказмом в голосе сказала Иртэя, и они с Эглиной вышли.
- Скажи, Руфий, - Иниан приобнял дворецкого за плечи, когда они вышли из комнаты и тот запер дверь, - а пани Илла не передавала никаких распоряжений или не посылала никаких писем? Или, может, сама куда-нибудь ездила без сопровождения как раз в тот момент? За две декады до смерти?
- Не припомню такого, Мастер Айклин, - сказал Руфий, освобождаясь от объятий эльфа. – Если разрешите, я пойду. У меня еще много дел.
- Да, конечно, иди, - кивнул Иниан. Руфий ушел, а эльф спустился в кабинет и просидел там до вечера, листая записи, которые до этого изучала Иртэя.

Ночью, после того как Ника уснула, Иниан осторожно встал с кровати, вышел в коридор и поднялся на второй этаж. Пройдя к комнатам покойной княгини, он аккуратно вынул из кармана ключ, похищенный у дворецкого днем, отпер дверь и вошел внутрь. Сила Истока, которую эльфы именовали Тьмой, давала храмовникам многие возможности. Большая часть из них была пригодна лишь в бою, часть – для допроса и устрашения. Такие же, как «темная сеть», которую применил канцлер Ирлинг, когда искал Иниана Айклина, была полезна в исключительных случаях. Сейчас Иниан сосредоточился на своем восприятии. Вещи хранили воспоминания, эмоциональную окраску тех, кто к ним прикасался, так же, как жилища обрастали эмоциями проживающих. Все связанные с Тьмой могли ощущать негативные эмоции живых существ, многие – чувствовать и видеть изменения в ауре. Но снимать эмоциональные отпечатки с вещей и жилищ было умением

уникальным, на которое требовались годы тренировки. И Иниан Айклин был одним из тех, кто владел им.

В комнате было темно, и Иниан прекрасно себя чувствовал. Он расположился на полу рядом с кроватью. Лег, расслабился и погрузился в ощущения. Они медленно, неспешно захлестывали его, словно волны при слабом ветре, и он держался на этой темной глади, постепенно, как выпускают при погружении из легких воздух, развязывая незримые нити, связывающие разум с телом. И медленно погружался, пока ощущения-волны с головой не накрыли его.

Комнатой после смерти Иллы не пользовались, только протирали пыль раз в седмицу. Вещи хранили воспоминания о прикосновениях слуг – иногда бережных, иногда раздраженных, но редких и, в общем-то, безучастных. О самой Илле сохранился более детальный след. Налет смерти и энергетической бури, последовавшей за ней, сохранились на полу. Чувство слабости и бессилия – на кровати. Но это были не те чувства, которые привели ее к кончине. Слабость и бессилие перемешивались еще с чем-то, но эмоция была слишком закрученной, с огромными вкраплениями светлых пятен, чтобы он мог ее прочитать. А самое главное, что налет этой эмоции был слабее остальных. Недолго она владела чувствами княгини – но прочно, раз ее налет отпечатался в вещах. А еще он чувствовал, что последние дней пять жизни Иллы ее эмоции и чувства слабели. И, судя по всему, слабела и сама княгиня. Жизнь покидала ее медленно и неотвратимо. А самым удивительным было то, что в момент смерти кроме естественного страха княгиня испытала еще и огромное светлое чувство – на полу, там, где она умерла (этот след отпечатался абсолютно точно), даже след предсмертного страха был практически начисто стерт этим самым чувством. Однако не было ничего, что указывало на отчаянный порыв, свойственный самоубийцам.

Дальше тонуть было бессмысленно – более старые отпечатки захлестывали Иниана, грозя утянуть окончательно, и он волевым усилием, вырвался на поверхность. Сделал глубокий вдох, потер лицо, поморгал глазами. Затем встал, тихо вышел, заперев дверь, и вернулся в свою комнату. Ника спала, на лице ее была улыбка.

Утром, когда Иртэя вошла в кабинет, Иниан уже сидел там, читая какой-то трактат.

- Доброе утро, Мастер, - сказала она. – А Эглина беспокоилась, что вы пропустили завтрак.

- Доброе, Эйниэ, - отозвался эльф. – Я сказал Нике, что буду здесь. Как вы вчера натанцевались?

- Отлично, - ответила Иртэя. – Ника разве не рассказала?

- Мне хотелось услышать от тебя, - улыбнулся эльф.

- Мастер Иниан, зачем вот эти постоянные намеки! – возмущенно сказала Иртэя, усаживаясь на стул напротив него. – Если вы что-то хотите сказать, скажите мне сразу, незачем постоянно кидать двусмысленные фразы!

Иниан посмотрел на Иртэю. С тех пор как они прибыли в Рейк, он все чаще замечал растущую привязанность полуэльфки к Эглине. Памятуя о том, что сама княжна интересовалось Иртэей, эльф находил рост этой самой привязанности, если не сказать влюбленности, удачным для Эглины. И подозрительным – уж не воспользовалась ли его ученица дремавшим в ней даром, дабы не гадать о взаимных чувствах, а действовать наверняка?

- Я тебе ничего не хочу сказать, - наконец произнес Иниан, и Иртэе стало не по себе. – Подумай, что бы ты могла себе сказать в таком случае. И как поступить. Но в свободное время, а сейчас нам предстоит работа.

«Он ведь обо всем догадывается! – раздраженно, с нотками паники подумала Иртэя. – Он понимает, что я успела влюбиться в Эглину! Длимерн побери, я ведь только сейчас себе в этом призналась сама, а он это уже давно понял! Проклятье, проклятье, проклятье!»

- Иртэя, успокойся, - Иниан на этот раз не оторвал взгляд от книги. Иртэя прочитала надпись на обложке: «История современных религиозных учений, обрядов и ритуалов». – Ты пылаешь, как люстра на королевском балу. Твои чувства к нашей подопечной – твое личное дело, не выставляй их так напоказ. Она, в общем, тоже владеет Темным зрением и прекрасно их видит.
– Проклятье! – выругалась Иртэя. – Я ведь никогда на женщин не заглядывалась. Ну, был один случай, но еще в приюте, и… Да что я говорю?! Мастер Иниан, вы мудрый, скажите мне – что мне делать?
- Еще чего – я мудрый, - хмыкнул Иниан. – Не льсти мне, милая. Был бы мудрый – не сидел бы здесь с тобой, а заседал бы в Мертволесском королевском Совете. Или основал бы бордель в Срединных землях. Второе, пожалуй, мудрее. Что тебе делать? Этим вопросом мучается каждый влюбленный в твоем положении. Я признался бы ей во всем.
- А если… ну, она же девушка, - замялась Иртэя. «Ну точно девочка в храмовой школе перед строгой учительницей», - подумала она, но сил продолжать уже не было
- И что? – эльф отложил в сторону трактат. – Это что-то меняет? Боги, даже ваш правитель в законы прописал любовь существ, которые признаны разумными - хоть гнома к ожившей тумбочке. Хотя среднестатистический гном куда менее разумен, чем ты, не говоря уже об оживших тумбочках. Все, соберись, тряпка! Лучше сделай своей возлюбленной подарок и наконец помоги мне разобраться кое в чем, что мы упустили. А упустили мы самое главное – мотив преступления. Какие твои версии – за что убили княгиню?
- Мы предполагали это очевидным, - пожала плечами Иртэя. Слова эльфа подействовали на нее отрезвляюще, и она смогла взять себя в руки. – Она мешала Теринскому жениться на Альде.
- Да, предполагали, но это глупо, - Иниан подался вперед. – Подумай сама: прав что-либо запрещать у княгини-матери не было, только советовать. А наша Альда воспитана так, что скорее бы восприняла слова мужчины, уж так повелось в этой семье. Теринский бы уже женился, и мы бы ничего не смогли с этим поделать. Как раз убийство Иллы ему было очень невыгодно.
- Если думать в этом направлении, то ее смерть была более всего выгодна местному дворянству – как раз чтобы отложить свадьбу, - нахмурилась Иртэя.
- Я думал об этом, - кивнул Иниан. – Но здесь тоже вряд ли. Княгиня была очень значимой картой в этом раскладе, чтобы так бездумно ею жертвовать, тем более что ее позиция по поводу брака дочери, а еще, судя по снятому портрету, и в отношении самой дочери резко поменялась. То же самое можно сказать и про ваших шефов – ни Ирлинг, ни Неркан особо не интересовались происходящим в Фарке, пока Теринский не встал на дыбы. А спровоцировала его к этому во многом смерть Иллы. Прибавим к этому, что непонятен выбор времени убийства. Если бы ее убили после свадьбы – это одно. Если бы прямо перед свадьбой – другое. Но здесь – мотивация непонятна.
- Ребята из Гарды постарались? – предположила Эйниэ.
- Тоже сомнительно, - ответил Иниан. – Им-то да, спровоцировать Милана вроде и логично. Но, как я только что сказал, им было выгоднее убить ее после свадьбы и уже тогда спровоцировать Милана к, может быть, даже разрыву с Альдой и активным действиям.
- А если они идиоты? – предположила Иртэя.
- Такое может быть, - согласился Иниан, - но я бы вернулся к этой версии, когда мы отработаем все остальные.
- А что нам остается? Если никому не было выгодно ее убить в этот момент ни ради провокации, ни ради того, чтобы облегчить себе жизнь, тогда мотива не было и это не было убийством. Потому что убить ее так изощренно, чтобы мы до сих пор не нашли никаких следов просто так – это уже слишком сложно.

- Вот и я так подумал, - согласился Иниан. – Но, предположим, я понял, как ее могли убить. И даже подозреваю, кто. Но вот с мотивом – беда.
- Ну так расскажите мне, - заинтересованно сказала Иртэя. – Может, вместе чего и сообразим.
- Здесь, я думаю, тупик в доказательствах, - вздохнул Иниан. – Если по порядку: ночью я пошел в покои пани Иллы…

Он рассказал о ритуале и о своих ощущениях. Иртэя слушала и поражалась, она о подобных способностях и не подозревала. Хмыкнула, когда Айклин объяснил, как достал ключ. Потом эльф подробно остановился на чувстве медленного умирания.
- Я о таких вещах слышал, хотя практиковали их достаточно давно, еще до моего рождения. Трактатик этот, кстати, занятный, в нем немного, но есть об этих заклятиях. Назывались они «оковы наказания» и надевали их в Темном Храме на особо провинившихся жрецов – тех, кто предал веру, или же еретиков. Оковы медленно вытягивали жизнь из носителя, и каждый его день мог стать последним.
- Ожидание смерти в качестве пытки? Умно и жестоко.
- Да, именно так, - согласился эльф. – Многие сходили с ума от него, но не в этом суть. Действие таких браслетов по описаниям очень походит на то, что происходило с княгиней, судя по моим ощущениям. После смерти заклинание рассеивалось вместе с энергией – уносило «покаянную» энергию Богам. Поэтому магический осмотр ничего и не подтвердил.
- То есть убийство спланировали и заставили Иллу надеть этот браслет, - стала размышлять Иртэя. – Причем добровольно. Идиотизм какой-то.
- В точности повторяешь мою мысль, - Иниан встал и прошелся вдоль книжных полок. – Если бы я смог подтвердить эту версию, то можно было думать дальше. А так…
- В любом случае, - заметила Иртэя, – знать об этих ритуальных браслетах из местных мог только жрец. Или послушник. А никого из чужих в Рейке в тот сезон не приезжало.
- Да, у нас есть подозреваемые, - согласился Иниан. – Но пока мы не знаем, почему, за что, и не можем понять, как.

В этот момент в комнату постучали и вошел Руфий.
- Мастер Айклин, Ее Высочество спрашивает, будете ли вы завтракать? – сказал он.
- Руфий, ты вовремя, - сказала Иртэя. – Скажи-ка, а пани Илла в последние несколько седмиц своей жизни ходила в местный храм?
- Мммм, - неожиданно задумался Руфий. – Да, однажды. Дней за пятнадцать до смерти. А потом где-то за пять.
- Вот оно! – сказал Иниан. – Как жаль, что я не смогу осмотреть тело!
- Почему не сможете? – спросил озадаченно Руфий. – Вам не позволяют религиозные взгляды?
- Она же давно умерла! – сказал Иниан раздраженно. – Даже если ее не сожгли, в земле тело уже успело разложиться.
- Прошу прощения, пан, - деловито сказал дворецкий, – но пани Иллу забальзамировали и похоронили в семейном склепе, в храме Семи, рядом с фольварком.

Иниан и Иртэя переглянулись. Затем одновременно выругались. Ни один из них не был знаком с похоронными обрядами знати. Действительно, они не могли предположить самого вероятного – коронованную особу не будут зарывать в землю.
- Отлично, Руфий! Спасибо тебе! – Иниан встал и похлопал его по плечу, незаметно возвращая украденный вчера ключ в карман.
- Благодарю, Мастер.
- Только хорошо бы попасть туда, когда жреца и послушника не будет, - сказала Иртэя.
- Это точно, - озадаченно сказал Иниан. – Но этот момент я думаю, мы продумаем. Руфий, ты ведь понимаешь, что ты этого не слышал?
- Чего не слышал, Мастер Айклин? – спросил Руфий совершенно серьезно.
- Молодец, - снова похвалил его Иниан.

- Благодарю, Мастер, - повторил Руфий. – Но вы не ответили на вопрос: будете ли вы завтракать?
- Буду, - озорно усмехнулся эльф. – И с превосходным аппетитом!

Корчма «Ведьмина метла». Гиррд, графство Фарк. Год 1476 от В.Н., 29 день осени.

В Метле сегодня было немноголюдно. Редкие посетители занимали столики у дверей, парочка завсегдатаев расположилась у барной стойки. В зале то и дело раздавались шаги официантки и приглушенные разговоры. Несмотря на отзывы Сайна, Метла была для Гиррда неплохим заведением, рассчитанным на полсотни мест, и хозяин в данный момент очень переживал, что этим вечером потерпит убытки. Но у местных был хороший нюх на те места, которые не стоит посещать в определенный вечер. Стоя за барной стойкой, хозяин, полный, крепкого вида лысый мужчина, косился на виновников своего сегодняшнего невезения. Виновниками этими были Янка Кот и Зар Вестник, в компании рослых молодцов ужинающие в дальнем углу зала.

- Я бросил клич, Вестник, - сказал Кот, пригубив пива, - но сейчас поговорить с Тихо очень сложно. Пару его кабанов повязали недавно, двоих уже повесили. Он залег на дно. Похоже на то, что готовит последнее выступление – нечто вроде бунта, чтобы за собой утянуть побольше врагов.

- До него дойдут новости, что Артель ему может помочь? – спросил Зар. Он не притрагивался к пиву, но уже обильно поел и заказал еще.

- Дойдут, - сказал Кот. – Но он может им и не поверить. Люди Тима, напротив, очень уж заинтересовались твоим появлением. Хотя, если честно, я им не верю. Гнилые это ребята, и сам Тим еще тот упырь.

- Я тебе уже говорил, Кот, - Вестник наконец сделал большой глоток из своего бокала, громко выдохнул, будто бы пил настойку, и продолжил, - лично мне Тихо нравится больше. Но указания у меня четкие – Фарк должен быть под Артелью. Тихо ли, Тим ли будут здесь вести дела – это зависит от них. Если они оба не пошевелятся, то здесь будет много крови.

- Ну, на меня ты можешь рассчитывать, - ухмыльнулся Кот. Шрамы на его щеках, из-за которых он и получил прозвища, набухли, все более напоминая кошачьи усы. – Здесь сейчас такая заварушка, что можно неплохой кусок урвать.

Сайн кивнул, соглашаясь, и откинулся на спинку стула, потягивая пиво.

Янка Кот в детстве остался сиротой при живой матери. Отец, грузчик в речном порту Гиррда, как-то пьяный сорвался вечером с пирса и утонул. Мать с горя запила. Дома стали появляться задрипанного вида мужички, с которыми она развлекалась. Все, что ей удавалось получить от них, она пускала на выпивку, а потом и на дурманы. Янка, которому тогда было десять, стал подворовывать, чтобы прокормить себя и младшую сестру. Два года ему удавалось не попадаться, но однажды удача отвернулась от него. Стражники хотели повесить на молодого воришку не только кошель, вытянутый у торгаша на рынке, но и недавнее ограбление богатого купца из Терии. Тогда Янка и получил свои «усы» через все щеки, но не взял на себя чужое. Городской суд дал ему пять лет каторги на каменоломнях Фарка.

Когда Янка вернулся, а возвращались оттуда немногие, он узнал, что дом его сгорел вместе с матерью, а сестра теперь оказалась в борделе недалеко от купеческого квартала. Идти ему было некуда. Помогли старые связи – один из его бывших друзей-воришек теперь состоял курьером у набиравшего силу Толио Лезвия. По его рекомендации худого и ловкого Кота взяли в банду. Имя он получил, наладив доставку запрещенных эдиктами Государственного Совета дурман-трав с южных островов. Через четыре года он уже был уважаемым человеком, приближенным к Толио. Сестру, которая к тому времени подсела на дурманы, он выкупил из проституток и выдал замуж за одного из своих людей. Стражников, которые когда-то обезобразили лицо Кота, после одного вечера, когда они дежурили в рабочем районе, так никогда и не нашли.

Когда в Гиррде и Фарке начались разборки между различными криминальными группами, Кот и его ребята поддержали Толио, метившего тогда если не в «князья», то в криминальные «графы». Беда Лезвия была в том, что он был очень уже бескомпромиссен

и не желал идти на контакт с канцелярией. Сам Толио и его самые близкие люди были убиты на улицах или взяты под стражу и повешены. Все, кроме Янки Кота – которого Зар Вестник вытащил из, казалось, безвыходного положения. Кот уже готовился примерить петлю на главной площади Гиррда, когда Зар нашел свидетелей, утверждавших, что Янка в момент совершения «разбойных акций», в которых его и обвиняли, лежал у лекаря с приступом болей в животе. Те же, кто раньше утверждал, что видели Кота во главе бандитов, теперь не могли вспомнить ни лицо, ни особые приметы главаря (Звяк не спал три ночи, сначала ожидая санкции от Ластарта, а потом организуя уже подготовленную операцию по «честному освобождению» Янки). Чуть позже нашлись и те, на кого удалось свалить те самые действия – главные конкуренты Кота, оказавшие сопротивление и перебитые при аресте. С тех пор Янка унаследовал остатки группы Лезвия и его контакты. А Сайн получил его безоговорочную поддержку и крепкую дружбу.

- Кстати, хотел тебя спросить, - прервал молчание Вестник. – Когда я прошлый раз был тут, ходили слухи, что, дескать, известно, кто убил старую княгиню. Я тогда хотел с тобой пересечься, но не сложилось. Это как, брехня? Или есть что-то действительно интересное?

- Ну, как тебе сказать, Зарка, - Кот почесал за ухом, затем пальцем подозвал Тертого, «сотника» своей охраны, и шепнул тому что-то на ухо. Тот кивнул и произнес:

- Тишка, Мил, пройдитесь по залу, приглядитесь, не присел ли где слухач или шпик.

Два названных бойца встали и пошли выполнять приказ. Они вернулись через мгновение и доложили:

- Все чисто.

- Тогда брысь ближе к центру, парни, - сказал Кот. – У нас тут будет серьезный базар. Тертый, закажи всем по пиву, нам принеси.

Охрана расселась за столики чуть поодаль. Тертый направился к барной стойке.

- Зарка, а с какой целью ты, собственно, интересуешься этим? – спросил Кот. – Ты ж знаешь, мы к франтам стараемся не лезть – у нас своих проблем хватает. И кто тебе вообще это напел?

- Кот, не строй из себя кабана-дурня, - ответил Вестник. – Зачем мне это знать? Ты знаешь, что тайны у франтов – самый ходовой товар. За такие слухи кое-где могут отвалить монет больше, чем ты за всю жизнь видел.

- Или голову снять, - возразил Кот.

- Моя голова – мои трудности, Янка, - твердо сказал Вестник. – Коли бы я о ней часто думал, сча бы здесь с тобой не сидел, да и сдох бы, наверно, с голода уже давно. В общем, если у тебя есть что сказать – говори. Ты знаешь, за мной не заржавеет.

- Половина суммы моя, - сказал Кот. – Тогда договорились.

- Четверть, - бросил Зар. – Это неплохие деньги.

- Треть, - сказал Янка и улыбнулся. – И только из уважения к тебе, брат.

- Идет, - улыбнулся в ответ Зар. – Брат.

Тертый принес пива. Ян сделал жест рукой, и «сотник» отошел на почтительное расстояние.

- По поводу княгини дело темное, Зар, - сказал Кот. – И те, кто это знал, плохо кончили.

- Но ты-то живой, - ухмыльнулся Сайн.

- Ну, во-первых, я не болтал об этом на каждом углу, во-вторых, ко мне не так легко подобраться, - заметил Кот. – Поэтому я тебя и спрашиваю – насколько тебе это нужно и зачем?

- Из чувства самосохранения, значит, спрашиваешь. А я-то уже подумал, что ты обо мне заботишься.

- И о тебе тоже. Но в первую очередь – о себе. Так игра стоит свеч?

- Определенно, - серьезно сказал Зар. – Если слух верный. Я его своим шефам передам, а те уже разберутся, как ее преподнести и под каким соусом.

- Гарантии?

- Кот, твою мать, - Зар несколько раз раздраженно стукнул по столу пальцами, - прекрати ломаться, как целка. Если для тебя мое слово не гарантия – молчи, и сделаем вид, что этого разговора не было. Ты на этих людей сам не выйдешь, и не пробуй даже.
- Да, я не об этом, Вестник, - скривился Кот. – Ладно, слушай. Где-то декады за две, может, чуть меньше до того, как старая княгиня преставилась, я встречался со слухачом знакомым. Ну, ты знаешь, вдруг что интересного болтают или стража что новое замышляет. Среди прочего он мне и говорит, дескать, слышали в корчме в Фарке, как два молодых паночка болтали о том, что кто-то в Рейке решил убить свет нашу княгиню Альду…
- Альду? – переспросил Зар. – Ты чет путаешь, померла же Илла!
- Ты слушаешь или нет? Так вот, говорит, княгиню Альду убить собираются. Я не поверил. Спросил, они хоть из франтов? Он говорит, дескать, нет, на храмовых похожи. Ну, я решил, что пьяная брехня. А он мне и хвастается, что продал эту новость одному франту уже, тот, дескать, заинтересовался очень, много дал. Ну, поздравляю, говорю. Он, говорит, спасибо. Только потом дошло, зачем он мне это сказал – перестраховывался. Если на крючок, знаешь, бывает такое, захотят посадить, или прихватят где, чтобы кто-нибудь что-нибудь знал. Но мало помогло. Потому что его самого нашли через дня четыре в канаве. Ну, территория была не моя, ко мне не лезли, а работа у них опасная. Так что я значения не придал – ну, только подумал, что снова пошла шпана беспредел творить, вот уже и слухачей резать начинают. И тут на следующий день ко мне – раз – и стража с приветом. Оказывается, недалеко от одной из моих точек послушника зарезали. Я им сказал, что не при делах, кто на святого человека руку поднял, с тем я и сам по совести поступил бы. Ну, там десятник был нормальный, мы потрепались. Говорит, что, видимо, полоумный или культист какой на их голову еще объявился. Дескать, сначала слухача порезали, потом послушника. Я киваю головой, а сам подметил, что слухач-то про храмовых и говорил. А потом и старая княгиня померла, пусть Феломена к ней милостива будет. Тогда слух и пошел, что это все связано – хотела, говорят, старая княгиня молодую пришить, да, видимо, молодая успела раньше. Слухач, знамо, не только мне шепнул о рейкском заговоре, а народ подробности сам домыслил.
- Ты точно уверен, что слухач говорил про Альду?
- Зар, я на память не жалуюсь, а такие вещи не каждый день слышишь. Я вот только не знаю, поможет ли твоим важным людям это.
- Того, кто убирал, не нашли?
- Думаю, и не искали. Со смертью княгини они это не свяжут, а те, кому слухач еще шепнул - те, кто поумнее - молчат.
- Понятно, - кивнул Зар.

Это было не совсем то, что надеялся услышать Сайн, но информация определенно представляла интерес. Сведения эти он передаст Льоху послезавтра, а тот переправит их в Рейк. Там Иртэя и Иниан уже определят, как это может повлиять на расследование.
- Что думаешь делать вечером? – спросил Кот.
- У тебя есть предложения? – хмыкнул Зар. – У меня пока планов не было.
- Ну, я хотел зайти к Тальне с ребятами, - ухмыльнулся Кот. Тальна содержала бани и публичный дом, из которого Кот когда-то выкупил сестру. Само заведение фактически принадлежало ему, поэтому члены его группы пользовались там неограниченным кредитом.
- Мыслишка неплохая, - почесал голову Зар.
- Думай, брат, - Ян поднял кружку с пивом, и они чокнулись. Кот пустился в пространные рассуждения о преимуществе шлюх перед честными мястчанками. Сайн хохотал, слушая размышления товарища, иногда возражая, иногда соглашаясь. И в момент, когда они пришли к выводу, что семейную жизнь следует начинать только тогда, когда серьезно задумался о наследнике, в дверь вошли трое молодых людей. Один из них плечом оттолкнул выходящего завсегдатая и, когда тот упал, огласил корчму громким смехом.

- Вот, погляди, - прервался Кот на полуслове, указывая на вошедших. – Вот это то, что свидетельствует о бардаке в городе. Зашли, насрали всем в душу и чувствуют себя князьями.

Сайн посмотрел на вошедших и удивленно крякнул.

- А самое забавное, Кот, - сказал он, – что я этих кабанов уже видел. И они ничему не учатся.

- Ну-ка, - заинтересованно посмотрел на него Кот. В этот момент трое подошли к стойке и начали громко и оживленно препираться с хозяином. – Расскажи-ка.

- А что рассказывать, - сказал Зар. – Когда я заезжал сюда летом, остановился в «Браме». Чтобы не светиться лишний раз. Так вот, сижу на террасе, потягиваю пиво. А вот эти вот подходят и начинают, как обычно, знаешь. «Ты откуда, такой красивый, нарисовался». Вот тот, высокая дылда, который сейчас по стойке стучит. А я сижу, посмотрел на него и говорю: дорасти, чтобы мне тыкать, мальчик. Он покраснел весь, налился, как хер, и перо вытащил. «Порежу, гнида, - кричит. – Будешь меня уважать». В общем, испортил мне день. В «Браме», ты знаешь, кружки тяжелые. Я его в живот кружкой, когда согнулся – мордой об стол. Перышко забрал себе. Потом вежливо, на ушко, попросил больше не портить настроение достойным людям. Полил его остатками пива, чтобы остыл - все равно выплеснул половину. И отдал дружкам.

- Ну ты, Зар, мастер, - захохотал Кот. – А перышко куда дел?

- Да вот оно, - Зар достал кинжал, которому в свое время удивлялся Кирий, и передал Коту. – Приглянулось мне, ничего такое. Вообще непонятно, откуда они его взяли.

Кот осторожно принял кинжал, внимательно осмотрел. Лицо его стало серьезным. Он еще немного повертел кинжал в руках и положил на стол.

- Что случилось, Кот? – спросил Сайн, ощутив, как Янка напрягся.

- Когда, говоришь, ты у них забрал это перо? – Кот медленно произносил каждое слово.

- В пятидесятых числах лета, - удивленно сказал Вестник. – Кот, чего это вдруг тебя так проняло?

- Да я, кажется, знаю хозяина этого ножичка, - скривил губы Кот. В этот момент корчмарь взглядом указал на их столик и компания дебоширов двинулась по направлению к нему. Янка знаком остановил дернувшегося было Тертого, жестами показав, чтобы тот был наготове. – Сейчас мы все и узнаем.

Бузотеры подходили ближе. Все трое были бритыми, одетыми в самодельные кожаные жилеты и широкие тканные штаны. Высокий и худой, бывший у них лидером, был гладко выбрит. Лицо у него было неприятное, глаза навыкате. Двое остальных были пониже, один полноват, второй крепко сбитый. В целом они отличались от основной массы охраны Кота только менее аккуратным видом. На лице у худого застыла наглая улыбка, лица двух других вообще ничего не выражали. Они подходили к столу, не оборачиваясь назад, не замечая, что Тертый сделал знак бойцам Кота и те, поднимаясь со своих мест, образовывали чуть поодаль широкий полукруг. Сам Тертый сделал шаг вперед, готовый в любой момент действовать. Все непричастные к разыгрываемой сцене посетители спешно вставали и покидали «Метлу». Официантка скрылась на кухне, хозяин предпочел отвернуться.

- Эй ты, паночек, - высокий навис над столом напротив Сайна и Кота, обращаясь к первому. Сайн отметил, что на этот раз тот встал в недосягаемости его руки с кружкой. – Ты, смотрю, совсем страх потерял!

- Лишнее перо появилось? – осведомился недружелюбно Сайн.

- Зарка, погоди, - положил ему на плечо руку Кот. – Кабан, а ты, собственно, чей будешь?

- Я не с тобой, франт, базар веду! – проскрипел высокий. Двое его товарищей подошли чуть вперед, видимо, стараясь оказать психологическое давление. Тертый хрустнул костяшками пальцев у них за спиной. Один из кабанов обернулся – и тут же получил удар в лицо. Через мгновение подельники худого лежали на полу, прикрывая головы руками, а самого задиру, вывернув руки, положили головой на стол перед Котом.

- Не дерзи, кабанчик, - Тертый чуть поднял завернутую руку, и худой завыл от боли. – Ты с уважаемым человеком разговариваешь.
- Тише, Тертый, - Ян широко и дружелюбно улыбался. Сайн знал, что это не сулит выскочке ничего хорошего. – Он будет вежливым и милым. Ведь так, парень?

С этими словами Кот схватил худого за нос и начал медленно выворачивать его.
- Да! Буду! – закричал худой.
- Вот видишь, - Кот отпустил нос. – Он все понимает. Салфетку мне принесите!

Один из охранников кинулся к стойке. Кот сделал знак, и Тертый отпустил худого, посадил его на стул перед ним. Коту подали салфетку, тот вытер руку, откинулся на спинку и сказал:
- А теперь по порядку: кто ты и какие у тебя предъявы к моему другу?
- Прошу прощения, - худого била мелкая дрожь. – Я не… никаких предъяв. Я не знал…
- Кабанчик, - Тертый положил ему руку на плечо, – отвечай, коли спрашивают, и то, что спрашивают.
- Я Мика, Башней кличут, - собрался худой. – У дальнего въезда живу. Уважаемый, простите, не знаю, как зовут…
- Так вот спрашивай, дурень, - хмыкнул Кот. – Ты наехал на Зара Вестника, слышал о таком?

Мика побледнел. Он считал Вестника чем-то вроде легенды, слухов из каких-то высших сфер.
- Продолжай, - сказал Кот, наслаждаясь видом побледневшего парня. – Какие у тебя предъявы к Зару?
- Ты говори, парень, - сказал за спиной Тертый. – Кот – человек справедливый. Рассудит по чести.

Услышав про Кота, парень побледнел еще больше. Он полагал, что люди уровня Яна обитают где-то в недоступных простому кабану местах, и мысль о том, чтобы нарваться на криминального барона в «Метле» казалась ему дикой до сегодняшнего дня.
- Ну, в общем, никаких предъяв, - выдавил он из себя. – Я сам виноват, думал, что франт заезжий, наехал на уважаемого. Я обещаю, что больше не… буду. Буду осмотрительней действовать… я это хотел сказать.
- Не стесняйся, парень, - сказал Кот и показал кинжал, который забрал у Сайна. – Вестник уже все рассказал. Твоя игрушка?
- Ну, да, - сказал Мика. – В смысле, была моей. Уже нет.
- А где ты перышко это взял? – Кот чуть наклонил голову, лицо его выражало участие и заботу.
- Нашел, - простодушно сказал Мика.

Кот поднял глаза на Тертого, и тот быстрым и точным движением приложил Мику головой о стол. Тот вскрикнул, из носа и рта пошла кровь.
- Сученыш, ты что, не понял? – прошипел Кот. – Когда я тебя спрашиваю, нужно отвечать подробно и обстоятельно. Где ты взял это перо?
- Нашел! – сквозь слезы просипел Мика и быстро уточнил, - с мертвяка снял, в конце весны.
- Как выглядел мертвяк? – угрожающе спросил Янка.
- Не помню! – всхлипнул Башня. Тертый схватил его за шею и сжал. – Полный такой был, волосы светлые, больше ничего не помню! Камзол у него синий был!
- А может, ты сам этого мертвяка нарисовал, а?
- Нет, не я! – в ужасе закричал Мика. Он посмотрел на Кота с мольбой, - Не я. Я шел по речной. Смотрю, двое спорят – один в синем камзоле, а второй в черном плаще, низкий такой, лысоватый. И уж больно второй мне не понравился. Они за угол завернули, в тупик, а я покурить остановился. Потом, смотрю, этот лысоватый выбегает оттуда. Лицо у него еще такое желтоватое, нездоровое было. Выбежал, потом остановился и пошел прочь к мосту. Я за угол заглянул, а там этот, в камзоле, лежит. Подхожу – а у него перо в груди.

Я по карманам пошарил, деньгу прихватил и вот это перышко взял и наутек. Ребятам сказал, что у франта одного отобрал.
- Понятно, - кивнул Кот. – Кому-нибудь ты еще об этом говорил?
- Не, - замотал головой Мика. – Так никто не спрашивал вроде. А перышко у меня уважаемый Зар летом забрал.
- Добро, - сказал Кот. – Тертый, усади ребяток за стол, купи им пивка, пусть немного оклемаются. Нам с Заром кой-чего перетереть надо
- Хорошо, Кот, - кивнул Тертый. Мика встал, ведомый под руку, подельников его подняли с пола. Всех троих усадили за столик у двери. Тертый и еще пара ребят встали над ними.
- Не нравится мне все это, Зарка, - сказал Кот.
- А чей это кинжальчик?
- Кинжальчик этот принадлежал покойному мястканцлеру Мирко, - угрюмо ответил Кот. – Однажды он мне его ооочень близко показал, когда расспрашивал насчет дурманов. Я это перышко хорошо запомнил, у меня с детства на такие вещи память хорошая, - Кот провел пальцем по своим шрамам на щеке. – Если бы эти ребята сами угрохали мястканцлера, тут бы я понимал, что делать. Но штука в том, что по описанию второго выходит, что это вылитый пан Васий, новый мястканцлер.
- Охереть, - вырвалось у Зара.
- Вот и я про то, - почесал нос Кот. – И мне бы очень хотелось, чтобы у паренька разыгралась фантазия. Но если он не отличил канцелярский мундир, то вряд ли здесь пытается сыграть в дурачка. Он такой и есть – иначе бы рассказал нам какую-нибудь другую историю.
- Это новости почище тех, что о княгине, - озадаченно сказал Зар. – Кабанчиков этих, конечно, забить надо. Взболтнули нам - могут взболтнуть кому-нибудь еще. И кажется мне, что если мы им положим этот ножик, то окажем неплохую услугу Тихо. Ведь этого его ребят сейчас ловят по этому делу.
- Думается мне, что да, - кивнул Янка. Потом спохватился. – Хотя нет. Боюсь, мы так только свинью ему подложим. Лучше уж пускай перышко вообще не всплывет. Отдам Тертому, пусть в реку выкинет, и концы в воду. Что ж это делается, Зарка? Если уже канцелярские друг друга мочат, то тут вообще какой-то беспредел пошел.
- Это точно, - согласился Зар. – Но тут, я, пожалуй, знаю, что делать. Сегодня тогда к Тальне без меня. Мне нужно связаться со своими.

Он договаривался с Льохом, что не будет понапрасну рисковать и пользоваться подземным ходом, ведущим из рабочего квартала в «Бобровую хатку», но сейчас решил, что полученная информация стоит риска быть обнаруженным.
- Всемогущая Артель примется за дело, - хмыкнул Кот. – Только будь осторожен, Зар. Я буду некомфортно себя чувствовать, зная, что тебя убрали из-за этого – ведь я не смогу за тебя отомстить.
- Будь спокоен, Кот, - сказал Вестник. – Я аккуратен, как никогда.

Они пожали друг другу руки, Зар вышел. Кот не предлагал ему охрану – если Зар идет на встречу с Артелью, все равно откажется. Знать связных Артели здесь Коту не хотелось. Он и так за несколько последних сезонов узнал много из того, что бы хотел забыть.

Янка подошел к Тертому, похлопал по плечу, протянул ему кинжал и улыбнулся.
- Мы уходим сейчас. Тертый, пускай ребят проводят, позаботятся. Мика – честный парниша, я бы за ним поглядел.
- Да, уважаемый Ян, обязательно, - парень растерянно улыбнулся. Тертый посмотрел на Кота, и тот кивнул, прикрыв глаза.
- Хорошо, Кот, сделаю, - утвердительно сказал Тертый.
- И от ножичка избавься – опасная это игрушка, незачем ее хранить. Ребят, вперед, к Тальне, - крикнул Кот. Пока его охрана собиралась, Ян подошел к хозяину, бросил тому на стойку увесистый кошель. Хозяин наклонился чуть ближе.

– Милейший, - сказал Кот шепотом, - если вас кто-нибудь, не дай Боги, спросит, вы скажете, что ребята эти, когда узнали, с кем общаются, быстренько вышли в неизвестном направлении, хорошо?

- Будет сделано, уважаемый, - быстро, с заискивающей улыбкой закивал хозяин.

- Правильно, - улыбнулся Кот. – А то будет очень обидно, если ваша дочка вдруг под дурманами случайно упадет в реку, верно ведь?

Хозяин снова быстро закивал. Кот похлопал его по плечу и вышел вслед за своими людьми.

Вольный Яр, графство Рейк. Год 1476 от В.Н., 31 день осени.

Ночь медленно накрывала Вольный Яр. Мотыльки, влетая в комнату сквозь открытое окно, кружили вокруг чародейского огня, рискуя ожечь о кристалл свои крылья. А мэтр Дарли озадаченно смотрел на влезших к нему в комнату через окно трех девиц в темных облегающих костюмах. В его представлениях группа бойцов, которая должна была спасать его из заточения, выглядела совсем по-другому. Да, все девушки были вооружены: у той, что представилась Олией, на поясе висело два длинных кинжала. У двух других девушек мечи за спинами - у худенькой черноволосой двойной, мертволесского стиля, у невысокой и фигуристой – короткий и прямой. У последней также гном усмотрел самострел на поясе. Умом мэтр Дарли понимал, что наверняка они тренированы. Но душу холодило сомнение.

- Пани Олия, - прошептал он. – Вы говорили, что приведете помощь. Я рассчитывал на боевую команду, а не на моральную поддержку.

- Дорогой мой гном, - тихо сказала Коготь, - выше высказывание я пропущу мимо ушей, но впредь будьте осторожнее. И не судите по одежке.

- Одежка, кстати, очень даже неплоха, - проворчал гном. – А вот как вы с охраной расправитесь – это вопрос.

- Я бы предложила вам покинуть дом через окно, - произнесла Коготь. – Мы прикроем отход. Так мы сможем все сделать тихо и спокойно.

- Нет! – отрезал гном. – Я хочу избавить мой дом от этих уродов. Тем более… - он замолчал. Коготь и Мали переглянулись. Видимо, гном хранил свои секреты именно дома – и забирать их с собой не хотел. «Он нам до конца не доверяет, - подумала Мали. – И это правильно – я бы тоже нам в таком случае не доверяла».

- Хорошо, мэтр, - ответила Коготь. – Что вы предлагаете?

- Вы убиваете охрану – именно убиваете, мне нужно, чтобы вы показали серьезность своих намерений, а потом я вам показываю мои доказательства. Если вас все устраивает – вы даете мне деньги и мы расстаемся довольные друг другом.

- Последняя часть меня не устраивает, - сказала Коготь. – У меня другое предложение – вы отдаете нам доказательства, мы платим вам деньги, а после этого вы некоторое время поживете под нашей защитой.

- Опять!? – глаза гнома сверкнули. – И вы захотите меня запереть?

- Вы можете пожить под охраной своих родичей – нам это не так важно. Но ваши показания будут нужны нам на суде.

- Никакой охраны и точка! – сказал гном. – После того как все закончится, я не собираюсь задерживаться в этом городе.

Мали смотрела то на гнома, то на Коготь. Она прекрасно понимала, что в таком ключе их переговоры не сложатся.

- У меня есть компромиссный вариант, - сказала она, прерывая начавшую было говорить Дэйниэ. – Мэтр Дарли, если одна высокопоставленная особа, скажем, графиня, после окончания этого дела пригласит вас пожить в Улесье, примет вас у себя и выслушает ваши предложения по… в общем, то, что бы вы хотели ей предложить, вас это устроит?

- А вы уверены, что вы можете делать такие предложения, пани? – осведомился гном. Судя по взгляду Коготь, та задавалась сейчас примерно тем же вопросом. Мали поняла, что она исчерпала свои дипломатические умения, и ей очень захотелось вырубить этого гнома и вытащить его через окно, дабы прекратить все споры.

- Моя коллега – лицо, приближенное к высшим дворянским кругам Фарка, - сказала Коготь. – Она вправе делать такие предложения.

«Ну, почти не соврала, - подумала Мали. – По крайней мере, если считать Песку высшими дворянскими кругами».

- Ладно, допустим, я согласился, - проворчал гном. – Все равно, сначала надо избавиться от охраны.

- Ну, это просто, - хмыкнула Коготь. – Окликните одного из своих тюремщиков сюда.

Гном секунду постоял в нерешительности. Потом кивнул и крикнул. Снизу послышалась брань, потом хлопнула дверь, и они услышали звук шагов.

- Идет один, - прошептала Коготь. – Филин, Мали, к дверям справа

Девушки быстро заняли позицию. Сама Коготь стала у дверей слева и вынула кинжал. Стражник открыл дверь и вошел. Зло посмотрел на гнома и спросил:

- Чего тебе, бородатый?

Это были его последние слова. Коготь с быстротой молнии зажала стражнику рот и перерезала горло. Кровь залила ковер, брызги испачкали обивку кресла и кровати.

- Все придется отмывать, - сокрушенно произнес гном.

- Вы сами этого хотели, - развела руками Коготь. – Так, девки, быстро вниз. Кончайте тех двоих, я дам знак Сычик.

Мали и Филин сбежали вниз по лестнице. Дверь в комнату стражи закрыта не была. Два рослых молодца держали в руках карты и отпускали сальные шуточки в адрес своего, теперь уже покойного, товарища. Один из них обернулся и увидел двух гостий у себя на пороге. Рука его потянулась к мечу, но Филин пустила ему стрелку в лоб.

- Эй, девочки, вы чего? – растерянно сказал второй, вставая и поднимая руки.

- На колени, - Филин направила острие меча в его сторону, - быстро!

- Эй, мы из местной стражи! – сказал он, вставая на колени. – Вам это просто так не сойдет!

- Посмотрим, - сказала Мали. Она с мечом наизготовку зашла ему за спину. – Еще кто в доме есть?

- Кроме гнома никого. А чт…, - он не успел задать свой вопрос. Мали одним движением перерезала ему горло.

- Ну, вот и ладушки, - сказала она, оттолкнув тело ногой и вытирая лезвие о скатерть на столе.

Гном в сопровождении Коготь спустился вниз. Злорадно ухмыльнулся, глядя на своих тюремщиков, перевел взгляд на Мали и Филин.

- Беру свои слова назад, - сказал он. – От такой охраны, как вы, я бы не отказался.

- Больно дорого обходится такая охрана, - хмыкнула Филин.

- Я не бедный гном, пани, - ответил гном, поглаживая усы. И Мали могла поклясться, что Филин ему подмигнула.

В дверь громко постучали, и гном опасливо покосился на нее.

- Спокойно, мэтр, это свои, - сказала Коготь, жестами давая указание Мали и Филин. Последняя, перезарядив самострел, заняла позицию напротив двери. Мали, загородив гнома, стала ближе к лестнице. Коготь открыла дверь. На пороге стоял отряд из десяти дворян с гербами Рейка на форме. Чуть в стороне находилась Сычик, немного рассеянно оглядывавшая бойцов.

- По вашему приказанию отряд прибыл, - отрапортовал командир, - барон Итинский к вашим услугам.

- Писарь польный Зиния – к вашим, - поклонилась Коготь. – Барон, пусть ваши люди займут позиции в доме. Нам нужно провести переговоры с досточтимым мэтром так, чтобы этому никто больше не мешал.

- Будет сделано, пани писарь, - поклонился Михо Итинский.

- Мэтр Дарли, пройдемте наверх, - сказала Коготь.

Они снова поднялись по лестнице и вошли в верхние покои. Филин стала у дверей снаружи, Мали - внутри, Сычик присела на кровать, посмотрела на труп стражника, а потом перевела взгляд на гнома. Сам Дарли сел за стол, указав Коготь на тот стул, где та не так давно сидела в свой первый визит.

- Надо будет убрать тело, - сказал Дарли, обращаясь больше к самому себе.

- Потом скажете воям, они вам помогут, - сказала Коготь.

- Надо сказать, я впечатлен, пани Олия, - улыбнулся гном. – Или называть вас «писарь польный Зиния»?
– Называйте меня так, как вам будет удобно, - сказала Коготь.
- Так значит, канцелярия, - Дарли погладил бороду. - Я догадывался, но ваши действия оказались выше всяких похвал.
- Стараемся, - кивнула Коготь. - А теперь к делу. Покажите те доказательства, о которых вы говорили.

Гном кивнул, подошел к сейфу, секунду поколдовал над замком и открыл его. Затем что-то долго перебирал уже внутри самого сейфа, шепча себе под нос какие-то цифры. Через минут десять он с торжествующим видом вернулся к столу и протянул Коготь лист бумаги.
- Помните, я говорил о том, что они забрали у меня все расписки? – сказал он. – Так вот, перед этим я сделал зеркальную копию той, в которой пан Клио давал мне в залог свой фольварк. Вот эту копию я ему и отдал, а оригинал оставил у себя.
- Зеркальную копию? – переспросила Коготь, перечитывая содержание расписки. Да, все верно, передача в залог фольварка. Подписи на месте, заверено писарем канцелярии, с печатью.
- Наша технология, - гордо улыбнулся гном. – Для создания точных копий бумаг. Результаты, как видите, превосходят все ожидания. Барон Клио не нашел никаких различий и удовлетворился. Простите, что не мог сказать сразу – сами понимаете.
- Понимаю, - кивнула Коготь. – Мали, передай уважаемому мэтру деньги. Этой бумаги, вкупе с показаниями мэтра Дарли о его насильственном содержании и издевательствах, хватит для того, чтобы прямо сейчас арестовать нашего дорогого барона. Или уже не барона.
- Моих показаний? – переспросил гном, когда Мали передала ему кошель.
- Ну, вы же не откажете нам сейчас в описании своих злоключений, дорогой мэтр, - улыбнулась Коготь.
- Ну что ж, - вздохнул он. – Ради того, чтобы негодяй сегодня же очутился в тюрьме…

Через половину часа Мали и отряд рейкской гвардии двинулся в сторону игрового клуба. Гном Дарли согласился остаться в своем доме под охраной Сов до того момента, когда они отправятся в Улесье. Мали подвели крупного кабанчика, и она, ловко вскочив на него, сорвала одобрительные возгласы с уст рейкских гвардейцев из эскорта. Адда улыбнулась им. Взглянула на Итинского - и ей показалось, что он чем-то встревожен. Причины тревоги раскрылись по дороге, когда он поравнялся с Мали, едущей впереди.
- Пани Адда, - сказал он. – Вопросик один.
- Слушаю, пан Итинский, - повернулась к нему Мали. Ехать было недалеко, двигались они небыстро, не напрягая кабанов.
- Меня удивило и взволновало убийство безоружных стражников, - сказал Михо. – Это ведь не по чести, и вообще неправильно.
- Таковым было условие гнома, - пожала плечами Мали. – А наше задание было получить доказательства бесчестия Клио. Они были у гнома.
- Но неужели нельзя было обойтись без убийства? – спросил Михо. Его, дворянина-воина, воспитанного на кодексе чести, возмущал сам факт убийства безоружных людей, не оказывавших сопротивления.
- Пан Итинский, чего вы хотите от меня? – раздраженно спросила Мали.
- Понять, пани Адда, - ответил Михо. – Вы выполняли свой долг, это не нуждается в объяснениях. Но неужели вы сами не стыдитесь того, что убили безоружных людей, которые тоже выполняли приказ? А если бы вы были на их месте?
- Пан Итинский, - Мали начинала серьезно злиться. – Я скажу вам одну вещь – и она вам может не понравиться. По моему личному опыту, благородством в нашем деле подтирают задницу те, для кого оно пустой звук. Очень просто использовать благородный порыв в личных целях, а потом избавиться от носителя благородства, перерезав ему глотку в

подворотне. Говорите, что бы было со мной? А со мной неоднократно такое бывало, и если бы я хоть раз оставила врага в живых, руководствуясь тем, что он не вооружен или не сопротивляется – мы бы вряд ли сейчас с вами разговаривали.
- Но кодекс чести! – возмутился Михо. – То, что отличает нас, цивилизованных людей, от варваров-пустынников или от бандитов с большой дороги!
- У вас есть кодекс, а у меня есть конкретная задача! Задача, от которой зависят моя жизнь, жизнь моих друзей и многие другие жизни, если верить нашему дорогому канцлеру. И, поверьте мне, в нашем случае гораздо больше ценятся бесчестные, живые и успешные, чем мертвые и провалившие задания, зато с большими моральными принципами.
- Мы говорим с вам на разных языках, - заключил Итинский. - И, говоря по чести, мне страшно, когда такие люди, как вы, становятся дворянами.
- Ваше право, - произнесла Мали. – Но давайте сделаем так, чтобы эти ваши чувства не помешали нашей задаче.
- Будьте спокойны, - холодно сказал Итинский. – Не помешают.
- Хвала Богам! И не будем больше об этом, - сказала она, скопировав интонации Иниана. – Будьте готовы, мы подъезжаем.

У игорного клуба было много людей. Ночь выдалась погожей, лунной. Мястчанки бродили кругами по площади, надеясь зацепить взгляд молодого дворянина или купца побогаче. Сами объекты этой охоты курили у входа, смеялись и обсуждали последние новости. Кто-то полушепотом спорил о вариантах ставок и тактиках игры. Отряд вооруженных людей, приближающихся к игорному дому, заметили не сразу. Но когда заметили, он привел площадь в волнение. Люди заголосили, кто-то бросился к ратуше и казармам городской стражи – слыханное ли дело, вооруженный отряд дворянской гвардии в вольном городе? Вои Итинского спешились, трое заняли места в авангарде, трое - в арьергарде. Мали и Итинский шли в середине. Еще четверо остались у входа в особняк, с самострелами наизготовку. На первом этаже игорного клуба почти никого не было. Итинский осведомился у слуги, где сейчас пан Лимицский, и, получив ответ, что Клио сейчас на втором этаже, приказал слугам запереться на кухне. Слуга кивнул, сочтя за лучшее подчиниться.
- Пани Адда, а вам не кажется, что нам будет немного сложно вывести арестованного, если вся эта толпа, что была на площади, рискнет его поддержать? – спросил Михо, пока они поднимались на второй этаж.
- Струсили, пан барон? – усмехнулась Мали.
- Вы оскорбляете меня, писарь, - жестко ответил Итинский.
- Тише, тише, я шучу, - продолжала улыбаться Мали. – Не переживайте, большинство из них безоружно, и, если вы на секундочку забудете свой кодекс чести, мечи сделают свое дело.

Итинский не ответил. Он был оскорблен, но продолжал себе напоминать, что эта девушка родом не из дворянских кругов и ей простительна грубость. А еще – что все это такие мелочи по сравнению с тем, что сейчас будет отомщен отец прекрасной пани Улиты.

На втором этаже людей было немного. Вооружены были лишь представители городской стражи, следящие за порядком, да сам барон Клио, который с мечом не расставался даже в постели. Остальные посетители-дворяне оставляли оружие внизу – Клио хватило ума не допускать вооруженных людей к игорным столам.

Гости особняка расступились, пропуская вооруженный отряд гвардии. Про себя Михо отметил, что прорваться по лестнице назад, если будет такая необходимость, будет трудно, а его четыре человека, оставшиеся при входе – это слишком мало для того, чтобы удержать возможное подкрепление. Запоздало он подумал, что следовало взять с собой хотя бы еще десяток воев.
- Клио Лимицский! - громко закричала Мали.

- Чего тебе, девка? - Лимицский встал из-за стола в конце зала, слегка пошатываясь. – И что это за маскарад у меня в доме?
- Именем Великого князя и графини Рейкской вы арестованы! – Мали шагнула к нему с мечом в боевой позиции. – За нарушение статута о дворянстве, пунктов десять и двадцать один, дипломатического кодекса Великого княжества и заключение под стражу поданного другого государства без приказа на то Великого князя или сюзерена.
- Гном все-таки проболтался, - прошипел Лимицский. – Повешу бородатую тварь!
- Это вряд ли, - сказала Мали. – Сдайте оружие и следуйте за нами. Вас будет судить сюзерен, графиня Рейкская, княжна Фаркская Эглина. Вы также вправе обжаловать приговор и обратиться в княжеский или великокняжеский суд.
- А хер мой перед этим в рот не хочешь? – Лимицский обнажил меч. – Эй, стража, ко мне!
- Не двигаться! – крикнул Итинский. – Именем Великого князя те, кто попробует помочь этому преступнику, будут считаться предателями Великого княжества!

Вои Итинского при этом заняли круговую оборону, направив самострелы на приблизившихся стражников. Соотношение было примерно один к одному, но у городской стражи стрелкового оружия не было. Стражники оказались перед тяжелым выбором – с одной стороны, их сотник был другом Клио и приказал слушать того, как себя. С другой стороны, здесь дело явно выходило за рамки их юрисдикции, а глупо погибать от лучше вооруженных и подготовленных гвардейцев никому не хотелось.
- Мечи на пол, - рявкнул Итинский, и после недолгого раздумья городская стража подчинилась. Тогда Михо повернулся к Клио и произнес: – Лимицский, вы оскорбили эту достойную деву! Более того, своим присутствием вы много лет оскорбляли само звание дворянина Рейка. Я, Михо Итинский, вызываю вас на дуэль сию секунду, и пусть присутствующие будут мне свидетелями: в случае вашей победы даю вам слово, что вам дадут убраться ко всем длимернам!
- Идиот, - бессильно выдохнула Мали.
- Слово дворянина? – переспросил Лимицский. – Ну что ж, раз я окружен трусами, тогда почему бы мне не воспользоваться этим шансом, пан Итинский. Вы все хотите отомстить за эту тощую кобылку, пани Улиту?
- Идите сюда, барон, и получите причитающееся! – громко, с чувством сказал Итинский и с обнаженным мечом двинулся на Клио.
- С радостью посмотрю цвет твоих потрохов, - сощурился Лимицский.
- Идиот, - снова повторила Мали.
- Я докажу вам, пани Адда, - обернувшись, сказал Михо, - что честь – не пустой звук.
– Эй, хлопцы, держите на прицеле стражу и освободите мне обзор, - сказала Адда.

Каждый из «хлопцев» был дворянином, некоторые в третьем и четвертом поколении, но не все они оценили благородный жест своего командира. Кольцо расступилось, выполняя приказ Мали. Та опустилась на одно колено, выставив руку с мечом в сторону, и застыла так. Те, кто обратил на это внимание, отнесли этот жест на религиозность писаря – видать, пани сильно молится за удачу Михо, дабы Боги даровали ему победу. В зале не было ни людей, ни тем более, эльфов знакомых с тренировками ланиртов. Иниан Айклин сразу бы распознал эту позицию. Стальной пружиной сжалась Мали, войдя в боевой транс. Мир для нее стал черно-белым, все движения – медленными, плавными и тягучими. Адда не могла полагаться на волю случая и фехтовальные умения Михо Итинского. В случае его поражения она готовилась молниеносным ударом прервать жизнь Клио Лимицского. Она не могла позволить провалить задание из-за обостренного чувства справедливости у случайного напарника.

Михо Итинский долго готовился к этой дуэли. На самом деле он спланировал свои действия заранее и молился лишь о том, чтобы ему представился случай. Он упражнялся в фехтовании каждый день по несколько часов, дабы одолеть Клио Лимицского. Он нежно любил Улиту Запольскую, и каждый миг ее страданий отдавался в его сердце болью.

Лимицский атаковал. Итинский отразил его атаку сверху, затем попытался поразить Клио в сердце, но тот был быстрее и парировал удар. Они вновь встали в позицию. Мали отдала должное умению Михо, при этом сделала скидку на то, что его противник был пьян. С каждым новым соприкосновением мечей в этой дуэли Адда понимала, что если бы не это обстоятельство, у Итинского не было бы шансов. Но Клио делал ошибки, и Михо удачно пользовался этим. За несколько минут Клио был дважды ранен: один раз в левую руку, второй раз в левый же бок. Красным окрасился рукав его белой рубахи, а лицо исказила ярость.

- Сдавайтесь, пан Лимицский, - произнес Михо. – Вы скоро потеряете много крови и ослабеете!

- Во мне хватит крови, что прикончить тебя, щенок, - проскрежетал Клио и бросился в атаку. Михо отразил ее не очень ловко, и следующим ударом Клио кончиком меча прорезал мундир сотника, рассекая кожу на груди. Края ткани мундира пропитала кровь.

- Ну, и кто теперь из нас быстрее ослабнет? - ехидно сказал Клио.

Михо молча атаковал. Отбив три его выпада, Клио провел свою атаку в область шеи. Итинский увернулся. На мгновение Клио оказался слишком открыт, и Михо ударил его кулаком в лицо, а затем выбил меч из его руки. Лимицский покачнулся и двумя руками оперся о стол с едой и вином.

- Сдавайтесь, пан Лимицский, - снова сказал Михо. – Вы безоружны и побеждены.

Мысли Клио в этот момент заполнила злость. Он понял, что побежден, но единственной его целью теперь было убить этого лощеного щенка, посмевшего бросить ему вызов. Он понимал, что после этого его тоже, вероятнее всего, убьют. Но теперь ему было все равно. Он стоял спиной к Мали, и поэтому та не сразу увидела движения его рук. Левой рукой схватив бокал с вином, он выплеснул его содержимое в лицо Михо. Правой в этот момент разбил бутылку о стол и кинулся вперед, метя получившимся осколком в горло Итинскому.

- Сдохни, падаль! – зарычал Клио. Все это заняло у него считанные мгновения. Но их хватило, чтобы Мали смогла среагировать.

Она начала движения в момент, когда капли вина вылетели из бокала в лицо барону Итинскому. Уже в движении она точно рассчитала удар – Лимицский был слишком близко к Михо, и все рубящие горизонтальные удары обязательно бы задели не в меру благородного сотника. Поэтому у Мали оставался небольшой выбор. Второй клинок взлетел снизу вверх и правая рука Клио, державшая разбитую бутыль, отделилась от туловища. Дабы затормозить, девушка сделала крутой разворот и сбила с ног Михо, упав на него сверху спиной. Клио вскрикнул от боли и рухнул на колени. В зале на мгновение воцарилась тишина. Затем Михо Итинский грязно выругался в адрес Лимицского.

- Благородно ли так изъясняться, барон, лежа под дамой? - подначила его Мали, скатываясь на пол, принимая боевую стойку и осматриваясь. Диспозиция сил в зале не изменилась. Все, за исключением гвардейцев, державших стражу на прицеле, с изумлением и страхом смотрели на нее. Можно было на мгновение перевести дух.

- Прошу прощения, пани Адда, - сказал Итинский, промаргиваясь. Он помотал головой, потом посмотрел на держащегося за окровавленный обрубок Лимицского. Затем снова обратил взор на Мали. – Я так понимаю, я обязан вам жизнью. Однако какой он подлец!

- Да, обязаны. Мне и моему отнюдь не благородному взгляду на вещи.

- Прошу меня извинить, пани, - снова сказал Михо. – Я был с вами груб.

- Ой, оставьте, - хмыкнула Адда. – Вы – не первый дворянин, который обращается со мной грубо. И, поверьте мне, вы даже не войдете в первый десяток.

- Боюсь, пан Лимицский может потерять много крови, - поменял тему Михо, которому нелестное поведение братьев во дворянстве приносило дискомфорт.

- Да и длимерн с ним, - отозвалась Мали. – Хотя, конечно, лучше перевязать его. Безрукий он мне гораздо больше нравится, а показательные суды – это всегда весело.

Лимицский изрыгнул в ее адрес очередное проклятие, попытался встать, но его одолела слабость. Он рухнул на пол и потерял сознание.
- Найдите лекаря! - крикнул Итинский. – И подготовьте носилки – мы забираем пана Клио.

Лекарь нашелся в зале, носилки соорудили из скатертей. Перевязав Клио, лекарь смочил тряпку настойкой и обработал рану на груди Михо. Пока он это делал, Мали собрала мечи, брошенные городской стражей, и выбросила из окна в пустующий внутренний двор. Итинский принялся было возражать, что оружие может попасть не в те руки, на что Мали ответила, что это лучше, чем если оно попадет в их спины. Четверо воев подхватили перевязанного Лимицского, все еще находящегося без сознания, и процессия двинулась вниз.

На выходе их ждал очередной неприятный сюрприз. Толпы мястчан больше не было, а городская стража, судя по количеству, полным составом, построилась перед входом. За строем, верхом на кабане, находился сам сотник, а рядом с ним – пеший, разбуженный посреди ночи градоправитель. Несмотря на многократное превосходство в количестве, атаковать четырех держащих их на прицеле гвардейцев стражники не решались. Сотник хотел организовать штурм, но градоправитель, человек умудренный, решил, что устраивать массовое побоище посреди города себе дороже, а убитые гвардейцы могут стоить им всем головы. Ему было почти под восемьдесят, и он прекрасно помнил, как задорно занимается пламя в городах при обстреле их осадными орудиями. Княжество гарантировало неприкосновенность городу, но Великий князь далеко, а Рейк и его новая графиня совсем рядом. И градоправитель прекрасно знал, что ни у кого из них Клио Лимицский в любимцах не ходит.

Когда отряд Михо и Мали вышел из дома, сотник побледнел. Он вполне различил, что в носилках из скатертей лежит его друг Клио и что одежда того вся перемазана кровью.
- Отвечайте, по какому праву, - крикнул он, - войска вершат самосуд и избиения в вольном городе?!
- Руководствуясь статутом «О вольных городах», частью третьей, и статутом «О дворянстве», пунктами десять, двадцать один. А также положением «О канцелярии». В целом, - сказала Мали. Сотник и градоначальник переглянулись. Михо посмотрел на Адду с уважением – так наперечет знать параграфы статута. Никто из них, естественно, не мог предположить, что параграфы, которые называет Мали, не относятся к текущей ситуации. Песка однажды сказал ей, что ни один чиновник на местах не знает даже краткое содержание статутов в целом, не то что содержание отдельного параграфа. Поэтому, заучив некоторые их части, и Мали, и Иртэя, и очень многие из канцелярских выкрикивали те, что знали. Мали, например, очень нравилась в статуте «О дворянстве» часть, регламентирующая форму одежды при призыве на службу.
- Я вижу, что пан Клио, почетный гражданин нашего города, ранен, - не сдавался сотник. – Я требую, чтобы вы немедленно передали его в руки страже. Мы поместим его туда, где ему будет оказана необходимая помощь.

Михо Итинский посмотрел на Мали. Она очень устала, ей надоели бесконечные разговоры, и стражу и их начальство она воспринимала сейчас как то, что стоит между ней и комфортной комнатой, душем и ужином. По ее глазам он понял, что если сейчас же не разрешить эту ситуацию, прольется много крови
- Послушайте меня, градоначальник! - крикнул барон. – Клио Лимицский только что сопротивлялся аресту, и только благодаря чуду он до сих пор жив! Его обвиняют в государственных преступлениях и нарушении дипломатического кодекса! Именем Великого князя Неркана Элендского, я, сотник личной гвардии Ее Высочества княжны Эглины Фаркской Михо Итинский, приказываю вам расступиться и пропустить наш отряд, или, клянусь Богами, завтра вы все будете болтаться на виселице как государственные изменники, а семьи ваши сошлют и сгноят в шахтах. И если кто-нибудь

дернется, пока мы будем проходить мимо, я лично развешу его кишки на центральной площади этого города!

Сотник выжидающе посмотрел на градоначальника. Первый ряд городской стражи сомкнул строй.

- И ведь можете сказать, если захотите, - хмыкнула Мали, принимая боевую стойку.

- Сила духа – это тоже отличительная дворянская черта, - ответил Итинский и жестом отдал команду своему отряду. Гвардейцы опустили Лимицского и выстроились боевым порядком. Сам Михо обнажил меч и поднял его над головой.

Градоправитель сглотнул. Он снова представил занимающееся над ратушей пламя, а потом и свое бесчувственное тело, болтающееся в петле где-нибудь на главной площади Улесья.

- Пусть проходят! - крикнул он. Сотник попытался что-то ему сказать, но градоначальник грубо оборвал его. Стража расступилась, давая гвардейцам дорогу.

- Хорошие мальчики, - улыбнулась Мали, проходя мимо стражников. – Вот всегда бы так.

Замок Дин, графство Дин. Год 1476 от В.Н., 33 день осени.

Марик Завирский проснулся и застонал. Спина затекла, вдобавок сильно болела. «Во всем виноват этот ужасный холодный пол», - подумал он, пытаясь размяться. Получалось плохо – камера темницы была невысокой, и ему приходилось наклонять голову, чтобы не удариться о потолок, а цепь на ноге сковывала движения. Он сел на пол и потянулся к носкам ног. Боль пронзила поясницу, и он снова застонал. Посидел, отдышался. Боль из острой стала тянущей, тупой. Она была такой последние три дня, и он был даже благодарен своей больной спине – она не давала ему сойти с ума в одиночной камере.

Он посмотрел на единственный источник света в своей камере – небольшое отверстие в стене. Солнце било прямо в него – значит, это его пятое утро в этой клоаке. Он никогда бы не подумал, что когда-нибудь будет так рад видеть солнце, пусть даже и через маленькое окошечко в стене, как в эти пять дней. На плече зазудела рана, и он с остервенением начал чесать область вокруг нее. Его одежда пропиталась сыростью и запахом из отхожего места, но он уже привык к этому и не обращал внимания на такие мелочи. «Они должны прийти, - думал он. – По законам меня должны судить. Они не могут сгноить меня в этой камере – это же дикость какая-то!»

Марик снова прилег на тот тонкий слой соломы, который заменял ему кровать. Он старался расставить по местам события, которые уже начинали путаться в его голове. Вот он видит Кирия Динского у ратуши. Тот направляется с какой-то девкой в нижний город. Без охраны. Лучшего шанса и быть не может! Марик знает каждый закоулок этого города, ведь он вырос здесь. Он бежит через узкие переходы за кузню – любой маршрут из верхнего города в нижний пролегает через этот угол. И ждет. Самострел, будто налившись сталью, начинает отягощать карман. Он уже представляет себе, как стреляет в сердце этому предателю. Если он промахнется – не беда. За поясом у него кинжал, фамильная реликвия рода Аневский, к младшей, обедневшей ветви которого принадлежит семья Марика. Он вонзит его в грудь проклятому ластартскому прихвостню! Но он не может промахнуться! Отец учил его стрелять с детства.

Мимо проходят люди, ожидание становится все более невыносимым. Марик чувствует, как стучит его сердце. Он стоит здесь каких-то несколько мгновений – а кажется, что прошли дни. И вот он видит Динского. Ближе, еще ближе, чтобы наверняка. Достать самострел, взвести курок. Марик выходит из-за угла, целясь Кирию прямо в сердце. Но тот в последний момент делает шаг влево. Выстрел – толчок в руку, стрелка с шипением вырывается из ствола. Динский, не успев достать свое оружие, падает на землю, чуть не задев свою спутницу. Теперь добить. Марик достает кинжал, делает шаг вперед. И тут эта девка делает резкое движение рукой – от бедра вверх, а потом вперед. Острая боль разрывает правое плечо, он с удивлением смотрит на метательный нож, вонзившийся в его тело. Кажется, он кричит. Кажется, он стоит на коленях. Он поднимает голову, а ему в лицо смотрит дуло самострела. Вокруг сбегаются люди, к нему подбегает рослый молодой гвардеец и бьет рукоятью меча в лицо.

Следующее, что он помнил – хлопочущий над ним старик в белом, шепчущий какие-то заклинания. А затем эта темница, затянувшаяся рана и закатное солнце в небольшом окошке. А еще миска с жидкой похлебкой под дверью. В первый день он не стал есть. Он прочитал до покушения, что за преступление на территории города будут судить в магистратском суде. Его должны допросить, а, поскольку он дворянин, они обязаны содержать его в нормальных условиях. Для этого имеются «дворянские» камеры. «Динские не пойдут на нарушение законов, а если пойдут, то я буду жаловаться, просить суда у княгини! Граф Теринский оценит мой поступок, и скажет княгине – и за эту камеру они еще ответят».

Когда на второй день никто так и не пришел к нему, и лишь ближе к полудню старую миску заменили на новую, он сказал себе, что за эти унижения Динским тоже

придется заплатить. Он успокаивал себя тем, что они не знают кто он, а когда придут и спросят, он гордо назовет свое имя. Он представлял себе лицо допрашивающего, уже видел, как тот зовет городскую стражу, и его, несправедливо униженного узника, борца за свободу, ведут в городскую тюрьму, на верхние ярусы. Его воображение рисовало даже восторженные толпы народа, встречающие его, хотя разум подсказывал, что вряд ли дело предадут огласке. «В конце концов, они узнают, как ведет себя настоящий дворянин, готовый отстаивать свои взгляды! – думал он.

На третий день разболелась спина и голова. Он потер затылок, потом долго массировал виски, и боль в голове начала отступать. Когда ему принесли новую миску, он с жадностью накинулся на еду. Похлебка пахла помоями, на вкус была немногим лучше, но, поголодав два дня, он уже не мог остановиться, пока не доел все до конца. Потом он встал и начал молотить кулаками в дверь. Он кричал свое имя, грозил семейству Динских и гвардейцам людскими и божьими карами. Потом просто тихо завыл. Никто не обратил на него внимание. Мысли начали путаться. Он лежал и тихо выл, периодически всхлипывая. Потом начал ругать себя последними словами. «Держись, держись, ты должен держаться! – шептал он себе, не понимая, что делает это вслух. – Тебе говорили, что может быть тяжело? Говорили! Так чего ты разнылся?! О тебе помнят, тебя найдут! В конце концов, не могут они тебя здесь держать вечно?». Но, почему-то, в голове стали всплывать страшные картины заключенных, сидящих в темницах годами, или даже десятилетия. Исхудавшие, сошедшие с ума узники теперь приходили к нему во сне, и в них он узнавал себя, и просыпался тяжело дыша. Тогда боль начала отвлекать его от этих мыслей, и он начал радоваться ей.

Сейчас шел пятый день. Он пытался вспоминать стихи, которым матушка учила его в детстве, занимал мысли тем, что скажет, когда за ним в камеру войдут. Даже пытался как-то поправить одежду, но это оказалось бесполезным делом. Цепь натерла ногу, и он попытался сместить кольцо чуть выше или ниже, но у него ничего не вышло. Скоро должны были принести обед, и в ожидании новой миски он начал стучать пальцами по старой. И не сразу различил шаги за дверью, а потом поворот ключа в замке. Когда дверь отворилась, на пороге появился невысокий плечистый человек бритый на-лысо. Черты его лица показались Марику знакомыми, хотя он не сразу смог понять, почему. Заключенный вскочил на ноги, забыл про цепь, и чуть снова не рухнул на пол. Пытаясь удержать равновесие, он слишком высоко поднял голову, и ударился о потолок. Гостю же его даже не пришлось наклоняться, чтобы зайти в камеру.

- Я проте…, - начал Марик, но закончить не успел. Удар в лицо сбил его с ног и он упал, больной спиной приложившись еще и о стену. Он застонал от боли, но следующий удар, пришедшейся в живот, заставил его замолчать. Марик хватал ртом воздух, а вошедший с размаху ударил его ногой в бок.

- Я тебе покажу, сука! - сказал вошедший, нанося очередной удар, на этот раз пришедшийся по бедру. – Я тебе покажу, как нападать на Динских! Ты у меня желчью и дерьмом истечешь, сцать кровью будешь!

- Дядя! – услышал Марик еще один голос, - Дядя, прекратите! Мицлав, остановите его!

Послышались шаги, и удары прекратились. Рядом происходила какая-то возня, и Марик попробовал открыть глаза. Вошедшего первым держали двое людей, судя по всему гвардейцы. Тот пытался вырваться, покрывал воев отборной бранью, грозился повесить.

- Дядя, - снова произнес голос, и в камеру вошел еще один человек, судя по всему, примерно одного возраста с Мариком. – Его Сиятельство не велели бить заключенного.

- Отец слишком добр к нему! – заревел Михо. – Дайте мне его, я ему сверну шею! Да отпустите же вы меня! Алек, скажи им!

- Дядя, пожалуйста, успокойтесь! – произнес молодой человек, которого назвали Алеком. – Мицлав, проводи барона Динского. А пана Марика приведите в доследчую. Я буду говорить с ним там.

- Будет исполнено, пан Алек, - ответил один из гвардейцев.

В камере вместе с Мариком остались два гвардейца. Один освободил его ногу, второй помог встать.
- Руки за спину, пан, - сказал первый. Марик подчинился – и на его запястья надели тяжелые оковы. Затем стражники подхватили его под руки, и повели по коридору. Слева и справа Марик видел двери камер и горящие факела, свет которых слепил отвыкшие за эти дни от света глаза. Они прошли три коридора, которые показались узнику совершенно однотипными, после чего остановились у одной из дверей – обитой сталью, с тяжелым засовом на ней и небольшим окошечком на уровне глаз. Один из стражей отворил ее.

Помещение было небольшим, но по сравнению с его камерой, оно казалось огромным. В отличии от коридоров, комната освещалась чародейским огнем. Напротив двери, за тяжелым деревянным столом сидел Алек. Марика ввели и посадили на стул перед столом.
- Снимите оковы, - приказал Алек. – Пан Марик будет вести себя хорошо, верно, пан?
- Да, - выдохнул Марик, все еще не отойдя от избиения. – Буду.

Стражник освободил его запястья. Марик несколько раз взмахнул руками.
- Спасибо, - сказал он.

Алек улыбнулся, и жестом приказал страже выйти. Вои покинули комнату, и было слышно, как они затворили засов. Марик осмотрелся. Все стены, кроме одной были абсолютно голыми. В стену же слева от Марика были влиты оковы для ног и два крюка почти под самым потолком. Недалеко от стены расположилась открытая жаровня с мехами. Узник опасливо посмотрел в сторону этих приспособлений. Успокаивало одно – жаровня была холодной. Алек перехватил его взгляд и поспешил произнести:
- Не обращайте внимания, пережитки прошлого. Обычно не используется.

Марик быстро кивнул и отвел взгляд. Ему раньше не приходилось бывать в темницах. О камерах он знал лишь понаслышке от своих друзей-мястчан, некоторые из которых иногда попадались городской страже за мелкие нарушения порядка. И никто из них ни разу не упоминал о таких вот инструментах.
- Меня зовут Алек Динский, я – внук графа Ульта Динского, - продолжил тем временем Алек. – Граф поручил мне поговорить с вами.
- Я Марик Завирский, и я требую, чтобы меня перевели в городскую тюрьму! - быстро выпалил узник, опасаясь, что его перебьют.
- А откуда вы знаете, что вы не там? – улыбнувшись, спросил Алек. – Вам приходилось там бывать?
- Я… не знаю, - растерянно ответил Марик. – Нет, не приходилось.
- Ну и вот, так зачем вы сразу требуете? – Алек чуть подался вперед. – Или вы думаете, что в городской тюрьме что-либо для вас изменится? Я бы на вашем месте потребовал бы еды, да питья. Вы ж совсем исхудали. Есть хотите?
- Вы меня отравите? – спросил Марик. Он начинал приходить в себя, и к нему возвращались подозрительность и ненависть.
- Богов побойтесь, пан Марик, - всплеснул руками Алек. – Если бы мы хотели вас убить – разве бы не могли отравить вас в камере? Да мне вообще не стоило бы тогда останавливать дядю Михо, и для вас все бы было уже кончено. Марик, я пытаюсь вам помочь.
- Почему, пан Алек? – спросил Марик. – Вы – Динский. И, я думаю, у вас не вызывает сомнения, что я стрелял в Кирия Динского. И я могу точно сказать, что ненавижу все ваше семейство!
- Да, вы стреляли в дядю Кирия, - серьезно сказал Марик. – И у меня есть серьезные основания вас не любить. Возможно, даже серьезнее, чем у вас – меня. Но я офицер Княжества и у меня есть свои принципы. Я не могу позволить вам сгнить в тюрьме, как этого хотел бы граф Ульт, или забить вас до смерти, как это сделал бы дядя Михо. Я хочу, чтобы вас судили по закону. Это будет правильно. Но для этого нужно, чтобы вы мне помогли. Так вы будете есть?

- Буду, - быстро кивнул Марик. – И кофе, если можно.
- Хорошо, - ответил Алек.

Он вызвал стражника и попросил того принести кофе, хлеба и вяленого мяса. Буквально через пару минут все это стояло на столе, и Марик с жадностью накинулся на еду. Алек, потягивая кофе, терпеливо смотрел как узник насыщается. Когда Марик оторвался от тарелки, Динский сказал:
- Простите, что не удалось раньше вытащить вас, но дед и дядя не верили в то, что с вами можно договорится. Пришлось с ними долго спорить. И то, меня допустили к вам, только после того, как ваш отец написал письмо графу.
- Мой отец знает об этом? – спросил Марик.
- Он знает, что вас задержали, и что вы были ранены, - ответил Алек. – Он не знает, что с вами произошло. Да и я не знал, до сегодняшнего дня. Граф хотел, чтобы вами занялся дядя Михо, а вы сами понимаете теперь, чем это бы для вас закончилось.
- Да, да, - Марик запихнул в рот еще кусок хлеба и начал его жевать.
- Расскажите, Марик, почему вы напали на дядю Кирия? - спросил Алек, подавшись вперед.
- Он выжил? – спросил Марик с набитым ртом.
- Состояние его очень тяжелое, - скривил губы Алек. – Но вы живы только потому, что он пока жив. Так зачем вы в него стреляли?

Марик жевал, собираясь с мыслями. Сперва он хотел быстро все рассказать, но потом раздумал. Этот молодой Динский, возможно, говорит правду. А может и врать. Он вспомнил слова человека, который дал ему самострел. «Если тебя поймают, то добивайся публичного суда. Весь народ Фарка должен знать, что есть те, кто борются за свободу! И что дело Милана Теринского – дело каждого истинного сына Фарка!».
- Пан Алек, я все расскажу только в городском суде, не обессудьте, - сказал он наконец. – Я – борец за правое дело, и я хочу, чтобы люди Фарка знали, почему мы боремся за свободу. А еще я не хочу, чтобы вы смогли переврать мои слова.

Алек молчал, поглаживая губы пальцем. Марик выжидающе смотрел на него. На секунду ему показалось, что молодой Динский готов встать и ударить его. Он почти физически почувствовал, как на него снова обрушится град ударов, и весь внутренне сжался.
- Городской суд, говорите, - сказал Алек и грустно улыбнулся. – Поверьте, я бы очень хотел дать вам возможность выступить хотя бы перед градоначальником. Но граф никогда не согласится на это.
- Тогда я буду молчать, - торжественно сказал Марик.
- Это тоже не выход, - покачал головой Алек. – Если мне не удастся найти с вами общий язык, за дело примется дядя Михо, и я ничем не смогу вам помочь. Он убьет вас. Вы ведь не хотите умирать, я вижу.
- Нет, не хочу! - у Марика не получилось скрыть надрыв в голосе. – Но я не подчинюсь диктату из страха за свою жизнь. Я – свободный человек! Я хочу, чтобы люди знали...
- Я понял, - оборвал его Алек. – Чтобы люди знали… А давайте сделаем так – я приглашу к вам в камеру писаря из городского суда и журналиста, который напишет статью о вас. После выхода статьи мне легче будет убедить семью, чтобы они сделали суд над вами открытым.
- А как я узнаю, что вы меня не обманываете? – спросил Марик. – Что это будет журналист, а не какой-нибудь слуга?
- Вам придется мне поверить, - жестко сказал Алек. – Поймите, Марик, я стараюсь ради вас. Я дам вам честное слово дворянина, что журналистка и писарь будут настоящими. Это ваш единственный шанс.
- Хорошо, пан Алек, - кивнул Марик. – Я согласен.

- Завтра мы снова встретимся, а пока вас отведут в более… приемлемую камеру, - произнес Алек. – Если завтра все пройдет нормально, то вам позволят помыться, побриться и дадут новую одежду.

Он вызвал стражника. Марика снова заковали и увели. Его действительно привели в большую, более чистую и высокую камеру. Здесь было светлее, вместо груды соломы на полу лежал тюфяк, и не так чувствовалась сырость. И не было цепи в полу. В камере ему освободили руки. Когда вои вышли и заперли дверь, Марик упал на тюфяк, потянулся. Завтра о его поступке узнает общественность, а скоро он станет героем. В крайнем случае, мучеником, хотя такую мысль он гнал от себя всеми возможными способами. И снова в голове стали всплывать картины приветствующего его народа, и лица его недавно обретенных товарищей по борьбе, расплывающиеся в улыбках. За своими мыслями он не заметил, как заснул.

Утром его снова привели в доследчую. Рядом с жаровней расположился писарь Тарс, с которым Марик был отдаленно знаком. За столом, где вчера сидел Алек, сидела журналистка, представившаяся Нией из Яра. Длинные волосы ее растекались по плечам, открытое декольте манило взгляд. Брови, иссиня-черные от теней, губы – алые от помады. Черты лица были неуловимо знакомыми, но отличающимися от Алека или Кирия. Марик не мог понять, где он мог видеть эту женщину. Она, возможно, была неуловимо похожа на всех тех мястчанок, о которых он с детства тайно мечтал, и с которыми ему, несмотря на дворянское происхождение, никогда не везло. Алек Динский расхаживал по камере за его спиной.

- Расскажите о себе, господин Марик, - попросила девушка. Она приготовила бумагу и перо для записей и выжидающе смотрела на него

- Хорошо, Ния, - он широко улыбнулся.

Марик Завирский происходил из семьи бедного дворянина. Род баронов Завирских, бывший некогда очень знатным и богатым, разорился еще до вхождения Фарка в Княжество. Но, являясь младшей ветвью графов Аневских, Завирские получали кое-какую помощь. Когда же Аневские были уничтожены в ходе становления Княжества, дела Завирских пошли совсем плохо. Отец Марика пошел в услужение к одному из вассалов Динских и верной службой, надорвав здоровье и потеряв руку, смог заработать небольшой фольварк. Дом их почти не отличался от селянских хат, располагавшихся рядом. Младший из четырех детей, Марик подрабатывал в городе с малых лет, то у купцов, то у трактирщиков. Вечером, возвращаясь домой, он слушал пьяные жалобы отца на судьбу и на то, каким раньше был славным их род. Отец пытался вернуть себе земли, которые, как он считал, по праву принадлежали ему. Земли теперь принадлежали Динским. И Марик с детства понял, кто его главный враг.

Когда Милан Теринский начал проводить свою политику, Марик обрадовался, но до поры до времени ничего не делал. И только когда услышал о том, что произошло на недавнем сейме, он решил, что пора что-то предпринять. Сначала он поговорил с отцом, братьями и сестрами. Но отец устал бороться, а остальные члены семьи посоветовали ему заняться чем-нибудь более полезным, нежели политикой.

- Отец сказал: «не лезь ты в это дело – голову потеряешь», - хмыкнул Марик.

Но он, тем не менее, полез. Однако в кругу сторонников Теринского парню из Дина не доверяли, и до последнего времени он громко озвучивал свои политические взгляды в трактирах и корчмах. На него не обращала внимания даже городская стража – что взять с молодого да убогого?

- И вы решили делом доказать, что вы достойны их внимания? - спросила Ния.

- Да нет, - Марек вздохнул. – Оказалось, они меня сами давно заприметили.

Когда он возвращался из города домой, к нему подошли двое. Он сначала испугался, думал, грабить собрались. Но те лишь посмеялись и позвали зайти «на огонек», поговорить. Они пришли в пригородную корчму «Старый замок», одно из самых дорогих заведений в пригородах Дина. Пили хорошее вино, разговаривали о политике. Его новые

знакомцы (представились как Мид и Толико), сказали, что поддерживают Милана Теринского. Даже намекнули, что лично с ним знакомы, и могли бы организовать встречу. Молодой человек был счастлив – наконец его заметили. А потом, вроде как Толико сказал, что для того, чтобы он стал приближенным графа Теринского, нужно заслужить его доверие. А для этого, надо убить Кирия Динского – тот вскоре собирался выступить перед журналистами. Марик был уже пьян. Он вызвался сделать это. И тогда Дим протянул ему самострел. Все это он с трудом вспомнил на утро, когда очнулся в корчме, в постели с незнакомой девушкой. В камзоле лежал увесистый кошель денег, самострел и записка, что в двадцать седьмой день осени Кирий Динский посетит городскую ратушу.

- Остальное вам наверняка рассказал пан Алек, - закончил он. – В записке они еще написали, что, в случае успеха, меня будут ждать в Фарке и познакомят лично с Теринским.

- Хорошо, что вы нам все это рассказали, - сказала Ния. – Состояние пана Кирия очень тяжелое. Если бы не ваше интервью, вас могли убить прямо в замке. Но теперь я напишу о вашей истории. Скажите, вас били здесь? Морили голодом?

Марик оглянулся на Алека, и тот кивнул. Узник задрожал и тихо сказал:

- Да, - и слеза покатилась по его щеке.

- Не волнуйтесь, Марик, - сказала Ния, поднимаясь. – Вы не останетесь не услышанным.

- Спасибо, пани, - он застенчиво улыбнулся.

Алек вызвал стражу и приказал отвести Марика в камеру, а потом подготовить ему ванну и приготовить новую одежду. Узника вывели. Вслед за ним вышел писарь, получив от Алека две золотых монеты. Ния встала, уступая место молодому барону, а сама села на стул перед ним.

- Вы ведь его не выпустите, - утвердительно сказала она.

- Нет, - лицо Алека стало жестким. – Спасибо за помощь, пани Ния. Без вас мы бы не смогли… сделать это так легко.

- Мне не меньше вашего хочется узнать, что здесь происходит, господин Алек, - Ния испытующе посмотрела на него. – Профессиональный интерес. И, тем более, мне было необходимо удостовериться, что стреляли в этот раз не в меня.

- Мы проверим информацию, которую он нам дал, - Алек встал и пригласил ее покинуть комнату. – Я надеюсь, вы понимаете - то, что он сказал пока нельзя публиковать.

- Не учите ученую, юноша, - она саркастично улыбнулась. – Я знаю, как подать материал так, чтобы нам всем было хорошо. События в ваших местах слишком интересны, чтобы быть изгнанной, недосмотрев их до конца.

- Я надеюсь на вашу честность, - кивнул Алек.

- Кстати о честности, - сказала она, когда они поднимались наверх, в жилую часть замка. – Что произойдет с несчастным борцом за свободу?

- Совесть замучает, - туманно ответил Алек.

Вечером Марика отвели в помещение с ванной. Новую одежду положили рядом на табурет, прибитый к полу.

- Позже зайдет цирюльник и поможет вам привести себя в порядок, - сказал гвардеец и вышел.

Марик разделся и залез в горячую ванну. «Может, не все Динские такие плохие, - размышлял он. – Если Алеку и этой журналистке все удастся, я еще встречусь с графом Теринским. Но где же я мог видеть эту Нию?».

За спиной отворилась дверь.

- Пана побрить? – услышал он голос.

- Да, пожалуйста, - ответил Марик, не поворачивая головы. Его мысли занимала журналистка. Как она на него смотрела! Этот манящий взгляд. Может, она считала его героем? Может, когда все это закончится, они вновь встретятся? Она, вся такая красивая, боевая… Боевая? Взгляд? Он вспомнил – эти глаза он видел, когда сталь метательного ножа вонзилась ему в плечо! Это же она!

Марик попробовал вскочить, но вокруг его шеи обвилась веревка и крепко сжала ее. Тяжелая рука опустилась ему на макушку и вдавила голову под воду. Он успел еще разглядеть лицо своего убийцы, того самого человека, которого он выслеживал больше седмицы назад.

- Привет с того света, ублюдок! - сказал Кирий Динский. – Надеюсь, тебе там понравится!

Фольварк Рейк, пригороды Улесья, Год 1476 от В.Н., 35 день осени.

Пани Ирия неодобрительно покачала головой. Где это видано, чтобы девки мечами махали, да еще боевыми!? Понаставят себе царапин, да шрамов! Кто потом таких замуж возьмет? Она вот тоже с детства кротким нравом не отличалась, и сейчас осталась одна одинешенька! Лучше бы танцами занялись, или в улесский театр бы съездили. Дальше так пойдет, так и вообще в мужиков превратятся. А что с мужиками то тогда случится? Ужас один, право слово. И что эта молодежь себе думает?

Иртэя и Эглина остановились передохнуть.

- Песка говорил, что ты не особый фехтовальщик, - заметила Эглина, тяжело вздыхая. На ней были тренировочные свободные штаны и перетянутая ремнем серая рубаха из жесткой ткани. – Видимо, я по его классификации вообще в фехтовальщики не гожусь.

- Иниан тренировал тебя на использования темной техники в фехтовании, - ответила Иртэя, облаченная в свои обычные форменные штаны и такую же, как и Эглина рубаху. – Ты привыкла сильно полагаться именно на этот прием. Поэтому, когда я ставлю блокаду, ты теряешься. Для того мы и фехтуем, чтобы ты вспомнила основы, и не рассчитывала только на темные способности. Звяк, кстати, фехтует хуже меня.

- Зато стрелок отличный, - сказала Эглина, вспомнив, как Сайн до отъезда упражнялся здесь же во дворе в стрельбе. С того расстояния, с которого он выбивал десятку, княжна вообще не могла попасть в мишень.

- Что есть, то есть, - согласилась Иртэя.

Стоял невероятно теплый и погожий для этого времени года денек. Редкие облачка плыли по небу плавно, словно лодочки по тихой речке. Пожелтевшая листва на деревьях за фольварком качалось в такт ветру, и изредка какой-нибудь лист срывался и падал на землю. Под некоторыми из деревьев уже скопился этакий осенний ковер. Эглина вспоминала, как в детстве они с Альдой бегали под этими деревьями, собирая листья, и спорили, кому достались более красивые.

- Эйни, - она посмотрел на полуэльфку.

- Да, Эгли?

- Ответишь мне на один вопрос? Только честно!

- Конечно.

- Если бы я не согласилась отправиться сюда с вами? Или вообще отказалась бы выступить против Альды, что бы вы делали?

- Мы? – переспросила Иртэя. – Ты имеешь в виду Алый Клинок?

- Да, - кивнула Эглина.

- Вряд ли мы бы делали что-нибудь, - ответила Эйниэ и перевела взгляд на деревья. – Я думаю, показали бы Теринскому истинное лицо его друзей, а если бы он был настолько глуп, что не захотел бы видеть, то устранили бы.

- А что бы было дальше?

- Дальше Берклика, Ластарт или Илин ввели бы сюда свою гвардию. Не хватило бы – на помощь пришло бы Западное войско. Альду могли отправить в монастырь или убить, Фарк стал бы герцогством. Утопили бы Терию в крови. Тебя …, - Иртэя запнулась.

- Продолжай, - сказала Эглина. – Я хочу знать.

- Тебя бы тоже устранили – либо в монастырь, либо убили.

- Почему так происходит, Эйни? – спросила Эглина. – Мы же все живем, все дышим одним воздухом. Я понимаю, Теринский призывает к восстанию, он опасен. Но неужели он не понимает того, о чем ты мне сейчас рассказала? Почему он делает то, что делает? Как вообще можно думать о том, чтобы убить невинного человека? Ты вот говоришь, что меня бы устранили – а за что? Сколько бы людей погибло, и все из-за того, что в Фарке оказались рудники? Я знаю, мне уже объясняли все и Мастер и канцлер. Но я не могу этого осознать! Скажи мне, Эйни ты тоже думаешь, что это необходимо?

- Слишком много вопросов, Эгли, - Эйниэ вздохнула. – Почему так происходит? Потому, что власть и деньги если и меняют разум, то только в худшую сторону. Понимает ли Теринский, что он делает? Думаю, понимает, но считает, что делает все ради высшего блага. И не видит, что его стремлениями играют и их используют. Как не видят это и его сторонники – разуму всегда проще зацепится за простое и понятное. Кровь проливать очень легко, если это не твоя кровь. Люди погибли бы не потому, что в Фарке есть рудники, а потому, что они бездействовали и позволили действовать другим. За это, кстати, устранили бы и тебя. Вот, вкратце, что я думаю.
- Не понимаю, - покачала головой Эглина. – Каким образом селянин или мястчанин могут действовать, если князь или граф что-то решили? Как я могла бы действовать, когда ко мне пришли вы?
- Это ты лучше у Мали спроси, Эгли, - Иртэя размяла плечи и взмахнула клинком. – Ей было тринадцать, когда она сбежала из дому. Потому, что защитила свою сестру от баронского сына, и за это ей грозила каторга. У тебя в том же возрасте, несмотря ни на что, были деньги и положение семьи. У нее – только решимость не сдаваться судьбе. Сложить с себя ответственность всегда проще. Тогда ты сможешь дистанцироваться от совершения ошибок. До тех пор, пока ошибки других не настигнут тебя.
- Страшно ты говоришь, Эйни, - сказала Эглина.
- Ты спросила, что я думаю. Я ответила, - Иртэя направила острие клинка в сторону Эглины. – Защищайтесь, Ваше Высочество! А то мы совсем замерзнем.

Они упражнялись еще в течение часа. Тренировка развеяла невеселые мысли Эглины, и уже через четверть часа она, озорно смеясь, приставила клинок к груди соперницы. За оставшееся время ей удалось одолеть Иртэю еще три раза. Всякий раз Эглина радовалась победе, как ребенок. Ее настроение передалось и полуэльфке и, закончив тренировку, они в прекрасном расположении духа направились в сторону фольварка.
- Еще немного, - заметила Иртэя, - и тебе надо будет брать уроки у Пески. Меня ты такими темпами перерастешь очень скоро.
- Ой, Эйни, ты мне льстишь, - ответила Эглина. – Четыре против десяти.
- Зато какие! Последний раз я защищалась из последних сил.
- Так уж и из последних! Не льсти мне, я сама знаю, где и на что я способна, - засмеялась княжна и дернула подругу за хвост.
- Больно! – вскрикнула Иртэя, и распустила волосы.
- Простите нижайше, я не хотела! – пропищала Эглина, а потом снова рассмеялась. – Или хотела!

Они зашли в дом. Проходивший мимо Руфий сообщил, что обед ожидается через полчаса. Эглина кивнула, и приказала сделать ванну.
- Пойдешь со мной? – обратилась она к Иртэе.
- Куда? – не поняла та.
- Искупаться, - пояснила Эглина. – Через четверть часа ванна будет готова, помоемся перед обедом.
- Эглина, я… - начала было Эйниэ, но в этот момент ее окликнул Иниан, спускавшийся со второго этажа.
- Иртэя! А я тебя везде ищу!
- Да, Мастер Айклин? – Иртэя повернулась к нему.

Иниан, сегодня облаченный во все черное, спустился по лестнице и подошел к девушкам вплотную. Волосы его были собраны в косички, закрепленные золотыми кольцами.
- Срочно надо идти в склеп, - прошептал он. – Послушник уехал в деревню к умирающему, жрец в алкогольном забытье лежит у псаря. Лучшего момента не сыщем!
- Я… хорошо, - кивнула Иртэя. – Только переоденусь да накину что-нибудь.
- Давай быстрее, - Айклин перевел взгляд на Эглину. – Княжна, ты с нами?

- Нет, Мастер, - скривила губы та. – Пани Ирия хотела обсудить со мной за обедом предстоящий прием, а потом пан Бойковский просил аудиенции.
- Да, это пропустить нельзя, - согласился Иниан. – Тем более, что нам не нужно вызывать подозрений. Если спросят – мы с Иртэей отправились свершить молитву Морвиду.
- Хорошо, - согласилась Эглина.

Она быстро взбежала по лестнице, и скрылась за поворотом. Иртэя спустилась через четверть часа, когда Айклин начинал терять терпение. Она сменила штаны и рубаху на форменное платье, на голову повязала платок.
- Сколько можно тебя ждать? – проворчал он.
- Княжна просила меня вечером позаниматься с ней танцами, - пояснила Иртэя. – Кстати, спасибо.
- За что? – Иниан удивленно посмотрел на нее.
- Не важно, - быстро сказала она. – Просто спасибо.
- Эйниэ, - Айклин прошил ее взглядом. – Реши, наконец, свои сердечные проблемы. Поверь мне, иначе они решатся сами, и отнюдь не так, как тебе бы того хотелось!
- А я не знаю, как бы мне хотелось! И вообще, не ваше дело!
- Как скажешь, - пожал плечами Иниан. – Идем, нас ждет труп!

Они вышли из фольварка, прошли через сад, старательно приводимый в порядок селянами из соседней деревни.
- Ты, кстати говорила княжне об информации Сайна? – спросил Иниан.
- Нет, - ответила Иртэя. – Забыла.
- Или не захотела.
- Мастер, Эглине и так не легко, а вы хотите, чтобы я ей еще сказала о слухах, что ее мать убили потому, что та хотела убить ее сестру?
- Чем дольше ты тянешь, тем хуже потом будет, - заметил Иниан. – Это, кстати, касается и сердечных дел.
- Сама разберусь, - сквозь зубы сказала Иртэя.

Они миновали небольшой пролесок и вышли к стальной ограде, за которой находились Храм Семи и кладбище.
- Никогда не понимал этого обычая – закапывать мертвых в земле, - проворчал Айклин. – Мало того, что непрактично, так еще и некромантам с магами лишнее подспорье.
- А как в Мертволесье хоронят мертвых? – спросила Иртэя. Они шли вдоль забора, и полуэльфка с интересом рассматривала надгробия, многие из которых уже поросли мхом.
- Увядающие от времени эльфы обычно засыпают в летаргии и помещаются во Дворец Сновидений, но это случается не часто, - ответил эльф. – Поэтому необходимости в кладбищах у нас нет. В основном воины гибнут либо на нижних уровнях или за границами Королевства. Если есть возможность забрать тело, то мы воздаем почести умершему, и опускаем его в Великий Исток. Если нету – о нем позаботиться местная фауна. Тех, кто гибнет за границей Мертволесья, соратники обычно сжигают и развевают пепел. На Севере, во время Войны Храмов, некоторых эльфов хоронили и по людским обычаям, но это случалось редко и не вошло в традицию.
- Понятно, - задумчиво сказала Иртэя.
- Если эльфа сочтут недостойным отправки в Исток, допустим, убитого стражей преступника, его сбрасывают к нижним уровням на корм зверям. Но таких немного.
- У нас у приюта было похожее кладбище, - заметила Иртэя. - Только побольше. Непослушных детей отправляли туда ночевать.
- И часто тебе приходилось там бывать? – поинтересовался Айклин, пытаясь сквозь решетки рассмотреть местоположение входа.
- Раз по пять в сезон, - ответила Иртэя. – Сначала было жутко страшно, а потом привыкла.
- Надо было некротические заклинания изучить, - заметил эльф. – Приходит воспитатель с утра за тобой – а у тебя под рукой личная армия.

- Я мелкая была, - хмыкнула Иртэя. – Да и в библиотеке приюта вроде ничего такого не было.
- Плохо искала. Обычно в библиотеках храмов и школ можно найти самые неожиданнее книги – вплоть до пособия по вызову Падших из небытия, - сказал Айклин, и снова осмотрелся, когда они дошли до угла забора. – Где этот проклятый вход? Вот уж не думал, что когда-нибудь буду страстно желать попасть на кладбище!

Вход они нашли еще через поворот. Храм представлял собой небольшое аккуратное строение с четырьмя декоративными башенками по углам и стрельчатыми окнами над дверьми и по боковым стенам. Правее храма в отдалении расположилась небольшая покосившаяся сторожка. Выглядела она весьма неопрятно, хотя красили ее, судя по всему, недавно.

У ворот никого не было. Иртэя взбежала по ступеням и дернула за дверь
- Заперто, - констатировала она.
- И это логично, - произнес эльф, доставая из кармана ключи. – Ведь там никого нет.
- Опять шарили по карманам честных людей? – притворно строго сказала Иртэя. – Вообще, как вы подгадали такой момент? Вроде жрец последнее время старался не пить.
- Хочешь сделать что-то хорошо, сделай это сам! – с видом великого мудреца провозгласил Иниан, сражаясь с замком. – В данном случае, спои жреца и возьми у него ключи.
- Надеюсь, смертельный случай, на который уехал послушник, не вы организовывали?
- Я не буду отвечать на компрометирующие вопросы, - сказал эльф и, наконец, отпер дверь.

Внутри храма царил полумрак. С потолка свисала старая свечная люстра, стальная, с семью подсвечниками. Четыре небольшие лавочки со спинками справа и слева от прохода. Иниан и Иртэя, не сговариваясь, опустились на колени и прошептали «*Анаир Данэ*». На серых, с темными от сырости пятнами, стенах висели обычные для храмов изображения каждого из семи богов в момент их величайшего деяния. «Феломена обретает власть над Смертью» - бледная черноволосая девушка, нареченная в последствии старшей из Семи, в сером рубище оживляет умершего от болезни малолетнего сына короля Наррольна, правителя изгоев, бежавших от Длимернов за пыльный хребет. «Нэриол открывает секрет стали гномам» - приклонив колено перед королем гномов, воин-кузнец протягивает ему первый в известном мире стальной меч. «Морвид проповедует в Мертвом Лесу» - высокий седой мужчина в темном плаще своей речью возвращает надежду беглецам, ютящимся у костра среди мрачного и опасного леса. «Кшадар освобождает трайтонов» - морская батальная сцена, на переднем плане воин в кожаном доспехе на носу корабля повергает в пучину змееподобное существо. «Кристиния ниспровергает короля Зеленолесья» - обнаженная богиня, изображенная спиной к смотрящему, смотрит на труп короля зеленолесских эльфов. «Эльвэниэн изобретает магические печати» - невысокого роста эльфийка в бело-золотом одеянии с пером в руке и короной на голове склонилась над бумагой. «Назар поднимает пустынников на борьбу» - человек в кольчуге перед толпой пустынников указывает мечом на юг. За алтарем во всю стену расположилось каноническое расположение богов сверху вниз на фоне горящих руин древнего легендарного города длимернов Феллониана.
- Вэнгалиэнская старая школа, - с удивлением и восхищением в голосе заметил Иниан, поднимаясь. – Интересно, сколько им лет? Явно больше века!
- Как вы определили? – заинтересовалась Иртэя.
- В современной школе Кшадара изображают с опущенной головой и, иногда, в оковах – после того, как его жрецы поддержали избиение эльфов на Севере. Люди обычно изображают Феломену с короной – как на одиночных, так и на групповых иконах. Художники мертволесской школы изображают с короной Морвида и Эльвэниэн и вместо «Изобретения печатей» рисуют «Ночь огня». У Вэнгалиэна же в короне изображается только Эльвэниэн, и главным ее изображением считается именно «Изобретение печатей».

- Ух ты, - восхитилась Иртэя. – А у гномов?
- Гномы считают всякое изображение божества греховным, - ответил Иниан. – Ибо это принижает их божественное достоинство.
- Глупость какая, - поразилась Иртэя.
- Я тебе уже говорил свое мнение о разумности гномов, - пожал плечами Иниан. – Ладно, заканчиваем экскурсию, начинаем искать вход в крипт.

Вход нашелся быстро. Справа от алтаря обнаружился стальной запертый люк с массивным железным кольцом. Иниан с трудом подобрал ключ, потом несколько минут возился с замком, поминая его создателей неприличествующими для храма словами. Иртэя стойко терпела богохульства, хотя от подобного непочтения ей стало не по себе. В конце концов замок с резким щелчком поддался. Эльф с радостным возгласом потянул за кольцо. Люк с неожиданной легкостью открылся, и он едва не рухнул на алтарь, чудом сохранив равновесие. Удивило Иртэю, впрочем, не это, а то, что Иниан при этом не проронил ни слова.
- Ну что ж, - сказал он, устремив взгляд вниз, на открывшуюся взору каменную лестницу. – Пойдем, посмотрим на благородных покойничков.
- Мастер Айклин, откуда столько пренебрежения? – спросила Иртэя, пока они спускались вниз. – Между прочим, если бы не традиции бальзамирования, у нас не было бы надежды продвинуться в нашем расследовании.
- Ну, если сохранять трупы только для этого, - задумчиво сказал эльф. – Тогда может это и имеет смысл. Ничего ж себе!

Он встал, как вкопанный. Иртэя с трудом обошла его на узкой лестнице и тоже застыла в изумлении. На резных металлических столах в ряд вдоль стен в стеклянных гробах лежали поколения графов Рейкских. Перед взорами Иниана и Иртэи открылась шестисотлетняя история Рейка в его правителях. Над каждым гробом тускло горел чародейский огонь, хотя сохранились и подставки под факелы. Под подставками висели картины в рамках, а посреди комнаты на золотом постаменте разместился тонкий трактат, который являлся, как догадалась Иртэя, поминальной главой Книги Феломены.
- Что ж тогда творится в крипте Фаркских? – сам себя спросил Иниан.

Он подошел к ближайшему гробу и изумленно присвистнул. В гробу лежал седой мужчина, без всяких признаков разложения или трупного окоченения, как будто только заснул. Хотя, судя по надписи, это был основатель династии Рейкских – Рейко Могучий. На картине над гробом изображалось основание Рейкского замка, где Рейко, точно такой же, как лежал перед ними, закладывал первый камень фундамента, на коим, собственно, ныне стоял фольварк Рейк.
- На Севере гробы стоят закрытыми, а покойники имеют вид покойников, - произнес Иниан. – Слыхал я о ресментельских бальзамирующих маслах, но вижу, признаться первый раз.
- Есть еще чему удивляться, - сказала Иртэя.
- Вот этому я больше всего и удивлен, - признался эльф. – Ладно, судя по расположению нам нужен последний гроб у противоположной стены.

Но они все равно прошли мимо всех саркофагов, рассматривая картины и не тронутые тленом лица. Одна из девушек была удивительно похожа на Эглину, только с огненно-рыжими волосами. На картине были изображены ее похороны в подвенечном платье.
- Этэйна Рейкская, - прочитала Иртэя. – Бедная девушка, умереть в таком юном возрасте.
- Да, плохо, когда самым важным событием в жизни является смерть, - заметил Иниан.
- У вас такая смерть не вызывает ни капли сочувствия? – осуждающе спросила Иртэя.
- Девочка моя, я пережил большинство лежащих здесь людей. Смерти абстрактных людей перестали трогать меня после первой сотни – это лет через десять после того, как я вообще начал общаться с людьми. Я с большой вероятностью переживу и Эглину, и тебя, и вообще всех, с кем общаюсь на текущий момент. И я буду вспоминать вас, но если бы я

грустил по каждой смерти даже знакомых людей, я бы уже лет двести занимался бы только тем, что лил слезы.
- Да уж, - только и смогла произнести Иртэя.

Пани Илла совершенно не казалось старой. Руки ее, лежавшие на покрывале были гладкими и молодыми, на лице проглядывали редкие морщинки. Само лицо было умиротворенным, спокойным. «Живым», - про себя подумала Иртэя и осеклась. На лице Иниана отобразился деловой интерес.
- Одно из двух – либо на нее потратили огромное количество белил, либо моя теория не верна, - сказал он. – Помоги-ка.

Иртэя не успела возразить, и ей оставалось только подхватить откинутую эльфом крышку гроба. Крышка оказалась тяжелой, и девушка негромко охнула. Иниан же провел пальцами по запястью покойной княгини, посмотрел на них и удовлетворенно хмыкнул.
- Все-таки белила, - сказал он.
- Вы не могли бы побыстрее, - спросила изрядно напрягшаяся Иртэя. – У меня сейчас руки отвалятся!
- Ой, не ври, - эльф наклонился над запястьями пани Иллы, рассматривая их внимательней. – От такой нагрузки ты даже не вспотеешь.
- Сейчас я отпущу крышку, и вы на своей голове прочувствуете нагрузку, - огрызнулась Иртэя.
- Напугала эльфа деревом, - сказал Иниан. Он достал из кармана штанов платок и тщательно стер белила с правого запястья. Через мгновение на нем проступил иссиня черный след. Иниан счистил белила с кисти и чуть выше по руке – там цвет кожи был бледным, местами желтоватым.
- А вот и доказательства, - сказал эльф удовлетворенно, укладывая руки покойной обратно и отступая от гроба. – И теперь я могу с уверенностью утверждать, что знаю преступника.
- И? – спросила Иртэя, опустив крышку.
- Послушник, вот наша цель, - сказал эльф. – Пойдем, пора покинуть эту скорбную обитель.

Они выбрались из крипта, и Иниан закрыл его. Из храма они ушли быстро, заперев входную дверь и прикрыв калитку. Уже в пролеске Иртэя спросила:
- А почему не жрец?
- Жрец был в запое, когда тело княгини нашли. Осматривал его послушник, соответственно, он снял браслет.
- Почему он не мог его снять просто так? Или почему этого не сделали, когда готовили тело к погребению. В смысле, к захоронению.
- Ты внимательно смотрела на тела других покойных? – спросил Иниан, и Иртэя утвердительно кивнула. – И что там?
- Да, - после недолгого раздумья сказала она. – На руках у каждого из них были украшения.
- Зачем бы им было снимать браслет, который княгиня носила? Или почему было не одеть его обратно. Тем более, такие браслеты не так легко снимаются.
- Может, просто разрезали, испортили? – предположила Иртэя.
- Может, да не может, - сказал Иниан. – Браслет впитывает энергию, при уничтожении он бы разорвался, были бы жертвы. Как минимум раненые. Ни о чем таком нам никто не говорил. Вывод: браслет сняли аккуратно. Тот, кто его одел. И, если это не мог сделать жрец, то это только послушник.
- Значит, возьмем его, допросим и все выясним?
- Нет, - покачал головой Иниан. – Мы пока не будем ничего делать.
- Это почему? – остановилась Иртэя.
- Подумай, Эйниэ! Сопоставь то, что выяснил Звяк и теперь известные нам факты!
- У нас есть слухи о том, что пани Илла хотела убить Альду, у нас есть один мертвый послушник и один живой, которого мы подозреваем в убийстве. Вам не кажется, что

несколько звеньев мы все же упустили? Да и слухи могут оказаться только слухами. Правильнее было допросить послушника и восстановить всю цепочку.
- А я тебе говорю, подумай! – Иниан остановился, прихлопнул комара у себя на запястье и посмотрел на Иртэю испытующе. – Если надо, проговори все с самого начала. Например, с похода пани Иллы в храм за две декады до смерти.
- Хорошо, - проворчала Иртэя. – Она идет в храм за две декады до смерти… Стоп! Перед этим она становится замкнутой и необщительной. Снимает портрет Альды со стены!
- Да, именно так, - кивнул Иниан. – Именно в этот момент, на мой взгляд, княгиня решает, что не хочет видеть на троне Теринского, и единственный выход – убить Альду, чтобы он не заполучил ее. К самому Теринскому она подобраться не сможет, а дочь все же ей доверяет. Потом она идет в храм, исповедаться и снять с души этот грех.
- Да, Эглина как-то говорила, что ее мать была очень религиозной, - подтвердила Иртэя. – Это было бы для нее в порядке вещей.
- Именно после этого жрец уходит в запой. Я говорил со свинарем. Он точно помнит, что служитель пришел очень подавленный и сразу без закуски выпил рюмки три, что даже для него было слишком. В алкогольном бреду, он проговаривается послушнику о секрете пани Иллы. Ничего удивительного – послушник тоже обязан хранить тайну исповеди, а самому жрецу было очень тяжело нести это бремя, особенно после настойки.
- А послушник тоже оказался болтливым и рассказал все своему товарищу, - продолжила Иртэя. – Эту историю и поведал слухач знакомому Звяка. И продал неизвестному нам заказчику. А заказчик убрал и слухача, и второго послушника. А местного наверняка завербовал, чтобы он еще здесь и шпионил. Иначе зачем бы ему здесь оставаться после того, что он сделал?
- Правильно! Пока вы танцевали и махали мечами, я проверил – писем он из фольварка не отсылал. Но каждые три декады он на два дня уезжает в Улесье. Видимо, там он и встречается со своим контактом. Судя по моим расчетам, уедет он аккурат после бала. И там мы, а точнее ты, его и возьмешь. Вместе с этим самым контактом.
- А если мы не правы? – спросила Иртэя, когда они уже продолжали путь. – Если это жрец исхитрился надеть браслет и снять его?
- Жреца я допрошу, когда послушник уедет. Хотя я уверен в нашей версии событий. Только ума не приложу, кто может быть этим самым заказчиком.
- Теринский или кто-нибудь из Гарды? – предположила Эйниэ. – Может, и сама Альда.
- У Альды бы на это не хватило духу, - возразил Иниан. – Узнай она о планах матери, она все рассказала бы Теринскому. А что самому графу Милану, что гардовцам гораздо выгоднее было бы, чтобы слухи выплыли наружу. Окончательный разрыв Альды с матерью, удар по рейкскому дворянству.
- Значит, будем надеяться, что послушник приведет нас к началу цепочки.
- Или послушник, или его контакт, - кивнул Иниан.

Солнце уже клонилось к закату, когда они дошли до фольварка. Внутри слуги убирали со стола посуду после ужина. Иниан поймал Руфия и попросил организовать ему ванну. Дворецкий, уже привыкший, что эльф распоряжается в фольварке как дома, учтиво поклонился и сообщил, что ванна будет готова после ужина.
- Не составишь мне компанию? – спросил эльф Иртэю и подмигнул.
- Вы ведь все слышали?
- Конечно, - улыбнулся Иниан.
- Вам не составлю. Ника мне волосы потом повыдирает.

Иниан рассмеялся и направился к себе в комнаты. Иртэя в задумчивости поднялась наверх. Ей тоже стоило бы помыться, но она решила сделать это позже вечером. Она все еще находилась в растерянности от своих чувств и не знала, как поступить. Она вошла в выделенные ей покои, скинула рубаху, штаны. В дверь постучали.
- Минуту, - крикнула она, надевая просторное платье, которое обычно носила в домашней обстановке. Потом подошла и открыла дверь.

- Я не могла отделаться от мыслей о вашем походе, - сказала Эглина. – Разрешишь войти?
- Входи, конечно, - Иртэя впустила ее внутрь. Эглина прошла и села на кровать.
- Эти покои раньше занимала Альда, - сказала она. – В детстве мы часто играли в ее комнате. Пока отец окончательно не рассорил нас. Мама всегда становилась ласковее, когда мы приезжали сюда подальше от него. Она стояла здесь и смотрела, как мы играем. Я ее такой и запомнила – нежной и доброй. А не такой, какой она была при отце. Беспомощной, жалкой, податливой.
- Эгли, - только и смогла произнести Иртэя, садясь рядом. Ей захотелось обнять девушку и она не стала противиться своему желанию.
- Рассказывай, что вы там нашли, - Эглина не стала высвобождаться от объятий, наоборот, крепче прислонившись к Иртэе.

Эйниэ рассказала обо всем. Эглина слушала внимательно, не поднимая головы с ее плеча. Когда Иртэя сказала, как удивили их нетронутые временем тела, она заметила:
- Надо было вам сказать. Я была в склепе еще в детстве, перед дворянской клятвой, и тогда мне это показалось нормальным. А потом я просто забыла.

Потом Иртэя сообщила, кого они подозревают в убийстве и что планируют делать.
- Но почему, Эйни? – Эглина оторвалась от ее плеча и посмотрела ей в глаза. – Кто и зачем мог его подговорить на убийство моей матери, да еще и таким способом?

Иртэя запнулась. Ей не хотелось говорить о том, что узнал Сайн, но она не могла умолчать об этом. «Чем дальше, тем сложнее», - вспомнила она слова эльфа.
- Эглина, - начала она. – Я не знаю, как тебе это сказать… мы подозреваем, что пани Илла хотела убить твою сестру. И поэтому ее и убили.
- Что!? – Эглина вскочила с кровати. – Это невозможно! Нет!

Иртэя рассказала ей и о том, что узнал Звяк, и о том, что они нашли в крипте. Кратко описала их с Инианом ход мыслей и выводы. Эглина встала, подошла к окну, опустила голову. Иртэя посмотрела на нее темным зрением. Эмоции княжны рвались наружу. Страх, отчаянье и боль. Эглина пыталась их сдерживать, но они побеждали, окрашивая ауру в фиолетово-черные цвета. Иртэя встала, подошла к княжне и обняла ее за плечи.
- Почему, Эйни!? – Эглина повернулась, уронила голову на грудь Иртэи и зарыдала. – Почему? Что я такого сделала?
- Эгли, не плачь, пожалуйста!
- Мой отец был чудовищем, - сквозь рыдание говорила Эглина. – Я думала, что моя мать – жертва. Но и она оказалась чудовищем!
- Нет, Эгли! – Эйниэ обняла ее сильнее.
- Да, да! Да, мястканцлер Мирриа! Княгиня Фаркская Илла была чудовищем – только чудовище может замышлять убийство своего ребенка потому, что не смогла воспитать ее правильно! Ведь это все, длимерн побери, из-за того, что они воспитали ее безвольной куклой! И потом она решила убить Альду – избавиться, как от неудачной поделки!
- Эгли, все еще может быть не так!
- Нет, Эйниэ, - Эглина отстранилась. Лицо ее покраснело, слезы текли по щекам. – Я сама все время думала о снятом портрете, и о том, что вы говорили об очищении. И о том, что она была хмурой после этого. И теперь все встало на свои места! Мой отец был чудовищем, моя мать – тоже. Кто же тогда я?
- Эглина…
- Моя сестра – безвольная кукла, а я? Я ведь почти была согласна с тем, что в случае необходимости мы изолируем ее, отправим в монастырь или просто оставим под арестом! Я – дитя чудовищ, и я выросла чудовищем!
- Нет, Эглина! – Эйниэ провела ей рукой по лицу, вытирая слезы. – Ты – не чудовище! Ты – красивая, молодая, веселая девушка! Ты добрая, отзывчивая!
- Это все не то, Эйниэ, - Эглина закрыла глаза ладонями. Ей почему-то вспомнилась та женщина в Нирре, которая жаловалась, что ее никто не любит. Это словно было годы

назад, как в тумане, но она вспомнила с каким надрывом та говорила. – У меня никого не осталось. Совсем никого.
- У тебя есть… - Иртэя хотела сказать «мы», но запнулась. «К длимернам все!», - зло выругалась она про себя. – Эглина, у тебя есть я.

Княжна посмотрела на нее. Эйниэ ласково улыбнулась, и провела рукой по ее волосам, скользнув по щеке.
- Спасибо, Эйни, - Эглина всхлипнула и покачала головой. - Спасибо тебе.

Она потянулась к Иртэе и поцеловала в губы. Потом еще раз и еще. Иртэя почувствовала, что теряет голову и сама ищет губы княжны, ощутила, как нарастает жар внутри. Через мгновение она поняла, что происходит, и быстро отстранилась.
- Эглина… Ваше Высочество… прости, я так не могу, - пролепетала Эйниэ, выставила руки вперед, как бы защищаясь, а потом выбежала из своих покоев, оставив растерянную княжну стоять у окна комнаты.

Корчма «Бобровая хатка». Гиррд, графство Фарк, Год 1476 от В.Н., 37 день осени.

- Значит, ты встретился с людьми Тима, - утвердительно сказал Льох.
- Встретился, - кивнул Звяк. – Наглые ребята, но приучаются работать без беспредела.
- И сказал, что разговаривать будешь только с Тимом, - продолжил Льох.
- И они согласились, - Звяк глубоко затянулся и выдохнул ароматный дым. – Не без проблем, конечно. Но согласились.
- И в тот же день Васий сказал нам, что поступила информация о вашей встречи, - Льох постучал пальцами по столу. – Ублюдок. Не нравится мне все это, Звяк. Они готовят для тебя подставу.
- Это определенно, - кивнул Сайн. – Но мы тоже готовим для них подставу. В этом и прелесть операции. Самое хреновое, Льох, что Тихо до сих пор не выше со мной на контакт. Я очень старался – но до сих пор по нулям.
- Насколько нам вообще это важно? Главную опасность представляет покровитель Тима в канцелярии. Не Васий, а тот, что выше. Как только мы решим этот вопрос, все само собой выправится.

Звяк встал с кресла и начал бродить по комнате. Льох провожал его взглядом, потом повернулся в сторону окна. По стеклу стучал дождь. Абсолютно серый день – не понять, то ли утро, то ли вечер. Перина достал трубку и закурил.
- Прекращай, Звяк, - недовольно сказал он. – Если есть чего сказать, то скажи. Но не вихляйся, как маятник!
- Понимаешь, какая штука, - Звяк остановился и посмотрел на Льоха. – Убрать крысу в своих рядах – это важно, слов нет. Но преимущества в целом по операции это нам не даст. Нам нужен Тихо. Криминал контролирует рабочие движения, знает, кому и что сказать, чтобы начался бунт, или, наоборот, чтобы смягчить настроения мястчан. Так было и так будет. И, чтобы получить контроль над ними, мы должны влиять на местный криминал. Пока здесь есть полярность, пока Тим и Тихо борются за власть, уговорить Тихо будет проще. Потом – он может выставить трудновыполнимые условия.
- И что ты думаешь делать?
- Распущу слух, что мы с ним встретились, и он мне предложил выгодную сделку. Это подстегнет ребят Тима работать шустрее, и, я надеюсь, заставит самого Тихо выйти на меня.
- Рискуешь ты, Звяк, - покачал головой Льох. – Причем, мне кажется, зря. Взяли бы этого Тихо к себе, да поговорили бы, чтоб хозяев знал.
- И он тут же потерял бы всякий вес, - поморщился Сайн. – Нет, лучше уж мне рискнуть.
- Тебе виднее. Что будем делать с вашей встречей с Тимом?
- Поговори с Ольехом, отдельно от Васия. Пускай усилят посты, пусть обыскивают всех. Возьмете Тима на въезде, и заставите говорить. Неизвестно, знает ли он об участии Васия, но своего покровителя из Фарка он знать должен. А там мы всю цепочку и раскроем.
- Скорее бы, - Льох нахмурился. – Каждый раз, когда смотрю на этого Васия, хочется достать самострел и пустить ему стрелку в лоб. Еле сдерживаюсь.
- Думаю, осталось не долго. Как, кстати, он держит связь с тимовскими бойцами, если твои ребята всегда при нем?
- Мы думаем, что его девка с ними связана. Приходит тут к нему одна – мелкая, белесая, в веснушках вся. Доска, два соска. Смотреть страшно, не то, что в постель тащить.
- Редковолосая такая, с длинным носом? – спросил Сайн.
- Ну да, - кивнул Льох. – Знаешь ее?
- Есть такая шлюшка, отстегивает за место Тальне. Оказывается, она на Тима работает? Интересненько.
- Только не организовывай новый труп в реке, пожалуйста, - попросил Льох. – Ольех и так бесится от одного только упоминания твоего имени. У бедняги паранойя – он готов

каждый труп в городе, каждую кражу, каждый грабеж приписать твоему тлетворному влиянию.
- Это уже нездорово, - рассмеялся Сайн. – Гиррд был таким задолго до меня. И порядка я здесь навел за свое присутствие больше, чем Ольех за все годы своей службы.
- Вряд ли он смотрит на это с такой точки зрения, - хмыкнул Льох.

Минут пять они сидели молча. Затем Звяк поднялся, поправил камзол и положил трубку в кисет.
- Пойду. Через два часа у меня встреча с Котом. Пока поразмышляю насчет подруги Васия.
- Иди-иди, - сказал Льох. – Но мне твоя идея с Тихо не особо нравится. Будь осторожен.
- Куда уж осторожнее, - буркнул Звяк.

Через треть часа он был на другом берегу. Подземный ход из «хатки» вел в дом Лиции – вековой старушки, глуховатой, почти слепой, но все еще неплохо соображающей. Когда-то Звяк вытянул ее внука из неприятной истории с торговцами дурманом. Взамен бабуля показала ему подземный ход, по которому во времена сухого закона в «хатку» носили самогон для особых клиентов. Поэтому по прибытии в город Зар Вестник всегда селился именно у Лиции – так ему проще было перемещаться между частями города незамеченным при необходимости.
- Зарка, - произнесла бабуля, когда Звяк, отряхиваясь, вылез из чулана, - я похлебку сготовила, будешь?
- Спасибо, бабушка, - Зар улыбнулся ей, - но мне идти надо. Ян меня ждать будет.
- Ох, зря ты с ним водишься, Зарка, - серьезно сказала Лиция. – Расстраивает меня ваша дружба. Про твоего Янку всякое говорят. Смотри, кабы неприятностей не случилось у тебя.
- Не переживай, бабуля, - Звяк отер сапоги, посмотрелся в зеркало, поправил волосы. – Все будет хорошо.
- Ой, Зарка, волнуюсь я за тебя! Мой Димка тоже сначала все ходил гулять с такими вот, как Янка твой. А потом чуть в тюрьму не попал.
- Ну, тюрьма мне точно не грозит, - сказал Звяк тихо и усмехнулся.
- Чего говоришь, милок? – спросила Лиция.
- Не переживай, бабуля, - снова сказал Сайн, подошел и обнял ее. – Со мной все будет в порядке.
- Девки на тебя нет, паршивец, - хмыкнула старуха. – Куда твоя-то Милица-то делась?
- Живет себе в Ластарте, за домом приглядывает, - соврал Звяк. Милицей звали Мали, когда она работала связным Сайна в Гиррде шесть лет назад.
- Ну, как поедешь, привет передавай! Пусть дадут ей Боги здоровья!
- Конечно, бабуля, - кивнул Сайн и вышел из дому.
- Поздно будешь? – крикнула она ему в след.
- Думаю, да, - ответил Сайн развернувшись. - Закрывай защелку, если что – переночую у Яна.

Старушка в очередной раз покачала головой и закрыла дверь. Звяк пошел к «Метле». Разговор с Лицией напомнил ему о том, что меньше чем через полторы седмицы состоится первый для него и Мали бал, который он, если дела пойдут так и дальше, вполне может пропустить. Эти мысли подпортили Сайну настроение, больше, чем моросящее нечто, что даже дождем было неприлично назвать, и ветер в лицо, делавший погоду и вовсе несносной. Он свернул в подворотни, срезая путь. «Надо с этим заканчивать, - думал он. – Но не сильно торопиться. Торопливость может испортить все дело. И с Тихо все никак не складывается! Неприятно это, совсем неприятно».

«Метла» уже виднелась на другом конце улицы, когда путь ему преградил высокий мужчина в сером шерстяном жилете. Он был на голову выше Сайна и шире в плечах. Руки держал в карманах.
- Эй, парень, - мужчина шагнул вперед. – Тебя, часом, не Вестником кличут.

- А с какой целью интересуешься? – Сайн остановился. За пазухой у него был кинжал, но он не был уверен в своих шансах – особенно, если противник окажется вооружен.
- Уважаемый человек с Вестником поговорить хочет, - раздался голос у него из-за спины. Сайн повернулся. Дорогу назад ему перекрывали двое. Ростом примерно с него. Один в аккуратном белом камзоле, чудно смотревшимся в такую погоду, с «франтоватой» , как у самого Звяка, удлиненной стрижкой, второй – в жилете из грубой кожи, коротко стриженный с пронизывающим взглядом.
- Ну, допустим, я Вестник, - Сайн снова повернулся к высокому. Нос с горбинкой, лицо в морщинах и рытвинах. «Явно из старых бойцов», - подумал Звяк. – Что за человек, и чего ему надо?

«Если это ребята Тима, и он уже приехал в город, наша операция приказала долго жить, - быстро размышлял Сайн. – А вот если это ребята Тихо, то дело, наконец, сдвинулось с мертвой точки».
- Поговорить ему надо, чего непонятно, - сказал франтоватый. – Сейчас с нами пойдешь. Только не дергайся, парниша, и без шуток.
- Как панове пожелают, - ответил Звяк. – Если панове просят по-доброму, так чего б и не сходить.
- Ты не умничай, парень, - посоветовал высокий. – И когда говорить будешь – не юли, говори, как есть.
- Не учи батьку детей делать, - Сайн посмотрел на него и криво улыбнулся. Высокого перекосило на секунду, но он сдержался.
- За мной, - и он пошел в сторону, обратную от Метлы.

Они шли по узким улочкам и подворотням. Вероятно, высокий хотел запутать Звяка, потому что они несколько раз петляли там, где можно было пройти напрямик. Но Сайн прекрасно ориентировался в Гиррде, и уже начал понимать, куда они направляются. Вскоре он увидел подтверждения своим догадкам – краны речного порта. Шедшие сзади Франтоватый и Кожаный, как окрестил их Звяк, что-то обсуждали в полголоса. До набережной оставалось не более одного квартала, в тот момент, когда они подошли к большому двухэтажному строению, резным своим фасадом более напоминающему фольварк среднего дворянина. Надпись сверху на фасаде гласила, что в здании располагается «гильдия речного сообщения». Высокий направился в арку, ведущую в глухой внутренний двор «гильдии». Со двора здание более напоминало крепость – каменное, с узкими окнами на уровне второго этажа и узкой лестница к единственной двери. Звяк мог спорить на что угодно, что деревянный фасад снаружи был не более, чем бутафорией. «Да у него бзик на безопасности», - подумал Звяк. Они поднялись по лестнице, высокий три раза постучал, что-то сказал на прозвучавший вопрос «кто?» и дверь отворилась. На пороге стоял типичный кабан, каких у того же Кота было не мало – невысокий, лысый, с тупым выражением лица.
- Здаров, Джур, - сказал кабан высокому. – Кого это вы притащили?
- Это, Митыч, сам Зар Вестник, - ответил высокий. – Босс хотел его видеть.
- О, какие люди! Наслышаны мы о Вестнике. Я его представлял постарше, - в глазах Митыча появился интерес. Он пропустил Звяка в помещение, потом молча пожал руку сначала Франтоватому, а потом Кожаному. Внутри было тесновато. В пяти шагах от входа находились массивные деревянные двери. Справа Звяк разглядел лестницу вниз, слева – наверх и, чуть поодаль, длинный коридор.
- Я хорошо сохранился, - сказал Сайн. – Парни, у меня не так много времени, так что давайте как-то шевелитесь, что ли.
- Джур, а ему можно наглеть вот так? – возмутился Митыч.
- Вестник, ты тут не распоряжайся, - Джур повернулся к Звяку и посмотрел сверху вниз. – Босс сказал тебя не трогать, но в пределах разумного.
- Я высказал пожелания, - Звяк посмотрел Джуру в глаза. – Если ваш босс хочет говорить, то мы поговорим. Но я к вам в гости не напрашивался! Вы меня сюда притащили, так

переходите к делу. Если дела не срочные – так давайте встретимся на нейтралке, да порешаем все, как парни.

Джур хотел что-то ответить, даже воздуха в легкие набрал, но тут двери напротив отворились, и в прихожую вышел невысокий, крепкий седой мужчина. Он был богато одет, но камзол, казалось, висел на нем мешком. Правая щека обезображена ожогом, Левую рассекал шрам, протянувшийся от виска до челюсти. Глаза, серые, стальные, казалось, смотрели в душу.

- Полегче, гвардия, - сказал он. – Кончай припираться. Хвоста не притянули?

- Не, Тихо, все чисто было, я смотрел, - ответил Кожаный.

- Ну, и слава Богам, - кивнул Тихо. Он смерил взглядом Сайна. – Зар Вестник. Любопытно, наконец, с тобой встретиться. Проходи, поговорим. Ребят, обыщите его и свободны.

Франтоватый подошел к Сайну, и тот сам отдал ему кинжал.

- Не потеряй, вещица стоящая, - сказал Сайн.

- Не боись, - ухмыльнулся Франтоватый. – А теперь прости, такой порядок.

Он тщательно обыскал его и кивнул Тихо – «он чист». Тихо кивнул, и жестом пригласил Сайна войти. Комната оказалась небольшой по размерам, но со вкусом отделанной. Над большим письменным столом (вот уж чего Звяк никогда не наблюдал у стражников и бандитов, так это тяги к письменным столам) висела карта известных земель. На самом столе стояла несколько статуэток из золота и серебра. По стенам разместились книжные шкафы, с богатой коллекцией трактатов.

- Что, не ожидал увидеть в логове известного бандита такой коллекции, Вестник? - с сарказмом в голосе спросил Тихо, усаживаясь в кресло у стеклянного столика, стоящего посреди комнаты.

- Признаться, нет, - Сайн провел взглядом по полкам. – Люди твоего уровня предпочитают обычно другое окружение.

- Сам-то грамотный? – поинтересовался Тихо. – Ты присаживайся, в ногах правды нет.

- Правда вообще понятие эфемерное, - заметил Сайн, усаживаясь в кресло напротив. – Приходскую школу окончил, слава Богам. В моем деле без грамоты никуда.

- А я грамоту на каторге выучил – чтобы читать священные книги. А потом и просто трактаты. Оказалось, что столько умного пишут люди! Ты, кстати, где сроки то мотал?

- Меня пока Боги миловали, - ответил Сайн.

- Да, - протянул Тихо, - вот тебе и превратности судьбы. Ты может отвару хочешь? Или кофе? Настойку?

- Благодарю, Тихо, но у меня не очень много времени, - Звяк посмотрел собеседнику в глаза. – Я бы предпочел перейти к делу.

- Ну что ж, к делу, так к делу, - согласился Тихо. – Раз ты такой деловой человек. Я слышал, что ты уже говорил с ребятами Тима.

- Интересные слухи, - улыбнулся Сайн. – Я тоже это слышал.

- Так на кой хрен тебе я, Вестник? – Тихо подался вперед, оперся локтями на стол, подперев голову руками. – Мне казалось, Артель отдает предпочтение молодым и перспективным.

- Больше перспективным, чем молодым, - сказал Звяк. – Мы любим надежных людей.

- Интересно, - закивал головой Тихо. – Очень интересно. Значит, меня там считают надежным. И что же вы готовы предложить?

- Нашу полную поддержку, - ответил Зар. – Это сильно облегчило бы твою жизнь. Я слышал, у тебя она сейчас не сладкая.

- Я тоже это слышал, - криво улыбнулся Тихо. – Но, как видишь, слухи не точны.

- Так уж? – недоверчиво спросил Сайн. «Ну что ж, поиграем в эту игру», - подумал он. – Тогда меня неверно информировали. Печально, нам придется провести с информаторами работу. Меня уверяли, что Тим занял основательную часть твоей территории. Рядовые бойцы в сомнениях, мелкие банды выжидают и вот-вот перейдут под его крылышко. А в

добавок канцелярия объявила на тебя охоту. И вот же, как оказалось – все преувеличивают!
- Вестник, я не понимаю, чего ты от меня-то хочешь? – Тихо начинал раздражаться. – Я здесь давно, я начинал еще до того, как о тебе услышали. Я не вижу особой разницы – подставлять свою жопу Артели или канцелярии. Один хрен диктуют, что тебе делать. Так что иди, скажи Тиму или его кабанам, что все схвачено! Я своего не уступлю, а придут писари меня вешать – так мы еще посмотрим, кто кровью умоется.
- А своим ребятам ты уже сказал, что сделал их потенциальными смертниками? – Сайн откинулся на спинку кресла. – Мне говорили, что ты серьезный игрок, а ты оказывается – разменная карта.

Сайн понимал, что очень рискует. Если Тихо не проверял его, а на самом деле мысленно сдался, то ему ничего не стоит прямо здесь и сейчас убить его. Одним поводом умереть больше, одним меньше. Однако он надеялся, что Тихо не так прост, как кажется. Он не ошибся.
- Вестник, а ведь ты переговоры с Тимом устраиваешь только для того, чтобы меня позлить, верно? – Тихо посмотрел на него испытующе. – Что-то тебя или твоих боссов в нем не устраивает. И я тебе нужен. Если бы нет, то ты бы уже закончил этот разговор.
- Не настолько нужен, чтобы продолжать его до бесконечности, - проворчал Сайн. – Короче, мы предлагаем тебе следующее: проблему с Тимом мы разрешаем, так или иначе и намекнем любым другим выскочкам, чтобы держались тебя; через порты Фарка, в частности через Гиррд, пойдет обмен дурманов на сталь, с чего ты будешь иметь долю. Проблемы со стражей на тебе. От тебя нам будет нужна стабильность в регионе.
- Стабильность? – переспросил Тихо.
- Стабильность, - кивнул Звяк. – Если ты вдруг не заметил, вся эта чехарда происходит из-за того, что франты сверху мутят какую-то хрень. Артели в Фарке нужен порядок. И если франты этого не понимают, придется намекнуть им, что народ не с ними.
- А Тима прикрывают местные канцелярские, которым эти беспорядки как раз на руку! – догадался Тихо. – Так вот чем он вам не подходит. Вестник, а вы не слишком круто берете, тягаться с дворянством? Я ненавижу этих уродов, но золотое правило гласит, что мы не лезем в их дела, они не лезут в наши.
- Они в наши уже полезли, - отрезал Сайн. – Что ты скажешь?
- Я скажу так – как только Тим и его покровители исчезнут, я поверю тебе, - ответил Тихо. – Считай, это моим условием к нашей договоренности.
- Вот это уже конкретные слова, - кивнул Сайн. – Только помни: кинешь нас, и мы найдем способ обойтись и без тебя.
- Я отвечаю за свои слова, Вестник, - насупился Тихо. – Раз я сказал, значит так и будет.
- Тогда мы поговорим после того, как Тим перестанет представлять опасность. Тогда мы встретимся снова.
- Договорились, - кивнул Тихо.

Через половину часа Сайн уже сидел в «Метле» вместе с Котом. Он рассказал о том, что переговоры прошли, но подробности опустил.
- Я тебе уже говорил, что работать с Тихо, мне кажется, лучше, - сказал Кот. – А ты что делать думаешь?

Сайн затянулся трубкой, выдохнул. Затем глотнул пива. Что делать он пока не знал. Ему нужно было сработать все так, чтобы Тим вывел Льоха на своего покровителя, разобраться с Васием, при этом по минимуму засветиться самому. А еще вложить все это в короткий промежуток времени. И еще из головы не шла та девка, связная у Васия.
- Посмотрим, - ответил он наконец Коту. – Кстати, помнишь ту блондинку, что у Тальны место снимает, но типа отдельно работает?
- Данья, что ли?
- Ну да, вроде, - кивнул Сайн.
- Ну, помню, - сказал Кот. – А что такое? Приглянулась?

- Да не, - поморщился Сайн. – В страшном сне не пригрезится.
- Вот и я испугался, - хохотнул Кот. – А чего ты про нее вспомнил?
- Да тут один мой человечек заметил как-то ее в купеческом квартале, - Сайн наклонился ближе к Коту. – И вроде она рядом с канцелярией ошивалась. Вот и думаю – а не крысит ли она чего.
- Не думаю, - сказал Кот. – Девка не то, чтобы умная, да и не то, чтобы что-то знала лишнего. А в купеческом квартале – так мало ли извращенцев там сидит.
- Эт точно, - засмеялся Сайн. – А как ее вообще на панель-то потянуло?
- Да тут дело обычное, - ответил Кот. – Года три назад ей один кабан по пьяни ребенка заделал. Кабанчик правильный был, но невезучий – через сезон его на перо посадили в драке. У родичей ее денег на содержания очередного рта не было, да ладно там бы пацан был. А то девка. Ну и пошла Данка по миру. Дитенка пристроила куда-то – и к Тальне, мол, выручай. Тальна как на нее глянула, так и отправила на улицу. Потом вроде оттаяла, говорит, будешь отдавать четверть мне, я тебе комнату дам, но сама тебя продавать не буду – делай что хочешь, ищи клиентов, где знаешь. Как-то так.
- Понятно, - сказал Сайн. – И как доход?
- Ну, это ты у Тальны спроси, я не лезу в ее дела.

Они заказали еще по пиву. Говорили о последних новостях с островов – дурманы там не уродились, но на старых запасах выехать можно – когда к столику подошел один из бойцов Кота.
- Янка, там у порога человечек трется, говорит, от Тима Крупного Вестнику привет передать пришел.
- Обыщите, и пусть войдет, - кивнул Кот, переглянувшись с Сайном.
- Хорошенько обыщите, - сказал Звяк. – Никогда не любил это выражение: «передать привет». Обычно, это плохо заканчивается.
- Понял, сделаем, - и боец удалился.
- Ты его ждал? – спросил Кот.
- Нет, - ответил Сайн. – И мне уже даже интересно, что он скажет.

Посланник был краток – Тим Крупный прибыл в город и готов встретиться с Заром Вестником завтра, в полдень, в доках.
- Послезавтра, - сказал Сайн. – Несколько изменились обстоятельства переговоров.
- Я передам Тиму, - ответил посланник, низенький, приземистый паренек лет восемнадцати. – Но он может быть недоволен.
- Как знает, - пожал плечами Сайн. – Передай ему, что свобода выбора – замечательная вещь, и Артель всегда может воспользоваться альтернативным вариантом. Он поймет.
- Как скажете, Вестник, - посланец поклонился и удалился.
- Тим быстро приехал, - заметил Кот. – Твое предложение для него очень важно.
- Конечно, - согласился Сайн, - такой способ соскочить с канцелярского крючка.

Внутренне он дрожал от нетерпения, что со Звяком случалось не часто. Ему срочно нужно было повидаться с Льохом. Но он спокойно допил с Котом пиво, доел ужин и лишь потом сказал:
- Пойду домой, нужно хорошенько выспаться, завтра и послезавтра будут трудные дни и тяжелая ночь.
- Что верно, то верно, - хмыкнул Кот. – Может, пускай ребята проводят тебя до дома?
- Да, хорошая мысль, - согласился Зар. – На сегодня мне хватило неожиданностей.

Через две трети часа Звяк уже сидел на верхнем этаже «Бобровой хатки». Льох появился еще через час.
- Я так и думал, что ты придешь, - сказал Льох. – Сегодня к Васию приехал посланец из Фарка, дельный писарь. Они о чем-то пообщались, а потом наш мястканцлер сообщил, что по его информации, Тим Крупный прибыл в город. А буквально четверть часа назад ему доложили «его агенты», что встреча ваша произойдет послезавтра. Он даже план вашего задержания набросал. Потом сказал, что защищать его будет этот новоприбывший

писаренок – щупленький такой малец, и отправил Мира домой. Ольеха я освободил от охраны. Мотивировал это тем, что на кануне встречи ты вряд ли будешь на него покушаться. Но он все равно разместил у себя дома отряд стражи, на всякий случай.
- И что за план у Васия?
- Да все просто, как клинок новобранца, Звяк. Он хочет вас всех положить там. И тебя, и Тима. Он это, конечно, прямо не сказал. Но всячески намекал на такой исход. Говорил про вооруженное сопротивление, с самострелами. Хотя откуда у них-то самострелы?
- Интересно, - сказал Звяк. – Значит, разом решил избавиться и от Тима, и от представителя Артели.
- А потом все скинуть на Тихо, и тогда Артель вычистит город за него, - продолжил Льох. – Крысы, что этот Васий, что его фаркский сообщник. Уже видимо натащили, чего могли, теперь не хотят рисковать. Мне вот больше интересно, как Тим в город проехал?
- Может, Ольех все же с ними заодно?
- Не, вряд ли, - Льох вздохнул. – Все было бы проще. Но я с Ольехом крепко договорился. Ну не может быть он причастен. Или я ни длимерна не смыслю в людях.
- Ну не перелетел же Тим по воздуху, - задумчиво произнес Звяк.
- При его габаритах этот вариант я бы исключил, - серьезно произнес Льох, а Звяк хмыкнул.
- Как же, как же, как же? - повторил он несколько раз, а потом треснул себя по лбу ладонью. – Так вот как! Ну и идиоты же мы!
- В смысле? – удивился Льох.
- В прямом! Он проехал так же, как и я в свое время – в одном экипаже с посланником из Фарка. Естественно, его не досматривали. А даже если досматривали – то и не подумали, что там может ехать опасный преступник. Нас бьют нашим же оружием.
- Вот это да! - протянул Льох. – Действительно, я и не подумал.
- Срочно надо что-то решать, Льох! Зови парней, будем думу думать.

Льох вводил остальных «стрел» в курс дела. Сайн курил, то и дело поглядывая то на окно, то на дверь.
- Нужно сейчас взять Васия и его писаренка, - сказал Упрямый, - и допросить с пристрастием.
- И чего мы добьемся? – спросил Льох. – Они все будут отрицать, а слова Кота или Зара мы не пришьем к делу. Тут нужно что-то похитрее.

Но что-то «похитрее» никак не лезло в голову. Дело близилось к полуночи, когда Перо вдруг произнес:
- А если бы рассказать Тиму, что его собираются подставить, что бы он сделал с нашим заигравшимся мястканцлером и с его покровителем.
- Ну, я на месте Тима я бы их убрал, - сказал Звяк. – Хотя для покровителя у него может не хватит силенок, но я бы определенно попытался. Но что сделает Тим, я не знаю. Скорее всего, он мне не поверит.
- Стоп, а ведь Перо верно мыслит, - сказал Упрямый. – Мы можем убрать его сами, и при этом подставить людей Тима. Или самого Тима. Также, как Васий пытался повесить убийство мястканцлера Мирко на Тихо.
- Устроить налет на дом Васия? – скептически покачал головой Льох. – Или подстеречь утром в подворотне? Опять тупик, панове.
- Не, Льох, не скажи, - не согласился Звяк. – Не тупик. Здесь нужен другой подход. Мы знаем его связную. Пускай она ему передаст, что якобы его вызывает для разговора Тим – срочно нужно обсудить завтрашнюю встречу. На месте встрече вы его убираете, а на следующий день берете Тима.
- И он скажет, что убрал канцелярского Зар Вестник или его дружки, а он тут не причем, - сказал Упрямый.
- А у Зара Вестника будет лучшее в мире алиби, - улыбнулся Сайн. – Он в это время будет в тюрьме. Зара ищут по всему городу. Вот пускай и найдут. Заметут при попытке перейти

мост в купеческом квартале – невменяемо веселого и пьяного вдрызг. А напьется он со своим другом Котом. Кто-нибудь из вас будет вести меня до этого самого моста, чтобы потом подтвердить, что ни Зар, ни Кот не могли быть причастны к убийству пана Васия. А еще у Тима будут те самострелы, про которые Васий так упорно вам говорил. И, обязательно, то оружие, которым этого самого Васия и убили.
- А если Васий не пойдет? Ну, в смысле, не поверит девчонке? – спросил Упрямый.
- А девочке придется быть очень красноречивой, - сказал Звяк. – На кону судьба ее дочери, как-никак. Утром, когда окажется, что Васий пропал, писаренок, его охраняющий сообщит вам, что к нему заходила какая-то девка…
- А если не сообщит? – спросил Древ.
- Если не сообщит, то найдутся те, кто сообщит, - хмыкнул Льох. – Продолжай, Сайн.
- Так вот, вы узнаете, что к Васию заходила какая-то девка, и возьмете Данку. Она расскажет вам – обязательно при Ольехе, это важно – что ее послал человек Тима. Место встречи Вестника и Тима вам сообщит сам Васий – завтра днем. В этом я не сомневаюсь. Возьмете Тима, надавите на него, по секрету скажете о желании Васия покончить с ним. А потом дадите выбор – или петля, или каторга, но он сдает своего покровителя, причем не Васия, этот то уже мертв, а того, что повыше.
- А ведь может сработать! - сказал Льох.
- Так, панове, я не понял! – встрял Мир. – Мы обсуждаем сейчас шантаж проститутки жизнью ее дочери, потом убийство мястканцлера, за которое планируем взять невиновного, по крайней мере в нем, человека? А потом пойдем с этим человеком на сделку – только ради того, чтобы подставить вышестоящего начальника?
- Да, - хором сказали Льох и Звяк.
- А вам не кажется, что это слишком?
- Мир, - сказал Льох, – ты знал, что мы не кружок рукодельниц. Я, например, только рад, что такая крыса, как Васий, получит то, что заслужил. О подонке Тиме и говорить нечего!
- А о подонке Тихо Мерзком, с которым пан Зар договорился от имени подонков из Артели?
- И что ты предлагаешь? – взорвался Льох. – Пускай дальше гуляют? Пускай дальше творят беспредел? Или придти и предложить Васию покаяться? Бедный, несчастный заплутал? Он позорит вот этот вот мундир! - Льох несколько раз дернул ворот своего канцелярского камзола. – Кто нам будет верить, если такие, как Васий будут уходить безнаказанными. Наша святая обязанность их покарать, пусть даже и таким образом!
- Льох, а ты подумал, что мы должны защищать закон? – тоже взъярился Мир. – А сейчас мы с тобой что собираемся делать? Может, Клинок так и действует постоянно, но я не хочу перекраивать закон на свой лад. Закон должен быть для всех!
- Так, успокоились оба, - тихо, но твердо сказал Сайн. – Мир, свои возражения напишешь после операции на имя пана Динского, или сразу подканцлеру Легийскому. Если ты, по своим принципам, не можешь выполнять операцию и считаешь возможным подставить своих боевых товарищей, скажи сразу. Мы запрем тебя – не обессудь – здесь и будем справляться сами.
- Если вопрос стоит так, - Мир зло прищурился. – То у меня нет возражений. Но подканцлеру я напишу.
- Вот и договорились, - сказал Сайн. – Хочу предупредить всех, не только Мира. Любая оплошность может сорвать операцию – а это в целом ударит по замыслам канцлера и Великого князя. Так что виновных точно будет ждать трибунал.
- Не стоило, Звяк, - сказал Древ. – Мы все понимаем. И Мир поймет.
- Не дождетесь, - проворчал Мир. – Но приказ я выполню, не сомневайтесь.
- Отлично, - сказал Сайн. – А теперь давайте обговорим детали.

Детали они обговаривали еще больше часа. Затем ребята были отправлены спать, а Льох и Сайн остались наверху. Курили, дышали свежим воздухом, размышляли.

- Что делается, Звяк? – Льох высунул руку в окно, и та мигом покрылась моросью. – Когда я только пришел работать, мне все было ясно. Есть мы, есть бандиты и просто ублюдки, и мы защищаем от них мирное население. А вот сейчас… Ведь Мир в чем-то прав: сколько раз мы сами нарушим закон прежде, чем сами станем преступниками?
- Не ты ли говорил, что хочешь всадить стрелку в лоб Васию? – спросил Звяк, выпустив облако дыма в окошко.
- Говорил, - кивнул Льох. – И сделаю это. Но, по-хорошему, чем я тогда отличаюсь от него? Я завтра собираюсь убить канцелярского, пускай крысу, пускай убийцу, не дав ему даже право защищать себя. И все в конечном итоге для того, чтобы привлечь на нашу сторону мерзавца Тихо, на счету которого не одна загубленная жизнь!
- Я не знаю, что тебе сказать, - после паузы сказал Звяк. – Я не мастер красивых слов, Льох. Да и не должны мы с тобой искать себе оправдания в красивых словах. Их придумывают вербовщики и политики, чтобы посылать на убой молодых да рьяных. Знаешь, что было первым, что я увидел, когда приехал сюда шесть лет назад?
- Ну? – спросил Льох. Он отошел от окна, налил себе и Звяку по стакану вина, и вернулся на свое место.
- Я зашел в корчму и увидел, как два кабана тащат официантку в подсобку. А стражники у стойки, хозяин, да и все остальные делали вид, что все нормально. Просто смотрели в другую сторону. И мой тогдашний контакт тоже взял и отвернулся. Потому что никто ничего не мог сделать – ни по закону привлечь, ни по понятиям ответить. Тогда я и понял, что такое беспредел. И что бороться с ним по правилам нельзя.
- А до каких пор то, что мы делаем, является борьбой с беспределом? Где граница, Звяк?
- Вот что ты лично имеешь от этого дела, кроме головной боли? – спросил Звяк.
- Ничего, - подумав, сказал Льох.
- Вот пока так оно и остается, ты можешь считать себя борцом за правое дело, - ухмыльнулся Сайн.
- Интересная точка зрения, - сжал губы Льох. – Попробовать донести ее Миру?
- Он все равно не оценит, - вздохнул Сайн и опустошил бокал. – Ладно, я пойду. Посплю часа четыре, да отправлюсь убеждать Васиеву девку в правоте своей позиции.
- Спокойной ночи, - кивнул Льох.
- Вот если бы, - сказал Звяк.

Однако поспал он неплохо и чувствовал себя вполне бодрым, когда с утра направился к Тальне. Идти было недалеко, но Сайн все равно оглядывался у каждого угла, кабы не поджидали его ребята Тима. Добравшись до большого двухэтажного дома, с вывеской «Ласковая луна», он постучал в дверь три раза. Открыла невысокая черноволосая девушка, одетая в длинное шерстяное платье, сонными глазами осмотрела Зара с ног до головы и сурово сказала:
- Мы уже закрылись, пан опоздал. Пусть приходит после полудня.
- Скажи хозяйке, что к ней Зарка пришел, по делу.

Девчушка исчезла за дверью. Снова появилась она через минуты две – на лице заискивающая улыбка. Видимо, Тальна объяснила, кто такой Зарка.
- Пусть пан проходит, - она отворила дверь широко. - Пану может отвара?
- Проводи сразу к хозяйке, - сказал Зар.
- Она просила подождать в зале, - сказала девица. Она кокетливо оперлась на стол и улыбнулась еще шире. – Сказала, чтобы сделала все, что пан попросит, пока он ждет.
- Отведи меня к ее комнате, - Сайн оглядел зал – никого вроде не было, но мало ли кто может его увидеть. А ему совсем не хотелось светиться здесь в это время.
- Хозяйка не…
- Я скажу твоей хозяйке, что у тебя не было выбора, - Сайн посмотрел ей в глаза. – Она поверит.
- Как пан пожелает, - улыбка исчезла с лица девушки. – Идите за мной, пожалуйста.

Они прошли по лестнице на второй этаж, свернули в глубь помещения, в узкий коридор с однообразными дверьми. В конце коридора они остановились у дверей, где размещались рабочий кабинет и покои Тальны.
- Пусть пан подождет здесь, - поклонилась девушка. – Хозяйка позовет его.
- Спасибо, милая, - улыбнулся Звяк и протянул ей серебрушку. – Если тебя спросят, то никто сегодня утром сюда не приходил.
- Конечно, пан, - еще раз поклонилась девушка и быстренько удалилась вниз.

Звяк прислонился к стене и погрузился в воспоминания. Тальна заправляла этим заведением семь лет, с тех пор, как предыдущая хозяйка неудачно поспорила с Толио Лезвием о доле того в предприятии. Тальна, старшая из девочек (на тот момент ей было двадцать два), неплохо разбиралась в делах покойницы и была гораздо более сговорчивой. Кот, пришедший на смену Толио, снизил размер дани, но зато его ребята получили у Тальны хорошую скидку. Сама хозяйка теперь обслуживала только самых значимых клиентов – криминальных «баронов», «графов» и людей градоначальника, если те захаживали в небезопасный район. А еще она была неравнодушна к Зару Вестнику. Не то, чтобы Сайн дал ей повод. Просто он был другим, не таким мужчиной, с какими она привыкла иметь дело. В нем чувствовалась сила, но не грубая физическая, а сила ума. Он молчал там, где другие могли говорить без умолку и без толку. Он мог сказать слово там, где другие побоялись бы и сочли за лучшее молчать. Тальна черной завистью завидовала невзрачной официантке Милице, с которой Зар, по слухам, имел связь. Она даже думала подкараулить ту в темном переулке, но вовремя поняла, что таким образом она не сможет завоевать любовь Вестника. Она удерживала себя, и продолжала любить. Зар знал это, находил это полезным, но надежды Тальне не давал.

Дверь в покои открылись и Тальна вышла в коридор. Она была ниже Звяка ростом, пухленькая, с милым личиком, длинноволосая блондинка. Звяк отметил для себя, что Тальна начала полнеть более прежнего, но не больше допустимого.
- Так и знала, что ты не останешься внизу, - с деланным безразличием сказала она. – Проходи, Вестник.

Он вошел, и она закрыла за ним дверь. Кабинет, как называла эту комнату Тальна, был небольшим с двумя старенькими креслами и низким деревянным столиком. Зар знал, что за следующей дверью располагается просторная, с огромной кроватью и отдельной ванной комнатой, спальная хозяйки, мысли о которой будоражили воображения многих мужчин.

Сама она была одета более чем скромно. Серая кофта и длинная, до пола, юбка Тальны делали ее совершенно непохожей на развратную хозяйку борделя, слава о котором ходила по всему городу и даже за его пределами. Зар сказал ей об этом.
- Холодно, - просто ответила она. – Кот обещал помочь с дровами для печей, но пока что-то у него не ладится. Греемся одеждой да настойками.
- На делах не отражается?
- К вечеру мы печи протапливаем, так что девочки встречают дорогих гостей как подобает, - Тальна присела в кресло, Зар остался стоять. – Как поживает Милица?
- Мы все еще вместе, если ты это хочешь знать, - сказал Звяк.
- Именно это, - грустно улыбнулась Тальна. – Знаешь, Зарка, это забавно. Я могу заполучить себе в постель любого мужчину в этом городе. Многие из них платят огромные деньги, чтобы оказаться в этой постели. Многим я, длимерн побери, не по карману. А единственный мужчина, которого я хотела бы получить, блюдет верность.
- Может, поэтому он и единственный, - заметил Зар.
- Может, - согласилась Тальна. – Все может быть. Значит, ты не пришел осчастливить бедную девушку?
- Не такую уж и бедную. Многие бы завидовали твоему положению.
- Зар, зачем ты так? – На глазах у Тальны выступили слезы. – Ты ведь знаешь о чем я.

- Знаю, - согласился Зар. – Может, ты просто, наконец, увидишь, какой я на самом деле и разлюбишь меня.
- Никогда, - она встала с кресла и попыталась обнять его. Зар мягко отстранил ее. – Прости дуру сентиментальную.

Он промолчал, глядя ей в глаза. Тальна смахнула слезы и вернулась в кресло.
- Так чего тебе надобно, уважаемый человек? - сказала она другим, твердым голосом.
- У тебя снимает комнату некая Данья, - ответил Сайн. – Мне надо с ней поговорить, без свидетелей.
- Зачем тебе эта мымра понадобилась? – удивилась Тальна.
- Дела Артели, - сказал Звяк. Тальна кивнула. Если Зар так говорит, значит, лезть туда не стоит. Она про себя даже посочувствовала девочке, потому, что такие дела обычно добром не заканчиваются. – Она у себя?
- Да, вернулась часа три назад, отсыпается наверно.
- Мне нужно войти тихо, дай запасной ключ.
- А что мне за это будет, - кокетливо улыбнулась Тальна. Звяк достал из-за пазухи кошель, и протянул ей золотой. Она недовольно поморщилась, но деньги взяла. – Сойдет, хотя я предпочла бы натурой.

Тальна встала, открыла неприметный шкафчик на стене и протянула Сайну ключ.
- В комнате у нее цепочки нет, только замок, так что входи смело. Если что-то понадобится – дай знать.
- Хорошо, но я думаю, что не понадобится.
- Как знать, - задумчиво сказала Тальна. – И постарайся сильно не калечить ее, по крайней мере, в комнате. Кровь очень трудно отмывать.
- Где ее комната?
- Нижний этаж около подсобки.
- Спасибо, Тальна, - Звяк улыбнулся. – Чтобы я без тебя делал. Скажи девочкам, чтобы если услышат крики, не спешили к бедняжке на помощь. А еще лучше, чтобы вообще считали, что им показалось.
- Хорошо, Зарка, - кивнула она.
- До встречи, Тальна.
- Иди уже, Вестник, дай бедной дуре нареветься всласть.

Зар вышел. Тальна проводила его взглядом, потом вызвала к себе звонком давешнюю брюнетку, передала сказанное Заром. Когда девушка вышла из комнаты, Тальна встала, вошла в спальню и плотно закрыла за собой дверь.

У Звяка не возникло проблем с попаданием к Данье в комнату. Та действительно спала, но на его счастье не была пьяна. Девушка действительно была некрасива, во многом мужеподобна, вернее мальчикоподобна – худая, с облезлыми волосами и под корень стрижеными ногтями. Звяк подошел к ней и, прикрыв рот ладонью, скомандовал:
- Подъем!

Девчонка дернулась, попыталась вырваться, но Звяк вдавил ее в подушку левой рукой, а правой достал из-за пазухи кинжал и приставил к горлу.
- Будешь кричать – перережу глотку, поняла? – спросил он. Она кивнула и он убрал руку.
- Меня зовут Зар, кличут Вестником, слышала про такого? – и по тому, как еще больше расширились ее глаза, он понял, что слышала.
- Слышала, - сказала она тихо. – Я ничего не знаю, у меня ничего нет!
- Врешь, - спокойно сказал Зар. – Не надо – я ведь даже не начал задавать тебе вопросы, а ты уже выдаешь себя с головой.
- Я не понима… - попыталась вскрикнуть она, но Звяк снова закрыл ей рот и вдавил в подушку. Потом отпустил, и она продолжила уже тише, - я не понимаю, чего вы от меня хотите!
- Правильно, ведь я тебе этого еще не сказал, - произнес Зар. – А теперь давай так, ты молчишь, слушаешь и запоминаешь. Согласна? По глазам вижу, согласна, куда ж ты

денешься. Так вот, я знаю, что ты работаешь связной между ребятами Тима Крупного и Васием из канцелярии. Можешь не отрицать и не оправдываться – меня не интересуют ни ложь, ни оправдания. Если ты будешь тратить мое время, я сделаю так, что ни один мужик, даже самый непривередливый, к тебе больше не подойдет. Меня интересует только твое согласие делать то, что скажу тебе я. Это понятно?
- Они убьют меня, - прошептала она. Сайн видел как она боролась с собой. Ему тоже было нелегко играть негодяя. Одно дело, допрашивать убийц, насильников, воров, убивать криминальных боссов или их людей с отбитыми напрочь головами. Другое – вот так угрожать девчонке, вся вина которой в том, что она имела несчастье жить в этом городе в это время и в этих обстоятельствах.
- Если ты все сделаешь правильно, то нет, - сказал Звяк.
- Они убьют меня, - повторила она. – Что может быть хуже этого?
- А я тебе скажу, - улыбнулся он неприятной улыбкой. – Как ты думаешь, если я поведаю Тальне, что ты крысишь на Тима, а потом шепну это же ребятам Кота, и эти новости дойдут до Тихо, сколько ты проживешь? Но я не буду делать даже этого. Я просто попрошу Тальну выкинуть тебя на улицу, а потом приду за твоей дочкой. Ты ведь понимаешь, что я сделаю это – у Артели связи гораздо обширнее, чем и у Тима и у Васия. Можешь поверить мне. И ты будешь на улице подыхать с голоду, зная, что обрекла свое дитя на смерть где-нибудь на плантациях дурман-травы под палящим солнцем островов.
- Изверги! – зарычала она, и бросилась на Сайна. Тот схватил ее за руки одной рукой, а второй прижал к кровати. – Все вы уроды! Ненавижу! Ненавижу!
- Мне все равно, Данья, - спокойно сказал он. – Мне все равно, как ты ко мне относишься. Я даю тебе выбор: ты будешь упорствовать, или даже расскажешь Тиму о нашей встрече - и все будет так, как я сказал; или ты делаешь то, что скажу я, и твою дочь определяют в храмовую школу в Фарке. Порядки там строгие, но она будет хорошо есть и получит образование. Глядишь, и в жизни устроится получше матери. А с тебя Тальна снимет плату за комнату. Мне кажется, выбор очевиден.
- Васий мне тоже обещал помогать, - прошипела она. – А все свелось к трем серебрушкам за сезон.
- Я дал тебе выбор, - жестко сказал Сайн. – Мне некогда с тобой припираться. Да или нет?
- Да, - обессилено прошептала она. – Какой уж тут выбор? Даже если вы меня обманете и прирежете, что мне остается? Если я все расскажу им, то они меня точно убьют. Я была жива, пока никто не знал о моих связях с Васием. А так – может хоть однажды меня не обманут.
- Вот и отлично, - кивнул Звяк. – А теперь слушай, что ты должна сделать…

Вечером Сайн, основательно полив свой камзол настойкой и пивом, подошел к мосту во весь голос горланя песню с весьма неприличным текстом. Чуть позади него, в компании Тертого и еще парочки бойцов, еле волочил ноги Кот. Если Сайн лишь изображал пьяного, то Кот действительно основательно набрался, поручив Тертому блюсти трезвость. Теперь глава охраны Яна почти тащил того на себе, очень надеясь, что Зара не потянет делать глупости. И надежды эти быстро таяли.

Патруль у моста попался на редкость апатичный. Песню они услышали издалека, но не придали значения. А когда певец подошел вплотную к мосту, всеми силами попытались отправить его обратно, к остановившейся позади компании. Тертый с недоумением смотрел, как Вестник всеми силами нарывается на стражу, и с трудом удерживал Кота, который рвался помочь другу.

Сайн, рассчитывавший, что стража опознает его сразу, был несколько озадачен тем, как его старательно пытаются выпроводить с моста. Про себя кляня патрульных на чем свет стоит, он, тем не менее, старался не перегнуть палку. Чего доброго, вместо ареста получит дубиной по голове, да поминай как звали. Даже стоящий за углом Упрямый не сумеет вовремя подбежать. Однако, у Сайна создавалось впечатление, что чем упорнее он пытается нарваться на арест, тем упорнее стража этому сопротивляется.

- Да вы вообще знаете, кто мои друзья?! – он махнул бутылкой настойки перед глазами вояра. – Да вас завтра… вас нужники чистить отправят, коли я захочу!
- Шел бы ты отсюда, пьянчуга, - вздохнул вояр. Он и его бойцы проводили вторую ночь в патруле – людей не хватало. Сегодня опять поступило распоряжение усилить патрули, искать треклятого Вестника. Он и подумать не мог, что человек, которого они ищут уже несколько седмиц стоит перед ним и старательно нарывается на арест.

Сайн украдкой взглянул на Тертого. Спектакль пора было заканчивать, потому что он переставал выглядеть натурально.
- Ах так?! – вскричал Зар Вестник удало-пьяным голосом. – Пьянчуга? Ты вот и трезвым так не сможешь!

И он швырнул бутылку в ближайший фонарь. Раздался звон битого стекла, брань и крики. Стражники кинулись на Зара, Тертый, подумав мгновение, подхватил Яна и бросился к подворотням. Хочется Вестнику проблем – Боги с ним. Его, глядишь, Артель вытащит. А вот за Янку Тертый в ответе, с него и спрос будет.

Когда Тертый скрылся, к патрулю, заломившему Зара, подбежал Упрямый. Поглядев на лежащего на мостовой «известного бандита», он поздравил ошеломленного вояра с такой удачей и велел немедленно волочь Вестника в острог. По дороге канцелярский рассказал, как ему удалось напасть на след Зара, как отвлекли его люди Кота, и как он благодарен вояру и его отряду, что они смогли схватить этого самого Вестника. Похвалами он разливался не напрасно – когда вояра спросят, как он брал Зара, вряд ли он скажет, что тот сам объявился на мосту и усиленно искал себе неприятностей.

Тем временем Данья пришла к Васию и сказала, что Тим хочет его видеть через час у доков, что у него срочные новости по поводу Вестника. Писарь Нилко, прибывший из Фарка, отговаривал мястканцлера идти – но уж больно были тревожными новости, дескать Тихо сговорился с Вестником, и завтра они что-то готовят. Данья сказала, чтобы Васий был один, и он, быстро собравшись, отправился на встречу. Выждав, пока мястканцлер отойдет на порядочное расстояние, к его двери подошел Древ и постучал. Когда писарь открыл, Древ попросил позвать Васия. Получив ответ, что того нет, он попросил передать мястканцлеру, что полчаса назад на мосту взяли Зара Вестника, и что тысячник Ольех уже направляется в казармы стражи, куда того доставили. Нилко думал уже кинуться догонять мястканцлера, но решил, что может сорвать все дело, остался дома.

Васий шел по темным улицам Гиррда на предполагаемое место встречи. Мысли его метались от воспоминаний о прошлом до размышлений о будущем. Вот он, молодой писарь, вчерашний выпускник академии получает место в канцелярии Фарка. Он невероятно горд этим, он все еще верит в светлые идеалы государства и готов внести свой посильный вклад в его развитие. Он становится писарем при городской страже, и уже через несколько декад понимает, как одно слово в протоколе может изменить судьбу обвиняемого. Стража почти поголовно неграмотная, а городские суды полагаются в своих решениях больше на записи канцелярских, чем на показания уличных патрулей. Порой вопрос стоял между штрафом и петлей. И судьбу обвиняемого в этот момент решает он – молодой дельный писарь. Сначала ему было страшно отвечать на предложения местных криминальных баронов. За взятку грозило суровое наказание, так и самому на каторгу легко угодить. Но потом блеск монет помог отогнать страх, а привычка сделала свое дело. Он был сыном простого цеховика, который и серебрушку то редко видел. А тут они потекли в карманы рекой. Он стал снимать комнату ближе к дворянскому кварталу, посещал дорогие корчмы и трактиры. Начал заглядываться на богатых купеческих дочек.

На этом он и погорел. Франтовство и непомерные траты привлекли внимание мястканцлера Тара Альтского, выходца из рода, попавшего в немилость после восстания Клио Фаркского. Мястканцлер долго наблюдал за молодым писарем, а потом устроил тому ловушку. Подставной «кабанчик» упросил за два золотых слегка поменять запись в протоколе так, чтобы недавно попавшемуся воришке каторгу смогли заменить на штраф.

«Кабанчик» говорил о том, что воришка этот – сын одного криминального барона, и Васий купился.

Когда Тар Альтский показал писарю Васию показания подставного, тот понял, что расплата пришла. Мысленно он уже обрисовал себе и каторгу, и голод и смерть от тяжелого труда. Но он не знал, что сам пан Альтский задумал куда более грандиозный план, нежели желал посадить продавшегося писаря. Тар видел, что Лиин Миковский выставляет на основные должности в канцелярии княжества Фарк людей верных более лично ему, а не идеалам Великого княжества. К тому же, все чаще на высоких постах оказывались бывшие сторонники Клио Фаркского и их дети. Альтский понял, что в этом его шанс. Но он не просто хотел занять пост повыше, он хотел получить богатство и влияние. Политические интриги его не интересовали. Но, глядя на то, какие гонения начались на богатых и влиятельных криминальных боссов, он быстро смекнул, что за защиту те будут готовы поделиться немалой частью своих доходов. А если кроме защиты помочь кому-нибудь из новеньких занять высокое положение в криминальной иерархии, то выгода от этого дела перекроет любой риск. Княжканцлер Миковский – идеалист. Он витает в высших сферах и вряд ли обратит внимание на такую мелочь, как небольшой преступный клан, контролируемый канцелярией. Да и это можно будет, при необходимости, преподнести под нужным соусом. Оставалось лишь найти верного человека, которым имел бы также и связи в криминальном мире.

Таким верным человеком для Тара Альтского и стал раздавленный компрометацией писарь Васий. Когда Альтский получил звание графканцлера и должность управляющего канцелярией столичного графства, он через Васия, ставшего к тому времени при его поддержке мястканцлером, наладил контакт с молодым криминальным «бароном» Тимом Крупным. Тогда план и начал воплощаться в жизнь. Тар и Васий руками стражи убирали конкурентов Тима, он делился с ними доходами и приобретал новых союзников в криминальном мире.

Став криминальным «графом», Тим замахнулся на Гиррд, вотчину Тихо Мерзкого. Тихо не желал оставлять свой город и не хотел подчиняться Тиму, «выскочке», как он его называл. Тогда Васий и отправился в Гиррд. Пан Альтский знал мястканцлера Гиррда, пана Мирко, он был уверен, что тот не пойдет на сотрудничество. Васий получил четкие инструкции – в случае отказа Мирко должен был умереть, а смерть его приписали бы Тихо Мерзкому. Васий выполнил все в точности. Теперь оставалось лишь ждать, пока все заметные игроки в криминальном сообществе Гиррда перейдут на сторону Тима, а потом уничтожить остальных. И тут в городе объявился Зар Вестник, и все пошло наперекосяк. Васий ожидал распоряжений от пана Тара, и вчера он получил их. Об их содержании Льох и Сайн догадались верно. Тим прибыл в одной карете с Нилко, вместе с самострелами для своих людей. Эти самострелы должны были хорошо послужить им на встрече с Вестником. А после смерти Вестника Васий должен был убрать Тима и всю верхушку его банды, оказавших сопротивление при аресте. Работа с Тимом приносила хороший доход, но работать дальше становилось слишком рискованно. Пану Альтскому было все равно, что произойдет в Гиррде дальше. Он надеялся, что смерть Вестника разозлит Артель, и они решат устроить в городе кровавую баню. В этом случае ему и Васию удастся замести следы. Но даже если бы Артель сговорилась с Тихо – это его устраивало. В конце концов, через некоторое время, можно намекнуть Тихо о преимуществе работы под защитой канцелярии.

А Васий после этой операции собирался вернуться в Фарк. За это время он получил немалую сумму и планировал выйти в отставку, купить дом с видом на Великое Озеро и жить себе припеваючи. Может быть, даже жениться и обзавестись детьми.

Место встречи тускло освещалось расположенным за оградой доков большим чародейским огнем. Васий на всякий случай проверил самострел и кинжал. Он был уверен, что Тим ничего не замышляет против него – надо было быть идиотом, чтобы

пойти против руки, которая тебя кормит. Но береженого Боги берегут. В тусклом освещении он увидел одинокую высокую фигуру, подходящую к нему.
- Эй, кто там? – окликнул Васий пришедшего. – Мне сказали, что придет лично Тим.
- Я знаю, мястканцлер, - услышал он знакомый голос. – Именно это тебе и сказали.
- Льох? – удивился Васий и потянулся за самострелом.
- Да, - ответил Льох Перина, поднял самострел и выстрелил, прежде, чем Васий успел достать свой. – Да, крысеныш, это я.

Рано утром Нилко влетел в казармы городской стражи, и сообщил, что мястканцлер не вернулся домой. После расспросов выяснили, что к Васию вечером приходила какая-то девка и вызвала того на встречу. Данку ребята Льоха «взяли» у того же моста, что давеча Вестника (Зар сказал ей ожидать канцелярских там на следующее утро). Через час тело Васия обнаружили в доках, а еще через полчаса на предполагаемом месте встречи с Вестником арестовали Тима и двух его подельников. У всех у них обнаружили личные самострелы. Главного помощника Тима, Дага Скорого, Перо повел «кратчайшим путем», где устроил ему «попытку к бегству», при которой тот был застрелен.

Тим отрицал свое участие в убийстве мястканцлера Васия. Тогда ему зачитали показания Даньи. В них девушка говорила, что вчера Даг вызвал ее и попросил передать Васию, чтобы тот был в доках к одиннадцати. Затем, допрашивающий его Льох по секрету сообщил, что после встречи с Вестником, Васий планировал убить их всех. В доказательства Льох предъявил показания Нилко (того с особым удовольствием допросил Мир, выместив на писаре свое недовольство «грязной» операцией). К вечеру Тим сдал и Нилко, и Васия, и Тара Альтского за обещание, что самострел будет найден только у покойного Дага, и убийство мястканцлера свалят на того.

Зара Вестника выпустили из тюрьмы через два дня, после того, как Кот оплатил штраф за нарушение общественного порядка другом. Более ничего Ольех не смог ему предъявить, а канцелярские после изобличения Васия и ареста Тима потеряли к Вестнику всякий интерес. Сотник теперь понимал истинную цель их прибытия, и начинал догадываться, что Вестник был как-то связан со всем этим. Но дальше догадок дело не шло, и он вынужден был отпустить Зара. Когда тот выходил из здания стражи, где его встречали ребята Кота, Ольех взглядом обжигал его спину, глядя из окна. Льох и его ребята ушли раньше, Тим был закован в кандалы и готовился к суду градоправителя по обвинению в ношении холодного оружия и даче взятки должностному лицу (он все признал сам и готов был подтвердить все в городском суде). Звяк обернулся и помахал тысячнику рукой. Ольех сплюнул и отошел от окна.

Вечером в «Метлу» пришел Франтоватый, которого, как оказалось, звали Журкой. Оставшись наедине с Сайном, он передал, что Тихо готов принять предложение Вестника. Звяк ответил, что вскоре к Тихо приедут из Ластарта. Связь держать будут через Кота, и пускай Мерзкий примет это во внимание.
- И небольшая просьба, - при этих словах Звяк чуть ближе наклонился к Журке.
- Слушаю.
- Пускай в доках и, в общем, везде, где уважают Тихо, пройдут акции в поддержку Княжества. «За целостность нашей общей родины», что-то в этом роде.
- Странная просьба, - озадаченно сказал Журка.
- Тихо поймет, - утвердительно сказал Звяк. – Смотри только, не перепутай!
- Будет сделано, уважаемый, - Журка хмыкнул и поднялся. – Будем работать!
- Будем, - кивнул Звяк.

Журка направился к выходу, а Звяк смотрел ему в след. Потом перевел взгляд на Кота и его ребят, что-то бурно обсуждающих. Завтра он уезжал в Рейк, Льох и «Стрелы» еще вчера отправились в Фарк, где должны были взять Тара Альтского и доставить его в Рейк максимум через седмицу. Но мысли о деле у него вытесняло то, что к следующему вечеру он увидит Мали, такую милую и такую смешную Адду из Леснерта. И от этого у

него на душе вдруг стало очень легко, и воспоминания о последних днях меркли от предвкушения этой встречи. Он встал и подошел к Коту.
- Давай веселиться, Янка, - сказал он улыбнувшись.

Город Улесье, графство Рейк. Год 1476 от В.Н., 42 день осени.

Город начался для Нии совершенно внезапно. Вот еще был пролесок, березы, уже избавившиеся от листвы вперемешку с елями, щеголяющими своими бледно-зелеными нарядами, а потом вдруг неожиданно каменное здание корчмы и деревянные избы вдоль дороги. Чуть поодаль высокая серая башня, окруженная деревянным частоколом, с гербом Рейка – серебряной рысью и тремя елями на фоне. А дальше снова простирался лес.

- Мне казалось, что столица графства должна быть больше, - задумчиво сказала Ния.

- Улесье вполне себе большой город, - отозвался Кирий. – Хотя и своеобразный.

- Что вы имеете в виду, барон? - заинтересовалась девушка.

Карета, в которой они ехали из самого Дина, загрохотала по мостовой, а потом вновь скатилась на мягкую, пока еще не размытую дождями лесную дорогу. Вокруг снова вырос лес, изредка за деревьями виднелись небольшие деревянные домики. Ния посмотрела на Кирия. Тот всматривался в окно, видимо не расслышав вопроса. В окне показался Мицлав, верхом на высоком красивом псе. Из носа зверя шел пар.

- Господин барон, - окликнула Песку Ния. – Вы меня слышите?

- Да, - повернулся он. – Просто задумался. А вы сами разве не видите, почему он своеобразный?

- Пока я даже не вижу города в привычном понимании, - проворчала Ния. – Как будто отдельные деревеньки в лесу.

- Хутора, - поправил Кирий. – Все Улесье это большое собрание отдельных хуторов. Рейк - очень лесной край. И жили здесь всегда либо лесорубы, либо охотники, либо бандиты. Причем зачастую они менялись ролями по нескольку раз в год. Потом, когда Рейк присоединился к Фарку они стали основными поставщиками древесины и лучников. Оба дела были достаточно доходными, для того, чтобы графство процветало.

- Так почему же город выглядит, как…, я даже слово не могу подобрать, смесь деревни с военным лагерем?

– В общем, по Рейку города-то нормальные. Но вот со столицей у них вышла незадача – самым большим поселением было Улесье, но тут никогда не было какого-то объединенного города. Никто себе просто не представлял Улесье как обычный город, окруженные стеной, с кварталами, дорогами и улицами. Вот так и получилось, что столица Рейка этот состоит из трех площадей – ратуши, казармы стражи и храма, обнесенных каменными стенами – и бессчетного количества лесных домиков и зданий побольше. Нормально тут ориентируются, наверное, только местные.

- А как же они защищались в случае войны? – удивилась Ния.

- Из того, что я знаю, Улесье ни разу ни досталось врагу, - пожал плечами Кирий. – Хотя, думаю, тут все дело в том, что тяжело взять город, в котором и брать то нечего. Население в случае чего уходит в леса, прячется в погребах или отправляется к фольварку или казармам. Я же говорю – край бандитов и лесорубов, проще проехать мимо и забыть. Вот там, где мы проезжали поля, там и начинались настоящие войны. Без еды ты и в лесу долго не просидишь, и много не навоюешь.

Ния снова посмотрела в окно кареты. Лес расступился, и на этот раз явившиеся ее взору строения больше напоминали город, чем все, что она раньше видела в этом странном месте. На каменной площади, через которую пролегал теперь их путь, стояли двух и трехэтажные каменные дома, а ближе к возвышавшемуся во главе площади храму раскинули свои лавки местные купцы. Было многолюдно, слышались голоса купцов, зазывающих людей.

- Торговля у храма? – неодобрительно спросила Ния.

- Храм назарианский, все нормально, - хмыкнул Песка. – Торговля для бога торговли. Не удивлюсь, если жрецы сами продают места на площади. Разве в срединных землях дела обстоят иначе?

- Мы почитаем Назара как одного из семи, - ответила Ния. – Но его святилищ у нас мало. Больше распространены храмы Феломены и Кшадара.

Карета миновала площадь и снова очутилась в пролеске. Но здесь домов стало уже больше. Виднелись и большие богато отделанные срубы, некоторые, даже, окруженные небольшими каменными заборами.

- Нам еще долго ехать? – спросила Ния.

- Нет, почти приехали, - ответил Песка.

- А у вас так принято, что у каждого знатного рода в каждом столичном городе есть по особняку? – поинтересовалась девушка.

- Традиции такой нет, но считается хорошим тоном богатому дворянину иметь дом в каждом более или менее значимом городе. Или же иметь в этом городе друзей, чтобы было у кого остановится. Но здесь, в Улесье, родина моей матери. Точнее, моей прабабки по материнской линии. Она в этом домике и жила. Потом им владели Тилские – ее младшая ветвь, но их род прервался, и их имущество отошло нам. Отец думал продать дом, но потом графиня Рейкская стала княгиней Фаркской, и они с дедом решили, что политически невыгодно лишаться недвижимости в нынешней второй столице княжества.

- И большой у вас здесь домик? – спросила Ния.

- А вот он, - ответил Песка, указывая на левое окно. Ния подсела ближе и выглянула. «Домик» был широким трехэтажным особняком, с широким крыльцом и балконом на втором этаже. Забора вокруг не было, но густой колючий кустарник создавал впечатление отгороженности. Окна были большие, крыша уложена еловыми ветками. Экипаж въехал во двор и остановился у широкой деревянной лестницы. Песка лихо выскочил из кареты и подал руку Нии.

- Да уж, - сказала та. – Скромно.

- Все, что есть – в вашем распоряжении, - улыбнулся Кирий. – Через три дня бал, я пришлю за вами человека.

- Вы не останетесь здесь? – удивилась Ния.

- Мы уговаривались, что я провожу вас до Улесья, и сразу отправлюсь в Рейк, - ответил Песка.

- Но я предполагала, что вы хотя бы отобедаете со мной, - немного обиженно протянула она.

- Прошу прощения, пани Ния, но дела сейчас превыше всего, - Песка поклонился. – Пан Мицлав проводит вас и составит вам компанию, а мне пора выдвигаться в путь.

Ния недовольно нахмурилась. Всю дорогу они вели более чем светские беседы – о погоде, псах, литературе. Она надеялась, что ей удастся выманить какую-нибудь информацию из Кирия когда они доберутся до места назначения. Он, конечно, говорил, что сразу отбудет в Рейк, но Ния ожидала, что, как и другие дворяне, с которыми она была знакома (прежде всего, в Срединных землях) слово «сразу» означало у Кирия «после обильного обеда и отдыха».

- Я обещаю удовлетворить ваше любопытство во время или же после бала, - понимая, что у нее на уме, сказал Песка.

- Я ловлю вас на слове, господин барон, - все еще недовольно сказала Ния.

- Не сомневайтесь, - улыбнулся Песка. – Мицлав, проводи пани Нию внутрь. Отдай слугам все необходимые распоряжения.

- Будет исполнено, пан Динский, - поклонился Мицлав.

- Подайте мне и эскорту свежих псов, - распорядился Песка. – Мы немедленно выдвигаемся.

Мицлав проводил Нию в дом, один из его людей бросился выполнять второе поручение Кирия. Через пять минут барон, оседлав черного, как смоль, могучего пса мчался в сторону фольварка Рейк в сопровождении четырех дворян эскорта. Его занимали мысли о покушении на его жизнь. Чем больше он размышлял об этом, тем больше приходил к выводу, что Теринский не имеет к нему отношения. Смерть Пески была

выгодна только тем, кто хотел начать бойню в Фарке. Кирий не сомневался, что его отец, в случае его смерти немедленно бы объявил Теринскому кровную месть, воспользовавшись любой помощью, которую только смог бы получить. То, что его неудачливый убийца был бы пойман и начал бы говорить, у Кирия тоже не вызывало сомнений. Получалось, что Теринского пытались подставить. Но кто бы это мог быть: гардовцы, отчаявшись найти политическое решение проблемы? Кто-то из военных кругов княжества (например, князь Беркликан), решивший активными действиями подвести ситуацию в нужное ему русло? Или канцлер, все-таки решивший, что самовольные действия Кирия помешали его планам? Последний вариант очень не нравился графканцлеру, но иногда он возвращался к нему. «Придушить этого несчастного было правильным решением, - подумал вдруг Песка. – Теперь пускай заказчики гадают, рассказал он что-либо, или нет. Что мы знаем, как мы знаем, до чего догадываемся – пускай это занимает их. А я пока обоснуюсь в Рейке. Захотят достать здесь – пусть попробуют». Мысли его перенеслись к Нии. Кирий, конечно, прочел ее досье, присланное Ирлингом. Канцлер был расстроен своей непредусмотрительностью, и приказал как можно быстрее передать все сведения по журналистке Кирию. После этого Песка нашел ответ на ранее не дававший ему покоя вопрос: где Ния научилась так здорово метать ножи. Жизнь менестреля полна опасностей и приключений, и многие из них умели не то, что метать ножи, а и фехтовать и стрелять на уровне самого Кирия. Песка теперь понимал ошибочность своих умозаключений в первый момент знакомства с Нией, но был чрезвычайно рад тому, что она оказалась с ним во время покушения. К тому же, подобная «квалификация» журналистки и ее знакомства могли оказаться полезными в той части операции, в которой Кирий возлагал на нее надежду.

Рейк встретил барона Динского приготовлениями к балу. Слуг стало больше, прибавилось суеты, и сам фольварк начал походить на место жительство знатного рода, а не на большой старушечий дом. Ворота подкрасили, фасад подновили. Цвета герба над вратами теперь были не такие блеклые, а надпись под гербом «стерегись лесного шепота» - девиз Рейкских – покрыли позолотой. Остатки былой роскоши постепенно превращались в символ нынешнего величия.

Песка передал слугам пса. У дверей его встретил Руфий, у которого Кирий узнал, что княжна, мастер Иниан и Ника отбыли в город («как это вы смогли разминуться?») на представление местного театра, пан Бойковский находится в своем фольварке («просил передать, чтобы, как только вы появитесь, его немедленно известили»), а в доме находится недавно прибывшая пани Адда и оставшаяся за старшую по оперативным делам пани Мирриэ. В гостином домике разместились три шумные паненки из канцелярии.

- Как себя чувствует пани Ирия? – поинтересовался Кирий.

- Пани Ирия в великолепном настроении, - ответил Руфий. – Занята приготовлениями к балу. Сейчас уехала в Стаянки, отдать нужные распоряжения.

- А почему это делаешь не ты?

- Пани настояла на том, чтобы самой заняться делами, - с обидой в голосе ответил Руфий. – Пан Динский, неужели вы думаете, чтобы я отпустил пани одну, если бы это не был прямой приказ?

- Хорошо, Руфий, не злись, - улыбнулся Кирий. – Обед уже подавали?

- Да, час назад панство уже отобедало, - ответил Руфий.

- Тогда приготовь мне сначала ванну, пока я буду там – комнату, подай туда еды и вина, и извести пане Эйниэ, Адду и Дэйнэ, это главная из тех шумных в гостевом доме, что через два часа я жду их у себя с докладом.

- Будет исполнено, пан Кирий, - поклонился Руфий. В этот момент в коридоре появилась Мали. Увидев Песку, она с радостным криком кинулась к нему.

- Песка! – она обняла Кирия, и тот заметно побледнел. – Вернулся! Мы заждались!

- Осторожней, Мали, - он отстранил от себя девушку. – Не так сильно.

- Что-то случилось? – Мали обеспокоено посмотрела на него.
- Враги не дремлют, - туманно ответил Песка, потирая плечо. – Потом расскажу.
- Пани Адда, - встрял Руфий. – Пан Кирий велел передать вам, что через два часа ждет вас в гостевых покоях на втором этаже.
- Спасибо, Руфий, - поморщился Песка.
- Рад служить, - ответил дворецкий и удалился отдавать дальнейшие распоряжения.
- Пойдем в мои покои, - предложила Адда, - расскажешь, пока ванна твоя готовится.
- Пойдем, - согласился Кирий.

Они прошли по коридору в сторону кабинета, и вошли в покои, которые заняла Мали. Песка сразу оценил почему – видимо, это были единственные гостевые покои на первом этаже с двуспальной кроватью. Мали всегда предпочитала располагаться на первых этажах, считая их более безопасными в случае, если придется быстро покинуть здание. А двуспальная кровать была подготовлена к возвращению Звяка. В остальном убранство комнаты было обычным для гостевых покоев – небольшой столик, стул со спинкой, два табурета, да шкаф-буфет. Песка присел на стул, Мали – на кровать. Адда, в свойственной ей торопливой манере рассказала Песке о произошедшем в Вольном Яре.
- Значит, проблему с паном Клио мы решили кардинально, - произнес Кирий и усмехнулся.
- Ну, в общем-то, он больше и не пан, - заметила Мали. – Родовое имение он заложил, а это лишает его каких-либо привилегий и баронского титула. По остальным вопросам его ожидает суд. Градоправитель настаивал на суде в ратуше. Пришлось намекнуть, что кое-кто рискует и сам променять теплое жилье на холодный барак лесоруба или камнедобытчика. На том и порешили. Когда Клио поправится, предстанет перед Эглиной. Хотя поправиться он не скоро.
- Да уж, а рука у него вообще вряд ли отрастет, - Кирий потянулся, но плечо отозвалось болью, и он закусил губу.
- А с тобой что произошло, пан командир? – снова обеспокоившись, спросила Мали.

Песка рассказал о своих приключениях в Дине. Мали он рассказал истинную версию: как личный маг-лекарь Динских поставил его на ноги за двое суток, и как они разработали вместе с отцом, Алеком и Михо план по допросу неудавшегося убийцы. Только о том, как тот погиб Песка соврал – личная месть являлась вопросом дворянской чести, а такие вопросы не принято было обсуждать вне семьи.
- Он утопился в ванной, накинув себе петлю на шею и привязав ее ко внутреннему крану, чтобы не иметь возможности всплыть, - сказал он. – Видимо, решил, что сказал слишком много.
- А его родные поверили в эту историю?
- Не знаю, - искренне ответил Песка. – И мне все равно. Мы сказали, что хотели сделать его условия более хорошими, чтобы он все рассказал, а он решил упорно молчать и погибнуть за свои идеалы. Ни к чему им знать, что он выдал нам свои тайны перед смертью.
- Как скажешь, командир, - кивнула Мали. – В любом случае я рада, что ты жив, а он – нет.
- А как я счастлив, ты даже не представляешь, - улыбнулся Кирий. – Я, кстати, думал, что первой увижу Иртэю, раз она осталась за старшую.
- Ой, Песка, с Ирти что-то странное творится, - Мали подсела ближе к нему. – Я от радости, что тебя увидела, совсем забыла сказать, думала сразу, а вот так вот и забыла.
- Что случилось? - Песка сразу стал серьезен.
- Да вот как я приехала, она только в кабинете сидит или в покоях у себя. На обеды не выходит, ест за работой. Разговаривает только с Инианом. Когда я к ней пришла, она вся какая-то растерянная была. Или, даже, потерянная. С княжной старается не пересекаться, хоть та о ней и спрашивает.
- А что у них по расследованию? – насторожился Песка.

- Да там вроде все очень даже неплохо, - сказала Мали. – Но этого я тоже не смогла разузнать. Иртэя сказала, что им «все ясно». Дальше молчала, я даже обиделась на нее немножко. А эльф отшучивается постоянно – но сказал, что ждет тебя.
- Понятно, - только и сказал Кирий. Он подумал, может сразу зайти к Иртэе. Но потом решил, что не стоит. Если с делами у них все шло хорошо, а так оно вроде и было, значит, Эйниэ беспокоили личные вопросы. Он знал Эйниэ. Если захочет – расскажет. Если нет – то и пытаться пока не надо.

В дверь постучали. Вошедший слуга сообщил, что ванна для пана Кирия готова. Песка кивнул Мали, та ответила шутливым воинским приветствием, и он вышел из покоев. Кирий помылся, побрился, переоделся в чистое. Его проводили в подготовленные для него покои на втором этаже – рядом с комнатой, которую занимала Иртэя. Там его уже ждала еда и новость о том, что вернулся пан Сайн. Песка велел слугам осведомится, хочет ли тот сначала отдохнуть или будет готов к докладу вместе со всеми. Вместо слуги с ответом через пять минут в покои Пески явился сам Звяк. Щегольский камзол Зара Вестника он сменил на простую серую рубаху и шерстяные штаны.
- Боги, Кирий, - сказал он, пожимая другу руку, - как будто вечность не виделись. Мали сказала, что тебя ранили.
- Есть такое дело, - кивнул Песка. – Выпьешь?
- С удовольствием, - согласился Звяк.

Песка разлил вино по бокалам, поднял тост «за удачу», и они выпили. Кирий рассказал все то, что говорил Мали. Когда Кирий коснулся гибели Марика Завирского, Звяк хитро улыбнулся. Песке показалось, что друг не поверил в историю о самоубийстве.
- Считаешь, что стоило охранять его надежнее? – спросил Кирий.
- Нет, просто думаю, что это слишком бесславный конец для такой пафосной истории, - Звяк криво усмехнулся. Затем он потянулся к груди, к тому месту, где должен быть внутренний карман камзола, выругался, и, глядя на удивленного Песку, заметил, - Приучился за время, пока в Гиррде был, дымить. Вот рука и тянется постоянно к карману с трубкой. Вот терплю.
- Так не терпи, - хмыкнул Песка. – Составишь компанию Иниану. Будете вместе с задумчивым видом потягивать дым.
- Ну его, - сказал Звяк и пригубил вино. – Как выкурю, так голова как не своя. Я пробовал – стреляю гораздо хуже, да и подымлю пару седмиц – и бегать сложнее. В общем, вредит это работе.
- Ага, - согласился Кирий. – И кошельку.

Дверь неожиданно открылась и в комнату без стука зашла Мали.
- Пьете, да? – с вызовом сказала она. – А нас позвать?

Песка взглянул на часы с маятником, стоявшие в углу комнаты.
- А я вас и звал, - сказал он. – Но через четверть часа.
- Так вы бы уже все выпили! – обижено сказала Мали.
- Кажется, твой план скрытно от Мали употребить эту бутылочку провалился, Песка, - сказал Звяк. – В следующий раз надо будет надежнее прятаться.
- Ну, это ж ты хвост привел, - заметил Кирий, и получил от «хвоста» оплеуху. – Где остальные?
- Коготь за дверь ждет, стесняется наверно, - хмыкнула Мали. – Иртэя все еще в кабинете.
- Так позови их, и начнем, раз уж такое дело, - сказал Песка. Мали удалилась, а Коготь вошла. Она была одета в повседневную форму, идеально выстиранную и выглаженную. Аккуратно нанесенный макияж и уложенные волосы свидетельствовали, что Дэйнэ потратила последние два часа в подготовке к этому совещанию. Она коротко поклонилась и встала чуть дальше у стены. Звяк поднялся и встал рядом с ней.
- Лучше бы мы, конечно, переместились в кабинет, - заметил он.
- Только и потратим время на переходы, - возразил Песка.

Мали и Иртэя вернулись минут через десять. Песка отметил, что Мали была права. Давно он не видел Эйниэ настолько неспокойной и несобранной. Лицо ее выглядело осунувшимся и уставшим. Песка обеспокоено посмотрел ей в глаза. Иртэя отвела взгляд. «Что-то здесь совсем не так. Ладно, разберемся после», - подумал он.

- Итак, панство, - начал он. – Мы собрались здесь, дабы обсудить, что нам удалось сделать и выяснить за последнее время. Дабы не затягивать время я начну, а вы соберитесь с мыслями.

Он рассказал о событиях, произошедших в Дине. Подробно остановился на роли Нии. Дэйнэ смотрела на него с беспокойством, даже Иртэя отвлеклась от внутренних терзаний, и внимательно слушала. Завершил Песка все своими размышлениями о том, кто мог устроить покушение, наиболее вероятными заказчиками определив Гарду. О своих мыслях по поводу Беркликана и канцлера он умолчал.

- Я согласна, - подумав, сказала Иртэя. – Вероятнее всего, что друзья Теринского решили, что добрая война для них будет лучше плохого мира.

- Зачем им это? – спросила Коготь. – Они ведь должны понимать, что Княжество раздавит их? Или нет?

- Если принять версию о том, что главной их целью является не отделение Фарка, а расшатывание положения во всем Княжестве, то война – оптимальный выход, - ответил Песка. – Однако, покушение им не удалось, и уж тем более мы не доставим им удовольствия в виде кровной мести от Динских. Что касается Нии – я хочу, чтобы на балу ей все предстало в радужном свете. Прогрессивная княжна, поддерживаемая подданными, борется против закостеневших в своих взглядах дворян-отщепенцев. И будьте осторожны – эта пани не так проста, как кажется.

- Как бы ты сам себя не перемудрил, командир, - сказал Звяк. – Она нам может очень здорово навредить.

- Может, - согласился Песка. – Но если будем аккуратны, может и помочь. Здесь многое зависит от Ее Высочества. На этом у меня все. Звяк, твоя очередь.

Звяк в подробностях описал, что происходило в Гиррде. Песка был доволен тем, что удалось договориться с Тихо и направить его деятельность в нужное им русло.

- Льох и его ребята отправились в Фарк, арестуют Тара Альтского и привезут его сюда, - завершил свой доклад Звяк.

- Я допрошу его, - кивнул Песка. – Нам было бы очень на руку, если бы в его деятельности мы нашли след Миковского.

- Сомневаюсь, - покачал головой Звяк. – Думаю, все это было его личной инициативой и к нашему делу отношения не имеет.

- Увидим. Теперь Коготь. Мали мне уже кратко осветила ваши приключения, поэтому как можно короче.

Коготь докладывала без запинки, словно читая по бумажке. Кирий отметил, что подобный подход к подготовке докладов встречался скорее у работников городских канцелярий, чем у боевых отрядов, по крайней мере, у тех, с кем он сталкивался. Выслушав Дэйнэ, он поблагодарил ее и дал слово Иртэе. Та собралась с мыслями, и начала обстоятельно излагать, что им с Инианом удалось выяснить. Рассказала о практиках ланирта в покоях княгини Иллы, о походе в храм. Песку описание крипта не удивило – такая традиция была у многих знатных родов, включая Динских. На Мали, Звяка и Дэйнэ же это, судя по лицам, произвело сильное впечатление. Подводя итог, она сказала:

- Все указывает на то, что пани Илла собиралась каким-то образом расправиться с пани Альдой. И кто-то это узнал и привлек послушника, чтобы избавиться от старой княгини.

- Плохо, - сказал Кирий. – Если все это действительно так, а я бы очень хотел, чтобы в этой части вы ошиблись, нам это вряд ли поможет. Даже, скорее, навредит. Княжна знает о ваших изысканиях?

- Я… рассказала ей, - запнувшись, сказала Иртэя. – Не самая лучшая новость в ее жизни.

- Я думаю, - вздохнул Песка. – Ладно, я согласен с Инианом, что брать послушника надо, когда он поедет в Улесье. Судя по всему, он действительно не только убийца, но еще и шпион. И мне бы хотелось взять связника. Детали проработаем завтра. Я думаю поручить все Совам.
- Мы в вашем распоряжении, графканцлер, - ответила Дэйнэ.
- Хорошо, - сказал Песка. – Сейчас все свободны. Завтра на два часа дня назначаю оперативное совещание. В присутствии Бойковского, Эглины и Иниана. В целом, всех поздравляю с успешным выполнением поставленных задач.
- Служим Ластарту, - хором произнесли присутствующие.
- Все, разойтись, - сказал Песка. – Иртэя, останься, мне нужно с тобой поговорить.

Мали смущенно посмотрела на подругу, но та даже не обратила внимания. Когда все разошлись, она подошла и села в кресло, которое до совещания занимал Звяк.
- Что случилось, Эйниэ? – спросил Песка. – На тебе лица нет.

Иртэя опустила голову. Она боялась говорить, но не могла молчать. Она понимала, что Песка ее не поймет, что она поступила плохо и непрофессионально. И что ее чувства покажутся странными и Песке, и Мали, и Звяку – единственной семье, что у нее была сейчас. Она очень боялась, что больше никогда не увидит Эглину, но еще больше боялась встретиться с ней. И все это она сейчас должна была рассказать Песке. Но это она тоже сделать боялась.
- Что с тобой произошло, Ирти? - Песка наклонился и заглянул ей в глаза. – Я тебя такой, наверно, никогда не видел.
- Пан графканцлер, - выпалила она, - я прошу у вас отставки!
- Не понял, - озадаченно сказал Кирий.
- Я недопустимо вела себя с княжной Фаркской, я признаю свою вину и не ищу снисхождения, - отчеканила Эйниэ.
- И что же ты сделала? – Кирий напряженно думал. Он был уверен, что, если бы здесь произошел какой-нибудь скандал, Мали бы об этом знала. Как, впрочем, и Руфий. И он сам бы уже был поставлен об этом в известность. Что такого могла сделать Иртэя?
- Песка, я люблю ее, - тихо сказала девушка.
- Что!?
- Я люблю ее! – почти выкрикнула Иртэя. – Я люблю княжну Эглину Фаркскую, графиню Рейкскую. И не как сестру, а по-настоящему. Я хочу прикасаться к ней, целовать ее. Я уже целовала ее!
- Та-ак, - протянул Песка. Ему начинало казаться, что он спит, потому что реальность, в его понимании, не могла совершать такие идиотские повороты. – Что ты делала? Когда?
- Когда рассказывала ей о наших догадках, - Эйниэ несколько раз сжала и разжала пальцы, чтобы успокоится. – Я пришла к ней, рассказала. Она была такая несчастная, такая одинокая. И тогда… все и случилось. Мы целовались, я чувствовала, как хочу ее. И она… хотела. Но я не смогла и сбежала.
- Та-ак, - снова сказал Кирий. Теперь он понимал это нежелание встречаться с княжной, это добровольное заточение и растерянность. – И давно ты поняла, что… испытываешь к ней такие чувства?
- Я люблю ее! – еще раз с напором сказала Иртэя. – Не знаю! Имеет ли это значение? Может, когда первый раз увидела, а может, когда мы жили в Низзинках. Я не знаю, Кирий! Не знаю!
- Твою мать, Иртэя! - Кирий встал и начал ходить по комнате. – Ты же… нормальная. Я имею в виду, ты же на мужчин всегда смотрела? Как так? Почему именно Эглина?
- Что мне делать, Кирий? – тихо спросила Эйниэ. Песка заметил, что сейчас перед ним была не Иртэя – ироничная, зачастую жесткая и умная. Перед ним сидела растерянная, неопытная девчушка. «Наверное, такой она была, когда ее забрали из приюта в канцелярию», - подумалось ему.

- Кто еще знает о твоей слабости? – спросил он холодно. Этот холод в тоне, который Песка использовал очень редко и только тогда, когда ситуация ему совершенно не нравилась, магическим образом повлиял на Иртэю.
- Мастер Айклин, - мгновенно собралась она. – Он догадывался еще до произошедшего. И, думаю, он понял, что что-то произошло. Или сама Эглина могла ему рассказать.
- Знал до этого? – поразился Кирий. – И что же он сказал?
- Сказал, что я должна открыться в своих чувствах, и что даже в наших законах сказано, что они не противоестественны.
- Вот диверсант! – Кирий, казалось, взорвется от гнева. – Мало того, что не наставил тебя на путь истинный, так еще и поддержал! Скотина эльфийская!
- Песка, я…
- Молчи! – прикрикнул Песка. – Иди в свои покои – что с тобой делать, решу позже!

Иртэя быстро встала и вышла. Песка сел на кровать и обхватил голову руками. «Почему, ну вот почему? – думал он. – Ведь вроде как все шло нормально – и вот так? И что теперь делать? Эльф еще – он что, не понимал, как это нас подставит в глазах местных, в большинстве своем, патриархальных дворян? Одно то, что Эглина девушка уже минус в их глазах. А если она еще и женопрельстивица и у нее не будет наследника? Если кто-нибудь узнает до того, как мы закончим операцию, все сорвется!». Он налил себе в бокал вино, оставшееся в бутылке и залпом выпил. Ему вдруг подумалось, что он напоминает себе отца, когда Мара сбежала из дому. Мысли об Иртэе, как о непутевой дочери или сестре сбили его гнев. Кирий снова сел, глубоко вздохнул. Он помнил, как отреагировал на отречения отца от сестры. Ему это решение тогда показалось слишком поспешным, и тогда он пообещал себе быть всегда основательным и вдумчивым в своих решениях. Цену поспешных решений он узнал позже, работая в канцелярии, где любая непродуманность могла стоить жизни не только тебе, но и твоим товарищам, а иногда и многим другим людям. «Надо успокоиться, - сказал себе он. – И подумать, так ли все это непоправимо. Иниан, конечно, сделал мне подлянку. И как он мог не подумать? Или он все-таки подумал и сделал это сознательно? Значит, сначала я поговорю с ним, а потом приму решение. Вот так!». Мысли его снова потекли плавно. Если в первый момент он был полон решимости отослать Иртэю в Ластарт, то теперь начинал видеть картину немного с другой стороны. Хотя его все еще гложила мысль о любви Эйниэ к девушке («какой удар будет для Мали, с ее то традиционными взглядами!»), он решил оставаться профессионалом и понять, чем именно им это грозило. И мотивацию Иниана Айклина.

Ждать эльфа пришлось долго. Песка сначала сидел в своих покоях, потом спустился в кабинет, где пытался занять себя чтением. Но мысли его возвращались к Иртэе, и большую часть времени он все равно сидел за столом, уставившись в потолок. Когда ему это надоело, он встал, накинул камзол и вышел во двор. Темнота окутала фольварк и окрестности. Холода Песка не чувствовал – то ли неожиданная оттепель накатила на Рейк, то ли вино давало о себе знать. Где-то у горизонта различались огни ближайшего села. В этот момент Песка завидовал курящему Иниану. Хотелось сосредоточиться на чем-то простом, дабы собраться. Он поднял взгляд в небо. Облака затянули его, изредка через них проглядывала луна, еще реже были видны одна или две звездочки. «Завершим все здесь – и уйду в отпуск, - подумал он. – Съезжу в Дальнее, запрусь там с тем же Звяком и поживу в свое удовольствие. Устал я, очень устал».

Мысли эти отогнал звук открываемых внешних ворот. Послышались голоса стражи, потом громкий голос эльфа и женский смех. Во двор въехала открытая повозка, запряженная двумя кабанами. Иниан, одетый словно богатый купец, в пальто с меховым воротникам, одной рукой обнимал Нику, в рыжей шубе и такой же шапке, а второй что-то изображал. Видимо это «что-то» было очень забавным, так как и Ника, и сидящая напротив них Эглина, громко заливисто смеялись. Песка спустился со ступенек. Повозка подъехала и остановилась.

- Нас встречает сам пан графканцлер! – вскричал эльф. – Кирий, с возвращением в штаб сопротивления!
- Здраствуйте, пан Динский, - застенчиво сказала Ника.
- Привет, Песка, - просто сказала Эглина. – Что-то случилась?
- Добрый вечер, Ваше Высочество, - ответил Кирий. – Ника, прекрасно выглядишь. Нет, ничего не случилось. Я ждал вас, чтобы поговорить с Мастером Айклином. Наедине.

Песка подал руку Эглине, Иниан ловко спрыгнул на землю, подхватил поднявшуюся Нику в воздух и опустил ее рядом с княжной.
- Прошу меня извинить, пане, - улыбнулся он. – Пан Кирий, пойдем же, обсудим важные дела.

Они вместе вошли в фольварк. Эглина и Ника направились наверх, Иниана Кирий увел в кабинет.
- Что же пан барон желает мне сказать? – Иниан снял пальто и кинул его на стол. – Ты, кстати, не замерз, в такую-то погоду?
- Не паясничай, пожалуйста, мастер Айклин, - Песка подхватил его пальто и положил на стул, а сам сел в кресло.
- Извини, - сразу стал серьезным Иниан. – Постановка было уж очень забавная. Так о чем ты хотел поговорить?
- Иртэя и Эглина, - коротко сказал Песка.
- Что Иртэя и Эглина? – спросил эльф, освобождая волосы от стальных заколок. – Красивые девушки? Плохо готовят? Растратили все деньги графства? Нет, не могли – Эглина была со мной, и денег тратила не много.
- Ты прекрасно понимаешь, о чем я! – не выдержал Песка. – Я просил, прекрати паясничать!
- А ты не кричи, - Айклин руками расправил волосы и теперь расчесывал их гребнем. – Да, я понимаю, но это не означает, что я должен тебя понимать. Поэтому поясняй суть.
- Иртэя сказала, что любит Эглину, - раздраженно, но уже тише сказал Песка. – И что ты знал об этом и даже поддержал ее в этом. А потом они едва не… ну в общем, целовались.
- И-и-и? – протянул эльф.
- Иниан, ты делаешь из меня идиота?
- Нет, даже не думаю, - покачал головой Айклин. – Ты прекрасно справляешься с этим сам. Я пытаюсь понять, почему ты вырвал меня из общества Ники и сейчас рассказываешь мне те вещи, о которых я и так знаю. Если говорить кратко: чего ты хочешь?
- Мастер Айклин, понимаете ли вы, что поддержав связь Иртэи и княжны вы подставили всю операцию под удар? Не говоря уже о том, насколько эти отношения неестественны?
- А, понял, - Иниан застучал по столу пальцами. – Ты ревнуешь Иртэю, и решил устроить мне этот разнос, чтобы выместить гнев на третьем лице!
- Я, прости, что? – глаза у Пески округлились.
- Ревнуешь Иртэю. Иначе я не могу объяснить твое поведение.
- Айклин, я делаю скидку на то, что ты все-таки эльф, хоть и четырехсотлетний. Ты совсем не понимаешь, что, если у них будет связь, и о ней узнают, то наша операцию полетит к длимернам?
- Ну, я, лично, говорить об этом никому не собирался, - эльф демонстративно разглядывал свои ногти. – А ты?
- Твою же мать, ты можешь говорить серьезно!? – снова взорвался Кирий.
- Мать мою не трогай, - голос Иниана стал стальным. – Хочешь серьезно – давай. В вашем государстве разрешены даже однополые браки, не говоря об однополой любви. Но даже если бы это было не так, то какое имеешь право ты, Кирий Динский, указывать двум свободным существам, кого и как им любить? Почему у вас людей, когда дело касается чьей-то задницы, сразу начинает в этой самой заднице свербеть? Вы можете голодать, миллионы могут умирать от войн и эпидемий. Правитель может посылать каждый день людей на смерть и вытирать ноги об их гордость и чувства. Но вдруг вы узнаете, что сосед

ваш трахнул мужика из соседнего села – и все остальное отступает! И сразу извести этого несчастного изверга, вся вина которого заключается в том, что он не питает любви к женским сиськам, а больше любит то, что у мужика между ног, становится задачей более важной, чем накормить собственных детей или указать зарвавшемуся тирану его место! Знаешь, однажды один дворянин на севере, в общем-то, неглупый человек сказал мне, что ему противно смотреть, как один мужчина целует другого. А вот смотреть, как на площади пытают мальчонку лет двенадцати, ему было не противно. И он ничего не пытался сделать для того, чтобы запретить пытки. А вот петиции в Храм о признании мужеложества богопротивным подписывал. Тебе не кажется это чем-то неправильным? Тебе, разумному человеку?

- Если смотреть на это так… - Кирий не нашел, что ответить. – Но вряд ли ты разъяснишь это каждому дворянину в Фарке. И как мы потом объясним все это канцлеру? Твоими словами?

- Кирий, скажи честно, ты считаешь Ирлинга Альята идиотом?

- Нет.

- Я тоже, - продолжил Иниан. – В группе, приставленной к молодой одинокой девушке, имеются красивый мужчина-дворянин и симпатичная умная полуэльфка. Вероятность возникновения романтической связи, которую, к слову, можно и приказать создать, очень высока. Как ты думаешь, если бы Ирлинг считал, что это может повредить операции, он бы не обратил на это внимания?

- Обстоятельства могли поменяться, - не сдавался Кирий. – Ты сам говорил, что он мог использовать Эглину только в качестве инструмента давления. А сейчас все изменилось.

- И он забыл об этом и ничегошеньки не сказал? Сомневаюсь. А теперь подумай головой Кирий Динский, по прозвищу Песка. Почему связь Иртэи и Эглины может быть выгодна канцлеру Великого княжества? С учетом того, что ты сказал.

- Это поводок, - сказал Кирий после длительной паузы. – С помощью которого Эглину можно будет держать в узде.

- Правильно мыслишь, графканцлер, - глаза эльфа сверкнули, и Песка поежился. – И кто становится самым близким лицом у будущей княгини?

- Сотрудница канцелярии, - тихо сказал Кирий.

- Верная и проверенная сотрудница канцелярии, следует добавить. А ближайшими друзьями – ее друзья. Отряд «Алый Клинок». Те, кто смогут оказать на неопытную девочку и влияние, и, если надо, давление.

Песка задумчиво потер подбородок. Он еще раз для себя отметил, что спешка в таких делах только вредит. Эльф был прав, со всех сторон прав. И такая холодная расчетливость его, Кирия, пугала. Он, видимо, был еще слишком молод, чтобы так наперед просчитать всю цепочку событий. Он решил не говорить эльфу о вдруг возникшем страхе. Решил, что будет глупо выглядеть.

- Значит, все, что ты сказал выше, о задницах – это для красного словца? – спросил он.

- Нет, я действительно так считаю, - сказал Иниан. – Но ты не бойся, я предпочитаю плавность женских форм строгости мужских.

- А в Мертволесье это обычное дело?

- Думаешь, в ваших статутах это все взялось на пустом месте? – усмехнулся эльф. – Неркан ввел это сначала в Илине, близком к Мертволесью, а потом распространил на все Княжество именно в период основания, чтобы потом не возникало лишних вопросов.

- И как вы там живете? – поразился Кирий. – Это же… вокруг такое.

- «Такое!», - передразнил его Иниан. – Кирий, Мертволесье основано кастой воинов. Те, кому не было дело до каких-то там предрассудков. Наши отцы и деды, матери и бабки привыкли жить одним днем, как бы странным тебе это не казалось при нашей продолжительности жизни. Еще война с длимернами была долгой и страшной. Позже они, да и мы, их дети, во время Войны храмов, могли умереть в любой момент, в любой час. У нас просто не было ни времени, ни желания контролировать личную жизнь друг друга.

- Как же у вас тогда с населением?
- В смысле, как мы до сих пор не вымерли? Вопросы рождаемости регулируются самой системой. Надо родить – рожаешь, надо сделать ребенка – сделаешь. Хотя большинство женщин в какой-то момент сами решают этот вопрос. Поверь, чем меньше ты думаешь о том, как поддержать популяцию, тем лучше она поддерживается сама по себе. По крайней мере, у нас это работает.
- Так значит, мне нужно сказать Иртэе, что все хорошо? И чтобы она продолжила, ммм, соблазнять княжну?
- Ту и соблазнять не надо, она сама соблазнится, - хмыкнул Иниан. – Им обоим нужна любовь, Кирий. И, поверь, не стоит их лишать ее.
- Надеюсь, ты прав, - с сомнением в голосе сказал Песка.
- Я тебе больше скажу, барон, - Иниан наклонился к нему и прошептал. – Возможно, эта любовь будет единственной ниточкой, которая в будущем сохранит в Эглине человека.

Кирий удивленно поднял бровь. Иниан кивнул:
- Поверь мне, я чувствую, что у девочки творится в душе. Она может стать великим, беспощадным политиком – вот это как раз канцлер Ирлинг может и не учитывать. И единственное, что сможет ее сдерживать – ее чувства. Больше к Иртэе, меньше – к вам. То есть к семье, которую она обрела с вами за эти дни.
- Думаю, ты преувеличиваешь, - не согласился Песка.
- Посмотрим, - не стал спорить Иниан. – Но ты запомни мои слова.
- Обязательно, - Песка посмотрел эльфу в глаза. Он до сих пор не видел, чтобы взгляд Иниана был таким серьезным.

Фольварк Приречье, пригороды Фарка, Год 1476 от В.Н., 44 день осени.

Альда Фаркская лежала на кровати в своих больших, роскошных и очень одиноких покоях. Она пробегала глазами по строкам старого, потрепанного трактата «Устои домашнего очага, или как Боги завещали нам хранить семью» Лиония Южного, известного жреца середины прошлого тысячелетия. Отец всегда говорил, что в этой книге содержатся ответы на все вопросы, которые могут возникнуть в семейном быту. И вот Альда вновь и вновь возвращалась к ней, но ответа она не находила. Ее мысли то и дело возвращались к тому злополучному собранию, после которого все пошло наперекосяк. «Это кара Кристинии за то, что попыталась нарушить траур, - думала она. – Это все из-за меня». Но самобичевание не помогало, и она снова искала ответ, почему же у нее так неспокойно на душе. Время от времени она шептала - «Хранительница, к тебе взываю» - моля богиню о прощении. И тогда по щеке ее скатывалась слеза.

Ветер за окном пронзительно завывал, дождь то стучал по стеклу, то отступал, затаившись. Ставни она закрыла еще несколько часов назад, не в силах выдерживать еще и буйства природы. В комнате было тепло, протопили и печи и новомодные водяные трубы, разогреваемые молниекристаллами, но княгиня все равно одела вязаную кофту наверх теплого платья и куталась в шаль. «Отец, матушка, зачем вы меня оставили? – думала она. – Почему?». Этот вопрос тоже оставался без ответа. В обычное время, если бы ее одолевали сомнения, она послала бы гонца к Милану, или, плюнув на приличия, сама бы уехала к нему. Но теперь она и этого сделать не могла.

Вчера граф Теринский приехал в Приречье. Альда приняла его в малом зале. Она выглядела, как обычно, великолепно, а вот он только что приехал с совета Гарды, нервный, небритый и ужасно вымотавшийся. Обычного обмена любезностями, какой у них произошел даже после заседания сейма, не случилось.

- Милый мой, - сказала она, - да на вас лица нет!

- Мы теряем поддержку, Ваше Высочество, - сообщил он ей. – Только сейчас я узнал, что на многих наших шахтах и в цехах произошли волнения. Люди отказываются работать. Требуют немедленного установления мира в правящем доме и вашего отъезда в Ластарт на поклон к Великому князю.

- Мне казалось, вы говорили, что народ нас полностью поддерживает? – спросила Альда, и Милан про себя выругался. Он действительно слишком устал, а еще больше был раздражен недавним спором со сподвижниками. Борин настаивал, чтобы они начали восстание до конца сезона, в чем его поддержал Йатик. Кир и Коссит промолчали, но по их лицам Милан понял, что и они теряют веру в политическое решение. Действительно, неизвестно каким образом, но сторонникам Эглины удалось переманить рабочих и мястчан на свою сторону. Вскоре за ними могут последовать и селяне, а без поддержки населения любое восстание сразу обречено на гибель. Пока селяне и мястчане были безразличны, ими можно было манипулировать. Но с каждым днем такая возможность таяла. Теринскому удалось уговорить своих соратников попытаться успокоить бунтарей, пускай и запугав их. Он горячо убеждал гардовцев, что уговорит княгиню направить в места беспокойств свою гвардию и отряды городской стражи. С этими мерами не согласился только Коссит. Остальные, поразмыслив, решили, что это может сработать и дать им еще немного времени. И Милан уехал к княгине, хотя в душе совсем не был уверен, что ему удастся ее убедить. После сейма Альда, как ему казалось, стала заметно холоднее относиться к нему. Он не знал, что она просто боится выбора между сестрой, а вернее словами отца, которые та произнесла, и своей любовью. Она по-прежнему верила Теринскому, верила, что он не имел отношения к покушению на Эглину и смерти ее матери, но не могла отделаться от мысли, что согрешила, выступив на сейме и попытавшись ускорить свою свадьбу.

- Вы говорили, что народ нас поддерживает, так что же случилось? – снова спросила Альда. Голос ее стал каким-то другим, более твердым.

- Нашим противникам как-то удалось настроить людей против нас, - сказал Милан, и сам почувствовал, как неуверенно звучит его голос. Даже, несмотря на то, что это была правда. Почти правда. – И мне нужна ваша поддержка, моя любовь, в тяжелом решении.
- Что же вы решили? – бесцветно спросила Альда, подойдя к окну. Там слуги выгружали прибывшую из города телегу. Княгиня смотрела за тем, как их одежду и волосы треплет ветер, как в грязи вязнут колеса ручных тележек, и размышляла о том, что никогда прежде не думала о простых людях, своих подданных. Раньше это делал отец, теперь, вместо нее Милан. Вот так вот просто, «подпиши здесь», и решалась их судьба.
- Нужно отправить вашу гвардию и издать эдикт для градоправителей, чтобы подавить эти бунты в зародыше, - сказал Милан.
- Милан, а ведь это все из-за нас, - сказала она, и когда он удивился, пояснила, - это мы согрешили. Нельзя было идти против богов. Тот сейм был ошибкой.
- Альда, - он опешил. – Мы…
- А сейчас ты предлагаешь, чтобы из-за нашей ошибки гибли люди, - продолжила она, перебивая его. – Я не могу этого позволить. Я тоже не хотела ссоры с Эглиной, и я не хочу проливать кровь.
- Мы не будем проливать кровь, - попытался уверить ее Милан. – Они – простолюдины. У них не хватит духа противостоять вашей гвардии.
- А если хватит? – спросила Альда. – Что тогда? На что мы пойдем, Милан? Я верю, что ты не приказывал убить Эглину, но это не значит, что, в конце концов, твои друзья, Борин и Йатик не заставят тебя сделать это!
- А если Ластарт победит? – сорвался с его губ вопрос, который он теперь часто задавал сам себе. Он даже пришел с этой мыслью к отцу, но тот пребывал в философских размышлениях, и ответил, что тяга людей к свободе неодолима, и придет время, когда Фарк снова станет свободным. Их задача – идти по пути к этой свободе и, главное, на этом пути не наделать ошибок. Теперь этот вопрос он задал Альде, и она сразу почувствовала неуверенность в его голосе.
- И что? – спросила она. – Разве тебе бы не хотелось завершить, наконец, эту вражду? И мы смогли бы жить счастливо?
- Твоя сестра не остановится, пока не заполучит престол! – воскликнул Милан, и тут же пожалел об этом.
- Какая разница, Милан?! – закричала Альда. – Какая разница, даже если бы Эглина и хотела бы получить трон Фарка? Ты – граф, я – княгиня, или княжна, это не имеет значения. Я люблю тебя! Мне не нужен трон, власть, мне плевать на это все. Мне нужен ты! Или я для тебя только путь к власти, граф?
- Нет, не только, - как-то по-детски получилось у Милана.
- Тогда я запрещаю подавлять выступления народа! – сказала она, и Милан вновь, как и на сейме, услышал в ее голосе знакомые нотки Виро Фаркского. – Ищи способ, как уговорить их, собери переговорщиков, в общем, что угодно, но не проливай кровь! Слышишь?
- Альда, это единственный выход! – он едва не ответил «слушаюсь, Ваше Высочество», но пересилил себя. – Ты не понимаешь, все зашло слишком далеко!
- Что именно зашло далеко, Милан? Скажи мне, что?

Он колебался. Он понимал, что не может ей рассказать всего. Но также понимал, что если он не убедит ее, Йатик и Борин решат действовать. Он чувствовал себя беспомощным, как никогда до этого момента. И в этой своей беспомощности он решил пойти на то, что до этого посчитал бы недостойным.
- Я не обязан перед тобой отчитываться, - сказал он строго. – Мы сделаем так, как я хочу, или пеняй на себя!

Теперь уже колебалась Альда. Все ее воспитание говорило, что она должна подчиниться, что этот мужчина – ее бог, ее хозяин, и она будет вынуждена покорно согласиться на его условия. Но кровь ее, кровь многих и многих поколений воинов и

политиков, наперекор словам, звучащим голосом отца, просто кричала, что она, гордая дочь рода Фаркских, не может склониться перед своим вассалом, даже будучи женщиной. Тем более, будучи женщиной, пока он не стал ее законным мужем.
- Пенять на себя? – спросила она холодно. – А что вы сделаете, пан Теринский? Оставите меня одну, полностью убедив, что стремитесь только к трону Фарка? Или же убьете, как мою мать?
- Альда!
- Ваше Высочества Альда! – прикрикнула она. – Так что вы сделаете, пан Милан?
- Ваше Высочество пребывает в дурном настроении, - рассудительно сказал Теринский. – Я оставлю Ваше Высочество одну. Если вы решите, что хотите со мной поговорить, дайте знать.

Он развернулся и вышел. Милан злился, хотя не мог признаться себе, что злился он больше на себя и на Борина с Йатиком, чем на Альду. В глубине души он даже восхитился ее поступком. Сейчас он не отдавал себе отчет в том, что после этого разговора он уже не смог бы обращаться с ней так, как раньше. В данный момент он был слишком зол и разочарован. А еще он никак не мог понять, что же теперь делать с «Гардой». Его соратники выходили из-под контроля. Первостепенной его задачей теперь становилось не потерять этот контроль окончательно. Выйдя из фольварка, он даже не оглянулся. Когда ему подвели пса, он сел и уехал в дождь, оставив Альду смотреть ему в след, стоя у окна.

Он совершил ошибку. Вернись он через полчаса-час, княгиня согласилась бы на все его условия. Но Милан был уверен, что теперь Альда непоколебима. Альда же была готова броситься за ним, но холодные (как ей казалось) взгляды прислуги и гвардейцев останавливали ее. Она была дочерью древнего рода правителей, она не могла признать свое поражение в таком деле. «Он бросил меня! – продолжала думать она, лежа на кровати. – Он оставил меня здесь одну. В этом виновата я? Да! Но бежать за ним? Ни за что!». Она продолжала лежать на кровати, теперь отложив трактат и уставившись в потолок.

Она вспоминала, как здесь, в своих покоях, она просыпалась, когда ей было страшно ночью. Как ее утешала мать. Она вспомнила маленькую Эглину – та еще только научилась ходить и топала за мамой, когда та шла к старшей дочери. Помнила большие глаза сестры, и как та первый раз подошла к ней, и положила руку на колено. И тогда Альда рассмеялась и обняла свою маленькую сестренку. Наверное, впервые в жизни.

Теперь ей казалось странным ее поведение. Когда отца не было рядом, они с Эглиной прекрасно ладили – как в те дни, когда она еще не приняла обряд посвящения в дворяне, и они ездили в Рейк, к бабушке. А когда возвращались в Приречье, у них тут же находилось множество причин для ссоры. Сейчас Альда понимала, что, скорее всего, она вслушивалась в слова отца о сестре, и поэтому, стремясь угодить ему, обижала ее. А потом и вовсе вычеркнула из жизни, когда Эглина уехала из дому. «В двенадцать лет она уехала, - продолжала думать Альда. – Она осталась совсем одна в двенадцать лет, а я не могу выдержать одиночество сейчас».

В дверь постучали. Альда встрепенулась. Но потом снова опустилась на кровать. Даже если вернулся Милан, что это меняет? Она снова станет той самой испуганной и влюбленной девочкой, а он снова возьмет над ней свое покровительство? Она медлила с ответом. Не знала, стоит ли пускать в комнату того, кто стучал. Неведомые ей вести могли принести и радость и горе. Но дверь отворилась сама, и в комнату вошла кормилица Надия. Ей было немногим меньше пятидесяти, но выглядела она гораздо старше – долгое грудное вскармливание дало о себе знать. Поседевшие и поредевшие русые волосы, морщины на щеках и у глаз, невысокая, полная женщина, все с той же доброй улыбкой, какой она одаривала свою молочную дочь столько, сколько та ее помнила.
- Все в порядке, пани? – спросила кормилица.

- Проходи, кормилица, - Альда поднялась и перешла в кресло. Надия подошла к ней вплотную, с беспокойством глядя на княгиню. – Все хорошо. Просто осень, пора грусти.
- Не грустите, пани, - Надия улыбнулась, словно одарив солнечным лучом. – Вам идет, когда вы веселая.
- Все пройдет, - вздохнула Альда. – Как там Майа и Тэйа?
- Пишут мне каждую неделю, - с гордостью сказала Надия. Майа и Тэйа, молочные сестры Альды и Эглины, были отправлены учиться – с позволения и благословления еще пани Иллы. Тэйа в этом году оканчивала женскую академию в Фарке и собиралась вернуться в Приречье помощницей дворецкого, а Майа стала младшей жрицей в храме Кристинии в Берклике. Надия и ее муж, помощник приречского лесничего, очень гордились тем что, будучи от рождения простыми селянами, смогли дать своим девочкам будущее.
- Это здорово, - сказала Альда.
- Пани, вы бы, может, к подругам бы съездили, отвлеклись немного от своей грусти, – сказала Надия, и тут же добавила, - простите, если лезу не в свое дело.
- Я устала, кормилица, - сказала Альда. – Я не знаю, что мне делать.
- Отдохнуть, доченька, - сказала Надия. – Вы уж простите дуру старую, коли не так или не то молвлю.
- Я сейчас ничего не понимаю, - продолжала Альда, как будто и не расслышав слова кормилицы. – До этого все было понятно. Я любила, меня любили. Наверно. А теперь я прогневила богов.
- Чем же, пани?
- Зря я тогда согласилась на этот сейм ехать, - сказала Альда, глядя Надии в глаза. – Сказано в священной книге - носить траур год, а я попыталась обойти это нашими, мирскими законами. Вот теперь и не знаю, любит меня граф Милан, или просто на отцовский трон сесть хочет. И Эглина – она последняя, кто у меня из семьи остался, а видать ненавидит меня больше, чем любой враг. И эти слова о матери. Вдруг ее действительно убили, потому, что она не хотела, чтобы я выходила за Милана. Так это же получается, что она из-за меня умерла?
- Успокойтесь, пани, прошу вас, - Надия опустилась на колени рядом с Альдой и взяла ту за руку. – Дочка, ну что же вы? Не говорите такого. Пани Илла, пусть боги будут к ней добры, умерла от горя по вашему отцу. Она его очень любила, мне ли не знать. А то, что с пани Эглиной вы ссоритесь, так вот это не правильно. Она, конечно, та еще егоза – это ж надо, из дому то сбежать от родительской опеки. Но она хорошая, замирились вы бы с ней. Не женское это дело – из-за тронов да земель враждовать. Пускай вон мужики рубятся, а вы, девочки, рожать должны защитников наших и красавиц прелестных. Я так думаю. А про Его Сиятельство не беспокойтесь, мужики, пускай и дворяне, любят покичиться. Но без нас, женщин, все равно ничего не могут, это я вам точно говорю.
- Отец бы тебе такого сказать не позволил, - грустно улыбнулась Альда.
- Да, отец ваш суров был, но все равно без княгини не смог бы, хоть и не признавал этого.
- Да, наверное, - согласилась Альда. – Спасибо тебе, Надия. Спасибо. Можешь идти, я буду читать дальше.
- Принести вам что-нибудь, пани? – спросила выходя кормилица.
- Нет, - ответила Альда.

Надия вышла. Альда снова легла на кровать, взялась за трактат, но тут же отложила его. Кормилица была права – отец всегда говорил, что не женское дело лезть в политику. Так отчего же она, пусть даже с подачи Милана, в нее лезет? Отчего она враждует с сестрой? «Почему я думаю, что прогневила богов своим появлением на сейме? Возможно, это случилось тогда, когда я забыла о своей сестре! Не она неблагодарная – она ушла из этого дома, обиженная отцом, забытая матерью и мною. Это я должна была ее найти! У меня были все средства для этого, а я так забылась в ожидании своей свадьбы, что просто не вспомнила о ней! Вот она расплата! О, Боги, простите меня! Дайте мне шанс все исправить!». Она дернула за шнурок звонка вызова прислуги. Мысли теперь собрались

вместе. Вошедшей служанке она приказала принести ей более подходящее платье и узнать, где сейчас глава ее гвардии.

А глава личной гвардии княгини Фаркской, тысячник Масий Утравницкий сидел на первом этаже фольварка, пил настойку и расспрашивал кормилицу Надию, кою он и отправил к княгине. Масий начинал служить при деде Альды, тысячником стал при князе Виро и хорошо знал семью Фаркских. Глядя на то, как приходит и уходит Милан Теринский, будучи при княгине на достопамятном сейме и слушая то и дело разговоры дворян, Масий начинал чувствовать что-то среднее между досадой и разочарованием. Он знал, как Виро воспитывал старшую дочь, и, в целом, одобрял подобное воспитание. Когда из дому сбежала Эглина, Масий предлагал своему пану найти и вернуть беглянку, но тот отказал, сказав, что ему вторая дочь и так была не нужна. После этого Масий утратил долю уважения к князю: одно дело показывать женщине ее место, другое – отказываться от своего ребенка. У самого тысячника было пять сыновей и все пошли по стопам отца. Трое служили в войске, один во флоте, а пятый, старший, погиб в стычке на границе с Айнвиллем несколько лет назад. Подрастали внуки и внучки, которых он, когда они встречались, воспитывал в суровых традициях. Тем не менее, он любил и тех и других, прививая мальчикам смелость и решительность, а девочкам не только покорность к мужскому слову, но и стойкость в повседневных делах и перед лицом бед, коли таковые повстречаются на их пути. А в Альде он не видел стойкости. «Будут крутить девкой, как захотят, - говорил он в приватных беседах со своими доверенными сотниками, и с той же Надией. – Потеряют Фаркские княжеский престол, и поколения не пройдет. Надеюсь, что хоть я этого не увижу». Но Масий умел служить молча, и до Альды этих своих мыслей не доносил.

Вчера он видел, с каким лицом уезжал Теринский, и понял, что что-то случилось. Когда пани Альда вечером не вышла ужинать в общий зал, он только уверился в своих подозрениях, а сегодня отправил к ней кормилицу, дабы узнать, что же произошло у княгини. Сейчас Надия пересказывала их разговор, а Масий думал, поглаживая аккуратно постриженную седую бороду. Он слышал выступление Эглины на сейме, и ему понравилось, как младшая дочь Фаркского держится. Не понравилось ему, как радовались при этом Динские, но тут уж ничего не поделаешь. Масий с подозрительностью относился ко всем графским родам, но Динские и Теринские не нравились ему в равной степени. Слишком уж они были, по мнению пана Утравницкого сильны и независимы, а, значит, представляли угрозу правящей династии. Успокаивало его то, что, судя по всему, молодая Фаркская была по нраву Великому князю, а тому Масий доверял. Тысячник был уверен, что разговоры о «независимости» в стане Теринского пахнут изменой. Масий понимал, что его воспитание и понятия о чести и долге не позволят ему пойти против княгини Альды, даже если та поддержит Теринского в возможном вооруженном конфликте с Княжством. В тайне он надеялся, что до конфликта не дойдет, а Теринский всего лишь ловкач, желающий укрепиться во власти за счет идей о независимости. Теперь же, слушая Надию, Масий почти уверился, что существует другой путь и сестер Фаркских можно примерить, а пани Альде привить мысль о верности Княжеству, и отвадить Милана Теринского от Приречья.

- Возможно, у нас еще не все потеряно, Надия, - сказал он, дослушав кормилицу.

- Ой, пан Масий, ну ты и скажешь, как обычно, - ответила та. – Когда у нас было все потеряно? Пани Альда жива, пани Эглина тоже жива. Вскоре все наладится, увидишь!

- Если будем сидеть и ничего не делать, не наладиться, - задумчиво сказал Масий. Он думал, что, может, стоит связаться с молодым Динским. Или с Бойковским – этот посговорчивее будет, его можно убедить переговорщиком выступить. Талько он знал давно, вместе еще воевали на нынешних орденских землях. Может тот и послушает, ему то Теринские с их «свободой» тоже, небось, поперек горла.

- Ой, вот я и говорю, - продолжала ворчать Надия. – Мужики. Лишь бы мечом помахать да померяться, этими самыми, клинками. Мой вон тож, как выпьет, так подавай ему

вселенскую справедливость. Дескать, слышал, что за горами, в Империи, так и нету ни дворян, ни селян, а только граждане да перед ихним Императором все ровные. Я ему и говорю – ты чепухи то не мели, всегда есть те, кто богатые и монет у кого без счету, а есть те, кто на них пашет. И было так, и будет так. А он мне, как енти, мудреное слово, аргументы, во, у него закончатся, так и норовит мне в глаз дать.
- Что норовит – правильно, - отвлекся Масий. – Что в глаз дать – неправильно. Он так гаркнуть должен, чтобы ты, баба, свое место знала. Ишь, спорить с мужиком!
- Гаркнет он, ага, - хитро сощурилась Надия. – Он как гаркнет, так и без ужина останется. А как в глаз засветит, так я его сковородой перетяну по спине или по голове так, чтобы знал кто в доме хозяйка.

Масий покачал головой. Хорошо, что у Надии дочки, а то с таким мужем из мужчин бы толку не вышло. Не дело это, когда баба в доме главная. Хотя такое может быть, только если мужик слабый. А это тоже совсем не дело.
- И все-таки мы должны как-то намекнуть княгине, что надо бы ей помириться с сестрой, - переменил тему Масий.
- Княгиня сама знает, что ей делать, пан Масий, - раздался голос. На пороге стояла Альда, в строгом черном, с серебряной вышивкой, платье. Масий вскочил и поклонился. Поклонилась и Надия.
- Ваше Высочество, чем могу служить? – спросил тысячник.
- Вы его простите, - влезла Надия, словила недовольный взгляд воя, но продолжила. – Он заговорился тут со мной.
- Все хорошо, кормилица, - кивнула Альда. – Пан Масий прав. Я и сама решила, что негоже двум потомкам славного рода враждовать. Пан Масий, распорядитесь приготовить мой экипаж и эскорт. Надия, пускай служанки соберут мне походные вещи. Завтра утром мы выезжаем в Рейк, и я планирую прибыть туда вечером.
- Будет исполнено, Ваше Высочество, - вместе сказали Надия и Масий. «Видать, Боги сегодня, наконец, смилостивились над нашим неспокойным краем, - подумал Масий. – И ведь давно пора!».

Фольварок Рейк, пригороды Улесья, Год 1476 от В.Н., 45 день осени.

С самого утра в Рейке царила суета. День выдался прохладным, но безоблачным. Солнце просвечивало сквозь почти голые ветви деревьев и играло отблесками на опавшей листве. Слуги, число которых к моменту бала приблизилось к полусотне, накрывали столы в главном зале, повар и его помощники, специально нанятые в Улесье, колдовали над яствами, гвардейцы с важным видом выстроились вдоль ограды. Слуги расчищали двор для экипажей и карет, которых планировалось сегодня в достатке. Во внутренний двор заносили бочки с жидкостью для огненных потех (из-за ошибки в ведомости жидкости этой вместо двух бочек завезли двадцать, но в суете последних предбальных дней графиня Рейкская рассудила, что проще будет оплатить всю покупку, чем выяснять отношения с Рейкской алхимической гильдией). В главном зале репетировал оркестр, который пани Ирия позаимствовала у барона Айяна Низколесского, знатного любителя музыки и покровителя талантов. Баронесса Найская была счастлива. С блеском в глазах она статно проходилась по дворцу и окрестностям, отдавая указания, принимая работу и, иногда, подгоняя нерасторопных, на ее взгляд, слуг. Для нее уже сам факт этого бала был победой – ведь графство Рейк оживало, снова становилось если не вторым в княжестве Фаркском, то, по крайней мере, одним из наиболее влиятельных. Ирия чувствовала, что выполнила свою задачу и теперь могла радоваться своему триумфу. А дальнейшее она возложила на плечи Эглины и ее соратников.

Сама графиня Рейкская в этот день была в возбужденном и нервозном состоянии. Платье ей подобрали за седмицу, однако придворному портному (такой тоже появился в Рейке, поскольку подшивать, ушивать и шить в эти дни приходилось много) постоянно не нравились какие-то мелкие детали, и он вносил изменения и устраивал Эглине примерки каждый день. Сегодня он, наконец, согласился, что платье – бордовое, длинное, в меру декольтированное со свободной юбкой и узкой талией – может считаться подобающим для молодой княжны. После этого Эглина попала в оборот к Песке и Бойковскому, которые в течение часа напоминали ей то, что рассказывали последние два дня. Оба они были обеспокоены впечатлением, которое княжна может произвести и на своих подданных, и на заезжих из других графств гостей. Приняв к сведению все рекомендации, Эглина отослала обоих готовиться к балу (пан Талько приказу подчинился сразу, Песка некоторое время еще рассказывал о дипломатических хитростях, потом недовольный удалился в свои покои), а сама велела приготовить себе ванну. Она очень хотела увидеть Эйниэ, или хотя бы поговорить с Мали или Никой, но те были заняты приготовлениями к балу. Некоторое время она провела с Коготь и Филин, болтая в основном об академии и случаях на службе. Сычик сказалась больной, но Эглина подозревала, что девочка просто испугалась такого скопления народу и суеты. Потом княжна в течение часа приводила себя в порядок в ванне и после. Служанки расчесали ей волосы, подстригли ногти и покрыли их каким-то странным составом, после чего те стали блестеть. Она пыталась отбиться от макияжа, но пришедшая в покои Ирия настояла на том, что «княжна должна затмить своей красотой всех». В итоге к вечеру Эглина страшно устала, чувствовала себя жутко неудобно, но, вроде как, внешность ее была выше всяких похвал. А еще все это неуловимо напоминало детство и давно забытые предвкушения и волнения.

В коридоре она встретила Мали и Нику, утянула их за руки к себе, заперла дверь и рухнула на стул, стоявший перед зеркалом. Мали опустилась на кровать – именно опустилась, потому что в ее платье, черном, с серебряной вышивкой и очень обширной юбкой, сесть ей было сложно. Ника в бирюзовом облегающем платье осталась стоять, лишь сняв туфли.

- О, Кристиния, покровительница женщин, - выдохнула Мали. – Я и не думала, что готовится к балам так сложно. Эгли, ну неужели нельзя было просто в форме?

- Пани Ирия сказала, что так мы будем неподобающе выглядеть, - развела руками княжна.

- Я себя чувствую, как статуя! – Мали попыталась поднять руки выше плечей, но ей это не удалось.
- Ты сама, помнится, говорила, что пока есть возможность хочешь носить красивые платья – вот и носи!
- Вредина, - проворчала Мали. – Ника, ты чего молчишь?
- А что мне сказать? Меня все устраивает, – Ника выглядела смущенно. Она даже и не мечтала в своей жизни надеть такую красоту. Вообще, все происходящее больше напоминала ей диковинный сон. И она каждый день боялась проснуться.
- Онемела от счастья, ясно, - констатировала Мали.
- А тебе что не нравится, Адда? - раздраженно спросила Эглина. – Ладно, Сайн бы не успел приехать. А то дворянство дали, на бал позвали, любимый рядом, а она все ворчит.
- Да раздражает! – сказала Мали зло. – Пока мы тут празднуем, Теринский наверняка что-то планирует. А мы танцульки танцевать будем.
- Адда, ну ты же сама говорила, что надо доверять приказам, - снова тихо сказала Ника.
- Говорила, - согласилась Мали. – Но я же женщина, я имею право быть непоследовательной!
- Не помню такого статута, - сказала Эглина.
- А как же женская солидарность, княжна? – Мали пробуравила ее взглядом.
- Быть солидарной, это не значит поддерживать ворчание по непонятным причинам! – парировала Эглина.
- Зануда!
- Ворчунья! А где вы Иртэю потеряли?
- Ее Иниан утащил куда-то, - пожала плечами Мали. Эглина глянула на Нику. Та нервно трепала подол платья. Эглина знала, что ревновать Нике не стоит – но разъяснять причину не хотела и не могла. Как бы лояльно не относились законы к ее чувствам к Эйниэ, но общество всегда настороженно относится к тем, кто оказывается не соответствующим понятию нормы. Сама Эглина давно поняла, что чувствует к Иртэе нечто большее, чем просто дружбу и была обрадована, несмотря на все произошедшие в тот день события, что та сама потянулась к ней. Испуг Иртэи ее злил и обижал, но в душе она понимала, чего та боится. Она и сама пока до конца не осознала ни своих чувств, ни последствий, которые может иметь их связь. Она видела, что Иртэя избегает ее общества, но в эти дни ей и самой было не до решения личных проблем. Пан Талько и пани Ирия возложили на Эглину часть забот о графстве, вводили ее в курс дела. Она принимала у себя дворян, градоправителей, глав гильдий. Несколько раз сама ездила, под усиленной охраной гвардейцев, в ближайшие города по делам. Политические хлопоты занимали все больше времени, и разбираться с поведением Эйниэ ей было некогда. Эглина решила отложить разговор до более подходящего момента – до бала.
- Не переживай, Ника, - ободрила Эглина подружку. – Никуда мастер Иниан от тебя не денется.
- Я постоянно боюсь проснуться, Эгли, - пожаловалась Ника. – Мне кажется, что сейчас я открою глаза и вновь окажусь в Нирре, в своей комнате, с неряхой соседкой и загаженной кухней. И все это исчезнет! И он исчезнет!
- Не исчезнет, - Эглина встала и взяла подругу за руку. – Все это по-настоящему.
- Особенно мы это прочувствуем, если Теринский сюда пригонит свою гвардию, пока мы тут хороводы водить будем, - проворчала Мали, но, перехватив взгляд Эглины, уставилась в пол. – Все, молчу. Я буду верить, что Песка и остальные знают, что делают.

В это время Песка, Иртэя и Иниан сидели в кабинете внизу. Иртэя все еще обдумывала резкую перемену настроения Кирия, когда он если и не благословил ее любовь к Эглине, то, по крайней мере, после резко негативного его отношение сменилось на одобрительное. Она подозревала, что дело в разговоре с Инианом, но тот молчал или отшучивался. Сейчас они беседовали о предстоящем бале. Песка пообещал отвлечь на себя Нию и представителя Озерецких, который обещал почтить своим присутствием

мероприятие, а Иниан и Иртэя – следить за тем, чтобы во время бала не случилось провокаций.
- Мероприятие будет напряженным, - сказал Песка. – Я попросил Сов тоже не расслабляться. Гвардейцы Бойковского охраняют периметр и подступы, мы должны обеспечить спокойствие в зале.
- Не беспокойся, Песка, - Иртэя поправила прядь волос, упавшую на лоб. – Мы будем следить.
- Во все глаза, - подтвердил эльф. – Но, я думаю, все обойдется. Любой провокатор, хоть раз взглянув на платье нашей Эйниэ, сразу упадет от восхищения.
- Смотри, получишь от Ники скалкой по голове – у них, мястчанок, это просто, - хмыкнул Песка. Платье Иртэи, фиолетовое, в цвет волос, подчеркнуто открытое в области декольте и с разрезом по бедру, выглядело действительно вызывающе. Но другого «подходящего по случаю», по мнению пани Ирии, одеяния ее размеров не нашлось, а основные примерки и ушивки она пропустила. Вот и пришлось надеть, что смогли достать. Иртэе нравился вызывающий наряд, но она предпочла бы нечто менее заметное именно в данном конкретном случае. Песка был в таком же мундире, как и на встрече с журналистами. Иниан сменил свое обычное одеяние на то, что считал приличествующим случаю – черно-фиолетовый, расшитый золотыми нитями камзол, такие же штаны, и черные высокие сапоги.
- Я – образец порядочности, - улыбнулся Иниан. – Особенно в стандартах Мертволесья.
- Ну-ну, - покачал головой Песка. – Кстати о порядочности. Иртэя, я понимаю, у тебя чувства, и прочее. Но если ты на балу будешь флиртовать с княжной, или, не дай Боги, хоть каким-то намеком выдашь вашу связь – я тебя разжалую в писари и отправлю куда-нибудь так далеко, что даже Эглина тебя не найдет.
- Это называется «дискриминация», - шепнул эльф.
- Помолчи, борец за свободу прав, - скривился Песка. – Кончай свою мертволесскую муть. Ты вот совсем уже очеловечился – постригся, переоделся, так и на солидного мужчину стал похож.
- Пан Кирий, не травите душу, - Иниан провел по волосам. Последнее время он не выбривал половину головы, как раньше, и волосы успели отрасти. Буквально вчера он постриг вторую половину и теперь ходил с короткими волосами, которые то и дело старался по-новому уложить, хотя их длина не оставляла много места для парикмахерских маневров. Теперь в глаза бросались маленькие золотые серьги на кончиках длинных заостренных ушей.
- Ника была в восторге от вашей новой прически, - с озорной улыбкой подлила масла в огонь Иртэя.
- Угу, - согласился Песка. – Скажи, а все эти косички должны деморализующе действовать на противника страхом получить в плену такую же нелепую прическу?
- Эльфоненавистники! – воскликнул Иниан. – Меня окружают расисты!
- Я сама наполовину эльф, - не согласилась Иртэя. – Я не могу быть эльфоненавистником!
- Одно другому не мешает, - наставительно сказал Иниан.
- Все, закончили, - сказал Песка. – Теперь расходимся, у нас есть еще час до начала. Предлагаю всем собраться с мыслями, совершить окончательные приготовления. И быть готовыми ко всему.

Первые гости начали прибывать минут за двадцать до назначенного срока. Дворяне из имений близ Рейка, личные вассалы рода. Большинство из них уже бывали в Рейке после приезда Эглины, но попадались и те, кого она видела в первый раз. Княжна стояла у ворот, добавив к платью плащ на меху, и лично приветствовала каждого входящего. Рядом с ней стоял Иниайн Айклин в своей боевой маске, производя на мнительных паненок неизгладимое впечатление. Чуть поодаль стоял Руфий, лично следивший за действиями слуг, принимавших у гостей одежду. Низко кланяясь, он улыбался и приглашал пройти в главный зал. Оттуда доносился легкий танцевальный мотивчик.

- Еще час здесь простою, и я буду их всех ненавидеть, - шепнула она Иниану, когда в потоке гостей наступил небольшой перерыв.
- Вспомни об этом, когда сама будешь в числе приглашенных на бал, и отнесись к хозяйке с сочувствием, - прокомментировал тот. Эглина поняла, что сострадания не дождется, и широко улыбнулась поднимающемуся по ступеням барону Михо Итинскому.
- Приятно видеть вас, барон, - сказала она. – Пани Адда рассказывала о вашей смелости во время ареста барона Клио.
- Вы великолепно выглядите, Ваше Высочество, - пан Итинский поклонился и поцеловал ей руку. – Пани Адда наверняка преувеличила мои заслуги. Ее действия были вне всяких похвал. Я лишь внес свою посильную лепту.

Следующей явилась баронесса Улита. Она поклонилась Эглине и сказала:
- Благодарю за приглашение, Ваше Высочество. И за то, что барон Клио не остался безнаказанным.

Эглина не нашла что ответить, поэтому кивнула и улыбнулась. Улита смущенно улыбнулась в ответ и прошла в зал. Эглина обернулась к следующему гостю, барону Низколесскому с супругой.

Гости прибывали еще в течении часа. Кроме шести баронов и баронесс Рейка и рейкского же дворянства на бал прибыл представитель из Озерца, барон Нил Островной, статный мужчина лет сорока с военной выправкой и военном же мундире, пани Нати Околицская из графства Картент, молодая, наверно и двадцати нет, хрупкая девушка в неприметном черном платьице и барон Тарин Клецкий из Миковки, полный, лысеющий, в цветастом камзоле с перевязью, украшенной самоцветами. Нию из Яра, прибывшую почти в самом конце, Песка вышел встречать лично. Он извинился за задержку своих людей, которых посылал за ней и под руку проводил в зал. Княжна подумала, что это расстроит и разозлит Коготь, которая явно пыталась намеками показать Кирию свою расположенность. Да и наряд Нии, вроде и простой, но в тоже время элегантный с удачно подобранными украшениями и цветами, явно превосходил парадный канцелярский мундир Дэйнэ.

Сама Эглина чувствовала себя ужасно. Ноги княжны затекли, спина болела, руки замерзли. Она с ужасом представляла, что ей предстоит еще несколько часов провести на балу, развлекая всех этих панов и пани. Иниан, заметив ее беспокойство, ободряющим голосом шепнул ей на ухо:
- Ты прекрасно держишься, девочка. Еще немного и ты сможешь пойти и передохнуть.

Эглина очень на это надеялась. Когда гвардейцы, осмотрев дорогу и не увидев на ней более освещенных фонарями повозок, принялись закрывать ворота, ее сердце возликовало. Переступая с ноги на ногу, она дождаться не могла заветного звука закрывшейся стальной ограды.
- Иди уже, - снова шепнул Иниан. – Сразу выпей немного настойки. Только не переборщи, тебе еще речь говорить.
- Может, вообще не стоит? – спросила Эглина..
- Стоит, - неумолимо отрезал эльф. – Увидишь, сразу полегчает: и ногам, и спине, и уму.

Эглина послушалась и ушла. Иниан постоял еще немного, глядя на то, как стража занимает места у ворот. К нему подошел Бойковский.
- Пан Айклин, а вам обязательно носить этот страхоужас? – спросил тысячник.
- Маску? – удивился Айклин. – Для меня она в таких ситуациях естественна.
- Я слышал разговоры в зале. Вы очень смутили нескольких паненок – они думают, что княжна знается с нечистой силой.
- Ох уж эти суеверия, - вздохнул эльф, снял маску и засунул ее во внутренний карман плаща. – По периметру все спокойно?
- Никаких происшествий, - сказал Талько. – И, я думаю, никаких и не предвидится. Слишком много здесь собралось дворян, чтобы Теринский решился устроить провокацию.

- Ваши слова, да Богам в уши, - произнес Айклин. – Я могу вспомнить события, где подобные собрания превращались в кровавую бойню. Уж очень удобно убирать всех своих противников сразу.
- До этого не дойдет, - убежденно сказал Бойковский. – Граф Милан не настолько глуп, чтобы так поступить. Таким образом он настроил бы против себя все фаркское дворянство, не говоря уже о дворянстве Княжества в целом.
- Будем надеяться, будем надеяться, - сказал Иниан и закурил. Бойковский посмотрел на него и последовал примеру эльфа. Они молча курили, глядя на небо, усыпанное ковром из звезд. Потом вычистили трубки и прошли в зал.

За столами не было свободных мест. Мелкие дворяне и несколько офицеров гвардии стояли по углам, чуть поодаль от остальной группы. Судя по взволнованному лицу Руфия, отдававшего указания слугам, дополнительные столы искали по всему фольварку. Иниан и Талько прошли через зал и дошли до стола Эглины, расположенного в дальнем конце зала, перед пространством, оставленным для танцев. За столом уже сидели сама графиня, Ирия, Кирий, бароны и баронессы Рейка, Улита Запольская, регент Запольщины в отсутствии брата, и гости из других графств, общим числом тринадцать человек. Справа от Эглины и левее Итинского оставалось место для Талько, куда тот и прошел. Эглина виновато посмотрела на эльфа, которому места за графским столом по системе рассадки, составленной Ирией, не предназначалось. Иниан улыбнулся обошел стол вслед за Бойковским и стал у княжны за спиной.
- Безопасность княжны превыше всего, - ответил он на красноречивый взгляд пани Ирии.
- Мастер, вы считаете, что за нашим столом княжне что-то угрожает? – спросила она, явно недовольная своеволием эльфа.
- Теперь – нет, - просто ответил Айклин. Песка фыркнул, Ирия нахмурилась, Бойковский вздохнул. Иниан замер там, где стоял, и теперь еще более напоминал статую, нежели в момент встречи гостей.
- Я думаю, все уже собрались, - заметил Кирий. – Бокалы наполнены. Мы можем официально начинать бал.
- Согласен, - кивнул пан Низколесский. – Эй, пусть оркестр помолчит, время для графини Рейкской произнести речь.

Молодой ученик Руфия, поставленный сегодня при главном столе бросился выполнять указание. Вскоре наступила тишина. Вносившие в зал дополнительный стол слуги остановились и постарались стать как можно незаметнее. Эглина встала и осмотрела зал. Здесь было больше сотни человек, и все смотрели на нее. Некоторые с интересом, некоторые с ухмылкой. Взглядом она отыскала Иртэю. Та улыбнулась, и эта улыбка как будто скинула оковы с мыслей княжны.
- Дворяне и вои Рейка, - сказала она. – Гости нашего гостеприимного края. Я приветствую вас, собравшихся здесь, откликнувшихся на мое приглашение. Я благодарю вас за поддержку, которую вы мне оказываете в этот трудный час своим присутствием. Я восхищаюсь вами, теми, кто находясь под тяжелым давлением, тем не менее остался верен идеалам Рейка и Великого Княжества. Идеалам, которым великие роды Фаркских и Рейкских, моих отца и матери, всегда были верны. И я прошу у вас прощения за то, что на такое долгое время оставила вас. Но теперь, когда я здесь, мы вместе сделаем все, чтобы преодолеть смуту, в которую втянули нас обстоятельства и неразумность некоторых дворян нашего с вами княжества. Мы сделаем все, чтобы они поняли свою ошибку, чтобы они осознали, что единственный путь, достойный дворянина и Фарка, и Рейка и любого другого княжества, графства или баронства – это защита Великого Княжества и его людей. И мы будем защищать правильность этого пути – на сейме ли в битве словесной, или с оружием в руках на бранном поле! Я предлагаю всем собравшимся выпить за наше единство, за Великое Княжество, за Фарк и за Рейк!

Она подняла бокал, и зал взорвался аплодисментами. Отовсюду послышался звон бокалов, дружное одобрение и поддержка. Эглина выпила вино до дна и села на свое место.
- Великолепная речь, Ваше Высочество, - сказал барон Клецкий.
- Благодарю, барон, - учтиво улыбнулась Эглина и посмотрела на Кирия. Тот коротко кивнул – речь они составили и отрепетировали еще вчера. Эглина отлично справилась с поставленной задачей.

В дальнейшем первая часть бала прошла без происшествий. Пан Островной предложил тост за здоровье графини Рейкской, вызвав одобрение у собравшихся. Третий прозвучавший тост, от Талько Бойковского, славил Великого князя Неркана. После четвертого выпитого бокала (от Михо Итинского, за красоту женщин Княжества, побуждающих мужчин на подвиги), зал загудел. Кирий беседовал с Нилом Островным о передвижениях войск на границах Берклики и Озерца. Талько горячо спорил с Итинским о кодексе офицерской чести, касаемо недавнего ареста Клио Лимицского, чем привлек внимание еще и Улиты с Зареченским. Ирия, после выпитого вина оттаяла по отношению к эльфу, слегка подвинулась, впустив его между собой и Эглиной, и теперь слушала различные истории из боевой молодости Айклина, иногда удивленно восклицая. Эглина, совершенно оставленная без внимания, с нетерпением ждала перехода ко второй част бала – танцам. Ноги ее, неизвестно от настойки ли, смешанной с вином или по причине молодого крепкого организма уже отдохнули, и ей хотелось действия. В нетерпении она порезала на кусочки поданное ей мясо и теперь тщательно прожевывала каждый маленький кусочек.
- Ваше Высочество, - обратился к ней Тарин Клецкий, - у меня к вам, если не возражаете, есть вопрос.
- Спрашивайте, пан Тарин, - оживилась Эглина. В конце концов, хоть как-то развеять скуку.
- На сейме вы говорили, что сделаете все, чтобы ваша сестра лишилась трона. Вы даже употребили слово «недостойная».
- Не буду отрицать, - Эглина пригубила вина и с интересом посмотрела на собеседника. Песка услышал их разговор, отвлекшись от своей беседы, повернулся к Тарину. Пан Островной тоже заинтересовался происходящим.
- Вы считаете, что желание женщины обрести законного супруга делает ее недостойной? – спросил Тарин.
- Желание женщины сочетаться законным браком не делает ее недостойной, - Эглина слегка наклонила голову набок, сложила руки перед собой в замок и наклонилась вперед, ближе к собеседнику. – Даже то, что моя сестра пыталась сделать это вопреки традициям – это не ее вина. Как к женщине у меня к сестре нет никаких претензий, да и не может быть – она в высшей степени добродетельна. А вот как к правителю, как к нашему общему правителю, у меня к ней целый ряд вопросов. Вы считаете, что бездумное потакание единственной точки зрения даже не большинства дворян в угоду своей женской сущности делает ее достойным правителем?
- Почему же вы решили, что она бездумно потакает? - спросил Тарин. – Мне казалось, именно большинство дворян жаждет как раз стабильности и определенности.
- Возможно, для вас путь Теринского, подчеркну, именно Милана Теринского, а не Альды Фаркской, и является путем стабильности и определенности. Для меня же, как и для многих других дворян этот путь ведет только к осложнению отношений с Княжеством, а значит к взаимным противоречиям и расшатыванию нашей общей лодки. Что касается большинства дворян – разве, если бы большая часть дворян поддерживала Теринского, сейм бы уже не одобрил его брак с моей сестрой?
- Вы знаете, Ваше Высочество, - продолжал Тарин, - ваши слова заставляют задуматься.
- Это приятно, - улыбнулась Эглина.

- Однажды мой пан, граф Миковский, сказал, что Княжество, чем дальше, тем больше ущемляет права дворян вообще и ведет грабительскую политику относительно всех княжеств в угоду столичному. Я, признаюсь, не всегда с ним согласен, но не кажется ли вам, что здесь он прав, и Теринский имеет право на беспокойство? Фарк постепенно из равноправного княжества, являющегося основателем всего Великого княжества превращается в место, откуда это княжество просто черпает ресурсы, не оглядываясь на наше мнение.
- Пан Тарин, вы пытаетесь сказать, что Княжество отодвинуло дворян Фарка на второй план? – Песка решил, что пора переключить внимание гостя с Эглины на себя.
- Подождите, пан Кирий, - Эглина перевела взгляд на Песку и пронзила того взглядом. – Пан Тарий задал вопрос мне, и я хочу на него ответить.
- Как вам будет угодно, Ваше Высочество, - склонил голову опешивший графканцлер.
- Так вот, - продолжила Эглина, - пан Тарин, мне было бы интересно узнать, видели ли вы когда-нибудь дворянскую дочку, удушившую своего ребенка, потому что в семье итак десять ртов, и ни прокормить их, ни купить себе травы, предотвращающие рождение ребенка, она не может. И на следующий день ее повесили за убийство?
- Нет, я такого не упомню, - сказал озадаченно Тарин.
- А вам случалось слышать о том, как пьяный селянин или мястчанин застрелил двух человек, за то, что ему показалось, что они на него неправильно посмотрели, а потом откупился от магистрата дестью золотыми?
- К чему вы клоните, Ваше Высочество?
- К тому, что я тоже не слышала о таких случаях, а вот случаи, когда мястчанская дочка задушила своего ребенка и была повешена, а пьяный пан застрелил молодую пару на озере за взгляд в свою сторону и остался цел, я лично видела, когда служила в канцелярии в Нирре. И я не понимаю об ущемлении в каких правах говорит пан Миковский и пан Теринский. Вы предлагаете разрешить забивать селян в их домах до смерти и насиловать дочерей на глазах отцов, как это делали еще сто лет назад?
- Я не сторонник свершения преступлений под знаком добродетели, - сказал Тарин, оглядываясь на сидящих за столом. Теперь за их беседой следили все. – Но мне всегда казалось, что мы, дворяне, заслужили свое положение в обществе. В конце концов, мы взяли на себя бремя сражаться за свободу и селян, и мястчан.
- И за это мы владеем землями, берем с них подати и можем позволить себе такие вот балы, - ответила Эглина. – Мы имеем право носить оружие. И уж если говорить о бремени – любой городской стражник рискует жизнью гораздо большее количества времени, нежели дворяне. Но у него нет наших прав. По-вашему, стоит возвести каждого стража в дворянское достоинство?
- Вы извращаете мои слова, Ваше Высочество, - развел руками Тарин.
- Нет, я стараюсь понять. Дворяне правят государством – на сейме я не видела ни одного мястчанина или селянина. Дворяне носят оружие и имеют право им пользоваться, дворяне – наиболее богатая, но и самая малочисленная часть общества. Считается ли ущемлением наших прав то, что нам не дают свободно распоряжаться жизнями других? Тем более, наше войско сейчас более пополняется даже не дворянами, а простыми селянами и мястчанами, желающими пробиться наверх даже с риском для жизни.
- Это тоже дискуссионная тема, - присоединился к разговору Островной. – Дворянство становится все более разнородным, благородное сословие вырождается. Что могут хорошего привнести вчерашние селяне в элиту общества.
- Хорошо, что пани Адда вас не слышит, - криво ухмыльнулся Кирий. – Или же подканцлер Клийский.
- Я не хотел сказать, что все, кто получил дворянство за службу, недостойны его, - начал оправдываться Островной. – Но, на мой взгляд, следовало бы ужесточить условия.
- Пан Островной, надеюсь, вы не можете обвинить меня в принадлежности к не знатному роду? – голос Кирия стал жестким.

- Что вы, пан Динский!
- Так вот, за время своей службы я часто проливал кровь бок о бок и с бывшими мястчанами и селянами. И скажу вам, что наша кровь одинаково красная, они также испытывают боль. И знатность никак не влияет на это. Они также платят кровью за свое положение, как и мы.
- Если панове позволят, - вклинился в беседу Иниан, - то тем, кто выступает за уменьшения прав населения, я бы советовал посмотреть на пример соседних земель.
- Что вы имеете ввиду, пан Айклин? - Тарин посмотрел на него с интересом.
- На западе, в Империи, дворянство было уничтожено как класс. Самым главным доводом в пропагандистской машине Сайдэна Рэндэльского является равенство людей перед властью и законом. На Севере, не в Срединных землях, которые застыли на уровне конца прошлого тысячелетия, а в Королевствах, сейчас поднимается движение за установление власти народа. Как вы считаете, сколько пройдет времени, пока ущемленные в правах слои населения восстанут против вас, пан Тарин?
- Челядь против обученных воинов? – хмыкнул Тарин.
- Да, именно так, - согласился Иниан и глаза его недобро блеснули. – Знаете, Храмовники ведь тоже были уверены, что челядь – люди Севера – не смогут сокрушить их. Многие тысячи вэнланов и ланиртов погибло в одну ночь от рук этих самых людей, уставших терпеть произвол на своих землях.
- В ваших словах есть смысл, - закивал Островной, а Тарин задумчиво поболтал вино в бокале.
- Задача правящей верхушки учиться на ошибках прошлого, желательно не на своих, - сказал Иниан и опустошил свой бокал.
- Великая эльфийская мудрость, - тихо сказал Кирий, и сидящая рядом Нати улыбнулась.
- Что касается того, что Фарк отходит на вторые роли, в Княжестве,- произнесла Эглина, - то, не кажется ли вам, что проблема, в общем-то, не в Княжестве. Когда лучшие сыны Берклики гибнут с именем Великого князя на устах на западной границе, почему их родители гордятся своими сынами, а не требуют от княжества избавить их от воинской повинности? Когда лучшие ученые из Альята разъезжаются по всему Княжеству, чтобы обогащать знаниями наших людей, почему дворянство Альята не жалуется, что все их блестящие умы не остались на родине? Почему же мы, когда Княжеству требуются наши ресурсы, вместо того, чтобы искать, что мы еще можем вложить в общее дело, начинаем точить мечи на наших братьев и сестер?
- Вопрос не только в том, что мы можем дать княжеству, ну и в том, что оно может предложить нам, - сказал пан Островной. – Пан Тарин затронул интересный вопрос. Мне нравятся слова пани Эглины, но не кажется ли вам, что нынешние условия просто грабительские?

Кирий недовольно покачал головой. Барон Островной получал основную часть дохода от использования своего озерного флота для перевозки металла из горных шахт к обрабатывающим цехам.

- Если Ваше Высочество позволит, - вклинился в беседу Песка. – То условия поставки наших ресурсов, как и любые другие условия сотрудничества должны обговариваться на заседаниях, а не выставляться в качестве необоснованных претензий.
- Мне бы хотелось поинтересоваться у пана Островного, - неожиданно сказала пани Нати, все это время сидевшая молча, - как работают его подводные туннели между Зеленым островом и сушей?

Островной уставился на нее. Песка не слышал о подобных туннелях и, по лицам собравшихся, сделал вывод, что и для остальных это было новостью. Видимо посланница графини Картент была осведомлена лучше всех здесь присутствующих.

- Те самые туннели, - продолжила Нати, - которые барону возвели гномы, и плату за которые полностью внесло Великое княжество – для беспрерывного обеспечения острова всем необходимым, ведь к нему так непросто подойти на судне.

- Я не буду спрашивать, откуда вы это знаете, пани Нати, - быстро и раздраженно проговорил Островной, - скажу лишь, что Княжество получает от этого тоже не малую выгоду.
- Но и вы получаете не мало, - сказала Нати. – Поэтому предлагаю вам не задавать глупые вопросы. Я не знаю никого за этим столом, кто бы не получал от Княжества помощи в нужное ему время. За исключением, возможно, Мастера Иниана. Поэтому предлагаю относиться к вопросу пана Островного, как к неуместной шутке. Ваше Высочество, ваши слова мне чрезвычайно импонируют. И я, и моя пани в полной мере согласны с вашими мыслями.
- Надо сказать, - произнес Тарин, - что меня вы тоже удивили своим взвешенным подходом и мыслями. Приятно удивили.
- Благодарю, пани Нати, пан Тарин, - поклонилась Эглина. – Что касается возвращению Фарка его былого величия, то у меня есть некоторые мысли по этому поводу. Но их обсуждение я бы предложила перенести в зал сейма – у нас ведь сегодня праздничный, а не деловой вечер. Не так ли?
- Вы, княжна, просто кладезь мудрости, - широко улыбнулся Тарин и громко сказал, – я предлагаю тост за мудрость наших правителей, и пускай она не оставляет их, а они не оставляют нас!

Зал одобрительно загудел. Кирий извинился, встал и направился вглубь зала. Эглина некоторое время наблюдала за ним с беспокойством, но потом увидела, что он подошел к Нии, и о чем-то с ней разговаривает. Она обернулась к пани Ирии, и спросила, не пора ли переходить ко второй части бала.
- Как тебе будет угодно, дитя мое, - сказала Ирия. Она была восхищена тем, как Эглина вышла из сложной для себя ситуации. В душе она ликовала, глядя на свою внучатую племянницу. «Вот это девка, так девка – не то, что сестра. Эта далеко пойдет, только дайте развернуться!». Ирия подозвала слугу, прошептала ему распоряжения на ухо и тот, вернувшись к своему месту громко объявил:
- Уважаемое панство, приглашаем вас расслабиться и проследовать к нашему танцевальному помосту!

Иниан прошел мимо выходящих на помост пар, мимо наполовину опустевших столов, вышел в коридор, а потом и на крыльцо. Достал трубку и закурил. Вскоре там же появился Песка.
- Наша княжна делает успехи, - сказал Иниан подошедшему графканцлеру.
- Еще какие, - согласился Песка. – Я попросил ее поговорить с Нией чуть позже, в перерыве между танцами. После этой пикировки, я думаю, все должно быть нормально.
- Все может быть, но я верю, что Эглина справится. Ловко она, кстати, тебя, а?
- Сам удивлен. Но это и к лучшему – не будет мнения, что я все делаю за нее. Ты, кстати, почему ушел? Думаю, Ника расстроится, что ты не приглашаешь ее на танец на ее первом балу.
- Ерунда, - махнул рукой Иниан. – Главное успеть до медленных танцев. А для прыгалок у меня уже возраст не тот.
- Ну да, - с сарказмом сказал Песка. – Пятая сотня пошла, негоже. Да ты лучше выглядишь, чем я даже лет пять назад.
- Сам то вышел зачем? – перевел тему эльф. – Ты видел, как на тебя Дэйнэ смотрит?
- Коготь? Видел, - утвердительно кивнул Песка. – Ничего девка, но пусть помается немного. А там посмотрим.
- Жесток ты, пан графканцлер, - усмехнулся эльф. – Смотри, чтобы она Нии косы не повыдирала.
- Не повыдирает. Ния сама кому хочешь что хочешь отдерет. Ты вообще знаешь, что это Ниэль Яркая? Да, та самая, которая пропала из виду несколько лет назад!
- Шутишь! Ничего себе, - эльф заинтересовался. – Ей прекрасно удается это скрывать.

- Точно, - кивнул Песка. – Информация наша. Ей я правда ничего не сказал и делаю вид, что ничего не знаю.
- А мне зачем рассказал? – спросил Иниан.
- Я… ну…, - не нашелся Кирий.
- Вот, - поднял эльф указательный палец вверх. – Вот так ты и определяешь, когда сильно пьян – начинаешь много говорить. Только иногда уже поздно!
- Да иди ты, - недовольно махнул рукой Песка. – Я тебе как другу, а ты – как всегда.
- Ну, так если я так всегда, мог бы и ожидать.

Песка собирался ответить, но увидел, как от ограды к ним спешно приближается гвардеец. Вдалеке за оградой мерцали огни какого-то экипажа, у ворот собралось несколько воев.
- Что-то там не так, - обеспокоено сказал Кирий.
- Сейчас узнаем, - философски заметил Иниан.

Подбежавший гвардеец, молодой боец с пышными усами, и, свершив воинское приветствие, быстро доложил:
- Пан Динский, у ворот стоит экипаж и десяток воев со знаками отличия личной гвардии князей Фаркских. Их предводитель говорит, что его зовут Масий, что он глава личной гвардии княгини Альды, и что сама княгиня прибыла переговорить с графиней Рейкской.
- Не видать нам медленного танца, Кирий, - заметил Иниан.
- Это точно, - выдохнул Песка. – Иниан, зови Эглину, Талько, Клинок и Сов в прихожую. Как можно незаметней, прошу тебя. Вой, усилить стражу ворот, без приказа не открывать. На провокации не поддаваться.
- А если попытаются прорваться внутрь? – спросил вой. Видимо этот вопрос очень интересовал и его, и его непосредственного командира.
- Стрелять на поражение, не пропускать к дворцу, - ответил Песка. – Но, будем надеяться, до этого не дойдет.

Когда он вошел внутрь, у входа в зал уже собирались те, кого он просил позвать. И даже те, кого не просил – Ирия, Ния и Ника. Песка передал то, что сказал ему вой.
- Масия я знаю, - сказал Талько. – Я могу выйти и переговорить с ним.
- Он может быть верен Теринскому? – спросил Кирий.
- Сомневаюсь, - покачал головой Талько. – Без обид, пан Кирий, но Масий всегда с подозрением относился и к Динским, и к Теринским.
- Я бы все равно не доверял им, - сказал Сайн. – Всему есть своя цена – возможно, этот Масий все-таки решил, что Теринские меньшее зло.
- Пан Сайн, я бы на вашем месте бы поосторожнее выражался, - недружелюбно сказал Талько.
- Так, спокойно, - прервал назревающую перепалку Кирий. – Нам нужно определить дальнейшие действия.

Эглина переводила взгляд с Кирия на Талько, с Талько на Сайна, потом на Иниана, Эйниэ и Адду. Они все были сильно озабочены возможными провокациями и безопасностью. А ей в этот момент казалось, что она попала в какой-то странный сон, где группа голодающих, к которым привезли еду, решают какой ложкой ее есть и в каких количествах, вместо того, чтобы, наконец, приступить к трапезе.
- Замолчите все! – она повысила голос, и все собравшиеся повернулись к ней. – Там, в экипаже, находится моя сестра, действующая правительница этих земель. Она прибыла к нам на переговоры, а мы решаем, пускать ее или нет? Вы в своем уме, панство?
- Ваше Высочество, - разозлился Песка. – Не кажется ли вам, что мы заинтересованы в данном вопросе в вашей безопасности, и вам следовало бы нам в этом довериться?
- Барон Динский, - в голосе Эглины было столько холода, что Песка невольно сделал шаг назад, – канцлер Ирлинг во время нашей встречи в Нирре говорил, что хочет видеть меня лидером сил, противостоящий Теринскому. И я не слышала о том, чтобы он изменил свою

позицию! До сего момента я дорожила вашим мнением и считалась с ним. Но сейчас я буду отдавать приказы, и, будьте добры, исполняйте их!
- Да, Ваше Высочество, - спокойно, мигом найдясь, сказал Песка.
- Благодарю, - кивнула Эглина. – Пан Бойковский, отдайте приказ выстроить гвардейцев для приема княгини. Пани Ирия, объявите гостям, что Ее Высочество Альда почтила нас своим присутствием. Ника, скажи Руфию, чтобы мои покои приготовили для приема высокой гостьи. Пан Динский, пани Зиния, обеспечьте по возможности безопасность гостей в случае провокации. Мастер Айклин, вы будете сопровождать меня.
- Да, Ваше Высочество, - сказал эльф, доставая маску и надевая ее. Вслед за ним каждый из названных поклонился. Бойковский вышел выполнять приказ. Эглина и Иниан последовали за ним на крыльцо.
- Ну, девка дает, - сказала Ирия. – Вся в отца.
- Главное, чтобы мы об этом не пожалели, - заметил Кирий. – Мали, Коготь и Филин, займите позиции у лестниц и входа, Звяк, возьми самострел, лучше военный, и на второй этаж к окну. Если что – прикрой Иниана. Иртэя – иди в зал, в случае нападения, заприте ворота, и готовьтесь к обороне. Я пойду на крыльцо и если что, попытаюсь защитить нашу упрямую княжну.

Он вышел на улицу. Опьянение окончательно слетело с него в тот момент, когда Эглина повысила на него голос. Теперь он стоял абсолютно трезвый, собранный и готовый ко всему.

Заметно похолодало. В свете фонарей на землю начал медленно опускаться снег. В открытые ворота въезжал экипаж. Вдоль дороги от ворот к крыльцу выстраивались гвардейцы – справа от Пески рейкские, слева – фаркские. Чуть дальше от крыльца, стояли Эглина и Иниан. Экипаж остановился от них в шагах десяти. Было видно, как с места рядом с возницей спустился Бойковский, открыл дверь и подал руку выходящей из него девушке. За девушкой вышел статный мужчина, напоминавший внешне самого Талько. Как догадался Песка это и был пан Масий.

Увидев княгиню, Эглина и Иниан опустились на одно колено. Альда увидела Эглину, ожидающую ее, и бросилась к ней.
- Сестра! Эгли! Прости меня, Эгли! – вскрикнула она и обняла ее. Эглина медленно, подняла руки и ответила на объятия. В глазах у Альды стояли слезы. Мелкие снежинки, опускаясь на ресницы, делали их влажными. Эглина почувствовала, как и сама начинает плакать. Она чуть опустила голову, потом снова посмотрела сестре в глаза.
- Что случилось, Альда? – тихо спросила она.
- Я виновата перед тобой, сестра, - ответила та. – Я очень перед тобой виновата.

Эглина посмотрела на Альду сквозь Темное зрение. Эмоции бушевали у княгини, и она не знала, как высказать все. И очень не хотела высказывать все это на людях. Княжна повернула голову к стоящим неподалеку Талько и Масию. Спиной она ощущала взгляд Иниана и Пески.
- Пойдем ко мне, - сказала она, взяв руки Альды в свои ладони. – Ты сможешь мне все рассказать.
- Пойдем, - только и сказала та.
- Пан Масий, - обратилась Эглина к тысячнику, - вы и ваши люди устали. Пан Талько проводит вас в зал. Отдыхайте и развлекайтесь. Мастер Айклин, сопроводите нас в мои покои.
- Ваше Высочество? – Масий вопросительно посмотрел на Альду.
- Идите, Масий, - кивнула Альда. – Я в безопасности со своей сестрой.
- Да, Ваше Высочество, - поклонился Масий.

Эглина, Альда и Иниан поднялись наверх, Талько, Масий и Кирий пришли в главный зал. Кирий распорядился объявить, что княгиня Альда и княжна Эглина проводят переговоры с глазу на глаз, и панство может продолжать веселье. У самого Пески сил и

желания продолжать веселье не было. Он вышел в коридор. Вскоре к нему присоединились Иртэя и Ния.
- Все нормально, Кирий? - спросила Эйниэ.
- Вроде бы, не знаю, - пожал плечами Кирий.
- Неожиданный поворот, - заметила Ния. – Я благодарна вам, пан Кирий, что вы пригласили меня на этот бал. Возможно, я присутствую при самой большой неожиданности в этом сезоне.
- Подождем – увидим, - ответил Кирий, прикидывая, сколько времени может понадобиться сестрам, чтобы договориться.

Ждать пришлось еще два с половиной часа. Несмотря на поздний час, гости не расходились. Каждый ожидал, чем закончатся переговоры. В ожидании они пили, танцевали, веселились. Даже Песка, чтобы отвлечься, станцевал несколько танцев – в основном с Дэйнэ, которая теперь светилась от счастья. Только Иртэя так и осталась стоять в коридоре, ожидая новостей. Ее ожидание было вознаграждено в половину первого ночи. Иниан спустился и передал, что сестры пришли к согласию, и что Эглина ожидает своих приближенных в кабинете. Масию передали, что княгиня спит после тяжелого дня, и что его людей разместят вместе с Рейкскими гвардейцами, а сам он может переночевать в гостевом доме. Старый тысячник отказался, и занял пост перед покоями Эглины, где осталась ночевать Альда. Гости после сообщения начали постепенно расходиться – их провожала Ирия. Все понимали, что княжна сейчас занята.

Клинок, Совы, Иниан Айклин и Талько Бойковский собрались в кабинете. Эглина сидела за столом, обводя собравшихся взглядом.
- Княгиня Альда согласна, с некоторыми условиями, отречься от престола в мою пользу, - сказала Эглина. Голос у нее был бесцветным.
- Это же замечательно! – воскликнула Филин. – Значит, все кончено? Мы победили?
- Сомневаюсь, - покачал головой Кирий. – Мы ведь не слышали условий.
- Условия ее таковы: Милан Теринский должен быть жив, здоров, и остаться в своем текущем положении. Более того, он должен согласится с этим сам. Также ей будет отдано графство Рейк, и она получит титул графини, но это уже не так важно.
- Да уж, - сказал Талько.
- Это не так и сложно, как кажется, - сказал Кирий. – С Теринским можно провести переговоры. Вот только его соратники, подкупленные Мертволесьем, вряд ли согласятся с этим. И обойдется ли без драки, вот в чем вопрос?
- К сожалению, может и не обойтись, - сказала Эглина. – Поэтому я уговорила Альду пока не объявлять о ее решении. Пусть все думают, что мы с ней просто решили помириться. Тем более, что это почти соответствует действительности – условия о передачи власти предложила она сама, она боится, что Теринский добивается ее только ради трона.

Иниан и Кирий переглянулись. «Какая прозорливость напала на нашу княгиню», - подумал Песка, но в слух ничего не сказал.
- Она все равно доверяет намерениям Теринского, но очень боится его друзей, - продолжила Эглина. – Я же не доверяю никому из них. Поэтому я хочу, чтобы ее охраняли те, кому мы можем доверять. Пан Динский, кого бы вы рекомендовали?
- Лучше всего с этой задачей справились бы «стрелы», Ваше Высочество, - ответил Кирий. – Но, боюсь, они не успеют прибыть вовремя.
- Если позволите, Ваше Высочество, пан барон, - произнесла Коготь, - думаю, мой отряд смог бы обеспечить безопасность княгини Альды не хуже отряда пана Льоха.

В комнате повисла тишина. Эглина переводила взгляд с Дэйне на Кирия и обратно.
- Почему бы не поручить это нашей гвардии, Ваше Высочество? – спросил Бойковский, прервав молчание.
- Не уверен, что присутствие рейкской гвардии в Фарке будет правильно воспринято остальным дворянством, - ответил за Эглину Кирий. Эглина согласно кивнула и

улыбнулась своей прежней улыбкой. Кирий это воспринял как извинения за резкий тон ранее.
- Возможно, - не хотя согласился Бойковский.
- Мы планировали задействовать «сов» в другой операции, - сказал Кирий.
- Я не могу распоряжаться вашими людьми, пан Динский, - Эглина постучала пальцами по столу. – Однако, я полагаю, что пани Адда и пани Эйниэ справятся с той задачей, которую вы хотели возложить на отряд пани Зинии.
- Я уверена, что мы справимся, Ваше Высочество, - сказала Иртэя. Кирий покачал головой.
- Я уверен в силах Иртэи и Мали, однако же оставлять из без прикрытия мне бы не хотелось, - произнес он.
- Я полагаюсь на вас в этом вопросе, пан Динский, - тихо сказала Эглина. – Если вы скажите, что следует дождаться возвращения «Серых стрел», мы так и сделаем. Я лишь опасаюсь, что моя сестра не сможет задержаться здесь надолго, и не уверена, что гвардейцам в ее свите можно беспрекословно доверять. Кроме пана Масия, конечно – его верность не вызывает сомнений.

Кирий оценил сказанное. Эглина, не смотря на внешне покорный тон не оставляла ему выбора, тем не менее давая возможность сохранить лицо и на показ оставляя командование за ним.
- Вы правы, Ваше Высочество. Жизнь княгини в данном случае является приоритетом. «Выллльские совы» будут охранять Альду Фаркскую. Операцию в Улесье мы проведем своими силами.
- Благодарю вас, пан Динский, - кивнула Эглина. – Пани Зиния! Я поручаю вам жизнь моей сестры. Вам и вашему отряду.
- Это честь для нас, Ваше Высочество! Мы защитим пани Альду, даже ценой своих жизней.
- Надеюсь, до этого не дойдет, - сказала Эглина. – Завтра утром вы отправитесь с ней в Приречье и будете там до тех пор, пока конфликт так или иначе не закончится.
- Будет сделано, Ваше Высочество!
- Следующей нашей главной задачей становится убедить графа Милана Теринского в том, что он был не прав, а его друзья – продажные ублюдки, - продолжила княжна. – Пан Кирий, мы в состоянии будем это сделать?
- Думаю, да, - кивнул Песка. – Для начала мы проведем компанию против Миковского. Параллельно я планирую использовать мою подругу журналистку для расследования обстоятельств работы «Гарды» на эльфов. Полагаю, такой материал ей покажется очень интересным.
- Если все получится, это будет тяжелый удар по ним, - сказала Эглина. – И, возможно, это заставит Теринского задуматься.
- Если не заставит, мы найдем способы заставить его задуматься, будьте уверены, - сказал Песка.
- Я уверена в вас, пан Динский, - Эглина снова улыбнулась.
- Благодарю, Ваше Высочество, - сказал он.
- Сейчас нам всем нужно отдохнуть, - сказала Эглина, сдерживая зевок. – Это был тяжелый день, но он подарил нам надежду на скорое окончание конфликта. Все свободны, панство, и спасибо.

Выйдя из кабинета, Песка направился к главному залу, у входа в который его ждала Ния.
- Прекрасный вечер, барон! - сказала она. – И столько неожиданностей!
- Да, - подтвердил Песка, беря ее под локоть и отводя в сторону. – Думаю, у вас теперь наберется достаточно материала для хорошей статьи. Или даже нескольких.
- Да, пожалуй, - улыбнулась Ния. – И все благодаря вам, барон.

- Но вы не будете возражать, если я подкину вам еще немного интересной информации, - Песка ответил на улыбку.
- Вы умеете заинтриговать женщину, - она кокетливо наклонила голову. – Говорите же.
- Ходит слух, что один из основателей клуба «Гарда», Йатик Клесский, а может быть и весь клуб, связаны с негодяями в Мертволесье, которые, несмотря на союзнические обязательства, взялись чинить безобразия на наших территориях. Как вы понимаете, это очень серьезное обвинение, и мы не можем его высказать официально без серьезных доказательств.
- Вы хотите, чтобы я высказала это в статье? – Ния недовольно посмотрела на Кирия. – Вы же понимаете, что я тоже не могу раскидываться бездоказательными обвинениями! Это вредит репутации – не только моей, но и газеты!
- Нет, этого я у вас не прошу. Я прошу провести, как бы так сказать, журналистское расследование. Проверить эти данные. Если этим займемся мы, это может навлечь лишние проблемы и затронуть нежелательные нити.
- А скромная журналистка из Срединных земель может открыть те двери, которые останутся закрыты перед суровым офицером тайной службы, - продолжила Ния. – Это интересное предложение, господин барон. Я подумаю, что можно сделать. Спасибо за информацию.
- Что вы, это вам спасибо, Ния. И доброй ночи.
- Доброй ночи, господин барон.

А Эглина в это время осталась одна. Она бессильно рухнула в кресло и откинула голову, глядя в потолок. Переговоры с Альдой не были тяжелыми. Теперь она вновь обрела сестру – пускай пока у них и было много недосказанностей, но она видела, что Альда совершенно искренне хочет мира. Самым тяжелым было признавать тот факт, что скоро она, Эглина Фаркская, может стать княгиней. Сегодня она в полной мере ощутила тяжесть этой ноши – и во время ответов на вопросы гостей, и во время перепалок с Пеской. Она не знала, хочет ли она, готова ли она, но понимала, что у нее нет выхода. Ради сестры, ради Фарка. И даже ради себя.

В дверь постучали, и на пороге появилась Иртэя.
- Эглина, я хотела с тобой поговорить, - смущенно сказала она.

Усталость мгновенно покинула княжну. Эглина улыбнулась и поманила Эйниэ пальцем к себе. Та подошла и покорно села на стул перед столом.
- Эгли, по поводу того, что случилось тогда. Я… ну…, - попыталась произнести Эйниэ, но Эглина не дала ей закончить. Княжна ловко обогнула стол, села Иртэе на колени и долго целовала ту в губы.
- Пани Мирриэ, ни слова, - сказала она томным шепотом на ухо полуэльфке. – Сегодня я чувствую себя в настроении отдавать приказы. Вы сегодня будете моей, и возражений я не принимаю!
- Да, Ваше Высочество, - тихо и покорно ответила Эйниэ. Она провела рукой Эглине по шее и когда та отклонилась, сладострастно поцеловала любимую в губы. – Я хочу всегда быть вашей! Только вашей!
- Как же я тебя ждала, милая, - Эглина руками ласкала ее спину. Потом игриво сказала. – Мои покои сегодня заняты, не возражаешь, если я переночую у тебя?
- Нисколько, Ваше Высочество, - ответила Иртэя, целуя Эглину в шею и за ухом. – Нисколько.

Город Озерец, графство Озерец, Год 1476 от В.Н., 49 день осени.

Озерец мог по праву зваться младшим братом Фарка. Города были похожи вплоть до местоположения ратуши, казармы и харчевен. Единственным различием было то, что более маленький Озерец пока помещался на одной стороне Ельницы, тогда, когда Фарк раскинулся по оба берега Фарчивки. Вторая сторона, «заречье», отводилась под корпуса цехов и склады, однако за ними уже начиналась застройка, и велись речи или о переносе городской стены на левом берегу, либо вообще ее сносе по неактуальности.

С утра сорок девятого дня осени на набережной у истока Ельницы было многолюдно, несмотря даже на более чем бодрящую температуру. Солнце едва осветило портовые сооружения, а мальчишки и юноши со всего города, портовые рабочие, не занятые в данный момент и даже просто мястчане и мястчанки стекались по узким улочкам города к Ельницкой площади и порту. Порт в Озерце был большим, суда и корабли речного и озерного флота Великого княжества здесь были не в новинку. Но сегодня в порт входил «Княжий гнев», флагман речного флота, участник десятков сражений междоусобных войн и стычек с речными разбойниками и пиратами островов, рискнувшими заплыть вверх по течению Берки, Фарчивки или Ельницы. К порту с утра стянули две трети городской стражи, и еще подвели сотню из гвардии княгини Озерецкой. Недавно в Озерце произошли столкновения между сторонниками Княжества, в основном рабочими порта, и студентами корабельного училища, поддерживающими Теринского. Опасаясь провокаций и беспорядков, градоначальник решил перестраховаться. Ведь на корабле сам воевода речного флота, барон Никий Синрекский!

Толпа занимала всю площадь. Говорили, что пан Никий приехал посетить училище, а потом нанести визит княгине Озерецкой. Каждому хотелось посмотреть на бывалого речного волка. Было известно, что он статен, могуч и строг. Многие слышали, что он потерял глаз в сражении с известным разбойником и лиходеем Акином Рубакой, когда лично зарубил того и десяток его подельников в жестокой абордажной схватке.

Первые ряды напирали на стражников, сомкнувших строй перед помостом, где вскоре должен был появиться герой. Слышались ругань, проклятия, крики. Худощавой девушке стало дурно, и ее спутник, крепкий парень, видимо из мястовых кузнецов, расталкивая толпу, выводил ее на свежий воздух. Карманных дел мастера лихо ввинчивались в толпу, заранее предвкушая богатую добычу.

В это самое время в восточные ворота города въехала шестерка верховых. Это был тысячник гвардии Рейка Талько Бойковский, в сопровождении пяти доверенных гвардейцев. Он выехал из Рейка три дня назад, сначала в эскорте княгини Альды, а потом сопровождая барона Озерного до его владений. Городская стража пропустила тысячника без лишних вопросов. В связи с событиями в гавани у стен и на окаринах было пустынно, и маленький отряд без труда проезжал по узким улочкам. В гвардейском районе Озерца находился самый известный и популярный во всем княжестве Фаркском офицерский клуб, и туда часто приезжали гвардейцы и матросы. Уезжая, Бойковский предупредил княжну Эглину и баронессу Ирию о том, что, будучи недалеко от Озерца, желает заехать туда – отдохнуть со старыми знакомыми, пока в противостоянии с Теринским наметился перерыв. Получив разрешение от княжны и напутствие не терять формы от баронессы, он отправился в путь. Баронесса была немного удивлена, она знала, что Талько очень редко прикасается к спиртному, но решила, что пан Бойковский просто хочет расслабиться после последних событий. Княжна подвоха не заметила вообще.

Ближе к гвардейскому району отряд Бойковского разделился. Четверо его сопровождающих двинулись дальше, по направлению к офицерскому клубу. Сам же Бойковский, плотнее застегнув плащ со своим телохранителем, десятником Ефхеном, которой вообще сменил мундир на камзол без знаков отличия, свернули на боковую улицу, в направлении Храмовой площади. Талько несколько раз нервно оглянулся, но никто, судя по всему, за ними не следовал. Он удивлялся сам себе – на поле боя, не раз

глядя в глаза смерти, он никогда не трусил. А вот теперь чувствовал, как неприятно холодеет в сердце. «Неправильно все это, - думал он. – Честный дворянин не должен так таиться!». Ефхен ехал рядом, спокойный и уверенный. Одной из лучших черт этого солдата было отсутствие сомнений. Талько иногда казалось, что прикажи он десятнику бросится с обрыва или в полном доспехе переплыть реку – Ефхен без колебаний и возражений сделает это. Талько сам был всегда верен приказу, но подобных людей в жизни он всегда немного опасался. Хотя свою жизнь он доверил бы именно Ефхену, а не кому-нибудь из более приятных, но и более подверженных размышлениям людей.

Недалеко от Храмовой площади Озерца располагалась корчма «У святого места», известная среди местных жителей своей странной атмосферой и непопулярная именно из-за нее. В корчме не подавали настойки и пиво – только лишь одобренные храмом вина. Блюда в ней были крайне специфическими, такими, что даже духовенство, если выбиралось в город, предпочитало обедать в более мирских заведениях. Облюбовали эту корчму заезжие офицеры и моряки – исключительно из-за нескольких чрезвычайно дешевых комнат на верхнем этаже. Местные острословы призывали переименовать корчму в «Обитель разврата», но, покамест, владелец не был готов на такую сомнительную рекламу, тем более что, казалось, от отсутствия средств он не страдал.

Подъезжая к корчме, Бойковский накинул капюшон и велел Ефхену сделать то же самое. У дверей они спешились и передали кабанов подошедшему свинарю. Внутри было почти пусто – у дальней стены сидела пара крепких молодцов, судя по всему матросов, потягивали вино и о чем-то говорили в полголоса. Ефхен присел за стол, а Бойковский подошел к трактирщику.

- Я могу помочь пану? – спросил худой и длинный трактирщик, со взглядом, который обычно бывает или у бесноватых, или у блаженных.

- Здесь должны были снять комнату, - хрипло сказал Бойковский, - Шиерко.

- А, - протянул трактирщик. – Пану наверх, в третью комнату. Вас уже ждут. Ваш друг останется здесь?

- Да, - кивнул Бойковский.

- Подать ему что-нибудь?

- Сады Эльфении, - сказал Талько. – Только не больше бокала.

- Будет сделано, пан, - кивнул трактирщик. – Вы можете подниматься.

- Спасибо, - сказал Бойковский и направился вверх по лестнице.

Шиерко, чужак, – так называли на островах моряков с континента. Островной диалект был упрощенным переложением трокского, который, в свою очередь, произошел от языка пустынников. «Ненавижу этот язык, - думал Бойковский, - как будто змеи шипят». Он замечал, что раздражается от всего и старался справиться с этим – все же не зеленый вой. Но сама ситуация все больше казалась ему каким-то извращением.

Он вошел в комнату. Вопреки ожиданиям, большой кровати и маленького столика, характерных для обителей разврата, он не увидел. Кровати в комнате не было вообще. Окон тоже. Комната представляла собой треугольник, с дверьми на каждой стороне. В каждому углу стояли позолоченные канделябры с десятком свечей на каждом. В центре комнаты находился круглый стол с шестью стульями. За столом, повесив длинный серый плащ, сидел адмирал речного и озерного флота Великого княжества Ластартского Нив Беркликан. Княжич очень походил на своего отца, разве что был чисто выбрит, да иссиня черные волосы еще не тронула седина. Но взгляд карих глаз был таким же пронизывающим, а выправке могли позавидовать многие гвардейцы. На столе перед адмиралом лежал кривой короткий меч, принятый во флоте и шляпа с короткими, закрученными вверх полями. В отличие от Бойковского, адмирал сменил свой мундир на менее заметный. Золотых адмиральских фениксов в петлицах и на рукавах сменили более скромные две золотые полосы морского полусотника. Именно для того, чтобы скрыть визит адмирала в порт сегодня заходил «Княжий гнев». Все посторонние глаза, кои могли

узнать в скромном морском рубаке Нива Беркликана, теперь были прикованы к порту и визиту флотского воеводы Синрекского.
- Добро пожаловать, пан Бойковский, - сказал адмирал. – Здесь толстые стены и двери, можете говорить свободно.
- Здравия вам, пан адмирал! – военным приветствием ответил Талько. – По вашему приказанию прибыл.
- Присаживайтесь, пан Талько, - Нив кивком указал на стул напротив себя. – Сейчас мы дождемся еще одного человека и начнем.
- Еще одного? – переспросил Талько.
- Еще одного. Для объективной оценки событий мы не можем полагаться на мнения только одной стороны, верно?
- Вы совершенно правы, Ваше Высочество, - сказал Бойковский снимая плащ и вешая его на спинку стула по примеру адмирала. Затем он отстегнул ножны с мечом от пояса и положил перед собой на стол.
- Как поживает ваш отец? – спросил тысячник.
- Неплохо, - ответил Нив. – Воевода весь в мыслях о будущем.

Талько не нашел, что добавить. Всем было известно, что личные отношения между Лону Беркликаном и его старшим сыном весьма прохладные. К чести обоих, это никак не сказывалось на их деловых отношениях. Нив провел по волосам, задумчиво посмотрел на дверь.
- Пора бы уже ему появится, - обращаясь больше к себе, сказал он.
- Не могли бы вы сказать, кого мы ждем, пан адмирал? – осведомился Бойковский.
- Терпение, пан Талько, скоро вы все увидите сами, - улыбнулся Нив.

И действительно, через пару минут правая от Бойковского дверь отворилась, и в комнату вошел человек в плаще и капюшоне.
- Мы сегодня все потрясающе одеты, - отметил адмирал. – У ребят Ирлинга все это получается как-то естественнее. Надо бы взять на заметку.
- Их учат этому с юности, Ваше Высочество, - заметил Бойковский. – Тогда как мы с вами с юности учимся воевать во славу родины.

Он повернулся в сторону вошедшего – тот как раз скинул капюшон – и едва не открыл рот от удивления. Перед ним стоял один из четырех основателей клуба «Гарда», ярый последователь Милана Теринского, хорунжий Коссит Анесский. Судя по лицу последнего, он тоже не ожидал увидеть здесь Бойковского. Они одновременно посмотрели на адмирала Беркликана. Тот широко улыбался, наслаждаясь сценой.
- Блестяще, панове, - сказал адмирал. – Ваши лица это явное свидетельство, что вы не догадывались о роли друг друга в нашей маленькой операции. Позвольте мне всем вам объяснить и, так сказать, заново представить вас друг другу.
- Мы просим вас, Ваше Высочество, - сказал Анесский, все еще недоверчиво глядя на Бойковского. Талько заметил, что хорунжий держит руку на рукояти меча.
- Пан Бойковский, представляю вам Коссита Анесского, хорунжего гвардии Теринки и нашего, если так можно выразиться, кадрового офицера. Хорунжий изначально был послан в Теринку для налаживания связей на будущее. Ранее он служил под моим началом, так что, отвечая на ваши возможные вопросы, я ему полностью доверяю. Пан Коссит – это тысячник Талько Бойковский, который согласился помогать нам в противостоянии с вашим хорошим другом и подопечным Миланом Теринским. Отец мой о нем самого высокого мнения, думаю лучшей рекомендации для вас быть не должно. Присаживайтесь, пожалуйста.

Коссит сел на равном отдалении от адмирала и тысячника. Теперь и он, и Талько смотрели на Беркликана. А Нив, в свою очередь, смотрел на них, тех людей, которых он выбрал для воплощения в жизнь своей мечты – создания войсковой разведки.

Глядя на то, как канцлер Ирлинг прибирает к рукам контроль над информацией, и внутренней, и внешней, адмирал не мог не отметить, что могущество канцлера возрастает

каждый раз, когда канцелярия обретает новую функцию. Когда граф Лито начал создавать в канцелярии боевые отряды, адмирал пришел к своему отцу с идеей создания военной разведки на подобие канцелярской. Князь Лону прохладно отнесся к этому предложению – для него разведка была полевой службой, и он подозрительно относился к ведению тайных операций, тем более на своей территории. Лишь через некоторое время, когда канцелярия начала внедрять своих людей в войска, он пересмотрел свое отношение к идее сына. Лону и Нив решили опередить Ирлинга, переиграть его в его собственной игре. Они пока официально не создавали структуру разведки, дабы до поры до времени оставлять канцлера в счастливом неведении о своих действиях. Беркликаны выбрали нескольких самых преданных офицеров из своего окружения, ввели их в курс дела и направили в разные области Княжества заниматься созданием костяка будущей организации. В Берклике, в тренировочных лагерях Западного войска теперь велась и усиленная подготовка диверсантов. После того, как Теринский начал показывать зубы, Нив понял, что «умиротворение» строптивого графа это его шанс. Фаркская операция должна была стать козырной картой военной разведки – начав войну, Теринский бы проиграл ее молниеносно. Именно по приказу Нива Беркликана Коссит Анесский забрал из архивов Озерца и подбросил в архив Терии документы, сподвигшие Теринского выступить с предложением об отмене траура по пани Илле. Расчет адмирала был прост: после победы Теринского на сейме, столицу княжества Фарк захлестнули бы беспорядки (устроенные людьми Циверского с подачи Анесского). Началась бы резня лояльных Княжеству людей. И тогда рейкская гвардия под управлением Михо Итинского (не прибывшего на сейм по приказу Бойковского) и Озерецкая сотня самого хорунжего Коссита, «ужаснувшегося от преступлений «Гарды» и вернувшегося в лоно княжества», подавили бы начавшийся мятеж. Канцелярия, допустившая подобное безобразие, потерпела бы сокрушительное поражение на внутренней арене, а популярность войска возросла бы.

Но поданные Ирлинга доставили на сейм княжну Эглину и повернули ход событий в свою пользу. Этот факт, а также скорый отъезд Великого князя в Фарк, сорвали планы Беркликанов. Тогда Лону приказал сыну не вмешиваться в ход событий, ограничившись наблюдением, а сам отправился к Ирлингу, рассчитывая разговорить того, чтобы понять ход мыслей канцлера и, что более важно, Его Величества Неркана. И уже после беседы герцога Альята и князя Беркликана, княжичу Ниву стало ясно, что все коренным образом изменилось.

- Все изменилось, панове, - сказал Нив, поочередно глядя в глаза то Анесскому, то Бойковскому. – Именно поэтому мне пришлось собрать вас. Я бы хотел выслушать вас, прежде чем приму окончательное решение, но думаю, силовая операция в том виде, в котором она замышлялась, не может быть осуществлена. Прошу вас, докладывайте. Сначала пан Анесский.

- Слушаюсь, Ваше Высочество, - Анесский поднялся и начал говорить. – Члены «Гарды» окончательно разочарованы в Теринском. Даже на уровне простых бойцов ходят слухи о несостоятельности графа и его политическом бессилии. Среди рядовых гардовцев разговоры о восстании слышны теперь гораздо чаще. На днях стало известно, что Милана не пустили к княгине. Один из его телохранителей, который на самом деле больше верен Борину Циверскому, передал тому, что их остановили канцелярские и сказали, что княгиня занята. После этого Клесский вновь высказал мысль о том, что Теринскому пора передать управление кому-то более решительному. В этот раз его поддержал и Циверский. Кир не согласен с ними, но, я полагаю, его мнение Йатиком и Борином учитываться не будет. Я пока высказывал осторожную позицию, говоря, что наше ополчение не до конца готово к открытому бунту – не посоветовавшись с вами, я не хотел действовать. Скорость мобилизации наших отрядов – от пяти до семи дней.

- Понятно, - произнес адмирал. – Что-нибудь еще?

- Нет, пан адмирал, - выпалил Анесский, но тут же поправился. – А, да, из интересного. Мои люди заметили, что раз в четыре седмицы барон Клесский посещает в Теринке одну

и ту же корчму и встречается там с одним и тем же человеком. Этого человека мы аккуратно проследили до выхода из города, но дальше не было возможности. Я считаю, что эти встречи происходят неспроста, и нам стоило бы узнать, кто этот субъект.
- Я думаю, я могу ответить на ваш вопрос, пан Анесский, - сказал Бойковский. – С вашего позволения, Ваше Высочество?
- Пожалуйста, пан тысячник, - кивнул Нив.
- По сведениям канцелярии, а именно Кирия Динского, который возглавляет операцию канцлера в Фарке, кто-то из «Гарды», а может быть и весь клуб, - Бойковский выразительно посмотрел на Анесского, - работает на Мертволесскую металлообрабатывающую гильдию.
- Не может быть! – воскликнул Коссит.
- Тише, пан хорунжий, - строго посмотрел на него адмирал, а потом перевел взгляд на Бойковского. – Откуда эти сведения?
- Письмо подканцлера, - ответил тысячник. – В канцелярии считают, что эльфы хотят спровоцировать конфликт, чтобы помешать разработке фаркских рудников. Соотнося эту информацию, с тем, что сказал пан Анесский, мы можем подозревать, что Йатик Клесский работает на Мертволесье.
- Я не могу поверить, чтобы Йатик связался с эльфами! - Коссит обхватил голову руками. – Он же даже с отцом из-за них разругался!
- Когда пришло это письмо? – спросил адмирал у Бойковского.
- Чуть больше трех седмиц назад, - подсчитал тысячник. – После этого канцелярские начали активные действия.
- Тогда все сходится, - после недолгого молчания сказал Нив. – Пан Анесский, информация канцелярии, скорее всего или верна. Или Великий князь хочет, чтобы она оказалась верна.
- Что вы имеете в виду, Ваше Высочество?
- Во время визита Великого князя в Фарк нам удалось узнать, что в город несколько раз приезжал Дилиан Бор, а потом кто-то из Илинской гвардии или, что более вероятно, сам Великий князь встречался здесь с неизвестным нам субъектом. Об этом мы узнали от верных людей в городской страже. После этого был отправлен срочный гонец к Ирлингу – это уже подтвердила охрана великокняжеского дворца. И, если посчитать дни, то получается, что письмо, полученное Кирием Динским, является следствием всех этих событий. Мы можем это предполагать. Значит, информация о работе на эльфов «Гарды» исходит с самого верха. Поэтому…

Нив замолчал. «Поэтому Великий князь и вмешался, - подумал он про себя. – Поэтому он и сделал ставку на княжну, отодвинув на второй план и отца, и Ирлинга. Дело, длимерн его побери, стало слишком важным».
- Поэтому мы и должны действовать по новой стратегии, - закончил он. – Докладывайте, пан Бойковский. Мы слушаем вас.
- Четыре дня назад княжна Эглина и княгиня Альда провели переговоры в Рейке. По словам Ее Высочества Эглины, Альда Фаркская согласна передать ей трон, если на это согласится Милан Теринский. Она выделила один из отрядов канцелярии для охраны своей сестры. Видимо, с ними и столкнулся Теринский. Кирий Динский планирует оказать давление на графа Милана, чтобы принудить того согласиться на передачу трона. В ближайшие дни они собираются арестовать Лиина Миковского.
- За что? – спросил Анесский.
- За ведение противоправной деятельности и потаканию организованной преступности. Других подробностей я не знаю – это их закрытая информация.
- Что они смогли узнать по смерти Иллы Фаркской? - спросил адмирал.
- Расследование ведет Иниан Айклин, бывший учитель, а ныне телохранитель княжны, мертволесский эльф. К нему не подступиться, но что-то необычное они точно нашли.

- Интересно, - адмирал постучал пальцами по столу. – Клесский работает на эльфов, и тут в окружении нашей княжны появляется эльф. К чему бы это? Не думаю, что это совпадение. А еще интереснее то, что канцелярия теперь ставит своей задачей не свергать и судить Теринского, а всего лишь уменьшить его амбиции. Какие могут быть наши действия, панове? Я хочу услышать ваше мнение.

За столом воцарилась тишина. Анесский и Бойковский переглянулись. Ни один из них не предавался размышлениям о ситуации в целом. Да и о ситуации на месте они не размышляли. Анесскому следить и докладывать было не внове – начинал он именно с полевой разведки, но делать выводы, да еще перед лицом старших по звания, он не решался. Бойковский же вообще был новичком в подобных делах. А Нив смотрел на них и думал, что его подчиненным, как и всему ластартскому войску не хватает инициативных командиров. Когда-то Неркан Элендский смог объединить нынешние земли Княжества, потому, что в его войске служило множество инициативных, свежих умов, не боявшихся двигаться вперед. Теперь эти умы постарели и стали консервативными. Лучшая часть населения, свежая кровь теперь шла не в войско, превратившее службу в набор штампов, с одной стороны жизненно необходимых, с другой – заставляющих отказаться от свежего мышления. Теперь эта свежая кровь, если желала послужить Княжеству, шла в канцелярию, где таланту каждого могли найти применение. Канцелярия не была скована столь многими правилами, хотя давала огромные возможности и для общественного, и для личного роста. «Поэтому Ирлинг и смог так возвысится, - думал адмирал. – На него работают изобретательные, умные и инициативные. А наша участь – военная кость, традиционность и отставание в развитие».

- Мы не владеем всей полнотой информации, пан адмирал, - наконец сказал Бойковский. – Поэтому полагаемся на ваше мудрое решение.

- Значит, - твердо сказал Нив, – приказания мои будут такими. Пан Анесский, вашей задачей теперь будет сохранение жизни Милану Теринскому. Любой ценой. О княгине Альде должна позаботиться канцелярия, но мы подстрахуемся. Если я правильно помню, в Озерце у вас располагается ваша верховая сотня?

- Вы правильно помните, пан адмирал, - кивнул Коссит.

- Вы перебазируете ее в форт под Фарком – я отдам соответствующие распоряжения тысячнику Масию и городской страже Фарка. Они сделают вид, что не заметили этого. Держите своих парней в полной боевой готовности, пан Коссит. Также вашей задачей будет узнать, где расположились ушастые друзья графа Йатика, или получите убедительные доказательства того, что подозрения на его счет ложные.

- Будет сделано, пан адмирал!

- Прощу прощения, Ваше Высочество, но барон Утравницкий может посчитать такое перемещение войск угрозой княгини, и предупредить ее или канцелярский в Рейке, - заметил Бойковский.

- Дельное замечание, - кивнул Нив. - Я дам Масию Утравницкому слово и личные гарантии, что мы ничего не замышляем против Альды. Думаю, он мне поверит. И запомните – жизнь Милана Теринского наш приоритет. Я ожидаю, что Борин Циверский и Йатик Клесский скоро начнут действовать и каким-либо образом опорочат себя в его глазах. Вы должны стать самым доверенным лицом графа – и занять пост тысячника Теринки впоследствии.

- Я понял вас, пан адмирал, - склонил голову Анесский, - я сделаю это.

- Что касается вас, пан Бойковский, то в ваши казармы я переведу полтысячи своих отборных корабельных воев. Они получат форму Рейка и стандартное вооружение гвардии. Все они ветераны – в основном сражений на островах. Также, кроме амуниции, получите тысячу кабанов – на случай, если вам придется срочно действовать.

- Вы думаете, что конфликт может все-таки дойти до восстания, пан адмирал? – спросил Бойковский.

- Я не исключаю такой возможности, - сказал Нив. – В этом случае мы должны будем сохранить жизни сестер Фаркских и Милана Теринского. По крайней мере, сделать для этого все возможное.
- Будет сделано, пан адмирал, - теперь склонил голову Бойковский.
- Тогда, панове, наше собрание окончено. Покидаем корчму с разных выходов. Пан Бойковский, не забудьте посетить офицерский клуб, дабы ваша легенда чего-то стоила.

Они встали, Анесский и Бойковский поклонились адмиралу, накинули плащи и собрались к выходу.
- Панове, и еще одно, - адмирал посмотрел сначала на Коссита, потом на Талько. – Если вам вдруг придется работать вместе, я ожидаю от вас полного доверия к друг другу и оптимального сотрудничества. Это для нашей общей пользы.
- Будет сделано, пан адмирал, - оба поклонились и вышли.

Нив накинул свой плащ, прицепил меч к поясу. «Если все будет так, как я думаю, то мы вполне себе разделим победу с нашим канцлером и упрочим свои позиции здесь, – подумал он. – И, если мы это сделаем, то кто знает, чего мы сможем достигнуть через несколько лет?». Он задумчиво посмотрел на свечи, затем достал кошель, кинул на стол пять серебрушек и вышел из комнаты.

Фольварк Нимовцы, графство Миковка, Год 1476 от В.Н., 50 день осени.

- Я начинаю себя чувствовать главой городской стражи, - сказал барон Итинский Льоху Перине, когда острожная карета и ее эскорт остановились у ворот фольварка Нимовцы, принадлежащего жене графа Лиина, где, как сообщили Серым Стрелам, находился сейчас сам граф Миковский. – Я уже третьего дворянина собираюсь конвоировать в тюрьму.
- Обычно городские стражники дворян не конвоируют, - заметил Перина. – Да и у меня обычно объекты поскромнее, нежели теперь.
- Да, не каждый день едешь арестовывать графа, - прокомментировал Песка, выходя из кареты. За ним вылез Звяк и оценивающе посмотрел на дворец.
- Ничего хибарка, - сказал он. – У Эглины даже поменьше будет.

Видневшийся из-за невысокого забора дворец действительно был внушительнее, нежели Рейкский. Три этажа, отделка лепниной, колонны, поддерживающие огромный балкон второго этажа.
- Род Нимовских всегда тяготел к роскоши, - заметил Песка. – Предок был не из воев, а из купцов. Видимо, за две с половиной сотни лет эта их тяга так и не выветрилась.
- Значит, как и обговаривали? – прервал их пан Михо. – Мы ждем у ворот, если слышим что-нибудь подозрительное – окружаем здание и готовимся к штурму.
- Ага, только если он нас не ждет и фольварк не кишит его гвардейцами, - поморщился Льох. – Тогда сюда прибудут тяжелые верховые, а нас похоронят с почестями. Пан Кирий, вы не боитесь развязать этим арестом бойню в Фарке?
- Не думаю, что граф Миковский будет сопротивляться, - Песка поправил камзол, протер графканцлерские знаки отличия в петлицах. Он тоже нервничал, но виду старался не подавать. – У нас есть показания Тара и письмо канцлера. Он не решится открыто выступить – не того сорта человек.
- Надеюсь, - с сомнением сказал Льох.

Он чувствовал себя не в своей тарелке. Одно дело арестовать проворовавшегося и погрязшего в криминале графканцлера Альтского. Другое – взять под стражу княжканцлера Миковского, виновность которого мало того, что вызывает сомнения, так он еще и граф, с личной гвардией и дворянами. Льох подумал, что Кирий Динский в погоне за властью или чем-то другим, неведомым, может развязать бойню в Фарке даже без помощи Милана Теринского. Он несколько раз пытался узнать у Звяка, что происходило на допросе арестованного ими графканцлера Альтского. Но Сайн только хмурился, и отговаривался стандартными фразами. И Льох понимал, что эти показания получены путем еще более сомнительным, нежели их операция в Гиррде.

Графканцлера Фарка, пана Тара Альтского, доставили в Улесье два дня назад. Песка и Звяк приехали к местному острогу к вечеру сорок восьмого дня. Измятого, грязного и небритого Тара привели в допросную камеру два городских стражника. Песка отпустил Стрел отдыхать на вечер-ночь, а сам, вместе со Звяком, накинувшим плащ с капюшоном, вошел в камеру. Темное помещение тускло освещал факел. Арестованный сидел на железном стуле, прикованный к подлокотникам оковами. Стол для дознавателя находился в шагах четырех от узника. Стул за ним был ненамного удобнее того, на котором сидел Тар, разве что оков к нему не прилагалось. Ближе к двери стоял стол секретаря – там кресло было малость поудобнее. Видимо сотрудников канцелярии, которые обычно записывали показания, здесь ценили больше, нежели стражников, проводивших допрос.
- Добрый день, пан Тар, - Песка сел за дознавательский стол, Звяк занял место секретаря. – Меня зовут Кирий Динский, мое звание графканцлер. Я – глава специального отряда «Алый Клинок», которому, кроме всего прочего, поручено разобраться с вашей деятельностью в графстве.
- Я польщен, - хмыкнул Тар, облизывая окровавленную губу, - на меня и целых два боевых отряда. Не слишком ли я скромная персона для таких трат?

- Тем не менее, - продолжил Песка. – Я здесь, чтобы сделать вам некоторые предложения, которые, я надеюсь, вы примите.
- Я согласен, - сказал Тар.
- Вы даже не спросите, чего я хочу? – удивился Песка.
- Пан Динский, я не первый год в канцелярии, - Тар посмотрел на него и вздохнул. – Я хорошо знаю, как работают боевые отряды. Если вам нужно что-нибудь от меня узнать, вы вызовете сюда либо заплечных дел мастера, который вывернет наизнанку мое тело, либо ланирта, который вытащит все из души. Я в курсе, что за то, что мне вменяют полагается самое меньшее двадцать лет каторги с лишением имущества, а самое вероятное – это обезглавливание. Поэтому если я хочу добраться до суда в одном куске – я буду сотрудничать.

Песка брезгливо посмотрел на него, Звяк под капюшоном хмыкнул. Да, такие люди сгнивают изнутри, а потом от них остается только хитрый изворотливы зверь – ни жалости, ни стыда, ни гордости, только жажда наживы и боязнь за свою шкуру. Песке очень захотелось немедленно закончить этот допрос, бросить Тара в камеру и пускай дожидается суда. Но он должен быть профессионалом, а профессионализм выше собственных чувств. И иногда даже выше собственных убеждений.
- Я думал, вы будете торговаться, - разочаровано сказал Кирий.
- Вам повезло, - криво ухмыльнулся Тар. – В моем лице вы получите очень сговорчивого допрашиваемого.
- Хорошо, - Песка встал и подошел к нему. – Тогда я сейчас позову сюда градоправителя и еще двух свидетелей и вы при них, под запись, расскажете что все, что вам вменяют вы делали по устному указанию княжканцлера Лиина Миковского.

Глаза Тара округлились, но в следующий момент он уже пытался разобраться в сложившейся ситуации. «Значит, они пришли не за мной, - думал он. – Либо это борьба за власть внутри канцелярии, либо это политическая борьба, а меня зацепило по касательной. Стоп! Меня привезли в Улесье, в Рейк! Графиня Рейкская возглавляет движение против графа Теринского, а граф Миковский – союзник Теринского! Вот оно что!».
- Знаете, пан Динский, - сказал он вслух, - я думаю, что лжесвидетельствовать в моей ситуации – это хуже, чем попасть в руки палача. Так что я, пожалуй, лучше попытаю счастье в темнице.
- Ну ты и подлец, - процедил Песка.
- Нет, пан Динский, подлец – это вы. Я всего лишь служащий, пользовавшийся служебным положением. Вы же пытаетесь нагреть политический капитал на моих злоключениях.
- Не мажь меня своим дерьмом, Альтский, - угрожающе сказал Песка. – Ты преступник, Миковский потворствует изменникам. Оба вы закончите плохо. Только к твоим обвинениям мы можем прибавить еще и участие в заговоре. А за это, как раз, лишение дворянского звания и петля. Что ты на это скажешь?
- Докажите, пан Динский, вот, что я скажу. Если бы у вас было что-нибудь стоящее на Миковского, вы бы ко мне не обращались с подобными предложениями, так ведь? Но я открыт для предложений, если вам есть что предложить, кроме угроз.
- Так все-таки торгуемся? – спросил Кирий.
- Раз уж дела приняли такой оборот, - ответил Тар.

Песка задумался. Он был готов к торговле, но после всего сказанного Таром, его позиция действительно походила на сделку с совестью. Он размышлял. Прижать Миковского по-другому он не сможет. Княжканцлера снимут с должности, но это скорее больше разозлит и его поданных, и вообще дворянство и настроит их против Княжества. Красивая схема превратиться в грубый удар. С другой стороны, если сейчас Кирий позволит себе сделку, то это действительно будет выглядеть, в первую очередь для него самого и для Звяка, как переход определенной грани. «Обманываю ли я себя, думая, что

жертвую своей репутацией ради дела, или же я действительно готов на все ради того, чтобы выполнить приказ?» – думал Песка и смотрел на Тара. Если бы тот позволил себе ухмыльнуться или же повел себя вызывающе, Песка точно приказал бы кинуть его обратно в камеру, и на этом все бы закончилось. Но Тар опустил голову, будто с интересом рассматривал свои сапоги. «Будь оно все проклято», - выругался про себя Песка, а в слух сказал:

- Хорошо, пан Альтский. Я делаю вам следующее предложение: вы при свидетелях говорите, что это Миковский приказал вам вооружить банду Тима Крупного и использовать любые средства, чтобы продвинуть того в криминальных кругах. Говорите, что были уверены в Миковском, и полагали, что он делает это по приказу из Ластарта. Узнав страшную правду, вы раскаиваетесь и просите снять вас с должности и предать справедливому суду. Я же отошлю вас в Ластарт и напишу подканцлеру Лито докладную записку, в которой изложу суть дела и рекомендую отправить вас с понижением в должности на службу на какую-нибудь каторгу. Будете писать отчеты о заключенных. Питание будет так себе, проживание тоже не сахар, но зато будете живы, и одним куском, как вы выразились.

- А вы умеете убеждать людей, графканцлер, - Тар поднял голову и посмотрел на Песку. – А если Миковскому удастся доказать свою невиновность?

- Вы боитесь изменения политической ситуации? – спросил Песка.

- А вы бы на моем месте этого бы не боялись?

- Я на вашем месте не смотрел бы дареному кабану в зубы, - отрезал Песка. – Мое предложение окончательное. Если вас оно не устраивает, то мы поговорим в присутствии одной моей знакомой полуэльфки. Вы ведь понимаете, о чем я?

- Резонно. Ваше предложение – лучшее, на что я смог бы рассчитывать.

Когда они покинули комнату допросов, ожидая прибытия градоначальника и других свидетелей, Звяк обрушился на Кирия:

- Как ты мог это сделать, Песка? Этот гад приказал убить невинного служащего, чуть не развязал кровавую бойню, а ты ему предлагаешь чистенькое уютное место? Да его надо было вздернуть, и делов то!

- Звяк, не реви на ухо, самому тошно, - сказал Песка и сплюнул на пол. – Но какой у нас другой выход?

- Отстранил бы Миковского! У тебя есть приказ канцлера. Мне кажется, ты заигрался, командир. Заинтриговался, вернувшись на родину, в родную дворянскую среду.

- Я отстранил бы, а Теринский поднял бы хай на все княжество! – у Пески тоже начинали сдавать нервы.

- Он и так его поднимет!

- А кто его поддержит, скажи мне Звяк? Парочка его приближенных гардовцев? Пускай. Завтра они будут объявлены изменниками и предателями. И с кем останется Теринский? Да он на коленях приползет к Альде, чтобы та вытащила его из этого дерьма!

- Оправдывай себя как хочешь, командир, - Звяк вздохнул. – В конце концов, я не лучше тебя. Я тоже угрожал невинным ради выполнения задачи, и сам недавно возвел на престол нового криминального «князя». Только скажи мне, Песка, где заканчивается та цель, которая у нас оправдывает средства? Я говорил Льоху, что пока мы все делаем бескорыстно, то мы вправе действовать. Но что, если нас тоже используют в корыстных целях? Если мы карты в чьей-то игре?

- Имеет ли это значение, Звяк? – Песка посмотрел на друга. В глазах у него была тоска. – Многое ли меняет осознание собственной правоты? Да, мы карты в чужих руках – но мы сами выбрали этот путь. Эглина хотела выбрать другой путь, но все равно стала картой в этой игре.

- Значит, у нас нет ни выхода, ни оправданий? – спросил Звяк.

- Зато у нас есть цель. Это большее, чем могут похвастаться многие.

Теперь они стояли перед высокими воротами, которые странно смотрелись рядом с забором. Никто из них, ни Песка, ни Звяк, ни Льох не мог сделать первый шаг. Стрелы смотрели на своего командира, потом на Песку.
- Так и будем стоять, панове? – осведомился Древ.
- К длимернам, - прошипел Песка и позвонил в колокол. Маленькую входную дверь открыл мужчина лет сорока. Он с удивлением посмотрел на собравшихся у ворот канцелярских и гвардейцев.
- Дома ли граф Миковский? – осведомился Песка.
- Его Сиятельство отдыхает, - ответил привратник.
- Передайте ему, что графканцлер Динский прибыл переговорить с ним.
- Хорошо, пан, подождите здесь.
Дверь закрылась, стукнул засов.
- Разве ему не следовало пригласить нас внутрь? – спросил Тетива у Древа. Тот раздраженно пожал плечами:
- А ты стал бы приглашать внутрь такую ораву, причем явно вооруженную?
Мир покачал головой и хмыкнул.
- Я бы на его месте вообще бы не открыл.
Но, видимо, пан Миковский не ожидал подвоха. Привратник появился где-то через четверть часа. Он открыл пешеходную калитку, и канцелярские прошли внутрь. Слуга провел их по каменной дорожке через небольшой сквер. Они поднялись на крыльцо, где привратник попросил подождать.
- Пан Миковский сейчас выйдет к вам, панове, - сказал он и удалился в дом.
В этот момент из-за угла дома послышался шум. К крыльцу приближались юноша и девушка, лет пятнадцати-шестнадцати. Юноша держал в руках охотничий, укороченный вариант военного самострела и что-то оживленно рассказывал спутнице. Чуть поодаль за ними шла группа из семи мужчин, одетых более скромно – в основном в походные пуховики. Трое из мужчин были вооружены такими же, как и юноша, самострелами, у одного была длинная рогатина. И у каждого на боку в ножнах был короткий меч. Подойдя к крыльцу юноша остановился и сделал знак своим спутникам сделать тоже самое.
- Что вам угодно, панове? – спросил он.
- Видеть пана Лиина Миковского, - ответил Песка. – А вы?
- Айлин Миковский, - ответил юноша. – Граф Айлин Миковский, сын Лиина. Могу я узнать ваше имя, пан?
- Барон Кирий Динский, Ваше Сиятельство, - ответил Песка и поклонился. Весь отряд поклонился вслед за ним. Айлин кивнул.
- Это моя сестра, баронесса Ниала, - сказал Айлин, девушка кивнула, Кирий поклонился и ей. - Могу я узнать, какое дело у вас к моему отцу?
- Айлин! Я говорил тебе, что любопытство тебя погубит! – Из дверей вышел граф Лиин, одетый по полной форме канцелярии. – Тем более, если пан Динский прибыл ко мне с делом, вряд ли он может тебя посветить в него.
- Почему же, Ваше Сиятельство, - лицо Пески мгновенно стало жестким. – Именем канцлера, вы арестованы. Вы обвиняетесь в использовании служебного положения в целях, порочащих государственного служащего, связи с преступными элементами и предательстве интересов Великого княжества. Прошу вас сдать оружие и проследовать за нами.
- Это бессмыслица, - на лице Лиина появилась растерянная улыбка. – Пан Динский, это либо неудачная шутка, либо вас неправильно информировали. Кто отдал приказ о моем аресте?
- Я, - сказал Песка.
- А вам не кажется, что вы переоцениваете свои полномочия? – теперь в голосе Лиина появилась угроза. – Я – княжканцлер Фарка! Вы не имеете права…

- Вот приказ, подписанный подканцлером Легийским, и завизированный подканцлером Клийским, о вашем снятии с должности. Вот это показания вашего бывшего подчиненного, графканцлера Альтского о том, что вы давали ему личные устные указания по устранению определенных людей в Гиррде и передачи оружия в руки преступных элементов. Ознакомьтесь!

Лиин взял в руки бумаги, перечитал их. Ему начинало казаться, что он попал в какой-то дурной сон. Но все подписи были верны. На показаниях стояли визы градоначальника Улесья, местного графканцлера и главы деревообрабатывающей гильдии. А на приказе действительно была тонким пером выведена аккуратная подпись Стефа Клийского. И резолюция «ознакомлен, согласен». «Стеф, что же ты сделал? – думал Миковский. – Почему?».

- Отец, что происходит? – Айлин переводил недоуменный взгляд с Лиина на Динского. Его спутники полукругом стали рядом с ним и его сестрой. Двое из них теперь держали наготове самострелы. Льох кивнул, и Стрелы выстроились, заслонив Песку. Древ положил руку на рукоять меча, Тетива и Упрямый взялись за самострелы, Перо отодвинулся спустился вниз по ступеням, держа руки в карманах, где у него находились метательные ножи. Звяк вынул из-за пазухи самострел и направил его на Миковского. Песка не шелохнулся.

- Ваше Сиятельство, скажите людям своего сына, чтобы опустили оружие, - жестко сказал Песка. – Никому не нужно, чтобы здесь пролилась кровь. За воротами у нас десяток гвардейцев в полном вооружении. Сопротивление бесполезно и бессмысленно. Проследуйте за нами, и все закончится миром.

- Айлин, опусти самострел, - громко сказал Лиин, не отрывая взгляд от Кирия. – Все опустите оружие.

- Отец, почему тебя обвиняют? – спросила Ниала. Она сделала шаг вперед, но Древ преградил ей путь, на ладонь вытащив меч из ножен. Девушка остановилась, глаза ее недобро блеснули, на ладони появилось пламя. «У него же дочь в Ресментеле учится на магичку, - вспомнил Песка запоздало. – Я же слышал об этом на балу! Проклятье! Но кто же знал, что она окажется здесь?».

- Успокойся, доченька, - Лиин старался говорить спокойно. – Это все какая-то ошибка.

- Послушайте отца, баронесса, - сказал Льох. – И мы закроем глаза на угрозу применения магии.

- Динский, я сдаюсь, - сказал Лиин. – Успокойте своих людей и пусть они перестанут угрожать моим детям!

- Мы не угрожаем вашим детям, - сказал Песка. – Сдайте оружие. Пускай люди вашего сына положат самострелы на землю. Пан Айлин, пани Налия, сделайте шаг назад. Мы забираем вашего отца. Если не будете делать глупостей, у него будет шанс вернуться к вам.

- Что вы говорите, Динский?! – прошипел Миковский. – Хватит запугивать их!

- Мы не боимся отец, - твердо сказал Айлин, опуская самострел. Потом он положил руку на плечо Налии, и огонь в ладони той погас. – Мы подчиняемся, пан Динский. Но мы будем жаловаться. Сейму, княгине и Великому князю.

Песка пожал плечами. «И всем им обязательно надо жаловаться», - подумал он.

- Не думаю, что это поможет, - сказал он вслух. Лиин снял с пояса клинок в ножнах и протянул ему. Песка бережно взял оружие, кивнул.

- Пройдемте, граф.

Их процессию глазами провожали Айлин, Ниала, личные дворяне и слуги.

Уже в карете на Лиина надели оковы. Напротив него сел Песка и Звяк. Дверь заперли изнутри и снаружи. Миковский смотрел на них с ненавистью.

- Что вам нужно, Динский? – спросил он. – В какую игру вы играете?

- Я выполняю приказ, Ваше Сиятельство, - с безразличием сказал Песка. – Вы были не осторожны в ваших действиях.

- Вы же понимаете, что я не виновен, барон! – Миковский почти кричал. – Что за все время, пока я занимал должность, я старался, как мог, бороться с преступностью, а не помогать ей. Что я никогда не предавал Княжество! Вы же не можете этого не понимать! И вы арестовываете меня, как какого-то вора, на глазах моих детей!
- Виновны вы или нет – решит суд, - устало ответил Кирий. – Я же вам скажу – по мне так вы хуже вора и убийцы. При других обстоятельствах я бы устроил вам допрос с пристрастием в Фарке или в Рейке, и вы бы сказали все, что я бы захотел. Не отпирайтесь, сказали бы! Тар Альтский и тот понимал суть нашей работы, а вы знаете гораздо больше, хоть, судя по документам, и старались не лезть в грязные дела. Но обстоятельства изменились – и поэтому вы поедете из Фарка под охраной прямиком в Ластарт, где и ответите перед канцлером и Великим князем.
- Это все потому, что я поддержал Теринского! - зло сказал Миковский. – Все из-за этой проклятой борьбы за власть. И, в конечном итоге, из-за денег!
- Нет, Миковский, - Песка наклонился к нему, почти в упор глядя в глаза. – Это все из-за того, что не стоит играть в благородство и пытаться быть выше и умнее всех. Думайте, что хотите, но вы вносили свой посильный вклад в раскачивание лодки. Вы предали канцелярию, решив, что можете открыто поддерживать Теринского, уклоняясь от своих обязанностей в его пользу. Вы поддержали его блокаду, понимая при этом, что идете против канцлера! Против Княжества, в конце концов! Вы решили, что при вашем положении стали неприкасаемым и имеете право извращать понятия нашей службы в угоду собственному мнению. Вы забыли, что поклялись служить Княжеству!
- А разве иметь свое мнение не право каждого гражданина? – спросил Миковский, не отводя взгляд.
- Право, - сказал Динский. – Но обязанность тех, кто служит, знать, где проходит граница между его правом на мнение и его обязанностями, когда он должен наступить на себя и сделать то, что должен.
- Удивительно, как такой род, как Динские, могли вырастить такого выродка, как вы, барон, - Миковский откинулся назад, облокотившись на жесткую деревянную спинку кареты, надменно посмотрев на Песку и Звяка.
- Удивительно, как вырождаются дворяне, - спокойно ответил Песка. – И забывают, что их назначением всегда была служба народу.

В карете повисла тишина. Слышно было лишь, как скрипят колеса, да о чем-то вполголоса разговаривают Древ и Упрямый на месте возницы.

Фольварк Раданка, близ Терии. Год 1476 от В.Н., 51 день осени.

Радан Теринский сидел в кресле и курил. Клубы дыма заполняли небольшой кабинет. Ароматный дым за многие годы впитался и в трактаты, стоящие в двух шкафах у дверей, и в рабочий стол графа, и в маленький гостиный столик, и в стулья около него. Граф втянул в себя очередную его порцию и провел пальцами по седой, аккуратной бородке, задумчиво глядя в окно на иней, покрывший деревья после утреннего заморозка. Зима в этом году наступала рано. До нового года было еще почти сорок дней, а снег, который появлялся обычно незадолго до него, уже выпал. «Все переменчиво в этом мире, - вспомнил он слова из одного трактата. – Только старость человеческая всегда одинока». Его глаза, такие же голубые, как и у сына, застилали слезы, и он был рад, что Милан сейчас его не видит.

Радан уехал из Теринки несколько дней назад. Сюда, в свой охотничий фольварк, который был построен в год рождения Милана. Небольшой, одноэтажный, строгий, он становился его убежищем в те моменты, когда он хотел уединиться. Из слуг здесь был дворецкий, старый и преданный, да селянки-кухарки из соседнего села, которых он вызывал по необходимости. Кухарок он отпустил вчера и сказал, что нужны они будут лишь сегодня под вечер. Ему хотелось побыть одному, поразмышлять над сложившейся ситуацией. Сейчас он думал, когда же его план начал рушиться и из-за чего. А в том, что он рушится, не было никаких сомнений.

Всю вторую половину своей жизни он потратил на то, чтобы добиться независимости в Фарке, не развязав при этом гражданской войны. Он убеждал Милана, что только миром можно добиться истинной независимости для их общего дома без фатальных потерь для него. Милан это понимал, он слушал отца – до последнего времени. Теперь же все вновь катилось к бойне. Радан видел, что Милан теряет контроль над ситуацией, и он пытался помочь сыну, но Теринский-младший утрачивал надежду, а вместе с ней и веру в отца. Последний раз, когда они разговаривали, Радан убеждал сына отступиться, согласиться на условия Великого князя. Тогда они смогут избежать самого нежелательного исхода: отстранения Альды от власти. И более всего он просил Милана не слушать своих приятелей из Гарды. Пока клуб играл роль орудия, боевой единицы устрашения, у Радана они не вызывали никаких опасений. Всегда есть мальцы с горячей кровью, которые готовы бряцать оружием по поводу и без. И всегда они являются картой в игре, разменной монетой для торговли. Только вот Радан упустил из виду момент, когда эта карта стала замахиваться на место за игровым столом. Их еще можно было остановить, с ними еще можно было договориться. Но Милан терял хватку и вскоре мог или попасть под их влияние окончательно, или погибнуть. И тогда свершится то, чего Радан боялся все эти годы, со времен восстания Клио Фаркского – начнется война и будет гибнуть молодежь по обе стороны конфликта. Молодежь Фарка, его свежая кровь. И тогда рухнет все, за что он боролся и на что возлагал надежды. Радан сказал все это Милану, но тот уже не слушал его так, как раньше. Они повздорили, и Теринский-старший оставил сына одного.

Радан не мог знать, какие перемены произошли с Миланом за это время. Мысли того теперь занимала Альда Фаркская. Та новая Альда, которую он увидел в тот дождливый вечер в Приречье, притягивала его. Он боялся себе признаться, что это любовь, потому что тогда он должен был бы признать также, что все это время он использовал эту девушку. И теперь он не сможет смотреть ей в глаза. Он злился на Циверского и Клесского, которые толкали его к войне, на Кирия Динского и Эглину Фаркскую, которые так некстати вмешались в его планы, и на себя, потому что чувствовал себя подлецом. Но больше всего он злился на отца за то, что тот втянул его во все эту историю. За то, что дал ему ощущение своей избранности, которая все эти годы вела его и давала ему право смотреть на Альду сверху вниз. И за холодный взгляд, которым теперь одаривал его отец всякий раз, когда они встречались.

Радан не знал этих мыслей. Он видел, что сыну тяжело, но списывал эту нервозность на борьбу с Гардой, которую Милан явно проигрывал, но отказывался признать это. И в этом Радан ему помочь не мог. Он чувствовал, как выпадает из хода событий. Все чаще его посещала мысль, что он якорем висит на шее своего сына, принуждая того к осмотрительности там, где Милан хотел бы проявить прямоту и твердость. Все чаще накатывала обида на Милана. Потом, отступая, она оставляла за собой след тяжелых мыслей об увядании и смерти. Когда они ссорились, Радан начинал остро ощущать свою ненужность, и это вызывало у него злость.

Но даже в моменты самого глубокого отчаяния, он все равно не мог понять, как старая княгиня Илла могла замышлять убийство собственной дочери.

Когда Теринский-старший узнал от своего верного человека, Бида, о том, что Илла Фаркская собирается убить княгиню Альду, он сначала не поверил. А когда сведения подтвердились, граф пришел в ярость. Эта ведьма была готова убить собственное дитя только для того, чтобы помешать осуществится его мечте! Радан не спал всю ночь, обдумывая ситуацию. Разоблачить Иллу он не мог. Слухи - это не доказательства. Послушник и жрец не раскрыли бы тайну исповеди даже в княжеском суде. Придать же огласке эти слухи или попытаться предупредить Альду означало поссорить ее с Миланом. Молодая княгиня вряд ли бы поверила в преступные намерения своей матери и посчитала бы все эти разговоры интригами. Медлить тоже было нельзя – смерть Альды разрушала так скрупулезно выстроенный замысел. И тогда он приказал Биду действовать. Для начала тот убил слухача, продавшего ему информацию, а потом и друга рейкского послушника, которому тот выболтал секрет. А потом пришел к самому болтуну и, угрозами и посулами, заставил того согласиться убить княгиню-мать. Радану тогда было все равно, поймают послушника или нет. В конце концов, Бид никогда не говорил, от чьего имени действует. Сам же Бид мог скрыться из виду на определенное время, или же, при совсем неблагоприятных обстоятельствах, исчезнуть навсегда. Но когда послушник устроил все так, что смерть Иллы выглядела естественной, Радан приказал Биду использовать того, как лазутчика в Рейке. Теперь Теринский-старший узнавал последние новости из вражьего стана каждые три-четыре седмицы. Радан никогда не говорил сыну, что будущую тещу того убили по его приказу. Он не хотел, чтобы Милан знал об этом – в конце концов, это может помешать осуществлению плана. Пусть Милан будет абсолютно непричастен к этому грязному делу.

Сегодня, здесь Радан ожидал Бида с последними донесениями. Старый граф уже слышал, что Альда приезжала в Рейк, и что сестры до чего-то да договорились. Он хотел узнать, что по этому поводу скажет его лазутчик и тогда предпринимать действия. Возможно, он еще сможет уговорить сына. Возможно, он сможет предотвратить бойню. Бид и послушник должны были встретиться три дня назад, а Бида он ждал со вчерашнего вечера. Он все ждал, что в кабинет войдет дворецкий и за ним появится этот небольшого роста, с неприметным лицом кареглазый, русоволосый человек, обманчиво щуплый, но крепкий и ловкий. Тот человек, которого он когда-то вытянул из очень неприятной истории с изнасилованной и убитой селянкой, Бид-мародер, о котором все еще помнили в одном небольшом селении на границах Теринки. Этим Радан и занимался весь день – думал, курил, смотрел в окно и ждал.

Дворецкий появился в кабинете через полчаса. Обычно румяное, лицо его было бледным, без кровинки. Высокий лоб покрылся испариной, руки подрагивали.

- Ваша Сиятельство, - дрожащим голосом. – Там к вам пришли.

Радан осмотрел его с ног до головы. Вряд ли Бид произвел на дворецкого такое впечатление. Ну что ж, что бы там ни было, Радан встретит это с достоинством.

- Кто там, Видан? – спросил он спокойно.

- Я бы сказал, что это смерть, - тихо произнес Видан.

Радан недоверчиво поморщился, но вид у дворецкого был такой, будто бы сам себе он верил.

- Ну что ж, зови, - произнес Радан, зажигая трубку.

Видан исчез, и через минуту в кабинет вошла Смерть. Вернее вошел, потому что сапоги на нем были вполне мужские, хотя всю остальную фигуру закрывал длинный черный плащ, с черным же капюшоном. Лицо у «Смерти» было бледное, застывшее в скорби, и лишь правый угол рта улыбался, что производило действительно зловещее впечатление.

- Приветствую, Ваше Сиятельство, - сказал «Смерть».

- И вам не хворать, пан эльф, - сказал Радан затягиваясь. – Незачем было пугать моего дворецкого, могли не надевая этот страхоужас. Или вы рассчитывали, что меня хватит сердечный приступ?

- Рассчитывать – не рассчитывал, но был бы не против, - ответил Иниан Айклин, снимая маску.

- Я тоже к вам не питаю особенного расположения, - сказал Радан. – Но раз уж пришли, присаживайтесь. Что хочет передать мне Ее Высочество Эглина?

- Вы прекрасно осведомлены, граф, - заметил Иниан, взяв стул, перенеся его к столу и присев напротив Радана.

- Привилегия высокого положения, - Радан посмотрел в глаза эльфу, как в два черных провала. – Хотите отвара? Может, чего покрепче?

- Благодарствую, только отвар.

Граф вызвал дворецкого и сказал тому сделать две кружки отвара. Дворецкий, глядя на спокойного пана, приободрился, хотя руки у него все еще подрагивали.

- Так чего же хочет Ее Высочество? - повторил свой вопрос Радан.

- А вы не догадываетесь, Ваше Сиятельство? – спросил эльф. – Не сочтете за грубость, если я закурю?

- Нет на первый вопрос, и нет на второй. Курите, пан эльф.

- Для вас просто Иниан, - Айклин улыбнулся, вынул трубку и начал забивать ее. – Тогда я вам намекну – без помощи одного очень любезного пана я бы вряд ли смог найти вас. И этот пан рассказал нам не только то, что вы должны были с ним здесь встретиться.

- Не имею понятия, о чем вы говорите, пан эльф, - чуть наклонился вперед Радан. – По-моему вы зря тратите свое время. И что более важно, мое.

Вошел Видан, расставил чашки с отваром перед хозяином и гостем. С опаской взглянул на эльфа, сидящего уже без капюшона и маски. Иниан приветливо улыбнулся дворецкому, тот коротко поклонился и быстро вышел.

- Впечатлительный он у вас, - заметил эльф. – Ну, так о чем мы? А, о том, что вы не имеете понятия о том невысоком человечке, Биде, кажется, который рассказал нам, где вас найти. И наверняка вы не знаете о его роли и роли некого послушника храма в Рейке в смерти Ее Высочества, княгини Иллы.

- Если есть какие-то доказательства, что эти несчастные причастны к смерти княгини, я буду первым настаивать на том, чтобы их четвертовали на главной площади Фарка, - сказал Радан. – Но я решительно отвергаю любые обвинения в мой адрес, пан Иниан.

- И вы полностью уверены, что никто не подтвердит, что это письмо написано вами? – спросил Иниан, доставая лист бумаги. Радан подался вперед, протягивая к письму руку. Эльф не дал ему взять письмо, погрозив пальцем и улыбнулся.

- Копии гномов стоят денег и требуют долгой работы, а оригинал я вам не дам, уж извините.

Радан посмотрел на письмо. Да, он писал его – в то время Бид был в Гиррде и на личные встречи ушло бы слишком много времени. В письме Радан давал указания сделать все, чтобы заставить послушника «упокоить старую Иллу». В конце граф приказывал сжечь письмо после прочтения.

- Идиот, - сквозь зубы прошипел Радан.

- Наоборот, весьма умный парень, - Иниан убрал письмо в карман. – Этим он купил себе жизнь. Он подозревал, что вы попытаетесь скинуть его из расклада в случае чего,

особенно после того, как приказали расправиться со слухачом и дружком нашего послушника. И предпринял необходимые предосторожности. Поэтому все еще жив и нужен, в отличии от послушника, которого княжна лично избавила от мучений. ,
- Лично избавила? – удивился граф.

Иниан вспомнил лицо Эглины, когда она слушала быстрый, еле понятный лепет убийцы ее матери. Иртэя смотрела тому в глаза, и парень, поседевший от ужаса, рассказывал, как зачаровывал браслет, как предложил его княгине Илле в облегчение «ее грехов». Как снимал браслет с мертвого тела и как закопал опасное украшение у храма. Эльф помнил глаза княжны, в которых горел гнев – не быстрая, как пламень еловых игл ярость, а угли гнева, тлеющие, коварные, готовые разгореться в любую секунду всепоглощающим огнем.

А потом, когда они поднялись из подвалов фольварка, Эглина пила вино и, не отрываясь, смотрела на Кирия, готовящегося к отъезду для ареста Миковского.
- Кирий, ты стал бы лично мстить убийце своего родича, если бы мог? - спросила она вдруг.
– Простите, Ваше Высочество? - от неожиданности Песка перешел на официальный тон.
- Кирий, пожалуйста, мне нужно знать!
- Я бы сказал, что дворянская честь и обычай не только дозволяет, но и лично требует от нас наказывать наших обидчиков, коли уж они в нашей власти, - подумав, сказал Динский. – А за смерть или даже за попытку убийства дворянина всегда было принято карать смертью.

Эглина промолчала, сделав большой глоток вина. А позже, ночью, она разбудила Иниана и попросила сопроводить ее в подвалы. Эльф не удивился подобной просьбе. Успокоив Нику, он поднялся и направился за княжной. В руке у той был кинжал.
- Бей в сердце, девочка, - посоветовал он. – Рассчитай силу так, как я учил тебя.
- Мне страшно, Мастер, - сказала она. – Я хочу убить его, я горю от гнева, но мне страшно. Почему?
- Лишать живое существо, разумное существо жизни в первый раз всегда сложно, - сказал Иниан. – И, по сути, в идеальном мире мы бы не имели на это право. Но этот мир далек от идеала.
- В храмах говорят, что лишать жизни по своей воле имеют право только Боги, - сказала Эглина.
- Возможно, оно и так, - произнес эльф. – Но боги далеко, и наивно думать, что судьба одного отдельного смертного хоть как-то волнует их. Поэтому в этом мире мы сами себе боги или рабы, а там, за гранью, они будут судить нас своими законами. И, как по мне, лучше предстать перед божественным судом богом, нежели рабом.
- Вы богохульствуете, Мастер, - заметила Эглина.
- Если бы это был меньший из моих грехов.

Гвардеец, стоявший перед входом в темницу, почтительно склонился перед княжной и ее спутником.
- Откройте нам камеру, снимите оковы с узника и возвращайтесь на пост, - сказала Эглина бесцветным голосом. – Я позову, когда вы понадобитесь.
- Будет сделано, Ваше Высочество, - ответил гвардеец и открыл дверь перед ними.

Послушник выглядел жалко. Иниан понимал, что человеку, да и любому другому существу, сложно оправится после тщательного темного допроса, но то, как юнец вздрагивал от каждого стука, выглядело омерзительно. «Пожалуй, смерть для него будет лучшим выходом», - подумал эльф. Эглина презрительно посмотрела на убийцу.
- На колени, - скомандовала она. Послушник, дрожа, опустился на колени. Княжна подошла к нему на расстояние в полшага.
- Ты совершил преступление против моего рода, - сказала она. – Ты лишил жизни правительницу этих земель. Не по своему умыслу, а по приказу, но это не оправдывает тебя. Скажи, какое наказание ты заслужил?

- Храм защитит меня! – пролепетал он. – Вы не можете! Не можете!
- Я - властительница этих земель по праву крови! – громко произнесла Эглина, срываясь на крик. – А ты еще не принял сан, и поэтому, как и любого другого свершившего преступление на моей земле, я могу судить тебя! А как свершившего преступление против моего рода, я приговариваю тебя к смерти. Ты заслужил смерть!
- Нет! Нет! – он вскричал и попытался упасть ей в ноги. Эглина схватила его за плечо и ударила кинжалом под ребра. Потом быстро вынула кинжал и нанесла удар в грудь. Послушник качнулся назад. Княжна выронила кинжал, посмотрела на свои руки в крови.
- Я исполнила приговор, - прошептала она и потеряла сознание.

Иниан подхватил ее, вызвал стражника и отнес Эглину наверх.

Видение отпустило эльфа. Перед ним снова сидел граф Радан, ожидая ответа.
- Да, она осудила его и казнила. Зарезала, как свинью, коей он и являлся.
- Значит, хоть в младшей жива дворянская кровь, - усмехнулся граф. - Вы хотите, чтобы я сдался сам? Я никогда этого не сделаю. А если попытаетесь взять меня силой, это приведет к войне. Даже если меня осудит сам Великий князь, Милан никогда не согласится с этим.
- Княжна Эглина учитывала это, - кивнул Иниан. – Нам не нужна бойня, граф. Как и вам, я предполагаю. Вы ведь хотите мира для Фарка, не так ли.
- Мира и независимости, - сказал Радан.
- Независимость – это недостижимая мечта, граф, - заметил Иниан. – Каждый из нас желает быть независимым, но все мы, так или иначе, зависим от чего-либо. Вы наверняка понимаете, что ваш сын утрачивает контроль над ситуацией. А его приятели ведут Фарк к войне и к гибели. Ответьте сами себе, смогут ли они победить без внешней помощи? Без помощи Мертволесья, Рейнвилля или Империи? И подумайте, какова будет цена этой помощи.
- Они не посмеют! – вырвалось у Радана.
- Посмеют, - деловито сказал Иниан. – Уже посмели. У канцелярии есть убедительные доказательство того, что кто-то из соратников вашего сына, из «Гарды», а может быть, даже и все они вступили в сговор с Мертволесьем. Существуют документы, подтверждающие получение Йатиком Клесским денег от Мертволесья. Денег, на которые и был сформирован клуб «Гарда».
- Почему же вы их не обнародуете?
- По той же причине, что и доказательства вашей вины. Если мы их обнародуем, то это повредит и репутации Милана – ведь не многие поверят, что он ничего не знал об убийстве Иллы и о сговоре с Мертволесьем.
- Он ничего не знал! Я даю вам свое честное слово, что не говорил ему ничего! А об эльфах – да он бы и слушать не стал, он никогда бы не согласился на сговор с Мертволесьем или Империей, даже ради свободы Фарка!
- Я верю в вашу предусмотрительность, Ваше Сиятельство. Я верю в честность вашего сына. Но поверят ли другие?
- Я готов слушать, - сказал Радан, после некоторого молчания. Он уже опустошил свою чашку и снова закурил.
- Ее Высочество, Эглина Рейкская обещает вам, что попытается спасти репутацию и, если понадобится, жизнь вашего сына, - отпив небольшой глоток, сказал Иниан. – Сделает все возможное для этого.
- Какая ей от этого польза? – недоверчиво спросил Радан. – Спасать репутацию своего противника.
- Видите ли, такая странная штука, что Ее Высочество очень любит свою сестру. Я не могу объяснить, как это получилось после стольких лет разлуки, но это так. А ее сестра очень любит вашего сына. Если станет известно, что вы стоите за убийством ее матери, между Альдой и Миланом все будет кончено. Если бы не это обстоятельство, за вами бы сюда приехал бы Кирий Динский со своим отрядом, а не я с предложением. Княжна

желает своей сестре счастья, а та верит, что ее счастье – это ваш сын. Ее Высочество, по своим мотивам и если ваш сын откажется от своих притязаний на трон, предложит ему следующее: старший ребенок Милана Теринского и Альды Фаркской наследует Фаркский престол после смерти Эглины, ее же дети, случись такие, наследуют престол Рейка, как того и требует линия наследования. Милан Теринский также станет старшим политическим советником Эглины Фаркской. Ее Высочество отдает должное его организаторским и политическим способностям, но предпочла бы сама принимать решения.
- Что же предстоит сделать мне? – спросил Радан. – Уговорить Милана согласиться на это?
- Нет, - покачал головой эльф. – Во-первых, это будет достаточно подозрительно, во-вторых, вы понимаете, останется риск, что история со смертью Иллы Фаркской может всплыть позже.
- Что же тогда должен буду сделать я? – спросил Радан и затянулся.
- Умереть, - просто сказал Иниан.
- Что, простите!? – граф подавился, долго откашливался, затем ошарашено посмотрел на собеседника.
- Умереть, пан Радан, - повторил Иниан. – Только не говорите, что вы не понимаете, что именно такой вариант самый подходящий и для Фарка, и для вашего сына. Примите яд, выстрелите себе в висок, перережьте вены. Оставьте своему сыну записку о том, что вы ошибались и что Фарку нужен мир, что-то подобное. И ваши письма Биду никогда не всплывут. Милан сможет без оглядки на вас жениться на Альде и наслаждаться жизнью. Помогать вести Фарк к величию. Неужели вы не пожертвуете своей жизнью ради счастья своего сына и своего народа? Хочу напомнить вам, что наказание за убийство княгини все равно смерть.
- А если вы обманите меня? – спросил Радан. Слова эльфа эхом звенели в его голове. Он все отчетливее осознавал, что этот выход был тем самым, мысли о котором он гнал все эти дни. Тем беспокойством, которое так часто находило на него с тех пор, как он покинул Теринку.
- Увезти вас в Рейк мне бы не составило труда, поверьте, - Иниан продолжал потихоньку отпивать из чашки. – А живым, да еще в кандалах и на открытом судебном процессе вы для обвинения нужнее, нежели совершившим самоубийство.
- У вас нет полномочий! Я буду сопротивляться, и вам придется меня убить!

Иниан посмотрел на него, саркастически улыбнулся. Потом вытянул руку вперед, побледнел. Лоб эльфа намок от напряжения. Радан хотел было сказать, что колдовство на него не сработает, но не смог даже открыть рта. Тело не слушалось его, даже взгляд он не мог отвести. Мир начал выцветать, становится черно-белым.
- Мне достаточно еще минуты и вы застынете в таком состоянии, пока я вас не освобожу, - сказал Иниан. – При вашем эмоциональном напряжении парализовать вас будет не сложно.

Он опустил руку. Радан мгновенно будто бы очнулся ото сна. К Иниану вернулся нормальный цвет лица, и он снова отхлебнул отвара.
- Это все придумали вы?
- Нет, - признался эльф. – Я был согласен с Кирием Динским. Я бы заковал вас в оковы и судил бы. После чего весь Фарк поддержал бы Эглину. Но, как я уже говорил, княжна не хочет терять свою новообретенную сестру. И она настояла, чтобы я отправился к вам и сделал вам это предложение. Если вы откажетесь – я привезу вас в Рейк для суда.

Радан встал и посмотрел в окно. Он не думал, что сегодняшний день будет для него последним. Он понял, с какой жадностью смотрит на землю, на голые ветви деревьев. На высокую стальную ограду вдалеке, как впивается пальцами в подоконник. На миг ему хотелось разбить окно и сбежать. «Старый дурень, - подумал он про себя. – Ведь эльф прав, чтобы ему пропасть! Ты всегда, еще с молодости, был готов отдать свою жизнь за

эту землю. Так почему же сейчас ты так отчаянно думаешь о том, как спастись? А ведь эта девка, вторая дочь Виро, не промах. Если это все действительно придумала она – то Ирлинг и Неркан еще намучаются с ней. Я растил сына, чтобы тот правил, а он в последний момент все растерял. Она росла одна, ее хотели сделать марионеткой. А теперь она «настаивает» вот на таких решениях. Интересно, что сказал бы канцлер, если бы знал об этом. Я ведь уверен, что не знает. Если все так, то она будет достойным правителем. Возможно, она действительно приведет Фарк к величию. Так мое время действительно ушло? Наверное. Если есть шанс, что жизнь старика поможет спасти жизни тысяч молодых, то почему бы не рискнуть?». Он смотрел на стекло, запотевавшее от его дыхания. Ему вдруг вспомнился тот день, когда он рассказал Милану, почему он не поддержал восстание Клио. Надписи на стекле, всплывающее прошлое. Ну, конечно! Граф грустно, но в тоже время торжественно улыбнулся.

- Я так понимаю, вы хотите присутствовать при моей смерти? – он повернулся и посмотрел на Иниана, который снова закурил.

- Я могу выйти, - ответил эльф. – Но остается одна вещь. Ваш дворецкий – он видел меня, и сможет рассказать о том, что я был здесь.

- Видан, - сказал Радан. – Да, он расскажет. Даже если я попрошу его молчать. Но я не смогу его убить.

- Дайте мне ваш самострел. У вас есть самострел? - спросил Иниан. Радан кивнул и достал из ящика стола украшенный самоцветами малый самострел, подарок Виро Фаркского, за «дипломатические усилия» в подавлении мятежа Клио. – Вызовите вашего слугу. Потом я выйду, чтобы не мешать вам. Вы наверняка захотите написать записку сыну.

- Да, - кивнул Радан, заряжая самострел. Он протянул его эльфу. – Бедный Видан. Я напишу, чтобы Милан не забывал о его семье. Только не покажется ли это странным?

- Он пытался остановить вас, но не смог, - сказал Иниан.

- Да, наверное, - сказал Радан, и вдруг усмехнулся, - думаю, никто из нас не знает, как именно мы умрем.

- Я знаю, - сказал Иниан, - и поверьте, это не делает меня счастливым.

Радан посмотрел на эльфа, а затем коротко кивнул и позвонил в звонок. Видан появился на пороге через минуту.

- Да, Ваше Сиятельство?

- Замечательный отвар, Видан, спасибо, - сказал Радан. Эльфу показалось, что глаза старого графа заблестели от слез. – И прости.

- За что, Ваше Сиятельство? – спросил Видан, и в этот момент Иниан поднял самострел и выстрелил. Стрелка попала точно в середину лба, дворецкий упал, как подкошенный. Эльф протянул самострел Радану, взял со стола свою чашку и отодвинул стул.

- Пойду, помою ее, - сказал Иниан. – Я надеюсь, что ваше решение твердо, Ваше Сиятельство?

- Не сомневайтесь, - сказал Радан.

Иниан вышел, прошелся по дому, проверив, чтобы там никого не было. Дошел до кухни, промыл в чане с водой кружку и поставил ее в точности к остальным. Неподвижно застыв, постоял у окна около трети часа. Он смотрел, как снежинки аккуратно ложились на пока еще не промерзшую землю, задерживались на ней на мгновение, а затем бесследно исчезали. Эльф надел маску и вернулся в кабинет.

Старый граф лежал головой на столе. Чуть поодаль, там где до этого стояла чашка Иниана, лежала свернутая записка. Эльф развернул ее и прочитал:

Сын мой!

Я долго думал над сложившейся ситуацией и понял, что я был не прав. Своей волей я лишил тебя счастья собственного мнения и теперь именно по моей вине ты стал заложником событий. Я не вижу возможности исправить это никак, кроме того, чтобы

перестать быть якорем на твоей шее. Но я очень прошу тебя – не допусти бойни в Фарке. Помни наш разговор в год смерти твоей матери, помни, что молодые не должны умирать в братоубийственной схватке. Прояви терпение. Сопротивляйся своим друзьям, тем, которые ведут тебя к катастрофе. И, если сможешь, будь добр к Альде Фаркской. Я знаю, что мы использовали эту девушку в своих целях, и я чувствую себя виноватым перед ней.

Что касается трона Фарка, то я предвижу, что Эглина Фаркская так или иначе получит его. Я заклинаю тебя, не дай себя убить или обесчестить. Тогда, в свое время, ты сможешь подсказать ей, какой путь верен. Будь голосом дворян Фарка в хоре прихвостней Княжества. Только ты сможешь это сделать.

И помни, чтобы не говорили о твоем отце, он всегда любил и делал все, чтобы защитить тебя. И я надеюсь, что ты выполнишь мою последнюю волю, чего бы тебе это не стоило.

Если ты когда-нибудь задашься вопросом, почему я оставил тебя в такую трудную минуту, вспомни наш разговор о мятеже Клио. Вспомни, что я тогда сказал и сделал.

Твой отец
Граф Радан Теринский

П.П. Позаботься о семье несчастного Видана. Он пытался мне помешать, и я был вынужден сделать то, что сделал.

Иниан вновь сложил бумагу и положил туда, где она лежала до этого. «Достойный конец, - подумал эльф. – Эглина все-таки была права». Он переступил тело дворецкого, покачал головой. Смерть невинных неизбежна, когда идет борьба сильных. Но от этого она не становится менее бессмысленной или менее страшной.

Выйдя во двор, он осмотрелся. Никого не заметив, отвязал пса, вскочил на него и рысью направил прочь.

Великокняжеский дворец, Ластарт, Год 1476 от В.Н., 52 день осени.

- Ваша Светлость, Их Величества еще не вернулись с войскового смотра, - доложил, поклонившись, гвардеец. – Они обещали вернуться чуть позже трех часов. Вы можете обождать Его Величество в гостевом зале. Там уже ожидает Его Светлость Афир Ниада.

Ирлинг задумался на мгновение. С одной стороны дел у него хватало, и он вполне мог вернуться в канцелярию и приехать к Неркану позже. С другой стороны так он потратит много времени на разъезды, что не способствует нормальной рабочему настроению. До трех оставалось чуть меньше часа, и целесообразней было все-таки подождать здесь, хотя он и сомневался, что Неркан примет его сразу. Однако, время ожидания можно потратить на разговор с Афиром, и это дополнительный аргумент тому, что следует остаться во дворце.

- Я подожду Его Величество в зале, - сказал канцлер. – Как только он прибудет, доложите, что я здесь.

- Будет сделано, Ваша Светлость, - поклонился гвардеец. Подошел слуга и проводил Ирлинга в зал. Эльф распорядился подать горячий отвар – на улице было зябко, и закусок к нему. Слуга отворил дверь, поклонился и удалился исполнять заказ канцлера. Ирлинг вошел в зал – большой, светлый, хорошо освещенный, с большим количеством широких окон. В середине стоял большой белый с позолотой стол, окруженный пятью десятками стульев. По углам, рядом с удобными диванами, находились небольшие столики. За одним из них, в ближайшем от двери слева углу, сидел невысокий смуглый мужчина. Соломенные волосы контрастировали с цветом его кожи, хитрые глаза быстро скользнули по Ирлингу, и мужчина поднялся на встречу канцлеру. Одет он был в темно-зеленый камзол, расшитый серебряной нитью, и такие же штаны. Небольшая бородка обрамляла тонкие губы. Афир Ниада протянул Ирлингу Альята руку, на каждом пальце которой красовался золотой перстень.

- Пан Ирлинг, - Афир почтительно улыбался, – рад встрече.

- Взаимно, пан Афир, - ответил Ирлинг, пожимая тому руку. – Какими судьбами в столице?

- В отсутствии вызова на Государственный Совет решил заехать и осведомиться, как обстоят дела у нашего дорогого Великого князя, - герцог Ниада присел за стол. Перед ним стояла початая бутылка легкого ниадского. На тарелке лежал нарезанный квадратиками сыр.

- Крайний срок для созыва Совета еще не подошел, - Ирлинг присел рядом. – Я вижу, вы без эскорта. Предаетесь размышлениям в одиночестве?

- А, отпустил ребят, пускай поразвлекаются, - махнул рукой Афир. – Что толку в такой куче голов, когда все они вторят тебе, как эхо?

Вошел слуга и подал Ирлингу отвар.

- Они уважают вас, - заметил Ирлинг, отпивая глоток. – Вашу мудрость, возраст и опыт.

- Ой, бросьте! - поморщился Афир. – Мудрость и опыт! Они меня боятся, как ушасты дикого пса. Расплата за ошибки молодости, пан Ирлинг. Если бы я тогда не был столь категоричен, глядишь, сейчас бы меня окружали бы не только подхалимы.

Ниад вошел в состав Княжества двадцать лет назад, вслед за Выллой, своим главным торговым партнером. Ниад был крупным княжеством, или вернее Свободной Землей, как величают свои государства пустынники. Со временем вожди Ниадские обособились от своих восточных родичей, однако все связи с ними не порвали. Ниад богател и процветал, вызывая зависть и заинтересованность соседей. Ластарт предложил вождю Ниада Триату военный и политический союз, но тот отказался, заметив, что за Ниадом стоит Пустыня, и в случае чего другие Свободные Земли поддержат соседей. «За Ластартом же стоят мертволесцы, которые всегда славились тем, что строили козни». Неркан тогда отступился. Ниад был ценным, и, что более важно, достаточно сильным соседом, чтобы воевать с ним без поддержки. И такую поддержку изнутри Неркан нашел.

Афир был богатым, влиятельным и честолюбивым купцом. Амбиций своих он никогда не скрывал, но его род был «запятнан» родством с троками – истинные пустынники презирали потомков своих дальних родичей больше, нежели потомков от браков с людьми или даже с эльфами. И когда Афир добился всего, чего мог своими деньгами, он начал искать поддержку, дабы войти в политическую элиту Ниада. Но страной правил, как и полагалось в Свободной Земле, Совет Вождей, и среди этих, без сомнения достойных воинов, не было места хитрому купцу. Он попробовал стать за спиной какого-нибудь влиятельного вождя, но вскоре понял, что они всегда будут относиться к нему, как к недопустыннику. И тогда он обратил свои взгляды на Княжество. Он, конечно, знал о предложениях Великого князя Неркана Совету Вождей и лично Триату. И он добился встречи, но не с Нерканом и не с Ирлингом, а с Акрой Ластартской. Та, выслушав купца, пообещала переговорить с мужем. И вскоре Афир заручился поддержкой тайных служб Ластарта и обещанием, что, в случае успеха, он станет герцогом всего Ниада. И тогда он начал действовать. Только Боги знают, сколько Афир потратил золота для того, чтобы разжечь резню между Вождями. Подстрекательства, странные смерти, заказные убийства, предательства ближайших слуг – все это оплачивал он из своего кармана. И, когда Ниад стоял на пороге гражданской войны, он встал во главе группы купцов и мастеров гильдии, попросивших войска Ластарта защитить народ Ниада от собственных «сошедших с ума» правителей, готовых «ввергнуть их родную землю в кровавый хаос». Пять тысяч воев Северного Войска Ластартского, под управлением самой Великой княгини за сезон смяли разрозненные остатки армии Вождей. Пустыня не успела отреагировать на молниеносную операцию Ластарта. Внутренняя грызня была в порядке вещей у пустынников, и те не ожидали, что дело может зайти так далеко. Афир, получив обещанный титул герцога, быстро расправился со всеми несогласными. Казалось, его мечты сбылись и теперь он правил в родном Ниаде, воспитывал сыновей и твердо стоял на ногах.

Через десяток лет Афир решил, что Ниад слишком недооценен в Княжестве, о чем и сообщил Великому князю. Поведение герцога становилось все более вызывающим, что не могло не беспокоить правящую верхушку Ластарта. Неркан и Акра решили, что следует проучить зарвавшегося правителя. Канцелярии было поручено исполнить волю правителей, и люди Ирлинга блестяще справились с задачей. Вскоре в Ниад вторглась армия соседних Свободных Земель, которой руководили старший и средний сыновья Афира. Под лозунгом освобождения от узурпатора, они двинулись на столицу. Афир был раздавлен этим предательством, но смог взять себя в руки и во главе Ниадского ополчения разбил войска своих детей. Оба они попали в плен. Неркан предлагал Афиру пощадить сыновей, но тот собственноручно казнил обоих. После этого у него испортились отношения и с младшим сыном. Тот ушел служить в войска и вскоре погиб. Афир перестал заикаться о привилегированном положении Ниада. Он правил у себя в землях железной рукой, искал себе все новых жен (Ниад был единственным герцогством в Великом княжестве, где в семейном статуте формулировка брака звучала не как «союз двух разумных существ», а как «союз мужчины и нескольких женщин любой расы»), стремясь обзавестись наследником и закрепить Ниад за своим родом. Во всем остальном он полагался на мудрость Неркана и Государственного Совета.

- Путь властителя никогда не бывает прост, - заметил Ирлинг, оторвавшись от размышлений.

- Да, иногда мы узнаем это более тяжелым способом - вздохнул Афир. – Моя младшая жена говорит мне, что надо больше отдыхать. Умненькая такая. Для женщины, конечно. На нее сейчас вся надежда. А ваша супруга как поживает, пан Ирлинг?

- Надеюсь, что хорошо, - вздохнул Ирлинг. – Мне тоже надо бы больше отдыхать. Но дела, к сожалению, пока не отпускают.

- Сочувствую, - улыбнулся Афир. – Кстати, о делах. Я слышал, что в Фарке сейчас неспокойно. Если не секрет, не это ли является причиной того, что Государственный Совет так долго откладывается?
- Конфликт в местном дворянстве, не более, - ответил Ирлинг. – К сожалению, из-за конфликта наследниц покойного князя Виро мы пока не имеем возможности созвать Совет. Это одна из причин. Но, я думаю, что вскоре данная проблема будет решена.
- Наследниц? – удивился Афир. – Я все время забываю, что в остальных землях нашего Великого княжества трон может наследоваться и по женской линии. Мне казалось, князь Виро всегда был противником такого наследования.
- Был, - согласился Ирлинг. – Но пути Богов неисповедимы, и они даровали ему двух дочерей.
- Да, воистину странны пути Богов, - согласился Афир. – Остается лишь молить, чтобы они даровали мир нашей земле.
- Воистину, - Ирлинг склонил голову и прикрыл глаза. Несколько мгновений они сидели молча. Афир размышлял о божественном проведении, а Ирлинг о том, что на самом деле хитрому герцогу известно о делах в Фарке.
- Как идут дела с Пустыней? - нарушил молчание Ирлинг.
- Лучше прежнего, - рассеяно ответил Афир. Потом поспешно добавил, - если вы имеете в виду торговлю.
- Ее и имею, - сказал Ирлинг.
- Вожди все-таки решили, что чародейские кристаллы богоугодны, и мы получили возможность перепродавать то, что покупаем в Ресментеле. Добавим сюда продовольственные поставки и древесину. Говорят, пустынники снова пробиваются к восточному берегу. Собираются строить корабли. Так что вскоре поставки дерева туда удвоятся, если не утроятся. В Пустыне-то с деревьями не очень, - Афир рассмеялся.
- Что верно, то верно, - усмехнулся Ирлинг. – А как поставки оружия?

Афир нахмурился. Оружейные поставки и были основной причиной, по которой он приехал в Ластарт. Пустыня и Срединные земли были огромным рынком сбыта, но оружие в Срединные шло, в основном, через Выллу, и списанные из самого Ластарта образцы. В Пустыню же Неркан разрешал продавать только холодное оружие, справедливо опасаясь, что экспорт туда самострелов потом может выйти боком самому Великому княжеству. Афир видел ситуацию с другой стороны – в Пустыню ластартские самострелы попадали из Срединных земель, и пустынники за них платили чистым золотом. Мысль избавиться от посредников не давала герцогу покоя, но всякий раз Неркан отклонял ее. В этот раз Афир хотел надавить на возможность осуществлять туда поставки хотя бы по квотам и надежным вождям племен. С надеждой потом присоединить часть Пустыни к Великому княжеству, естественно. Этот вопрос он обсуждал только с доверенными лицами, и то, что Ирлинг заговорил об оружии, могло означать, что канцлер в курсе самых секретных дел Ниада. А могло означать простое любопытство. Афир выругался про себя – к Ирлингу он относился с глубоким уважением, но вот за такие, как бы невзначай, сказанные фразы-намеки, периодически терпеть не мог эльфа. А Ирлинг действительно в общих чертах знал о намерениях Афира, но эту информацию для него вывели люди Стефа из отчетов по закупкам самострелов и перемещению их на северо-восточные склады. Вопросом своим Ирлинг хотел вызвать реакцию собеседника и проверить, верна ли догадка его людей. И, судя по реакции, догадка была верна.
- Для нас это закрытая тема, канцлер, - твердо сказал Афир. – К сожалению, но это так. Если бы не твердая позиция нашего Великого князя…

Дверь отворилась, и в зал вошел Неркан.
- Если бы не моя твердая позиция, то наше Княжество вряд ли могло бы достичь того, что оно достигло, пан Афир, - строго сказал он. Затем улыбнулся вставшим и вышедшим ему на встречу дворянам. – Рад, что вы дождались меня, панове. Смотры гвардии всегда затягиваются, я прошу меня извинить.

- Ваше Величество, - поклонились Афир и Ирлинг.
- Но, думаю, вы нашли тему для беседы, и вам не было скучно? - сказал Неркан.
- Вы совершенно правы, Ваше Величество, - ответил Афир.
- Вот и отлично, - сказал Неркан. – Пан Афир, пройдите в зал приемов, я встречусь с вами там, как только переоденусь. Ирлинг, поднимись в малую переговорную и ожидай меня там.
- Хорошо, Ваше Величество, - в один голос ответили оба герцога, затем улыбнулись друг другу.
- Было очень приятно пообщаться с вами, пан Ирлинг, - сказал Афир, пожимая руку канцлеру.
- Взаимно, пан Афир, - ответил Ирлинг.

Афир и Неркан вышли. Ирлинг, пользуясь предоставленным временем, допил отвар. Затем поднялся и медленно направился на третий этаж. Настроение у эльфа после разговора с Афиром поднялось. Приятно думать, что ты держишь руку на пульсе даже тех дел, которые в данный момент тебя не касаются напрямую. Последнее время у Ирлинга хватало забот, иногда приходилось ночевать на работе. И вот сегодня, еще до рассвета, в канцелярию прибыл гонец от Кирия Динского. Подканцлер Легийский доложил об этом Ирлингу лично – тоже ночевал на рабочем месте. Ирлинг ознакомился с докладом и одобрительно покачал головой.
- Все обернулось даже лучше, чем мы задумывали, пан Лито.
- Похоже на то, Ваша Светлость, - ответил заспанный, измятый Лито.
- Главное, не допустить промашки в конце партии, - больше сам себе сказал Ирлинг.
- Прикажете отослать графканцлеру Динскому четкие инструкции?
- Не стоит, - ответил Ирлинг. – Он замечательно справлялся до этого и по общим направлениям. Думаю, мы можем на него положиться. Составьте мне краткую выдержку по его отчету и по отчетам Стрел и Сов. И известите секретаря Великого князя, что сегодня я собираюсь к нему на прием.
- Будет сделано, пан канцлер, - хмуро поклонился Лито и вышел.

И вот теперь Ирлинг сидит в той же комнате, где еще летом Неркан поручил ему разобраться с ситуацией и не допустить крови в Фарке. И может сказать, что он с достоинством, правда, не без помощи самого Великого князя, справился с задачей. Вскоре Эглина Рейкская взойдет на престол Фарка, Милан Теринский или согласится с этим, или будет пребывать в политическом забвении после того, как все его союзники будут либо арестованы, либо мертвы. И, что самое главное, все это будет сделано малой кровью и без участия головорезов Лону. Да и с тем теперь имеются определенные договоренности. Это была, без сомнения, победа.
- Победа, - попробовал это слово на вкус Ирлинг. Оно ему определенно нравилось.

Неркана ему пришлось ждать еще полчаса. Когда Великий князь вошел в комнату, он выглядел посвежевшим, хотя и несколько раздраженным.
- Ну, что скажешь, канцлер? – спросил он сходу, садясь напротив Ирлинга.
- Скажу, что Афир снова доставал тебя с предложениями по продаже оружия в Пустыню, а ты снова отказал ему, - ответил Ирлинг. – И тебе бы стоило немного придти в себя после этого.
- А по делу? – нетерпеливо сказал Неркан.
- По делу, так по делу, - пожал плечами канцлер. – Докладываю, Ваше Величество. Ситуация в княжестве Фарк входит в нормальное русло. Служащим канцелярии удалось восстановить мир между наследницами покойного князя Фаркского. Более того, Эглина Фаркская теперь имеет реальные шансы получить трон в короткие сроки. Пособники бунтовщиков и смутьянов Клио Лимицский и Лиин Миковский арестованы. Последний направляется в Ластарт под конвоем, дабы предстать перед вами и ответить за свои преступления. Логово смутьянов – клуб «Гарда» - и его основатели со дня на день будут арестованы и предстанут перед судом за государственную измену. Радан Теринский в

ближайшее время совершит, если уже не совершил, самоубийство или будет арестован за организацию убийства Иллы Фаркской. Граф Милан, лишившись поддержки своих друзей и отца, либо пойдет с нами на мировое соглашение, и тогда сможет выйти чистым из этой истории, или также будет обвинен в государственной измене и пособничестве убийству княгини Иллы. И в том и в другом случае влияние Великого княжества в Фарке будет восстановлено в полной мере.
- Прекрасные новости, - взгляд Неркана оттаял. – Если все действительно так, то я поздравляю тебя, канцлер. Гонец от Динского прибыл сегодня утром?
- Да, - кивнул Ирлинг. – А «Стрелы» и «Совы» доложились позавчера. Думаю, в течение десяти дней все решится.
- Доказательства измены «Гарды»?
- Кроме документально подтвержденной информации о финансовой помощи Мертволесья Клесскому, Динский надеется получить от Нии из Яра, журналистки из срединных земель, какие-нибудь интересные сведения о личных связях графа Йатика. Он, с моего разрешения, разгласил ей часть известной нам информации. И теперь она землю роет ради сенсации. Думаю, мы можем на нее рассчитывать.
- Интересно, - Неркан размышлял. – Вы завербовали ее?
- Пока, я думаю, мы можем назвать это сотрудничеством, - ответил Ирлинг. – Но Динский будет работать в этом направлении дальше.
- Что с графом Раданом Теринским?
- В общих чертах, у Алого Клинка есть убедительные доказательства того, что он организовал убийство Иллы Фаркской. Исполнил его послушник местного Храма, весьма занятным, надо сказать, способом.
- И почему Радана не арестовали сразу, раз доказательства убедительные? – нахмурился Неркан.
- Динский пишет, что княжна Эглина настояла на том, чтобы сохранить информацию об убийстве своей матери в тайне и предоставить Радану возможность выбора между самоубийством или арестом. В случае, если граф согласится расстаться с жизнью, Эглина решила не раскрывать тайну убийства для того, чтобы сохранить спокойные отношения между Миланом Теринским и Альдой Фаркской. А также душевное состояние своей сестры – в ходе расследования выяснилось, что Илла собиралась убить Альду, тем самым расстроив брак последней.
- А ведь Эглина – молодец, Ирлинг, - хмыкнул Неркан.
- Ты был абсолютно прав насчет нее, - согласился канцлер.
- Присматривай за ней, - серьезно сказал Великий князь. – Она может быть нам очень полезна.
- Я и сам об этом подумал, - кивнул Ирлинг.
- Что говорит Лону?
- Лону вроде бы отступился. Но я буду присматривать и за ним.

Ирлинг решил не рассказывать Неркану об их с Беркилканом небольшом соглашении. И надеялся, что Лону поступит точно также. Случаи бывают разными, и необходимо иметь страховку на любой из них.
- Значит, победа, канцлер? – улыбнулся Неркан.
- Загадывать, конечно, не стоит, - ответил на улыбку Ирлинг. – Но, думаю, мы можем готовиться в Государственному Совету. С новой участницей на нем.
- Отдай необходимые распоряжения, - кивнул Неркан. – А теперь давай обговорим так волнующую Афира проблему с поставками оружия в Пустыню.

Теринка, Раданка. Год 1476 От В.Н., 51-54 день осени.

Все эти дни Милан Теринский будто находился в тумане. Иногда он ловил себя на том, что говорит кому-то какие-то слова, отдает приказания, что-то делает. Но все это было где-то далеко, не здесь и не сейчас. Или, вернее, он не был сам в этом «сейчас». Он был там, во времени, где все еще не пошло прахом и отец был жив.

Три дня назад, днем, ему сообщили, что Лиин Миковский арестован Кирием Динским. По словам гонца, обвиняли графа Миковского в связи с преступными элементами и, чуть ли, не в создании собственной банды. Это звучало настолько абсурдно, что Милан сразу не поверил. Он немедленно приказал собраться своим личным дворянам – решил ехать в Рейк, требовать объяснений от Динского. Милан был обескуражен и зол. Подумать только, арестовать Лиина Миковского за связи с чернью! Благороднейшего дворянина во всем Фарке обвинить в сговоре с преступниками!

Он уже оделся в походный костюм и был готов выезжать, когда прибыл гонец из Раданки с вестью о смерти отца. Последним, что помнил Милан, что он опустился на крыльцо, держась за перила. Потом его куда-то вели, слуги бегали, суетились, а он лежал и смотрел в потолок. Отец умер, совершил самоубийство, оставил его одного в этот момент, когда Милан так нуждался в нем. Милан лежал, и не мог поверить, что Радана Теринского больше нет.

Потом он ехал, ему казалось бесконечно долго, хотя эскорт еле поспевал за ним, а пес упал бездыханным на пороге Раданки. Милан вбежал в кабинет отца и увидел его мертвым на столе. Споткнувшись на пороге комнаты обо что-то, он лишь потом разглядел тело дворецкого Видана. Он бросился к отцу и встал, как вкопанный. Взял письмо со стола, письмо к нему, Милану. Прочитал его автоматически и положил в карман. Потом ушел в зал, и сидел там, пока канцелярские из Клевца, ближайшего к Раданке города составляли акт о смерти. Когда все документы оформили, тело он приказал перевезти в Теринку для прощания. Потом послал гонца к жрецам в храм Терии. Сам он не поехал домой в этот вечер, так и остался сидеть в зале. Кто-то из дворян налил ему настойки. Они сидели рядом с ним, такие знакомые и такие чужие. С ним, таким одиноким в их обществе. А он сидел и пил, и ему казалось, что это страшный сон, и скоро он пробудится, и будет солнечное утро, и отец улыбнется ему, потом станет строгим и скажет готовиться, ведь сегодня предстоит многое сделать во славу Фарка и Терии! И только внутри него кто-то мудрый, наверное, он сам, только сильно постаревший за последние пару часов, говорил ему, что больше этого никогда не случится.

Он смутно помнил, как ему в голову пришла мысль о том, что во всем виновата Эглина Фаркская и Кирий Динский, и он с громким криком вскочил, чтобы немедленно вести своих соратников на Рейк. Но покачнулся, не удержался на ногах и упал без чувств. Как он оказался в Терии, он не помнил. Пришел он в себя в своих покоях. У кровати дежурили обеспокоенные лекарь и служанка. Милан сначала вскочил, решив немедленно ехать к отцу, потому что посчитал все произошедшее до этого дурным сном. Лекарь сказал ему, что Радана Теринского готовят к похоронам в соседних покоях. Милан снова лег на кровать и уставился в потолок. Белый потолок. «Как тот саван, что сейчас одевают на отца», - подумал граф. Он приказал служанке принести ему вещи, подобающие для траура, отпустил лекаря. И лишь потом, когда они вышли, дал волю слезам. Весь этот день он просидел один в своих покоях.

Потом был поминальный зал. Рядом с ним стояли Борин, Йатик и Коссит. Напротив – представители всех графских родов Фарка. Вместо Лиина от Миковских приехал его сын Айлин, от Динских внук Ульта Алек. В основном присутствовали наследники, лишь пани Озерецкая лично приехала почтить память старого графа – они были дружны. От Картента приехала пани Нати, дальняя родственница графини Арамель. Фарк представлял старый Масий. Он сухо кивнул Теринскому и вручил ему письмо от княгини Альды. Милан даже не развернул его, поблагодарил барона и отвернулся. Масий

пробыл на официальной церемонии и отбыл. Все остальные остались на поминальную трапезу. Борин и Йатик пытались заговорить с Миланом, но тот был не в состоянии что-либо обсуждать. Они оставили его в покое. Он слушал слова сочувствия от Озерецкой, от Айлина. Политику за столом старались не поднимать – неуместность этого понимали даже «гардовцы». На середине трапезы Милан оставил гостей и отправился в крипт к отцу. Он спустился вниз, приказал закрыть за ним массивный железный люк. Милан остался наедине со своими предками – последний в великом роду Теринских стоял и смотрел на пятнадцать поколений своих прародителей.

Он подошел к отцу. Жрецы-бальзамировщики прекрасно выполнили свою работу. Радан выглядел, как живой, только спящий. И от этого становилось особенно жутко. Милан понимал, что однажды отец все равно отправился бы в свой последний путь, но не так неожиданно, не так, не так!

- Не так! – закричал граф Теринский. – Почему сейчас?! Почему, отец?! Почему ты оставил меня?! Ты никогда ничего не делал без причины?! Почему ты решил, что это подходящее время?!

Милан кричал. Потом рухнул на колени и зарыдал, громко, во весь голос. Гордость внутри говорила ему, что его могут услышать, что он не должен. Но эмоции рвались наружу, и он больше не мог сдерживаться. Он остановился только тогда, когда почувствовал, что больше не может кричать – только беззвучно открывает рот, как рыба, выброшенная на берег. Так он и чувствовал себя.

Он умылся в храмовой купели, и вернулся в зал. До конца вечера он не произнес ни слова. Он вознес хвалу богам, что никто не приставал к нему сегодня с бесконечными расспросами.

Гости стали расходиться ближе к десяти вечера. Их провожал у двери Борин. Сам Милан лежал у себя в покоях, невидящим взглядом уставившись в потолок. Ему не хотелось ни двигаться, ни думать. Хотелось исчезнуть, раствориться, никогда больше не существовать. Так он лежал еще час, пока в двери не постучали.

- Пошли к длимернам! – крикнул он, не заботясь о том, кто бы это мог быть.

- Ваше Сиятельство, это Озин, - послышался из-за двери низкий голос гвардейца. – Пан Циверский передал вам, что он уезжает. И если вы будете в состоянии, они хотели бы вас видеть завтра к вечеру на заседании клуба.

- Спасибо, Озин, - откликнулся Милан. – А теперь иди к длимернам!

- Слушаюсь, Ваше Сиятельство!

Милан вновь остался один. Он достал из кармана письмо Альды и прочитал его.

Милый мой!

Я сожалею, что не могу быть с тобой в такой час, но барон Масий и моя охрана утверждают, что я подвергну себя большой опасности, если приеду к тебе. Они не доверяют твоим друзьям. Я бы все отдала, чтобы сейчас быть с тобой, но обстоятельства, как ты не раз говорил, могут быть сильнее нас.

Но я хочу, чтобы ты знал, что я тебя всегда жду. Все те дни, что ты обрекал нас на разлуку, я ждала тебя. И сейчас, в горький для тебя час я готова утешить тебя – лишь только ты появишься здесь. Я надеюсь, что моя любовь хоть немного, но уменьшит твою печаль. А я люблю тебя сильнее всего на свете, Милан.

Скорблю вместе с тобой
Твоя Альда

Он сложил письмо вчетверо, встал и положил его в верхний ящик стола. Он прекрасно понимал и Масия и охранявших Альду канцелярских. Естественно, они не верили ни ему, ни его друзьям. Друзьям ли? Милан сел за стол, откинулся на спинку

кресла и задумался. Йатик и Борин становятся все настойчивей. Отец говорил, что надо добиваться всего миром, они хотят развязать войну. Это очевидно, и самые горячие головы будут на их стороне. Он вспомнил последнее заседание «Гарды». Борин оговорился, что лидеру следует действовать решительней, иначе он может лидерство и утратить. После этого он извинился, да и Йатик пристыдил его. Но не выдает ли это истинные мысли Циверского? Теперь, когда отец мертв, опереться Милан может только на них – или же встать к ним в оппозицию. Присоединиться к Альде. И этим самым выполнить волю отца. Может, отец решил, что только так он сможет убедить Милана в своей правоте. «Почему же, отец?», - снова спросил себя Милан. И вдруг вспомнил – ведь что-то там было в письме отца. «Если ты вдруг задашь себе вопрос…», - всплыли в памяти строки. Милан стукнул себя по лбу, достал из кармана письмо и перечитал его еще раз. «Если ты когда-нибудь задашься вопросом, почему я оставил тебя в такую трудную минуту, вспомни наш разговор о мятеже Клио. Вспомни, что я тогда сказал и сделал», - прочитал он.

День разговора. Отец подходит к стеклу. Подзывает его, Милана, к себе. Надписи на стекле, память предков… Что же он тогда… Надписи на стекле! Вот ответ! Видимо, отец боялся, что письмо прочитает кто-нибудь другой и оставил послание. «Какой же я идиот! - обругал себя Теринский. - Сейчас полночь, ехать уже поздно. Но с утра я должен отправиться в Раданку!».

Заснуть он так и не смог. До утра провалявшись в постели, и глядя в окно, ожидая первый рассветный луч, он думал об отце, о восстании и о своей жизни. Что двигало им? Мечты о независимости? Жажда власти? Воспитание? Сейчас ему трудно было ответить. Он и его друзья считали, что Неркан унижает их дворянское достоинство. Но смотрели ли они дальше своего носа, или жили только мечтами отцов, недовольных, что их лишили рабской силы? Эти мысли были для него новыми. Он вспоминал свои беседы с отцом, с Циверским, с Клесским, с другими своими единомышленниками. Они всегда говорили о дворянстве, о благородстве, о наследии Севера, о борьбе за честь и достоинство. Но насколько благородна эта борьба, если она приведет к страданиям столь многих? За что они борются, в конце концов?

Потом он вспомнил Альду. Он влюбил в себя эту девушку, он играл на ее чувствах. Ради Фарка, как он говорил себе. Но спрашивал ли он при этом, чего хочет Фарк? «И мой отец, и я, и покойный Клио – все мы хотели что-то сделать для Фарка. Отречься от себя, от собственного счастья, пожертвовать жизнью. Клио и отец уже пожертвовали жизнью – но неужели не стоит сначала сделать счастливым себя, а уже после думать об обществе? Если ведь подумать – все те, кто хочет облагодетельствовать всех остальных, обычно несчастны сами. Так что они могут знать о счастье для других? Возможно, мне стоит подумать о том, как сделать счастливым одного человека, ту, которая ждала меня все эти годы. А уже потом о счастье для всех». Эта мысль позабавила его. Да, как только он разберется с тем, что оставил для него отец, чтобы тот не оставил, он отправится к Альде. И вслед за этим постарается убедить Борина и остальных, что они ошибались. Что борьбу следует вести другими методами. «Да, так и сделаю! Сначала отец, потом Альда, потом Борин», - решил Милан.

Как только за окном появились проблески рассвета, Милан вскочил, оделся, повесил на пояс меч, а за пазуху положил самострел. Он вышел и направился к псарням.

- Ваше Сиятельство, вы встали так рано? – услышал он голос Озина и обернулся. Гвардеец с беспокойством взирал на графа.

- Собираюсь в Раданку, - сказал Милан. – Возникли срочные дела. А ты почему не спишь?

- Я только проснулся, пан Милан, - ответил телохранитель. – Думал, может вам может что-либо понадобиться. Вы собираетесь ехать один, Ваше Сиятельство? Одному опасно ездить в такое время, мой пан.

- Брось, Озин, - хмыкнул Милан. – Кому суждено быть повешенным, тот не утонет.

- Если позволите, я бы поехал с вами, Ваше Сиятельство, - сказал гвардеец. – Вам может пригодиться помощь.
- Тут ты прав, - поразмыслив, сказал Теринский. – Собирайся и приведи псов. Поедем быстро.
- Слушаюсь, Ваше Сиятельство, - быстро поклонился Озин. – Сию секунду буду.

Он действительно сделал все очень быстро. Не прошло и пяти минут, а они уже мчались к поместью отца. Пришедшая оттепель растопила снег, и теперь из под лап псов вылетали комья грязи. Утро было серым, туманным. Изо рта зверей вырывался пар, всадники прижались к холкам. Ветер свистел в ушах. «Только бы моя догадка оказалась верна, - думал Милан. – Только бы это все имело смысл».

Они доскакали до ворот Раданки. Дверь им отворил сонный гвардеец.
- Озин, подожди у входа, - скомандовал Милан, вбегая в фольварк.

Он быстро дошел до дверей отцовского кабинета и встал перед ним. Он понимал, что тела отца там нет, что кабинет пуст. Но боялся открыть дверь и вновь ощутить то же, что и в тот момент. Ту охватившую его пустоту и обреченность. Он вспоминал, как ребенком вбегал в кабинет, и как отец строго смотрел на него, а потом вручал какой-нибудь трактат с таинственным и притягивающим названием, например, «древние сказания и учения», а потом выпроваживал. «Вот осилишь это и расскажешь мне, что ты понял, - говорил он. – И тогда поговорим, а теперь я должен работать». Слеза покатилась по щеке графа. Но он сжал зубы, толкнул дверь и вошел. Кабинет остался таким же, как и в его последнее посещение, только тела отца и Видана убрали да вытерли пятна крови со стола и пола. Милан подошел к креслу отца, бережно провел рукой по спинке. Потом повернулся к окну. Он закрыл глаза и вспомнил тот день, тот давний день, когда все это началось. Потом подышал на окно. Стекло запотело и на нем проступили буквы. «Все так, отец, - подумал Милан. – Твой сын понял тебя». Он подышал чуть ниже и теперь фраза «Ищи в «сказаниях» проступила окончательно. Милан зажег свечу, подошел к шкафу и достал тот самый трактат, который так любил отец, и к которому был так неравнодушен он сам. Пролистал страницы, затем перевернул книгу и потряс ее. Записка вылетела из середины и плавно опустилась на пол. Милан подобрал ее и прочитал:

Мой сын!

Раз ты читаешь это, значит, ты помнишь о нашем разговоре в год смерти твоей матери. И я надеюсь, что ты не будешь укорять меня за то, что мне пришлось сделать, после того, что прочтешь это письмо.

Первое, что я хочу сказать тебе, что именно я повинен в смерти Иллы Фаркской. Я и никто другой. Сделал я это потому, что она собиралась убить свою дочь, дабы помешать нашим планам. Поверь мне, что у меня не было другого выхода – я хотел уберечь твою невесту, твое будущее и будущее Фарка от этих посягательств. Сейчас, когда это может стать известным, у меня нет другого выхода, как только покончить с собой, дабы избавить тебя от возможных обвинений.

Второе, более важное: мне стало известно, что кто-то из «Гарды» может использовать нашу борьбу как способ, чтобы продать нас Мертволесью. Доказательство этому, как мне сказали, есть у Кирия Динского. Я прошу тебя, разберись в этом. И, если это правда, то ты должен сделать все, чтобы остановить их. Независимость, купленная ценой свободы, не стоит ничего.

Если же эти слухи не верны, я надеюсь на твое благоразумие. Помни, что я тебе говорил о молодых, жертвующих своей жизнью. Помни, восстание - это последнее средство. Я верю в тебя, сын мой.

Да хранят тебя Боги!

П.П. Уничтожь это письмо, как только прочтешь.

Милан почувствовал, что он плачет. Отец пожертвовал своей жизнью, чтобы уберечь его и чтобы исправить ошибку, которую сам же и совершил. Ради него и Альды. «Что ж, будет кощунством не послушать его последнюю волю, - решил для себя Милан. – Если Динский действительно располагает доказательствами, что кто-то из «Гарды» - даже подумать дико – имеет отношения с эльфами, тогда все становится на свои места. Если же нет – я поеду к Альде, отобью ее у канцелярских, у Масия, у самих Падших, если они встанут на моем пути. А потом мы посмотрим – я буду разговаривать только с Нерканом! Давно следовало это сделать! А теперь – в Рейк!». Он поднес письмо к пламени свечи и последние слова Радана Теринского, обратившись в пепел, упали на пол. Затем взял бумагу с отцовского стола и быстро написал письмо главе своей гвардии, Циверскому-старшему, отцу Борина. Следовало немедленно взять под стражу всю верхушку гарды, чтобы не допустить бунта.

Он быстро вышел из дому. У дверей его встретил Озин.

- Я отправил охранника отдохнуть, Ваше Сиятельство, - сказал он.

- Сходи разбуди его, - распорядился Милан. – Я немедленно еду в Рейк.

- В Рейк, Ваше Сиятельство? – спросил удивленно Озин.

- Да, - кивнул Милан. – Мне нужно поговорить с Динским. А ты отправляйся в Терию. Передай Димию Циверскому это письмо. «Гарда» отныне подчиняется моей гвардии, а всю верхушку клуба необходимо взять под наблюдение.

- Ваше Сиятельство… - в замешательстве отступил Озин.

- Нет времени объяснять, Озин! – крикнул Милан. – Нам остается только молиться, чтобы все оказалось не так, как я сейчас думаю. Быстро, езжай в Терию, а я поеду в Рейк. Время не ждет.

Он повернулся к Озину спиной и сделал шаг к псам. Озин, воспитанник Борина Циверского и его ставленник в охране Теринского колебался лишь мгновение. После чего вынул из ножен меч и ударил Теринского рукоятью по голове. Граф пошатнулся, рухнул на колени. Озин нанес еще один удар. Милан рухнул на землю. Озин осмотрелся.

- Мне нужна телега, - сказал он сам себе. – Один пес не утащит двоих. Было бы проще убить его здесь. Но вряд ли пан Борин похвалит меня за это. А живым граф еще может пригодиться.

Через полчаса он уже ехал на телеге в направлении штаба «Гарды», предварительно связав Милана Теринского по рукам и ногам и завалив тело сеном. Озин не сомневался, что сделал правильный выбор. Пускай пан Борин разбирается с этим. В конце концов, кто больше всех печется о сопротивлении, как не Борин Циверский?

Терия и окрестности. Год 1476 От В.Н., 55 день осени.

На улице еще не рассвело. Ночной сумрак нехотя расступался перед рассветом, блеклым и серым, каким обещался быть и день. Коссит зажег свечу на столе, и комната озарилась светом, игравшим с тенями. Анелька сонно пошевелилась, протерла глаза, посмотрела на него.

- Уже уходишь? – глухая тоска в голосе заставила хорунжего вздрогнуть.
- Это ненадолго, - успокоительно сказал он. – Приготовишь завтрак, пока я умоюсь?

Она быстро соскочила с кровати и мышкой юркнула на кухню. Коссит проследил за ней взглядом. Небольшого росточка, стройная, русоволосая, Анелька была вдовой его друга, погибшего пять лет назад. Дочь цеховика из Терии, она вышла замуж в шестнадцать лет за своего соседа, бойкого и расторопного Мида, бывшего тогда подмастерьем у купца. Когда у них родилась дочь, Мид решил, что ребенку нужно обеспечить образование и положение, и записался в войско. «Пятнадцать лет жизни ради счастья своих детей и внуков, - сказал он тогда Анели, - не такая и большая цена. За это я был бы готов и жизнь отдать». Пятнадцать лет – именно такой срок нужно было отслужить в войске, чтобы получить личное дворянство и обрести положение в обществе. Дальше он надеялся пойти на службу в графскую или княжескую гвардию и там уже приобрести наследственное дворянство. Но Мид отслужил треть срока. А потом они попали в засаду у Мертволесья. Бой был жарким, погибли сорок два бойца, в том числе их командир, сотник Дарик. И десятник Мид. На подмогу к уцелевшим восьми бойцам, командование над которыми взял на себя полусотник Анесский, пришли илинские гвардейцы. Эльфов вырезали всех до единого. Коссит ожидал, что на высшем уровне случится скандал. Он жаждал войны, возмездия. Но вскоре к ним явился невзрачный человек в канцелярском мундире и сказал, что того боя не было. Вернее он был, но напали на них разбойники, беглые каторжники из Срединных земель. Вои онемели от этого сообщения. Коссит сказал, что при всем уважении к пришедшему, он, как офицер, не может позволить лгать себе и окружающим. Человечек пожал плечами, и сказал, что для их же блага было бы, если бы они забыли все произошедшее. Иначе всякое может случиться.

Решение далось нелегко. Коссит добивался аудиенции у высших чинов – пытался пробиться к Великой княгине, в чьем войске состоял. Однажды вечером он вернулся в комнату, которую снимал в Ластарте, из очередной бесплодной попытки попасть во дворец и обнаружил там крепкого мужчину, одетого в белый мундир. Так он познакомился с адмиралом Нивом Беркликаном. Адмирал рассказал ему, что злополучное нападение было связано с патологической ненавистью одного из мертволесских лордов к людям. Не подчинявшийся приказаниям Темного Трона, тот двинулся в Ластарт и готовился учинить большой рейд, но первыми, кто ему попался, был как раз отряд Дарика. Канцлер приказал замять инцидент, грозивший серьезным осложнением отношений с Мертволесьем. Известно лишь было, что Данэирт выплатил серьезную компенсацию и пошел на какие-то важные уступки. Коссит возражал, говорил, что таким образом Княжество предало своих людей. Адмирал согласился, сказав, что здесь он бессилен – отряд принадлежал к северной группе войск, а Великая княгиня полностью поддерживает дипломатические усилия канцлера. А потом предложил перейти под свое командование, пообещав, что сделает все, чтобы такие инциденты больше не оставались безнаказанными, при помощи Коссита, конечно. Он оставил Анесского размышлять и удалился.

Коссит помнил, как он приехал в Терию, и зашел к Анельке сообщить о судьбе Мида. Он помнил слезы в глазах женщины, помнил испуганную Мару, ее дочь, которая пряталась за подолом матери, не понимая, почему та вдруг расплакалась. Он помнил, как в первый раз, желая утешить и понимая, что не сможет этого сделать, обнял Анельку. На следующий день он выехал в Берклику, записался на аудиенцию к адмиралу Ниву и

согласился на его предложение. Так Коссит Анесский стал одним из первых, пускай и тайных, сотрудников военной разведки Великого княжества.

К Анельке он в тот год приезжал трижды. Каждый раз привозил деньги, которые передавал ему адмирал для семей погибших. Каждый раз подолгу оставался за столом, ужинал с Анелей и Марой. Молодой вдове, в меру своих возможностей, помогал отец. Жил он в доме напротив – когда-то, когда дела в цеху шли в гору, еще ее дед смог выкупить отдельный дом «для младшеньких». Теперь, когда Анеле все чаще было одиноко и страшно оставаться одной, она возвращалась в отчий дом и жила вместе с дочерью там. Только когда приезжал Анесский, Анеля принимала его в малом доме, а потом, когда он уезжал, возвращалась в отчий.

В следующем году Коссит начал приезжать к Анеле чаще, выдумывая различные поводы. Дом ее напоминал ему о собственном. Коссит был из тех дворян, которые немногим отличались от селян их же деревень. Поэтому к роскоши он не привык ни в детстве, ни позже на службе. Приезжая в Терию, он первым делом думал, под каким поводом зайти к Анеле. Когда он поймал себя на этом, его начала мучить совесть – все-таки жена его друга, пускай и погибшего. Но он все больше замечал, что и девушка к нему благосклонна, и Мара радуется приезду «пана Коса» каждый раз. И однажды он остался на ночь.

Коссит вышел в прихожую, где располагался умывальник. Ванной в малом доме не было, лишь два крана – в прихожей и в уборной. Он умылся, слегка подстриг бороду. Протер влажным полотенцем тело, поежился. Сегодня ему было необходимо встретиться с Миланом Теринским и убедить того уехать в Фарк. Коссит нутром чуял, что Борин и Йатик приняли решение о вооруженном восстании, и Милану не удастся их больше сдерживать. Зная графа Теринского, хорунжий понимал, что тот попытается – и тогда, самое меньшее, окажется в заключении. А, скорее всего, его просто убьют. Помешать этому безумию могло только примирение графа с княгиней. Потом на их стороне будет весь Фарк, а если гардовцы будут настолько глупы, что поднимут восстание и после этого, то тогда они помирятся и с Рейком. «Гардовцы, - хмыкнул про себя Коссит. – И когда я начал отделять себя от них?». Наверно, когда узнал о возможных эльфийских связях Йатика. Коссит ненавидел эльфов, и, получив приказ внедриться в «Гарду» и поддержать Теринского особо отметил приятный для себя антиэльфийский уклон клуба. Теперь же, понимая, что это все была хитрая комбинация Мертволесья, он был рад, что не запятнал себя «Гардой» по-настоящему. «Я выполнял приказ, я был тем орудием, которое приведет их к гибели, - говорил он себе. – Сейчас я поеду к Милану. Он подавлен смертью отца, он воспримет мои слова об Альде, о мире. И мы утрем нос и остроухому канцлеру, и его родичам из Мертволесья!». Он хотел поговорить с Миланом еще на похоронах, но не решился потревожить графа. Да и присутствие Йатика и Борина не способствовало разговорам на тему примирения с Альдой.

Коссит зашел на кухню. В печи булькал котелок, приятный запах вареной картошки разносился по дому. Анеля стояла у окна в сером будничном платье и смотрела на оживающую городскую улицу. Он подошел и обнял ее за плечи.

- Уходишь? – спросила она.

- Я быстро вернусь, Анелька, - он поцеловал ее в шею. – Это ненадолго.

- Он тоже так говорил, Коссит! - Анеля повернулась к Анесскому. В глазах ее стояли слезы. – Он тоже говорил, что на границах тихо! У меня очень плохое чувство, как и тогда! Не уходи!

- Успокойся, милая, - Коссит обнял ее. – Я же не на войну. Я поеду к графу, мы поговорим, и все утрясется, вот увидишь. Я вернусь, ну самое, большее через седмицу.

Она отстранила его, подошла, вынула из печи котелок. Достала тарелку, положила еду на нее и поставила на стол.

- Молока или отвара? – спросила она, глядя сквозь него в окно.

- Ну что ты так убиваешься? – он подошел и провел рукой по ее волосам. – Я в Теринку, потом в Фарк и назад.
- Не знаю, Коссит, - она прильнула к нему, обняла, заплакала. – Просто, так же я себя чувствовала, когда Мид уезжал в последний раз. Я просила его, умоляла взять отпуск, остаться со мной. Но он не послушал! И ты не послушаешь, я знаю! Бабья доля – ждать мужа из похода и знать, что когда-нибудь он не вернется.
- Глупая, - усмехнулся он и поцеловал ее в макушку. – Я же говорю, это не поход.
- Останься со мной! Еще хотя бы на час! – она прижалась к нему еще сильнее. – Если это не поход, если это просто визит к графу – он подождет. Я умру, если ты уйдешь сейчас. Я не могу знать, что ты вернешься, но я хочу помнить тебя рядом.

И он остался. Через час он поднялся с постели, поцеловал Анелю, наскоро перекусил, оделся. Добрался до псарен и выехал в Теринку. «Еще одно, - думал он. – После того, как поговорю с Миланом надо вернуться сюда. Сегодня день заседания, и в эти дни Йатик обычно приезжает в Терию. Если он повязан с эльфами, то мои люди наверняка проследят его связного. Надо разъяснить этот момент, это может мне существенно помочь».

До Теринки Коссит добрался за полчаса. Там ему сказали, что граф на рассвете, в сопровождении одного гвардейца уехал, скорее всего в имение отца. Коссит был удивлен. Смерть Радана потрясла Милана, и Анесский не ожидал, что тот так скоро сможет приехать в фольварк, где произошла трагедия. «Что ему могло там понадобиться?», – спросил он сам себя.
- А с каким гвардейцем он уехал? – спросил Коссит у эконома.
- Псарь лучше знает, - ответил тот. – Я спал еще, как они уезжали, пан Анесский.

Когда Псарь сказал, что вместе с графом поехал Озин из Теринки, Коссит не на шутку разволновался. Он чуть ли не бегом вернулся во двор, вскочил на пса и стрелкой помчался в Раданку. Озина он знал – тот был преданным человеком Борина Циверского. Именно Озин докладывал «Гарде» обо всех действиях графа. Коссит подозревал, что если Милан начнет представлять опасность, Озин будет тем орудием, с помощью которого Борин может расправиться с Теринским. Еще только получив приказ адмирала Беркликана охранять Теринского, Анесский хотел отдалить Озина от Милана, но события последних дней не позволили ему сделать это. «Не стоило уступать Анели и оставаться, - подумал Коссит. – Я потерял время, а сейчас терять время – непростительная роскошь. Но нельзя и злиться на Анелю. Здесь виноват я сам. Значит и ответ мой. К тому же – кто даст гарантию, что я успел бы, если бы выехал раньше?». Но он, тем не менее, не успокоился. Мысли возвращались к плохому предчувствию Анели. Он гнал их прочь, но, на всякий случай, приготовился к бою.

В Раданке его ожидал растерянный гвардеец. Да, сказал он, граф приезжал, вместе с одним охранником. Отправили его спать, сказали, что побудут здесь. А потом он вышел – ни графа, ни охранника. Да еще и телега пропала из свинарника. Вдоволь наорав на нерадивого гвардейца (больше ради собственного успокоения), Коссит задумался. Он не понимал, зачем Теринскому или Озину понадобилась телега, и они ли ее взяли. И куда могли отправиться. Дорогу размывало мелким дождем ,и вряд ли он по следам найдет их. Да и разговаривать с Теринским при Озине сродни самоубийству. «Дело движется к полудню, - подумал он. – До заседания остались считанные часы. Нужно ехать в Терию, поговорить с Лехом, а потом в «Гарду». К Теринскому тогда поеду потом, вечером. Дадут Боги, ничего не решится до этого момента.

В Терии у восточных врат его встретил взволнованный десятник Лех, глава небольшого отряда, которому Коссит дал задание следить за Йатиком Клесским.
- Пан хорунжий, ухажер попался, - доложил десятник.
- Докладывай, - приказал Анесский, и они отошли подальше от поста стражи.
- Пана Йатика мы проследили до корчмы – аккуратно, как вы и велели. Наши люди устроили небольшую потасовку на площади, когда тот проходил. Ну, чтобы у него

подозрений о слежке не возникло. Потом, когда я разгонял бузотеров, на площади появился аккуратный такой франт и тоже зашел в корчму. Вышел минут через двадцать и быстрым шагом удалился. Больше никого там сегодня не было. За ним вышел и пан Йатик. Франта мы продолжили вести до ворот. Я приказал аккуратно проследить за ним. Жду доклада в течение этого часа.

«Я могу дождаться доклада, - подумал Коссит. – Узнать все и двинуться в «Гарду». Но заседание – что они могут сделать за это время? Не опоздаю ли я, вот в чем вопрос?».

- Лех, - сказал он вслух. – Получишь доклад и дождись меня. Без приказа ничего не предпринимать, ты меня понял?

- Так точно, пан хорунжий!

- Я вернусь, самое позднее, через четыре часа.

- Буду ждать, пан хорунжий!

И снова дорога. До «Гарды» от Терии он доехал, казалось, за одно мгновение. Весь его план пошел к длимернам, и он считал, что его уже ничего сегодня не удивит. И, увидев у дверей Озина, отсалютовавшего ему мечом, он действительно не удивился. Он пришел в ужас. В офицерскую он влетел. Воображение рисовало ему коленопреклонного Теринского, которому Йатик срубает голову, под общее одобрение Кира и Борина. Но ничего такого в комнате он не увидел. Борин и Йатик склонились над картой. Кир сидел в углу, нервно постукивая пальцами по лавке.

- На этот раз вы опаздываете, пан Коссит, - улыбнулся Йатик. Он был бледен, с нездоровым блеском в глазах. Видимо, алкоголизм приобретал хронический характер.

- Где Милан? – выпалил Коссит.

- А почему ты решил, что он должен быть здесь? – спросил Борин.

- Я встретил Озина в коридоре, - уже спокойнее сказал Анесский. – И подумал, что вы пригласили Милана на заседание.

- Вот оно что, - кивнул Циверский. – Ну, тут ты угадал. Наш граф действительно приехал на заседание. Правда, не совсем по своей воле.

- Что ты имеешь в виду? – Коссит сбросил камзол на лавку и подошел к столу.

- Чрезвычайный комиссар по делам обороны, пан Анесский, - торжественно произнес Клесский, - добро пожаловать на заседание временного правительства Независимого княжества Фаркского.

Коссит глубоко вздохнул. Сказать сейчас, что это безумие, было самоубийством. Он явственно представил, как Циверский достает самострел и стреляет в него. Мелькнула мысль, что именно это предчувствовала утром Анеля. «Спокойно, Коссит, - сказал себе он. – Играй, сейчас тебе нужно играть».

- Для меня это честь, панове, - поклонился он.

- Видишь? - обратился Циверский к Клесскому. – А ты говорил, что будут проблемы. Пан Анесский наш человек.

- Не изволите ли вы меня ввести в курс дела? – сказал он своим обычным, суховато-ворчливым, голосом.

- В общем, Коссит, у нас тут непредвиденное обстоятельство, - Борин Циверский отошел от карты, лежащей на столе и подошел ближе к Косситу. – Наш граф сегодня поехал в Раданку и что-то там такое нашел. В общем, он хотел приказать моему старику нас всех арестовать, а потом замириться с княгиней и ее сестрицей. Благо Озин был рядом, стукнул Милана по дурной головушке да привез сюда. Сейчас Теринский отлеживается в подвале.

- Все еще живой? – удивился Коссит. Он очень надеялся, что не подаст остальным заговорщикам идею, но сложившиеся обстоятельства требовали от него этой фразы.

- Я тоже советовал перерезать ему глотку, - брезгливо сказал Клесский. – Но у Борина есть план, и он не хочет своего дружка пускать в расход.

- Йатик, а я тебе советовал поменьше пить, - с угрозой в голосе сказал Циверский. Потом повернулся к Косситу. – Да, у меня есть план. Мы можем взять власть в Фарке без лишней крови и легитимно, все еще можем.

- В целом идея неплохая, - снова вклинился Клесский, - но что-то уж слишком складно оно получается.
- Потому и получается, что неплохая, - ответил Циверский. Коссит перевел взгляд на Кира. Тот старательно делал вид, что его все это не беспокоит, и он полностью согласен с планами своих товарищей. Но что-то в глазах купца говорило, что он абсолютно не готов к восстанию.
- Значит, план у нас такой, - сказал Циверский. – Мы уже отправили гонцов к нашим людям. В три дня я смогу собрать полторы тысячи. Своему отцу именем графа я прикажу усилить стражу на границах графства, пока не вдаваясь в подробности. Далее. Сейчас мы подпишем Декларацию Независимости, в которой низложим семейство Фаркских-Приречских с трона, провозгласим независимость Фарка от Великого княжества и объявим себя временным правительством. Трон временно переходит к графу Клесскому, на время, пока Княжество не откажется от притязаний.
- Дворянство не согласится, - покачал головой Анесский. – При всем моем уважении к тебе, Йатик, ты не принадлежишь к родам Фарка.
- Согласится, - сказал Йатик, криво ухмыльнувшись. – Поэтому мы и держим здесь Теринского.
- Да, - продолжил Борин. – Йатик самый знатный из всех нас. А документы, подтверждающие его родство с княжеской линией, мы потом найдем. Архивы хранят много тайн, Коссит.
«Понятно, - подумал Анесский. – Эти документы он сделает потом, когда Йатик получит трон. И тогда можно будет обвинить любого, кто усомнится в их подлинности в симпатиях к Княжеству».
- Нашу Декларацию, - тем временем продолжил Борин, - и письмо, в котором мы будем предлагать обменять живого пока Милана Теринского на отречение от престола в пользу Клесского, пан Кир отвезет княгине. Если она согласится, мы получим полное право действовать от имени народа Фарка.
- А если нет?
- Тогда полторы тысячи наших бойцов, которых Борин через седмицу доставит под Фарк, возьмут Приречье, и силой заставят тупую суку отречься, - сказал Клесский. – А потом она получит Теринского по кусочкам.
- В целом так, - кивнул Циверский. – Может, чуть менее грубо. Твоей задачей, Коссит, будет поехать в Озерец, и привести свою сотню ко мне на подмогу. Именно ты нанесешь удар по Приречью и захватишь княгиню в случае необходимости. Я буду отвлекать внимание старика Масия, выведу его на бой или на переговоры.
- Борин, а если и это не сработает? – спросил Коссит.
- Должно сработать! Это наш единственный шанс, я это понял еще когда на похоронах Радана, наблюдая за поведением Милана. Он стал тряпкой, он не может больше возглавлять нас, - Циверский жестом пригласил Анесского подойти к карте. – Я с нашим ополчением подойду вот сюда, к Ратным холмам. Здесь удобное положение и для атаки на фольварк – с холмов все просматривается как на ладони, и для обороны, если вдруг Масий или подошедшие на помощь ластартцы решат атаковать нас с тыла.
- Я помню Холмы, - кивнул Коссит. – Любой нападающий будет вынужден разделить свои силы из-за остатков стены старого замка. Слева будет обрыв, справа – почти отвесный холм.
- Абсолютно верно, - сказал Циверский. – А наверху ровное плато и пологий спуск к самому Приречью. Мы закрепимся на этом плато и будем ждать ответа от Альды. Ты займешь Древний Форт вот в этом пролеске и станешь ожидать сигнал от меня. Как только ты его увидишь – атакуешь Приречье. Не раньше, Коссит. Наш успех в точном планировании и внезапности.
- Ты обсуждал этот план с сотниками?
- Еще нет. Сначала хотел поговорить с тобой.

- Кого ты поставил заместителями?
- Ефхен Умежский и Ильян Хомский.
- Толковый выбор, - кивнул Коссит. Ефхен и Ильян были наиболее опытными в военном плане членами клуба, исключая самого Коссита. Борин совершенно верно рассудил, поставив их во главе войска. Положение Приречья становилось все более угрожающим. – А с сотниками что?
- Самый опытный из них – Ярик, самый молодой и рьяный – Влатин, - ответил Циверский. – Можешь представить себе примерную картину. Ты знаешь, я умею подбирать людей.
- Знаю, Борин, знаю, - быстро согласился Анесский. Он украдкой смотрел на Клесского. Вид того был жалок, хотя сам Йатик, видимо, так не считал.
- Теперь, что касается Декларации… - начал Коссит.
- Вот текст, - Йатик протянул Анесскому лист бумаги. – Прочитай и подпиши.

Хорунжий пробежал глазами по тексту.

«Мы, нижеподписавшиеся дворяне княжества Фаркского, действуя от имени своего народа и Богов, уполномочивших нас на этот шаг, документом сим объявляем княгину Фаркскую Альду низложенной, в связи с потерей ею доверия народа; княжество Фарк независимым от Великого княжества Ластартского, тем самым расторгая все предыдущие договора, подписанные от имени Фарка родом Фаркских-Приречских; объявляем нижеподписавшихся достойных дворян временным правительством Независимого княжества Фаркского, вольным издавать законы, следить за их исполнением и вершить правосудие именем своим.

Да помогут нам Боги»

Ниже стояли подписи Клесского и Циверского. Коссит еще раз перечитал текст. Взялся за перо, и тут же одернул его.
- Это все не правильно, Борин, - сказал он резко.
- Что?! – Борин застыл от изумления. Краем глаза Коссит заметил, как напрягся Йатик.
- Я думаю, мы должны дать Милану шанс, - сказал Коссит. – Он мог ошибаться, он мог поддаться слабости. Но мы должны дать ему шанс.
- Вот это точно неправильно! – воскликнул Йатик поднимаясь. – Он уже предал нас! Он хотел нас арестовать! И мы ему дадим шанс?
- Я согласен с паном Косситом, - тихо сказал Кир. – Граф вел эту борьбу задолго до нас. Он мог быть потрясен смертью отца. Я считаю, мы должны дать ему шанс.
- Слово за тобой, Борин, - Коссит посмотрел на Циверского.

Тот мгновение стоял, словно окаменев. Он пошел на бунт под давлением Йатика. Последние седмицы Клесский только и твердил о том, что граф Теринский теряет контроль над ситуацией, и они должны действовать решительно. Он внушал Циверскому чувство величия и добился своего. Борин теперь думал только о том, что вскоре станет у руля собственного государства. Слава победителя Великого княжества, почет, уважение. Известность. След в истории. Его теперь вело только это. С другой стороны, Милан был его другом, а его будущие поданные, Коссит и Кир (теперь о них он думал, как поданных и советниках, а не как о товарищах) оценят акт милосердия. Он был уверен, что Милан не пойдет на соглашения с ними. К тому же Клесскому тоже следует показать, кто здесь хозяин, у кого реальная сила. Борин поднялся, подошел к двери, открыл ее и окликнул воя. Когда тот явился, Циверский сказал:
- Приведите графа Милана.
- Борин, ты совершаешь ошибку, - предупредил Клесский.
- Я знаю, что делаю, Йатик, - отрезал Циверский.

Привели Милана. Выглядел он потрепано, руки были связаны. В глазах горел гнев.
- Ваше Сиятельство, - начал Клесский. – Временное правительство Независимого

княжества Фаркского приняло решение просить вас о чести возглавить нас и подписать вместе с нами Декларацию Независимости.
- Пошел ты, - сплюнул Теринский. – Временное правительство! Шуты гороховые! Надеюсь, Неркан смешает вас с грязью тонким слоем!

«Быть бы тебе хитрее, Милан, - внутренне сокрушался Коссит. – Согласился бы, а там я бы тебя вывез отсюда – хоть в Фарк, хоть в Рейк». Но потом он себя одернул. Милан наверняка не верит никому из них. Да и Клесский с Циверским не поверили бы искренности Теринского. Нет, здесь Милан ведет себя правильно. А он сам, Коссит Анесский, на что надеялся, когда просил привести сюда Милана? «Хоть узнал, что он точно жив, - подумал он. - Значит, борьба продолжается, и не все потеряно».
- Милан, - сказал Борин вкрадчивым голосом, - я бы на твоем месте успокоился. Подумай, мы предлагаем тебе то, что ты всегда хотел.
- Но не той ценой, Борин! – покачал головой Теринский. – Ладно, Клесский и Кир, эти родную мать продадут, торгаши. Но ты то, Борин! И ты, Коссит! Что они пообещали вам?
- Бесполезно, вы видите, - сказал Клесский. – Уберите это.
- Да, - согласился Борин. Потом повернулся к Милану. – Прости, старый друг.

Милан гордо отвернулся. Вой выкрутил ему руки за спиной и вывел из комнаты.
- Теперь, если все сомнения сняты, пан Анесский, подпишите Декларацию, и мы немедленно приступим к выполнению наших планов, - Йатик посмотрел на Коссита. Тот взял лист и подписал его снизу. «Как будто приказ о собственной казни подписываю, - подумал он. – Ох, надеюсь, адмирал меня прикроет, не то болтаться мне в петле».
- Кир, выезжай немедленно, - сказал Борин, заворачивая Декларацию и письмо в тубу. – Передай это и наши устные предложения княгини Альде.
- Да, Кир, я отправлю с тобой Каита, - сказал Йатик. – Он отлично подготовлен. Я сказал ему встретить тебя у псарен.
- Благодарю, пан Йатик, - сказал Кир, поклонившись. Коссит понял – Йатик не доверяет Киру, и приставил к тому соглядатая.

Кир взял письмо, послушал напутственную речь от Борина, пожал руки всем троим – невиданная честь для купца - и вышел.
- Я остаюсь здесь еще на три дня, - сказал Борин. – Затем мы выдвигаемся к Приречью. Йатик с двумя десятками воев останется охранять Милана. Коссит, отправляйся в Озерец прямо сейчас! Ты помнишь – я подам сигнал.
- Хорошо, Борин, - кивнул Коссит. – Я по дороге заеду в Терию. Что-нибудь передать твоему старику?
- Нет, я уже отправил к нему гонца, - улыбнулся Борин. – Скачи, друг. Надеюсь, свидимся на ратном поле.
- Не сомневайся, - выдавил из себя улыбку Коссит.
- Мы рассчитываем на вас, пан Коссит, - подошел Йатик и посмотрел Анесскому в глаза. – Весь народ Фарка рассчитывает на вас.
- Я не подведу народ Фарка, - твердо сказал Коссит, подумав, что здесь душой он точно не покривил.
- Я провожу тебя, - сказал вдруг Борин.

Они вышли и пошли по коридору. Коссит огляделся, и не обнаружив посторонних, сказал Циверскому:
- Борин, как ты вообще можешь доверять Йатику? Он же спивается, он неадекватен. Я бы вообще на него не положился. А ты его делаешь князем!
- Вот именно, Коссит, - в глазах Борина вспыхнули огни. – Вот именно, я делаю. А я как сделаю, так и сниму. Ты понимаешь, после всего этого армия Фарка будет в наших руках. И если Йатик только дернется – будет висеть вон там, на воротах.

«Этого и добиваются эльфы, - вдруг понял Анесский. – Руками Борина свершить грязную работу, а потом убрать его. Не успеет он обернуться, как здесь будут войска

Мертволесья, а висеть на воротах будет он сам. Возомнил себя великим полководцем, а сам лишь разменная монета».
- Не беспокойся о Йатике, - тихо проговорил Циверский. – Когда власть будет у нас, мы дадим ему понять, кто главный.
- Борин, а ты уверен, что он не убьет Теринского? – спросил Коссит.
- Хороший вопрос, - согласился Циверский. – Йатик последнее время очень… эмоционален. Я попрошу Озина и остающихся здесь гвардейцев следить за ним и сделать так, чтобы Милан к нашему возвращению был живым.
- Верная мысль, - сказал Коссит.
- Но я не об этом хотел с тобой поговорить. Дела могут повернуться по всякому, поэтому ты и должен будешь ожидать знака от меня. Знаком будет дым от наших костров. Если дым будет белый – твоей задачей будет захватить фольварк. Если черный – значит, спеши к нам на помощь. Понял?
- Понял.
- Я не хотел обсуждать это при Клесском, и так долго пришлось убеждать его в том, что план верен. Не хотелось лишний раз тревожить его ранимую душу.

«А ведь Борин тоже не уверен в Йатике, да и в своем плане, - понял Коссит. – Он правильно мыслит, что если у Приречья ему окажут сопротивление, то нужно отойти и сохранить войско. Но он не предполагает, что этого может оказаться недостаточно. О, Боги, дайте мне силы предотвратить все это!».

Они дошли до псарен и распрощались. Коссит рысью помчался в Терию – необходимо было срочно узнать результаты слежки за связным Клесского. У восточных ворот его встретил возбужденный и взволнованный Лех.
- Пан хорунжий, сразу скажу вам, что это моя вина, - он низко поклонился. – Если вы решите наказать кого-нибудь – накажите меня.
- Докладывай, Лех.

Слежка шла по плану, связной ехал по дороге, и, казалось, не замечал людей Анесского. А потом ему на встречу выехало двое на псах. Один из них, как удалось разглядеть Леху, был эльфом. Троица о чем-то переговорила. Потом они видимо заметили слежку, ибо вся троица галопом бросилась в сторону, откуда прибыли эльф и его сопровождающий. Лех приказал преследовать, решив, что если дать беглецам уйти, они могут предупредить Йатика Клесского и сорвать хорунжему все дело.
- Они были на псах, мы на кабанах, - оправдывался Лех. – Мы отставали, и я приказал стрелять.
- Результат? – нахмурившись, спросил Коссит.
- Когда мы дали залп – на ходу, сами понимаете, точность не к длимерну, двое, в том числе и связной, развернулись и открыли ответный огонь, а эльф помчался дальше.
- Ты точно уверен, что это был эльф?
- Насмотрелся я в свое время на этих гадов, - процедил сквозь зубы Лех. - В общем, они убили Диметра и ранили Кеора. Хорошо стреляли, подлецы. Потом они снова решили отступать – но тут просчитались. Расстояние сократилось, а мы смогли прицелиться. В общем одного я убил, второго, который связником был, ранил кто-то из наших. Когда доехали, он был жив и пытался достать кинжал, видимо зарезаться решил. Мы его вырубили и связали. Эльф ушел. У связника мы нашли вот это письмо.

Он протянул бумагу хорунжему. Коссит быстро развернул ее и прочитал:

Милый мой!

Невероятная тоска одолевает меня, когда я думаю, что ты все еще в заключении. Всякий раз, когда я вспоминаю об этом, мое сердце сжимается от боли и любви. Тот человек, что передаст тебе письмо, сказал, что я сделал все верно и вскоре ты окажешься на свободе. Если все действительно так, и меня не обманывают, то, прошу тебя,

немедленно напиши мне, лишь только сможешь. Я содрогаюсь от нетерпения при одной только мысли, что мы скоро встретимся.

Вечно твой, Й.

Анесский узнал почерк Йатика. Несколько раз сжал и разжал кулаки. «Вот же ублюдок, - подумал Коссит. – Он посылает людей на смерть только ради того, чтобы освободить своего дружка?!»

- Понятно, - сказал он вслух. – Что ж, десятник, могло быть и хуже. Прочешите лес в поисках их убежища.

- Уже делаем, пан хорунжий, - ответил Лех. – Какие будут приказания относительно пленника? Не желаете его сразу допросить?

Коссит задумался. Сегодня он совершил немало ошибок. Он остался с Анелей, и поэтому упустил возможность перехватить Милана. Он поехал в Терию, а ведь если бы он погнался за Озином, то мог бы освободить графа. Он направился в Гарду – и теперь не его люди упусьиди эльфийского дружка Клесского. Хорошо хоть связник выжил. Сейчас он мог остаться, допросить связника, и, подождав пока Циверский уедет, и арестовать Йатика – даже Циверский-старший, узнав, с кем связался Клесский, окажет поддержку Косситу. Анесский также мог поехать в Фарк, где на самом деле находилась его сотня и предупредить княгиню и Масия, приготовиться к бою. Это все правильные ходы, но они не помогут ему спасти Теринского. А что, если… «Надо ехать в Рейк, к Талько Бойковскому. Что говорил Борин? Главное, чтобы Рейк об этом не узнал. Значит, мы сделаем так, чтобы Рейк об этом узнал. Если я пойду в лоб и попытаюсь арестовать Клесского, он убьет Милана. А вот пускай канцелярские подумают, как можно вытащить его живым. Это в их интересах тоже. Правильно, руками канцелярии исполнить приказ адмирала – вот оно, элегантное решение».

- Поите его настоем сон-травы, - приказал Коссит. Он слышал много разных историй о том, как такие связники кончали жизнь самоубийством будучи связанными или же умирали таинственной смертью, стоило им сказать хоть слово. «Я отдам этого пленника канцелярским, пусть они поколдуют над ним. А если они его сгубят – моей вины в этом уж точно не будет». – Я вернусь через седмицу, и тогда мы его допросим.

- Я понял, пан хорунжий, - поклонился Лех.

Коссит развернул пса. Ему нужно было ехать быстрее. Он посмотрел в сторону города. Где-то там у окна стояла Анеля и ждала его. «Прости, милая, но мне сейчас нужно быть быстрее ветра. Или, что более точно, быстрее Кира».

Коссит не мог знать, что в это время делал Кир. А купец Кир ехал по дороге в Фарк, не спеша, обдумывая сложившуюся ситуацию. Чуть позади него ехал его личный телохранитель, Дений Крепыш. Рядом с купцом, неся всякий бред о верности, гордости и чести, ехал Каит. Молодой человек был страшно горд тем, что будет присутствовать при вручении «узурпаторше» Декларации Независимости. Он распевался соловьем в комплиментах Киру, «смелому и отважному». А купец думал. И мысли Кира были невеселыми. «Они мне не доверяют, - думал он. – Они считают меня ниже себя – купчишка у ног дворян. Сколько я не помогал им, я так и остался купчишкой. Деньги и все тут. Йатик, этот кретин, сопьется и тогда Борин растопчет меня. А может взять в заложники, как их друг Клио сделал с тем гномом. Хорошо, что семью я догадался вывезти. Нет, ребята, кроме всего прочего, ваша революция плоха для бизнеса. Одно дело – уважаемый Милан Теринский. Другое дело беглец Клесский и бунтовщик Циверский. Да еще мужлан Коссит, этот точно сродни Клио. Нет, пора уносить отсюда ноги. Только вот…».

- Вы очень мужественный человек, пан Кир! – снова сказал Каит. – Фарк может гордиться вами! Вы покажете, что купцы тоже могут постоять за идеалы родины. Клянусь, я буду

первым просить графа, ой, простите, князя Клесского, чтобы вам присвоили дворянский титул.
- Спасибо, мальчик мой, - улыбнулся Кир, - Я…

Он не договорил, схватившись за сердце одной рукой, а второй за холку пса. Каит, спрыгнул со своего пса и кинулся к Киру.
- Пан Кир, что случилось? – он помог купцу спуститься на землю. Сзади подъехал Дений.
- Сердце… что-то… прихватило… - выдавил из себя Кир, нащупывая за пазухой кинжал. Каит наклонился чуть ниже, и тогда Кир одним ударом вонзил нож в шею юноши. Каит булькнул и осел, изо рта пошла кровь, испачкав камзол купца. Дений схватил Каита и отбросил на дорогу. Тот истекал кровью, держась за шею.
- Избавь его от мучений, - сказал ровно Кир. Телохранитель вырвал кинжал из шеи и мгновенно вонзил его в сердце лежащему.
- Какие наши дальнейшие действия, хозяин? – спросил телохранитель.
- Дай мне свой плащ, я прикрою эти пятна, - сказал Кир, вновь влезая на пса. – Убери тело на обочину. А потом скачем в Илин. Оттуда поедем в Утору – там у меня есть партнеры.

Дений кивнул. Ему все равно не нравилось иметь дело с дворянчиками. Он подхватил тело Каита и потащил его в сторону обочины.

«Посмотрим, чем дело кончится, - подумал Кир. – Я могу на этом проиграть. Но чует мое сердце, я еще дешево заплатил. Остальные заплатят гораздо дороже».

Фольварк Рейк, пригороды Улесья, Год 1476 от В.Н., 57 день осени.

Мелкий дождь барабанил по стеклу. Иниан Айклин снова, будто в первый раз, словно зачарованный следил за следами, которые оставляли капли, скатываясь вниз. Иногда он проводил пальцем вслед за каплей и чему-то загадочно улыбался.
- А потом все окна в грязных разводах! Сама слышала, как служанка ворчала, что приходится каждый день их вытирать, - заметила Иртэя. Она сидела на диване, и гладила по волосам Эглину, лежавшую у нее на коленях. Княжна с отсутствующим выражением лица смотрела в потолок, иногда закрывая глаза, забываясь на мгновение. В комнате было светло и тепло – печи и водяное отопление работали на полную мощность.
- Прислуга для того и создана, чтобы ворчать, - ответил Айклин. – все остальное – лишь побочная функция, приятное дополнение, так сказать.
- Вам вообще не жарко? – спросила Иртэя. Иниан пожал плечами – он был одет в черный камзол, с красными вставками, который недавно забрал у портного в Улесье, шерстяные штаны и высокие сапоги. Действительно, его одеяние более подходило для погоды, царившей на улице, нежели для теплого зала фольварка. И уж очень она контрастировала с одеянием девушек: легкой белой рубахой и длинной юбкой Эглины и свободным, с открытыми плечами, платьем Эйниэ.
- У эльфов теплообмен устроен по-другому, - объяснил Иниан. – Кстати, пани Мирриа, ты должна была это заметить. Перепады температур для нас гораздо менее ощутимы, чем для людей и тех же пустынников.
- Я полуэльф, - сказала Иртэя. – Может у меня человеческий теплообмен?
- Значит, просто будешь знать, - сказал Иниан и снова отвернулся к окну.

Они вели ничего не значащие разговоры уже в течении пары часов. Оба они чувствовали, что сейчас должны находится рядом с Эглиной, которая в последние несколько дней стала нелюдимой и мрачной. Сегодня княжна вообще не вышла ни к завтраку, ни к обеду. Она лежала в своих покоях, уставившись в потолок, и молчала. Иртэе больших усилий стоило вытащить возлюбленную в зал, но там ситуация повторилась. Потом к ним присоединился Иниан, тоже обеспокоенный состоянием княжны. Своими беседами и шуточными перепалками они старались отвлечь княжну от мрачных мыслей. Пока выходило не очень хорошо.

Песка в кабинете ожидал письма – какого, он пока не уточнил. Ника, Сайн и Адда в малом зале играли в карты. Талько Бойковский и Ирия Найская отправились в охотничий домик, видимо, желая обрести уединение и покой от «шумной молодежи», заполонившей фольварк.

Эглина прислушивалась к шуму дождя за окном. Она практически не слышала того, что говорили Иниан и Эйниэ. Ее мир сейчас сжался до размеров дивана, на котором она лежала. Ей хотелось уснуть, проснуться и увидеть, что она в своей комнатке в Нирре, что сейчас лето, а все то, что происходит вокруг – ей приснилось. Руки Эйниэ, гладившие ее волосы и лицо, украдкой иногда касающиеся плечей и груди вводили ее в транс. Она понимала, что, проснувшись, она может потерять навсегда эти ласковые, нежные руки, единственное, что связывало ее разум сейчас с телом. Но она все равно страстно желала, чтобы всего этого никогда не было. До недавнего времени она была сильной, держалась, отдавала указания, спорила с Пеской насчет судьбы Радана и все больше вникала в дела графства и княжества. Но в несколько последних дней вся эта сила куда-то исчезла. События опустошили Эглину, и теперь ей страстно хотелось исчезнуть, испариться. Она укрылась серой аурой, защищаясь от взгляда Мастера, все более и более уходя в забытье. Темные всполохи окрашивали ее мир, когда она закрывала глаза. Там, в мире под веками, не было матери, пытавшей убить ее сестру, не было ее самой, вонзающий кинжал в сердце юного послушника. Не было арестов и смертей, вызванных ее согласием участвовать в борьбе за трон. Там была тишина. Тишина, в которой ей хотелось остаться навсегда.

Неожиданно темные всполохи исчезли, и в глаза под веками ударила вспышка света, такая яркая, словно неожиданно взошедшее полуденное солнце озарила покрытую снегом равнину. Эглина дернулась и открыла глаза.
- Вот хотел я без этого обойтись, - сказал Иниан, невероятно бледный. Он тяжело дышал. Попытался сделать шаг, но покачнулся и чуть не упал, но вовремя оперся на спинку стула. – Ненавижу я светлые практики, после них всегда чувствуешь себя так, будто тебя выжали и вывернули наизнанку.
- Что вы сделали, Мастер? – спросила Эглина, поднявшись.
- Выжег твою печаль, - ворчливо пояснил эльф. – Практика из доступных нам – базовые вэнгалиэнские штучки. Хорошо, что ты не выставила защиту и почти что спала. А так пришлось бы вам меня в чувство приводить. Иртэя, луноокая прелесть моя, принеси мне, пожалуйста, вина. Сладкого.

Эйниэ, немного ошарашенная, не столько применением практики, сколько комплиментом, встала и вышла из комнаты.
- Могли слугу позвать, - сказала Эглина, усаживаясь на диван.
- Девочка, что это вообще у тебя за фокусы? – вместо ответа спросил эльф. – Куда это ты собралась?
- А куда я собралась? – с тревогой спросила Эглина. – Мне казалось я просто… закрываюсь от всего мира.
- Ты не закрывалась, ты тонула. Добровольно уходила во Тьму Истока. Ирти чуть не поседела, глядя на то, как ты синеешь, - ответил Иниан.
- Прошу прощения, Мастер, - Эглина опустила голову. – Просто я очень устала.
– Усталость – не повод бросать все и всех. Я понимаю, что на тебя много всего свалилось за последнее время, но сейчас ты ведешь себя безответственно. В первую очередь, по отношению к Иртэе.
- Я? Почему?
- Может быть, ты не заметила, мое юное создание, но Эйниэ стоило очень больших трудов принять, в первую очередь для себя, твою любовь. Ей пришлось пережить тяжелое столкновение с Пеской по этому поводу. Она не знает, как к этому отнесутся Мали и Звяк – ее единственная семья на данный момент. И все это она отбросила и ринулась в твои объятья, как только ты их отворила перед ней. А ты сейчас лежишь и жалеешь себя. Подумай о ней, Эглина! Она беспокоится о тебе, она дышит тобой!
- Я знаю, Мастер. Это… была минутная слабость, простите меня.

Вошла Иртэя с бутылью вина и тремя бокалами.
- Слуга принесет закуску позже, - сказала она. – Что вы тут обсуждаете?
- Провожу воспитательную работу, - ответил Иниан, взглядом заставив Эглину замолчать. – Эйниэ, а не будешь ли ты так любезна принести к этой бутылке штопор, если только тебя в вашей академии не учили открывать бутылки взглядом.

Иртэя коротко выругалась и снова вышла.
- Если эта минутная слабость повторится, то подумай об Эйниэ, – повернулся Иниан к Эглине. – О той, которая готова дышать тобой, не требуя ничего взамен. Поверь старому эльфу, очень многие желали бы обменять все, что имеют, ради такого человека.

Он замолчал. Эглина опустила голову, размышляя.
- Не такой уж вы и старый, - наконец ответила она.
- Посмотрим, какой будешь ты в этом возрасте, - усмехнулся эльф.
- Я не доживу, - серьезно сказала Эглина. – И слава Богам.

Снова вошла Иртэя и молча протянула Иниану штопор. Тот открыл бутылку, разлил вино по бокалам.
- За своевременное прозрение, - поднял эльф тост.
- Ну, допустим, - сказала Иртэя. Эглина молча подняла бокал. Они выпили.
- Это странно, - сказала княжна. – Еще совсем недавно я сидела в маленькой комнатке и думала, как хорошо было бы вырваться с работы в небольшую корчму за углом. А теперь

я принимаю участие в решении судеб тысяч людей. Моим именем людей арестовывают, по моему приказу их убивали. Я сама убила человека! Скажи мне такое кто-нибудь весной, я бы не поверила!
- То ли еще будет, Ваше Высочество, - произнес Иниан.

В комнате наступила тишина. Они выпили еще по бокалу, и он снова встал и подошел к окну. Дождь прекратился, ветер утих. Сквозь низкие облака проглядывало солнце, окрашивая их в пурпурный цвет.
- Мастер, - окликнула его Эглина.
- Да, дитя мое? – Иниан повернулся. Иртэя откашлялась и произнесла Эглине на ухо: «не хотела бы я быть его дочерью». Княжна улыбнулась.
- Мастер, я хотела вас спросить. С детства я была уверена, что мой отец, учителя, Великий князь и вообще правители – они особенные, умные, знающие. Что те, кто всю жизнь только и делает, что распоряжается властью, да и просто старшие - они все умнее меня. Или грамотнее, не знаю, как выразится. Но вот Милан Теринский, и его друзья – неужели они не понимают, к чему приведут их действия? Всего того, о чем говорил канцлер? Неужели они действительно верят, что их действия принесут людям счастье?

Она выглядела в этот момент очень трогательно. Точно так, как многие годы назад, когда он первый раз ее увидел. Когда она задавала вопросы об огромном мире, который лежал у нее за окном, за садом в Приречье, за границами Фарка. И каждый раз она смотрела на него точно такими же большими, чистыми глазами. Тогда в этих глазах было больше интереса и энергии. Сейчас – печали и озабоченности. Сидящая рядом Иртэя отвернулась. Иниан понимал, что для мястканцлера ответы на эти вопросы были очевидны и циничны. Но вряд ли они сейчас подошли Эглине Фаркской. Иниан отошел от окна и снова сел напротив княжны.
- Однажды, - сказал эльф, - я лежал на софе, вот так, как сейчас лежала ты. Было это лет двести назад, я был послом в одном заштатном северном королевстве. Настроение у меня было примерно как у тебя сейчас. Лежал я и смотрел на люстру – маленькую такую, аккуратненькую. А по ее основанию ползала муха. Черная, большая. Основание было круглое, и муха увлеченно так наворачивала по нему круги. И тут я многое понял.
- Что надо лучше закрывать окна? – с сарказмом спросила Иртэя.
- И это тоже, - невозмутимо ответил Иниан. – Но больше всего это муха была похожа на людей, слепо увлеченных своей, или же чужой идеей. Тех, кого захватила цель. Цель, к которой они готовы идти всю жизнь, не замечая того, что ходят по кругу. Крылья у мухи были целы – она спокойно могла взлететь, покинуть порочный круг. Но она увлеченно шла вперед. Точно также это делает Теринский – считая, что ведет народ к свободе и независимости, он ходит по кругу, определенному для него его друзьями, сидящими на круг выше. И те тоже увлеченно топчутся в своем кругу, считая, что идут к заветной цели. Которую, судя по всему, им определили злоумышленники из Мертволесья.
- А чем тогда от них отличается Алый Клинок? – на этот раз серьезно спросила Иртэя. – Нам тоже определяют дорогу сверху.
- Не путай, Эйниэ. Вам сверху дают задание. Выполнение этого задания не являются целью твоей жизни. В конце концов, ты можешь уйти в отставку и отправиться куда глаза глядят. У тех же, кто приобрел привычку бегать по люстрам это движение становится самоцелью. Если они остановятся, то растеряются. Движение – это все, что у них осталось
- И какой же из этого выход? – спросила Эглина. – Не сменять же одну люстру на другую?
- Из того, что мне приходит на ум – это остановиться и осмотреться, - хмыкнул Иниан. – А потом можно отправляться в полет. Слишком часто люди забывают, что кроме дороги вперед и назад, есть еще и другие направления.

В этот момент в дверь постучали. Иртэя быстро убрала руки от Эглины – одну с колена, вторую – с талии. Княжна накинула на себя шаль, висевшую на спинке дивана.
- Войдите, - сказала она.
- Закуску, наверно, принесли, - предположила Иртэя.

В дверях появился Руфий. Выглядел он, как всегда, чинно и с достоинством.
- Пан Кирий просил передать вам, Ваше Высочество, и уважаемому панству о том, что ожидает их внизу, в кабинете, - сказал дворецкий и низко поклонился.
- Что-то случилось, Руфий? – спросила Эглина.
- Не могу точно сказать, Ваше Высочество. Только то, что к пану Кирию прибыл гонец, кажется из Илина.

Эглина и Эйниэ переглянулись. Потом посмотрели на Иниана. Эльф хмыкнул:
- Видимо, Песка дождался того, о чем беспокоился весь день.
- Спасибо, Руфий, - сказала Эглина. – Передай пану Кирию, что мы сейчас придем.
- Как пожелаете, Ваше Высочество, - снова поклонился Руфий и вышел.
- Вам стоило бы переодеться, Ваше Высочество, - заметил Иниан. – Кликнули бы вы слуг.
- Сама справлюсь, - отмахнулась Эглина. – А вам бы тогда стоило бы выйти, Мастер.
- Да, мы пойдем, - согласился эльф, делая знак Иртэе следовать за ним.
- Мы?
- Если не возражаешь, я украду у тебя твою возлюбленную. Мне надо сказать ей пару слов, да и одеваться ты будешь не в пример быстрее. Пойдем, Иртэя.

Эглина сделала кислую мину, но Иниан не поддался на провокацию и вывел Эйниэ из комнаты.
- Вы не спросили, может быть, я возражаю, - проворчала полуэльфка.
- Насмотришься еще на зазнобу, - ответил Иниан, и, взяв ее под руку, зашагал по коридору. – Мне с тобой поговорить надо.
- С Эглиной вы уже поговорили, теперь со мной, - кивнула Иртэя, посмотрела на лицо Иниана, принявшего совсем уж невинный вид и поморщилась, - Я ведь не совсем дура, Мастер Айклин. И лычки мои тоже не красивыми глазами заработаны.
- Нарываешься на пошлость, Эйниэ, - отметил Айклин, выразительно глянув на ее грудь. – Ладно, дело не в этом. Ты когда-нибудь видела что-нибудь подобное?
- Если вы о том, что сделала Эгли, то нет. И меня это очень взволновало.
- Меня тоже, - кивнул Айклин. – А теперь слушай и запоминай. Судьба распорядилась так, что жизнь и рассудок Эглины Фаркской оказался в твоих руках. Эглина – очень сильный, но очень нестабильный внешний ланирт. Если бы не ее отец, я бы смог в свое время обучить ее. Сейчас на это не хватит ни времени, ни возможностей. Теперь эта девушка станет правителем Фарка, а вскоре может начать играть серьезную роль и в государственной политике. Способностей у нее хватит. Твоей задачей будет сделать так, чтобы она в один прекрасный момент не натворила глупостей. Она считает себя сильной, выглядит сильной и может стать могущественной. Но внутри она – все та же ранимая девочка, какой была, когда я ее впервые увидел. Не дай ей сорваться, люби ее, будь ее фундаментом.
- Что это вообще такое было?
- Падение во Тьму. Добровольная кома. В каждом и нас, из тех, в ком сохранилась часть Источника, живет воспоминание о нем. И в тебе, и во мне, и в Эглине. Мы учимся обращать эту часть себе на пользу, используем, как орудие и оружие. Но она помнит свое единение с тем Великим, что породило ее. И, если дать этой части взять верх над рассудком, то она захватит твое тело и ввергнет разум в объятия этого Великого. Насколько я знаю, никто еще не вырывался из этих объятий. И ты должна сделать так, чтобы Эглина никогда более не пожелала погрузиться в них.
- А если такое произойдет снова?
- Не допусти этого, - твердо сказал Иниан, остановившись перед самой дверью в кабинет.
- А если допустишь – молись, чтобы она захотела вернуться. Все, мы пришли.

Он открыл дверь в кабинет и пропустил Эйниэ вперед. Песка сидел за столом с очень довольным видом. Правее расположились Мали и Звяк. Мали сидела на стуле, нога за ногу, Звяк стоял у нее за спиной, опершись на спинку. Левее стола расположился

Талько Бойковский. Увидев вошедшую Иртэю, он встал и, улыбнувшись, кивнул. Потом пожал руку Иниану
- Где вы княжну потеряли? – осведомился Песка.
- Переодевается княжна, - ответил Иниан. – Ты же не предупредил, что мы ждем чуда с минуты на минуту.
- Я и сам мог только надеяться, - сказал Кирий. – И, признаюсь, очень рад тому, что надежды мои оправдались.

Иниан кивнул, и облокотился на книжный шкаф. Тот недовольно скрипнул, но бестактное поведение эльфа выдержал.

Эглина появилась минут через десять. Облачилась она в форменные штаны, сапоги и белую, с вышитыми золотой нитью рукавами, рубаху. Вместо мундира канцелярии поверх рубахи княжна надела специально под нее перешитый парадный камзол рейкской гвардии, с серебряной рысью Рейка на лычках. Вместе с княжной в комнату вошла баронесса Найская, в строгом черном платье. Все присутствующие в комнате приветствовали вошедших поклоном. Песка отметил про себя, что Эглина очень эффектно выглядит в этом наряде. Бойковский подошел и, сначала поцеловал руку княжне, а потом баронессе.
- Мы ждали вас, пане, - взяв под руку пани Ирию, сказал он.
- Я решила, что пани Ирия имеет полное право присутствовать на этом собрании, - сказала Эглина, присаживаясь на кресло, где до этого сидел Кирий. Песка встал справа от нее так, чтобы все могли его видеть. – Пан Кирий, что вы хотели нам сообщить?
- Ваше Высочество, - поклонился он Эглине, потом повернулся к остальным, - почтенное панство. Сегодня гонец из Илина привез мне письмо от нашей знакомой пани Нии. С вашего позволения, я зачитаю вам его.

Он вынул из нагрудного кармана листок бумаги, сложенный вчетверо, развернул его и начал читать:

«Барону Кирию Динскому, с совершеннейшим почтением.

Господин Кирий. Спешу сообщить вам, что живой и здоровой добралась я до Илина, и даже имела беседу с отцом того самого пана, в верности которого Ластартской короне вы изволили сомневаться. Беседа эта, как я изначально и предполагала, не имела продолжительный и позитивный характер. Однако, обратившись к одному моему знакомому молодому журналисту (очень перспективный молодой человек, только недавно начал работать в местном «вестнике», а уже обладает должной прозорливостью), я смогла внести некоторую ясность в то запутанное дело, что вы мне поручили.

С этим юношей мы смогли проследовать в местный игорный клуб, где, в доверительной атмосфере, пообщались с некоторыми приятными людьми из служащих. Те сообщили нам (не без предоставленных обязательств, в том числе и финансовых), что пару лет назад молодой граф Клесский был частым гостем в этом клубе. Но, что более интересно, вместе с ним клуб посещал некий эльф, связанный то ли с купеческим, то ли с промышленным делом.

После, проявив чудеса изобретательности, мы выяснили, что, зачастую после клуба, эльф и молодой граф отправлялись вдвоем в номера в неком сомнительной репутации заведении под названием «Озорной шалун». Что они делали там, осталось для нас тайной, как не пытались мы приоткрыть ее завесу. Однако, характер этого заведения таков, что остается мало сомнений, что молодой Клесский подвергался там соблазну мужской любви.

Это известие поразило моего спутника. Я, памятуя данное вам обещание, не отправляла пока материал своему издателю, но, к сожалению не могу ничего обещать за своего спутника. Его я предупредила об опасности этой информации, но он молод и

неопытен в таких делах. При нашем расставании он сокрушался, что не успел подать материал в новый номер, а следующий будет издан только через две седмицы.

Надеюсь, это письмо дойдет до вас в срок и будет полезно в вашем деле.

С искренним и совершеннейшим почтением
Ния из Яра.
54 день осени, год 1476

Песка торжествующе оглядел собравшихся.

- Вот мужеложец! – зло бросил Бойковский. – Не только родину, но и честь свою продал.

- Честь, это в смысле жопу? – тихо спросила у Звяка Мали. Тот приглушенно хмыкнул, Иниан же, не выдержав, рассмеялся.

- Самое главное в этом даже не то, что он мужеложец, - сказал Кирий, смеряя взглядом Иртэю. Та, ничуть не смутившись, посмотрела графканцлеру в глаза, и Песка взгляд отвел. – А то, что мы имеем прямые доказательства того, что Йатик Клесский, при всех его эльфоненавистнических словах все-таки знался с эльфами.

- И не просто знался, - презрительно покачал головой Бойковский. – Нет, вы только подумайте! И это – сын древнего рода! Может быть они там все в этой «Гарде» того, сношают друг друга.

Эглина покраснела. Теперь она понимала, почему Песка и Иниан так предостерегали ее и Эйниэ от прилюдного проявления чувств. Бойковский же, расценив смущение Эглины, как реакцию на неприличные слова, и рассыпался в извинениях.

- Все хорошо, пан Талько, - тихо сказала княжна. – Пан Кирий, продолжайте, пожалуйста.

- Так вот, - сказал Кирий. – У нас есть примерно полторы седмицы до того, как информация эта появится в «Илинском Вестнике». Слухи, конечно, могу пойти и раньше, но это нам только на руку – если они дойдут до остальной верхушки «Гарды», смута внутри клуба обеспечена.

- Все-таки Ния – потрясающего ума женщина, - заметил Иниан.

- Это точно, - подтвердил Кирий.

- Не понимаю, - сказал Звяк. – Она отдала свой материал другому журналисту, фактически подвела нас под сроки. Конечно, информация ценная – но про потрясающий ум, это вы загнули.

Иниан и Кирий переглянулись. Эльф скептически покачал головой.

- По моей наводке она не могла узнать многое: не ходить же ей и спрашивать, не знался ли Клесский с эльфами, - принялся объяснять Кирий. - Поэтому она закинула удочку своему коллеге, сдав ему часть материала, и, пользуясь связями того, выяснила все, что могла по этому вопросу. Понимая, что самой этот материал выпускать сейчас опасно, она сделала так, что изначально часть информации появится в «Илинском Вестнике», а полный материал «по событиям, описанным в «вестнике», она уже издаст позже. А про сроки – она дала достаточное описание своего коллеги, чтобы, в случае необходимости мы могли позаботиться о том, чтобы он ничего не сказал.

- Ты забыл добавить хорошо подобранное время, так, чтобы мы имели минимум седмицу в запасе, - дополнил Иниан.

- И это тоже. Так вот, уважаемое панство, я предполагаю, что имея на руках эти сведения, мы можем немедленно вступить в контакт с Теринским, объяснив тому бесперспективность сотрудничества с «Гардой». А, поскольку он уже скомпрометировал себя связью с ними, никаких княжеский претензий он уже иметь не сможет.

- Так теперь все закончилось? – спросила Эглина.

- Ну, еще не все, - рассудительно сказал Песка. – А для вас, Ваше Высочество, все вообще только начинается. И…

В дверь постучали.

- Войдите! – повелительно сказала Эглина.

На пороге появился Руфий.
- Ваше Высочество, уважаемое панство, - поклонился он. – Вашей аудиенции просит человек, назвавшийся Косситом Анесским. Какие будут распоряжения?

В этот момент у каждого из присутствующих на лице отобразились совершенно различные эмоции. Песка напрягся, предчувствуя осложнения в уже, казалось бы, решенной операции. Эглина оказалась в замешательстве, как человек, которому одновременно сообщили две противоречащие друг другу новости. Иниан Айклин провел рукой по волосам и улыбнулся. А Талько Бойковского появление Анесского сильно взволновало – памятуя приказ адмирала и понимая, что просто так Анесский не стал бы являться в Рейк.
- Впустите его, - вместо Эглины сказал Кирий. Потом посмотрел на княжну, вспомнил о долженствовании и спросил, - вы не возражаете, Ваше Высочество?
- Не возражаю, - ответила Эглина. – Руфий, пускай пан Анесский войдет.

Коссит, измученный долгим путешествием (а ему пришлось сделать крюк, дабы до Борина не дошли слухи о странном маршруте Анесского) быстрым шагом вошел в кабинет и скоро и небрежно поклонился.
- Ваше Высочество, барон Динский, уважаемое панство, приветствую вас.
- Что вы хотели, пан Анесский, - осведомилась Эглина. – Думаю, вы понимаете, что не являетесь желанным гостем в этом доме, поэтому прошу вас говорить быстрее.
- Я понимаю, но тем не менее, надеюсь, что мои новости не оставят вас равнодушными. Три дня назад граф Милан Теринский был предан своими соратниками, арестован и заключен в штабе клуба «Гарда». Власть в Теринке узурпировали Йатик Клесский и Борин Циверский. Сейчас они отправили свое доверенное лицо к княгине Альде с требованием отречься от трона Фарка в пользу Клесского в обмен на жизнь Милана Теринского.
- Идиотизм, - вырвалось у Кирия. – Даже Альда Фаркская поймет, что это уловка.
- Они предполагали это, - кивнул Анесский. – Борин Циверский собирает ополчение из верных «Гарде» людей и готовится вести их на Фарк и Приречье, чтобы захватить княгиню в плен. Сегодня они выступают. Циверский надеялся набрать не менее полутора тысяч. Я должен был возглавлять засадную сотню, которая напала бы на фольварк, пока основные силы отвлекли бы внимание.
- Почему же вы отказались от этой благородной задачи? – язвительно спросил Песка. – Ведь вы служите великим идеалам.
- Я служу своему пану и своей родине, пан Динский, - отчеканил Анесский. – Моего пана предали, а моей родине угрожает бессмысленная резня. Если бы я видел другой способ предотвратить это, я бы не поехал к вам. Поверьте, вы мне также неприятны, как и я вам.

Кирий кивнул, сложил руки домиком и задумался. В комнате повисло молчание.
- Даже если ваши слова правдивы, - сказал, наконец, графканцлер, - а я в этом очень сомневаюсь…
- Я клянусь честью, что сказал вам правду! – воскликнул Анесский.
- … то мы должны немедленно отправиться гонца к княгине, лучше с вооруженной охраной, и перевезти ее в Рейк. Затем объявить набор ополчения и передать весточку в Ластарт.
- А как же Милан? – спросил Анесский.
- Я же уже сказал, что не верю вам. А соответственно не верю тому, что графу Теринскому что-то угрожает. Поймите меня правильно, пан Анесский, я ценю ваш порыв, но доверие надо заслужить.
- Пан Динский, - обратился к Кирию Бойковский. – Я считаю необходимым высказаться. Я верю пану Анесскому. Несмотря на то, что наши взгляды не совпадают, он честный офицер, и я не верю, что он мог пойти бы на гнусность.
- Вы поставите свою жизнь на это? – спросил Кирий.

- Да! – не задумываясь ответил Талько. Он тоже сомневался в словах Анесского, но приказ адмирала был четким. – И я считаю, что Милана Теринского нужно спасти.
- Я поддерживаю, - твердо сказала Эглина. – Пан Динский, мы должны спасти Милана Теринского.

«Да вы что, с ума посходили!» - хотел было вскричать Кирий. Смерть Теринского от рук своих соратников была бы превосходным окончанием операции, решавшим раз и навсегда проблемы с бунтовщиками. Более того, Песка подозревал, что Альда может тронуться умом от горя, и тогда Эглина получит трон без особых проблем. Или же Альде можно будет помочь тронуться от горя – в данном случае особой разницы он не видел.
- Я не хочу подвергать своих людей опасности ради Теринского, - сказал он, сжав зубы. – В этом нет необходимости.
- Песка, мы не боимся, - сказала Иртэя. – И я согласна с Эглиной – графа нужно спасти. От этого мы все только выиграем.
- Кирий, - сказала Эглина тихо. – Я прошу тебя. Ради меня и моей сестры.

Кирий колебался. Он совершенно четко осознавал, что штурмом штаба «Гарды» Теринского не спасти, и что вся тяжесть этого задания ляжет на плечи Алого Клинка. Задание было не то, что опасное. Оно с ходу казалось ему невыполнимым. Он смотрел на Иниана, но тот молчал, видимо, тоже прикидывая шансы и понимая, что они не велики.
- Пан Кирий, можно переговорить с вами наедине? – неожиданно спросил Анесский.

«Мы выйдем, он вгонит мне нож под ребра, и выбирать мне не придется», - мелькнула мысль у Кирий, и он хмыкнул.
- Извольте, пан Коссит.

Они вышли из комнаты, провожаемые взглядами.
- Я вижу, что вы колеблетесь, - сказал Анесский. – Я хочу сказать, что готов предложить любую помощь, которая от меня потребуется в этом деле.
- Я уже сказал, что не верю вам, - отрезал Песка. – И положение это не изменили слова Бойковского. А раз я вам не верю – значит и помощи вашей тоже.
- Пан Динский, - Коссит вздохнул. – Я могу встать перед вами на колени и умолять вас о помощи, потому что просить мне больше некого. Мне нелегко будет это сделать, но я готов.
- Не стоит, пан Анесский, - после недолгого молчания сказал Кирий. – Не думаю, что это могло бы улучшить отношения между нами.
- Измените ли вы решение, если я скажу, что три дня назад мы захватили пособника эльфов, державшего связь с Клесским. Если я скажу, что я знаю, что Йатик – предатель. И то, что я обязуюсь передать этого связника вам, если мы спасем графа Теринского?
- Хм, а подробнее можно?

Анесский пересказал все то, что поведали ему его люди, а потом передал ему письмо, которое было обнаружено у связника. Кирий прочитал его и задумался. Он начинал доверять Косситу, и понимал, что может пожалеть об этом. Но соблазн был слишком велик.
- Будь по-вашему, хорунжий, - согласился графканцлер. – Но знайте, если вы предадите меня, вы подпишите себе, да и всей Теринке смертный приговор.
- Я понимаю, - серьезно сказал Коссит.

Они вернулись в комнату, и взгляды присутствующих там сразу сфокусировались на Кирии.
- Алый Клинок, собираемся! – сказал он. – У нас есть граф, которого надо спасать. Медлить нельзя – жду вас через пятнадцать минут у псарен!

Иртэя, Звяк и Мали быстро поднялись и вышли. Песке показалось, что Мали проворчала нечто вроде «вот так и понадеешься на ужин».
- Пан Талько, мы немедленно уезжаем, - обратился к Бойковскому Кирий. – Сейчас же отправьте гонца к княгине и обеспечьте ее безопасность.
- Хорошо, пан Динский, - кивнул Талько.

- Пан Бойковский, возьмите это, - к Талько подошел Анесский и протянул ему лист. – Это распоряжение моему заместителю в Озерецкой сотне перейти к вам в полное подчинение.
- Благодарю за доверие, хорунжий, - пожал ему руку Бойковский.
- Это я вас благодарю, - ответил Коссит, и, поклонившись Эглине, вышел из комнаты вслед за Динским.

Провожал их Иниан Айклин. Эльф хотел было поехать с Клинком, но Песка отговорил его.
- Иниан, твоя задача охранять княжну, - сказал он, прощаясь с эльфом. – Я все еще не до конца верю Анесскому, и если что-то произойдет с нами, ты единственный, кто сможет завершить это дело. Отправь весть канцлеру.
- Будет сделано, Кирий, - эльф пожал барону руку. – Я рад был с тобой познакомиться.
- Я тоже был рад познакомиться, Иниан. Не думал, что смогу когда-нибудь назвать такого наглого и несносного типа как ты другом.
- Ты себя-то давно слышал? - засмеялся эльф, и, уже серьезно добавил, - удачи там и береги себя.
- И ты тоже. И не позволяй княжне делать глупостей, - Кирий вскочил на пса. Иниан небрежно поклонился.
- Удачи, панство! – крикнул он остальным, и еще несколько минут смотрел им вслед, а потом направился обратно в кабинет.

Вернувшись, он понял, что пропустил момент, когда княжна начала делать глупости.
- Что вы собираетесь делать!? – эльф считал, что удивить его сложно, но княжне и тысячнику это удалось.
- Мы встретим ополчение Циверского на подступах к Приречью и разобьем его, - терпеливо пояснила Эглина. – Я не собираюсь сидеть здесь, пока моей сестре грозит опасность.
- Прекрасная мысль, Ваше Высочество, - вложив в голос весь свой сарказм, сказал Иниан. – А войско вы где возьмете? Даже чтобы просто собрать ополчение понадобится не менее трех дней.
- У меня есть полтысячи бойцов, готовых выдвинутся в любой момент, пан э… мастер Айклин, - Бойковский тоже был настроен решительно. - Думаю, у пана Масия, в Приречье, тоже есть некоторые силы. Если присовокупить к этому Озерецкую сотню Анесского, нас может набраться около семи сотен.
- А откуда у вас такое количество бойцов, да еще и полностью готовых? – спросил эльф.
- Я давно держу своих людей в полной боевой готовности, на всякий случай, - ответил Талько, и Иниан понял, что тысячник что-то не договаривает.
- Все равно, против предполагаемых полутора тысяч у Циверского этого может оказаться мало, - возразил эльф. Он еще хотел добавить, что, как и Динский, не верит хорунжему Анесскому и все это может быть ловушкой. Но потом решил, что в здравом уме ни один из участников событий не предполагал, что Эглина решит вступить в бой с Циверским.
- Приречье располагается в удобной для обороны местности, - сказала Эглина. – Вы сами мне это говорили в детстве, когда мы гуляли по окрестностям. К тому же, я уверена, что мы сможем застать Циверского врасплох, если выдвинемся немедленно.
- Холмы там может и прекрасные, но верховых там малыми силами не удержишь, - Иниан с удивлением заметил, что втягивается в обсуждение этой сумасшедшей задачи. Он посмотрел на Бойковского. Тот, видимо, ни секунды не сомневался в правильности действий княжны. А может, просто был обрадован, что появился хоть кто-то готовый действовать. Но более эльфа поразил взгляд Ирии Найской. Старая пани с огромной любовью и восхищением смотрела на внучатую племянницу.
- У меня есть одна идея, - как бы смущаясь, сказала Эглина. – Но боюсь, вам она может не понравиться.

Штаб «Гарды», пригороды Терии, Год 1476 от В.Н., 59-62 день осени.

Йатик Клесский мучался бездельем. Правитель «Независимого княжества Фаркского» уже четыре дня, с тех пор, как ополчение «Гарды» выдвинулась к Приречью, не употреблял алкоголя и чувствовал себя чрезвычайно подавлено. Он пообещал Борину не пить, да и сам считал, что в такие дни надо быть наготове, но вынужденная праздность и тоскливая погода наводили на него тоску. В Штабе осталось всего два десятка человек, включая Йатика и безмерно раздражавшего его Озина. Вой ходил за графом буквально по пятам, что делало положение Клесского еще более невыносимым. Иногда он задумывался, а не приказать ли своим людям убить назойливого воя. Но тем самым он рисковал поссориться с Борином, а время к выяснению отношений между двумя руководителями восстания еще не приспело. «Когда власть будет в моих руках – тогда мы и вспомним. Да, вспомним – все и всем». Он думал так, и на мгновения ему становилось легче. Но потом он вновь смотрел в окно, на безрадостный, уныло тянущийся серый день. Еще один день ожидания.

Он играл в карты с ополченцами, и постоянно выигрывал. И это тоже начинало его раздражать: он подозревал, что подчиненные проигрывают ему специально. Вечерами же, чтобы развлечься, он приказывал приводить к нему Теринского. Милан молчал, даже когда Йатик, как будто случайно, задевал его рукой. И тогда Клесский заводил пространные речи о будущем величии Фарка, и о том, что Милан тоже мог участвовать в этом величии, но слишком рано предал их идеалы. Этими речами он мучил Теринского два вечера, и на третий граф Милан высказал предположение, что Клесский сам пытается убедить себя в этом, поэтому так и разглагольствует. Милан не успел сказать, что, видимо, страх перед эльфийскими друзьями слишком силен, чтоб Йатик мог признать для себя правду – Клесский наотмашь ударил его.

- Молчи, предатель, - прошипел заговорщик. – У тебя нет права говорить, ты сам себя его лишил.

Теринский смолчал, хотя еще в прошлый вечер Клесский буквально из кожи вон лез, чтобы разговорить его. «Он сходит с ума, - подумал про себя Милан, языком ощупывая разбитую губу. – Боги, что же они сделают с Фарком, если победят?!».

Когда Милана увели, Йатик рухнул на кровать, которую ему поставили в офицерской. Он долго не мог заснуть, вслушиваясь в равномерное посапывание Озина, дремавшего за дверью. «Еще три-четыре дня, и я прибудет гонец от Борина. А потом я повешу и Милана, и Озина и отправлюсь в Терию. Скажу, что Озин пытался освободить Теринского. А княгиню мы отдадим ребятам – пускай порезвятся. Да, так и сделаю. Она будет умолять убить ее». Его мысли, бесконтрольные, полетели дальше. Он уже видел, как во главе армии Свободного Фарка он встречается на поле боя с Нерканом Элендским, и отрубает тому голову. Как его войска входят в Ластарт – и дворяне, молодые дворяне встречают его с цветами. С этими мыслями он, улыбнувшись, заснул. Может, в глубине души, он и понимал, что мечтам этим не сбыться, но успех первых дней, и вои, уходившие в поход под его знаменами, пьянили его также, а может и больше тех нескольких рюмок настойки, которые он тайком от всех выпил перед сном.

Разбудил его Озин. С первых слов того, даже не способный их разобрать из-за безумной тяжести в голове, Клесский понял, что что-то случилось. А когда смог разобрать слова, быстро накинул на себя мундир и вышел вслед за взволнованным воем.

За воротами стояли четыре всадника. На башнях над воротами взглянуть на незваных гостей собралась примерно половина всей нынешней охраны штаба. Ближайшего из всадников и, безусловно, главного из них, Йатик Клесский без труда узнал – это был барон Кирий Динский, в расстегнутом настеж полушубке, под которым виднелся форменный мундир канцелярии. Динский восседал на огромном псе с серо-серебрянной шерстью. Рядом с ним, на менее представительном черном звере сидела

девушка с фиолетовыми волосами. За ними на обычных серых псах виднелись еще двое канцелярских, в плащах и, судя по всему, здорово вооруженных.
- Кто вы, и что вам нужно? – крикнул Клесский, прекрасно зная ответ на первый вопрос, и догадываясь об ответе на второй. Получилось сипловато, но, в целом, достаточно неплохо.
- Я Кирий Динский, графканцлер Великого княжества Ластартского, посол рода Фаркских, приехал переговорить с Йатиком Клесским, - ответил главный.
- А нам есть о чем разговаривать, пан Динский? – спросил Йатик.
- Я бы хотел обсудить с вами ваши предложения княгине Альде, - Динский сделал паузу, о чем-то пошептался с фиолетововолосой и продолжил. – И некоторые забавные слухи об Илинских игорных домах и других заведениях с сомнительной репутацией. Что-то там про шалунов.

Йатик не отличался выдержкой и контролем, поэтому не вскрикнуть ему стоило огромных сил, а вот как он побледнел заметил и Озин, и стоявшие чуть в отдалении вои.
- Поэтому, - продолжал Динский, - если вы дадите слово дворянина, что с нами ничего не случится, я и мои люди оставим оружие вашим людям, а мы с вами сможем побеседовать наедине. Согласны?
- Слово дворянина, - срывающимся голосом крикнул Йатик. Озин с удивлением и подозрением посмотрел на него. – Вас проводят в офицерскую.

И он спустился с башенки. За ним следовал Озин.
- Обыщи их и проводи Динского ко мне. Людей его держите в поле зрения, на всякий случай.
- Ваше Сиятельство, вы уверены? – спросил вой. – Я про то, что вам стоит разговаривать с Динским?
- Озин, ты слышал приказ? – поднял голос Клесский. – Выполняй! Немедленно!
- Слушаюсь, Ваше Сиятельство! – быстро поклонился Озин. В голову воя закрадывались подозрения. Он ничего не понял из разговора Йатика и Кирия, но то, что слова графканцлера заставили Клесского волноваться, было совершенно очевидно. «Надо приглядывать за ним, - решил Озин. – Сам тоже буду у двери, и канцелярских там же поставлю. И с собой пару воев потолковее возьму – на всякий случай».

Канцелярских обыскали: Динского и второго мужчину ощупал вой из ополчения, девушек же пришлось обыскивать лично Озину. Дворяне из ополчения сочли недостойным «лезть в декольте к дамам». «Они тут все что ли мужеложцы?», - подумал Песка, переглянувшись со Звяком. Все оружие они сдали охране и прошли внутрь здания. Озин и два воя их сопровождавших остановились у двери в офицерскую.
- Пан Кирий, пожалуйте сюда, - проскрипел бывший телохранитель Теринского. – Остальные будут ждать вас здесь.

«Остальные» застыли у входа. Иртэя, с замысловатой прической, удерживаемой в вертикальном состоянии двумя спицами, похабно улыбнулась засмотревшемуся на ее декольте ополченцу. Парень покраснел и отвернулся. Звяк и Мали тихо завели беседу о «нежданно холодной осени», вернее беседу вела Мали, а Звяк кивал, тоскливо оглядывал помещения. Озин проследил, как Динский вошел в дверь, и отвернулся, всем своим видом показывая, что его не интересуют события, происходящие в комнате.
- Итак, пан Динский, - сказал Клесский, сидя за столом напротив двери, - вы хотели со мной поговорить на темы исключительно важные, я вас правильно понял?
- Правильно, Йатик, - улыбнулся Кирий, усаживаясь напротив собеседника. – И называй меня Кирий, какие уж между нами, дворянами, условности.
- Не понимаю, пан Динский, почему такое… обращение.
- Ой, да все ты понимаешь, - махнул рукой Песка. – Я видел, как ты побледнел, когда я произнес слово «Шалун». Ведь ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. И догадываешься, что я знаю, с кем ты проводил там время.

- Понятия не имею, о чем вы, пан Динский, - Йатик хотел произнести это спокойно, но лицо выдавало его. – Вы хотели поговорить о нашем ультиматуме княгине. Вот давайте и поговорим.
- Что ж, давай поговорим, - Динский сделал паузу. – Шалун.
- Какого длимерна вы себе позволяете! – Йатик вскочил с места, очевидно с желанием немедленно позвать стражу и выдворить наглеца. Потом сообразил, что Динский ведь действительно может все знать, и если он начнет вещать об этом громче и яснее, тот же Озин может обо всем догадаться.
- Сядь и успокойся, Йатик. Ты же не хочешь, чтобы твои люди узнали то, о чем, как ты уже догадался, знаю я?

В дверь заглянул обеспокоенный Озин. Йатик сделал жест рукой, вой кивнул и закрыл дверь.
- Предположим, - сказал Йатик, - я понимаю о чем вы… ты. И чего ты хочешь?
- Чего я хочу? – Динский хмыкнул, а затем наклонился к Клесскому и почти прошипел, - я хотел спокойно возвести на престол Эглину Фаркскую, жениться на ней и править Фарком! Я хотел выкрутить Ирлингу Альята руки изнутри, а потом сговориться с Теринским и вместе послать Княжество куда подальше. А теперь, когда вы, со своей никчемной революцией влезли в мои планы, я бы больше всего хотел вас всех утопить в Великом Озере.

Пораженный Йатик так и застыл на месте. Так вот почему эльфы хотели, чтобы Кирий Динский умер. Они догадывались о его планах, только они, пока он водил за нос и Ластарт и Гарду с Теринским в придачу. Значит, с самого начала он вел свою игру, а теперь, зная секрет Йатика, будет шантажировать его.
- Но мы же цивилизованные люди, Йатик, - Кирий тем временем продолжал. – Дворяне, цвет нации. Мы ведь сможем найти общий язык.
- И тебя ничуть не смущают мои отношения с эльфами? – тихо спросил Клесский.
- Меня смущают твои сношения с эльфом, - сказал Динский и улыбнулся, глядя на то, как бледнеет собеседник. – Но я могу потерпеть ради того, чтобы, наконец, получить власть в свои руки. Мы ведь с тобой не так уж непохожи, Клесский. Ты всю жизнь был в тени своего отца. Я вынужден был служить в канцелярии, находясь в тени отца и братьев. Разве что я не подставляю задницу ушастым.
- Ты ничего не знаешь! – прошипел Йатик.
- Куда уж мне, - пожал плечами Динский. – Но, как я уже говорил, я готов потерпеть.
- Что ты предлагаешь? – спросил Йатик, думая над тем, как бы ему половчее избавиться от Динского. Все, конечно, зависит от предложений, но что стоит ему сейчас крикнуть стражу и размозжить мерзавцу голову?
- Я отчетливо представляю, Клесский, что сунувшись к тебе я засунул голову в пасть пустынной кошке. Но я подстраховался – так что если ты убьешь меня, все сведения о твоих милых похождениях в Илине, а также местонахождения того человека, с которым ты встречался в Терии, (да, мы выследили его, иначе как бы я все узнал?), сразу появятся в газетах – и у Канцлера на столе.
- Что ты предлагаешь? – снова спросил Клесский, едва сдержавшись от крика. Он понимал, что узнай о факте их с Ариэном отношений широкая публика, его любимого немедленно казнят.
- Скажи мне, во-первых, жив ли еще Теринский? Он может нам пригодится.
- Нам?
- Именно нам, - кивнул Динский. – Или ты считаешь, что я смогу сбросить тебя со счетов, после того, как все тебе рассказал.
- Жив, - ответил недоумевающий Клесский.
- Прекрасно! Тогда мое тебе предложение: тебе ведь наверняка здесь было скучно. Как и мне, когда я оправлялся от ранения. Ты не слышал – Теринский хотел меня убить! Нанял

какого-то несчастного, вот уж где тлеет зерно подлости, так в таких вот с виду благородных родах.
- Действительно, - согласился Клесский, мысленно радуясь, что его идея (точнее идея Кира, но об этом он уже не помнил) про прикрытие сработала.
- Вот, и тебе было скучно и мне. Поэтому я предлагаю следующее: решим судьбу Фарка в карточной партии…
- Карточной партией?
- Ну да, мне говорили, что ты прекрасный игрок. И я не прочь сыграть на такую ставку. Не это ли азарт – сыграть на корону, а Клесский?

Йатик был согласен с этим, тем более внутри уже просыпался тот самый демон азарта, что когда-то бросил его в объятия Ариэна.
- Откроем бутылочку настойки, у тебя ведь найдется? И разыграем партию. Побеждаю я – и ты освобождаешь Теринского, каешься в грехах, а я спасаю тебя от топора палача. Говорим, что ты изначально работал на нас. Потом вся семейка Фаркских и Теринский гибнут в каком-нибудь очень несчастном случае. А там, глядишь, когда я стану князем, быть тебе первым советником.
- А эльфы?
- Боги мои, Йатик, - Динский постучал пальцами по столу. – Ну неужели ты думаешь, что я это не продумал. Мы знаем, где держат твоего любовника. Мы сможем его освободить. А после этого я все устрою – будете до поры до времени тихо жить, где-нибудь у Великого Озера, или на островах. А с эльфами пускай разбирается Неркан – тут то и начнется веселье.
- А если выигрываю я?
- Тогда мы убиваем Теринского, головорезы Циверского уберут Альду, а я со своими людьми позабочусь о ее сестрице. Дурочка доверяет нам как себе, так что это не составит труда. А потом мы уберем Циверского, Анесского и вашего этого, посла. Ведь, согласись, поддержка Динских будет стоить гораздо дороже, чем каких-то два забияки, которых и дворянами то назвать можно с натяжкой.

«Да, верно он сказал, - подумал Клесский. – Подлость и гниль в старых родах. Но он прав – с его поддержкой, связями и знаниями я смогу больше, чем с полуторатысячами Циверского».
- И ты просто так убьешь Теринского? – спросил Йатик.
- Ну, почему же я, - улыбнулся Динский. – Убьет его тот мясник, что стоит за дверью. А мясника мы потом повесим. Я же видел, как он тебя раздражает.

Йатик встал, повернулся к Динскому спиной и подошел к окну. Внутренне он сжался, готовый немедленно выхватить кинжал, спрятанный за пазухой, если канцелярский вдруг кинется на него. Но когда он повернулся, Динский спокойно сидел на месте и благодушно улыбался.
- Что ж, мне нравится твое предложение, Кирий, - улыбнулся в ответ Йатик.
- Ну тогда прикажи принести карты, бутылку и Теринского!
- Карты и бутылка у меня есть здесь. А зачем тебе Теринский?
- Представь, как его, дворянина, будет задевать то, что он стал ставкой в игре, а? – Динский. – Пускай почувствует унижение.
- Что ж, ты прав, - еще шире улыбнулся Йатик. Он открыл дверь и приказал Озину привести графа Милана. Озин попробовал возражать, но Клесский прикрикнул, и вой удалился выполнять приказ. Йатик закрыл дверь.
- А не хочешь, кстати, если выиграешь, Теринского того, ну, это, - Песка сделал характерный жест. Йатик скривился. – Шучу, шучу. Не обижайся.
- Если мы хотим работать вместе, воздержись от этих замечаний! – монотонно и зло сказал Клесский.
- Добро, договорились.

Йатик поставил на стол большую бутыль «Озерной Горькой» и два стакана. Потом достал из небольшого сундука колоду карт и также положил на стол. Дверь отворилась и Озин ввел в офицерскую Теринского. Увидев Кирия Милан издал возглас удивления.
- Барон, вас прислала пани Эглина? – он с надеждой посмотрел на Кирия.
- Я сам себя прислал, граф, - мерзко улыбнулся Песка. – Вой, завяжи-ка Теринскому рот.

Йатик хмыкнул, Озин удивленно посмотрел на стол, но приказ, тем не менее, выполнил. Он было подумал, что Теринского собираются отпустить, но приказ завязать рот, причем от Динского никак не вязался с этим предположением. Так что выполнив указание, Озин в смятении покинул офицерскую. Теперь Милан Теринский с ненавистью взирал на обоих игроков.
- Что ж, начнем, пожалуй, - Йатик посмотрел в глаза сопернику. – Княжье Вяселле, я полагаю?
- Да, - ответил Динский. – Пять партий, или до трех побед.

Йатик открыл бутылку, разлил по стаканам. Кирий понюхал содержимое и улыбнулся.
- За исполнение наших планов! – предложил тост Клесский.
- И пусть Боги помогут нам в этом! – откликнулся Динский.

Они выпили залпом и начали игру. Первую партию Кирий взял с легкостью.
- Надо было играть еще и на это здание, - улыбнулся он, глядя, как противник перетасовывает карты.
- Если ты выиграешь, он и так станет твоим, - заметил Клесский. Теринский недоумевающее оглядывал игроков, выискивая какой-нибудь хитрый способ убить себя и прекратить это сумасшествие.

Следующие две партии остались за Клесским, хотя третью он выиграл лишь по повторному пересчету дополнительных очков. Четвертую партию, с трудом и тоже по пересчету взял Динский.
- Пятая партия! – озорно сказал Клесский. – Как ощущения?
- Прекрасно! - откликнулся Песка. – Только вот обычно мне в решающих матчах не везет.
- Может мне стоило тогда играть на вашу честь? – сказал Клесский, и глядя как Песка багровеет, сказал, - шутка.
- Мы же вроде договорились так не шутить, - Динский посмотрел свой расклад на руке. Выходило не важно.
- Это я просил так не шутить, - глаза Клесского блестели. – Но не говорил, что я этого делать не буду.

Партия длилась недолго. Расклад Песке совершенно не зашел, и уже через пять минут, Клесский вскрыл карты и воскликнул:
- Фаркский расклад, пан Динский! – на столе лежали четыре девы и князь, что немедленно давало победу собравшему расклад игроку. Клесский подался вперед и хищно улыбнулся. – Вы проиграли!
- Да, - сокрушенно покачал головой Песка, схватил полупустую бутылку «Озерной» и с размаху огрел Клесского по голове. – Мне действительно не везет в решающих партиях.

Когда внутри комнаты послышался звон, Озин и охранники всполошились и, на мгновение, растерялись. Этого мгновения как раз и ждали с виду расслабленные бойцы канцелярии. Вырвав из волос спицу, Иртэя неуловимым движением вогнала ее в глаз рядом стоящему вою. В это же мгновение второй боец оказался в цепком захвате Мали, которая сжала ему горло и свернула шею. Звяк ударом кулака в челюсть сбил с ног Озина. Тот попытался подняться, но получил удар ногой по носу и затих. Мали одобрительно улыбнулась и добила воя, свернув шею и ему.
- Дилетанты, - протянула Иртэя, открывая дверь. Песка к этому моменту кинжалом, найденным у Клесского за пазухой, освободил руки Теринскому, и теперь разрезал путы на ногах. Глава временного правительства Независимого княжества Фаркского в луже крови лежал на столе.

- Он хоть живой? – спросила Иртэя, подходя к Клесскому.
- Вроде бы, - отозвался из-под стола Песка. – Свяжи его. Мали, Звяк, следите за дверьми. И обыщите охрану, возьмите оружие.
- Уже, пан графканцлер, - отозвалась Мали, прикрепляя ножны, снятые с покойного Озина к поясу. Звяк разочарованно вздохнул – малых самострелов у охраны не оказалось.
- Что здесь происходит? – спросил Теринский, которому Песка, наконец, освободил рот.
- Прекрасно разыгранный сценарий вашего спасения, Ваше Сиятельство, - улыбнувшись, ответил Динский.

Теринский все еще недоверчиво посмотрел на окровавленного и в осколках Йатика Клесского.
- Мне уже показалось, что вы с ним действительно сговорились, - пробормотал он.
- Еще бы, - хмыкнул Песка. – Мне это и самому начало казаться, когда он так легко на все согласился. А идея ведь была хорошая!
- Какая идея? – спросил Теринский, разминая конечности.
- Песка, то есть, пан Динский сказал Клесскому, что намеревается женить на себе Эглину и самому править Фарком, - ответила графу Мали.
- Ваши, между прочим, слухи, - заметил Кирий.
- А вы не собираетесь? – на всякий случай уточнил Теринский.
- Не думаю, - серьезно ответил Песка. – Ваше Сиятельство, вы себя как чувствуете?
- Сносно, - Теринский размял затекшие руки.
- Сможете нести это? – графканцлер указал на Клесского.
- Смогу, - уверенно сказал Теринский. У него мелькнула мысль, что они могли бы сразу избавиться от Клесского. Но он одернул себя, что дворянину негоже убивать себе подобного, безоружного да еще и без сознания. И через мгновения он понял, что Клесский им был нужен в качестве заложника.
- Вы здесь ориентируетесь? - спросил Звяк Милана. – Где здесь арсенал?
- Прямо по коридору и направо до конца, - сказал Теринский. – Я могу показать.
- Нет, вы пойдете в центре, - Песка закончил связывать ноги Клесского и теперь пристегивал себе к поясу меч. – Мы пришли сюда за вами, будет обидно, если с вами что-нибудь случится.
- Я так понимаю, там снаружи еще осталась охрана, - обеспокоено сказал Теринский. – Как же мы планируем отсюда выбираться?
- Мы надеемся на чудо, - ответил Динский и подмигнул ему. – Все, Ваше Сиятельство, кончаем разговоры. Хватайте вашего друга и пошли. Мали первая, Звяк замыкающий, Иртэя перед графом, я позади.

Они выдвинулись. Динский не пустил Теринского вперед и заставил того тащить Клесского еще по одной причине – он все еще не доверял им всем. Свой спектакль он разыграл еще и в расчете на то, что даже если «гардовцы» замыслил ловушку, Клесский купится на его, Пескин, блеф и начнет разыгрывать свою партию. Теперь же, когда все вроде бы шло по плану, и Теринский действительно оказался узником, Песка никак не мог выбросить из головы мысль, что это все еще может быть хитрой западней.

Первый коридор они миновали спокойно, а вот при переходе во второй им навстречу шагнул боец, видимо шедший из уборной в комнаты. Вой растерялся и открыл было рот, чтобы закричать, но Мали, мгновенно оценив ситуацию, не сбавляя шага ударила несчастного в солнечное сплетение, а затем пронзила мечом живот, провернув лезвие внутри. Сапогом откинув тело, она освободила дорогу спутникам и двинулась дальше. Теринский буквально на секунду глянул в застывшее в мучительной судороге лицо воя, молодого фаркского дворянина, и содрогнулся. Он, отслужив в войске на внутренней заставе, среди таки же дворян, привык представлять войну благородной, дуэльной. Видимо его отец не смог донести до него правду о другой войне, где сражаются вот такие бойцы, как эта девушка из канцелярии. Где нет высоких слов, где войска в сверкающих доспехах не скачут на встречу друг другу, чтобы выяснить, кто же прав. В

той войне, которой боялся его отец, погибают вот так, как этот юноша – внезапно, грязно, кроваво. «Боги, что я натворил! – в который раз подумал Теринский. – Дайте мне возможность все исправить, я не хочу поливать землю кровью своих братьев и сестер!».

Дальнейший путь до арсенала, какая-то пара минут, прошел без приключений. В оружейной Звяк торжествующе снял со стены самострел, такой, каким вооружали городскую стражу, осмотрел его, удовлетворенно хмыкнул и зарядил. Иртэя последовала примеру товарища. Песка и Мали остались только с мечами.

- Такие самострелы в войске у Циверского? – спросил Динский Теринского.

- Да, - кивнул граф, высматривая место, куда можно было бы положить становившегося все более тяжелым Клесского. – Пополняли арсеналы разоружением городской стражи.

- Тогда их дело – труба, - заключил Звяк. – Прицельная дальность войсковых самострелов в полтора раза больше. В любом прямом столкновении с войсками они обречены.

- Если только Анесский не подвезет им войсковых припасов, - зло выговорил Милан. Он не нашел куда прислонить Клесского, и теперь старался отвлечься.

Звяк и Песка переглянулись, но ничего не сказали на замечание графа.

- Теперь в комнаты, - скомандывал Песка.

- Зачем? – спросил Теринский.

- Нам нужны еще заложники, - улыбнулся графканцлер, - и там мы будем ждать чудо.

Когда к оставшемуся за старшего у ворот пану Ярсу подбежал растрепанный вой и сообщил, что канцелярскии освободили графа Теринского, убили четверых воев и взяли в заложники пана Клесского и еще двоих ополченцев, тот опешил. Он слышал, что в канцелярии служат иногда бывалые бойцы, но чтобы вот так, без оружие (он на всякий случай посмотрел на лежавшее под охраной оружие гостей – все было на месте) свершить, казалось бы, невозможное – такого он представить не мог. Он приказал оцепить здание, насколько это было возможно с его оставшимися силами, а сам пошел внутрь, дабы переговорить с захватчиками.

К этому моменту Клесский очнулся и почти непрерывно в крепких выражениях поносил и Песку, и Теринского, и канцелярию с канцлером, и Великим князем в придачу. Убедившись, что граф жив, Ярс начал раздумывать, что он может в этой ситуации сделать. На наглое требование захватчиков о полной капитуляции даже отвечать не хотелось. Он стоял и размышлял о дальнейших действиях, когда к нему снова подбежал тот же вой, которого он оставил охранять ворота. Он даже не успел отчитать того, за оставление поста, когда вой вполголоса сказал:

- Пан Ярс, там пан Анесский с воями, просит ворота отворить!

Явление Анесского стало для Ярса чудом – действительно, теперь он мог сложить с себя ответственность за все происходящее. Даже не задумываясь, откуда и как здесь мог оказаться пан Анесский, почти седмицу тому назад уехавший в Озерец, Ярс приказал открыть ворота. Он даже не поморщился, когда Коссит начал на него орать:

- Какого длимерна здесь происходит?! Где все?! Что за бардак у вас здесь?!

Ярс объяснил, какого длимерна происходит, разглядывая за плечом Коссита Анесского приехавших воев. Вне сомнения это была гвардия Терии. В ответ на полученные сведения хорунжий разразился отборной бранью, приказал немедленно собрать «весь это балаган, который тут оставил Циверский» и «смотреть, как работают профессионалы».

- За мной! - крикнул он Ярсу, после того, как оставшихся бойцов «Гарды» построили во дворе, а здание по кругу оцепило полсотни гвардейцев.

Коссит, Ярс и еще два гвардейца вошли в помещение. Гардовец шепотом спросил:

- Пан Коссит, их там пятеро, вы уверены, что нам хватит этих двух бойцов?

- Уверен, - кивнул Коссит. Его тон вселил уверенность в Ярса, и когда они подошли к двери, гардовец громко объявил, что сейчас с захватчиками будет беседовать «комиссар по делам обороны Коссит Анесский».

- Пан Динский, - Коссит подошел к двери.

- Слушаю вас, пан хорунжий, - откликнулся Песка. Иртэя и Звяк держали на прицеле заложников, Милан Теринский отдыхал, прислонившись спиной к стене, а Мали дежурила в паре шагов от дверей.
- Пан Клесский жив?
- Жив, чтоб ему провалиться, - озорно ответил Песка. Йатик разразился отборной руганью
- А Милан Теринский?
- В полном порядке, - Песка сделал знак Милану не произносить колкость, готовую слететь с губ.
- Тогда я вхожу!

Милан дернулся и в удивлении застыл – в дверях стоял Коссит Анесский, а перед ним на коленях с самострелом у затылка – Ярс Тенесский.
- Пан графканцлер, Ваше Сиятельство, - Коссит посмотрел сначала на Песку, а потом на Милана, - штаб неприятеля под контролем, все оставшиеся в живых бойцы сдались. Хорунжий Анесский ждет ваших дальнейших приказаний.
- Ты все-таки предал нас, гнида! - прошипел Клесский.
- Уж не тебе, подстилка эльфийская, говорить о предательстве, - с усмешкой ответил Коссит. Потом перевел взгляд на Теринского. – Милан, прости меня. Я пытался предупредить тебя, но не успел.

Теринский все еще осознавал ситуацию. Все становилось ясно. Вначале Милан подумал, что Динский действительно разыгрывает свою партию. Теперь он понимал, что произошло. В порыве чувств граф обнял Коссита Анесского.
- Да, - сказал Песка. – Пан Анесский предупредил нас, что вас предали. И Ее Высочество Эглина настояла на вашем спасении.
- Я благодарю вас обоих, - сказал Теринский. – И, поверьте, буду помнить это до конца своих дней. Ее Высочество я же поблагодарю потом лично.
- Что будем делать с этим? – спросила Иртэя, сапогом ткнув Клесского. Перед этим она заткнула ему рот платком, и теперь связанный граф лишь зло озирался, не имея возможности оскорблять слух присутствующих отборной руганью.
- Его надо перевязать, - неизвестно от вида Клесского ли или от неподобающего обращения с ним Иртэи, поморщился Милан. – Его ждет княжеский суд.
- Прирезали бы его здесь, все равно плаха, - предложила Мали. Кирий и Милан переглянулись, и Динский отрицательно покачал головой.
- Нельзя, - коротко сказал он. – Перевяжите, только аккуратно. Пан Коссит, выстройте пленных и приготовьтесь – мы выдвигаемся в Терию.
- Будет сделано, пан графканцлер, - Анесский решил быть по-военному исполнителен и немногословен. В конце концов, он не мог обижаться на недоверие со стороны Динского. Он и сам бы себе не очень-то доверял в такой ситуации.
- Пан Кирий, а что с Альдой? Вы же знаете, что Циверский с полутора тысячами бойцов движется к Приречью? – тихо спросил Милан, подойдя к Песке вплотную.
- Не беспокойтесь, Ваше Сиятельство, - в тон ему ответил Песка. – Ее Высочество Эглина предупредит свою сестру об опасности и укроет ее в Рейке.

Уверенный тон графканцлера убедил Милана. У самого же Кирия были на этот счет очень дурные предчувствия. «И я надеюсь, что наша маленькая княжна не натворит глупостей», - подумал он.

Ратные холмы, близ фольварка Приречье, Пригороды Фарка, Год 1476 от В.Н., 69 день осени.

Последний мост, отделявший ополчение «Гарды» от Ратных холмов, они миновали ближе к полудню шестьдесят девятого дня осени. День выдался удивительно солнечным, и покрытая инеем земля блестела, создавая впечатление рассыпанного по ней серебра. Трава, как по волшебству, исчезала прямо за мостом, и холмы с небольшими вкраплениями остатков древних стен и чудом уцелевшей капитальной стены, делившей их как бы на две части были совершенно лысыми. Борин Циверский знал, что, поднявшись на них, увидит огибающую нагорье Фарчивку, несущую свои воды от Великого Озера, раскинувшегося на горизонте к Южному морю, и лежащий в низине фольварк Приречье. Оставалось взойти на высоту и расположиться там лагерем – и тогда Альда Фаркская будет у них в руках.

Поход проходил при общем воодушевлении. По территории Терии они двигались, распевая гимн графства «Молот и меч» и разные озорные песенки. Когда достигли Фарка, шли уже более в молчании, насколько это было возможно для полутора тысяч молодых дворян. Чуть поодаль от границы, свершив на сотню выстрелов больше, чем было необходимо, взяли небольшую заставу. Среди защитников, так и не понявших, что и от кого они защищали, было трое убитых, и четверо раненых. Возможно, обошлось бы и без стрельбы вообще, но каждому в ополчении хотелось побыстрее вступить в бой. Вечером второго дня, когда и произошла эта «грандиозная победа» у костров шло такое горячее обсуждение событий, что даже Циверский, один из немногих в этом отряде, кто видел настоящие бои и войну, пришел в необыкновенное воодушевление. На заставе оставили дежурить два десятка воев, а сами двинулись вперед. По дороге взяли приступом фольварк барона Грусского, до смерти перепугав престарелую мать и дочерей барона. Распоясавшиеся юнцы хотели было «пошалить» с прислугой, но Циверский и сотники быстро пресекли эти порывы. Хотя Борин был не уверен, что оставленные следить за фольварком бойцы не посягнут на имущество (а еще хуже – на честь семьи) барона, но очень на это надеялся. Также в этом походе Циверский на своем опыте познал, почему основная часть верхового войска Великого княжества восседает на кабанах, а не на псах. В нескольких селах мясо для прокормки трех сотен зверей пришлось реквизировать – в одном дело чуть не дошло до бунта, и Борин молился, чтобы вести эти не докатились до Приречья. Тем не менее, он все еще рассчитывал на внезапность – даже ему пришлось потратить три дня, чтобы собрать уже находящиеся в боеготовности ополчение. Что же до Масия, то его отряды были рассредоточены по всему графству, и организовать оборону Приречья, потеряв Ратные холмы, ему будет очень трудно.

Завершив переправу, Борин осмотрел свой войско. Двенадцать сотен были построены в шесть двойных шеренг, за ними полусотнями расположились верховые. У самого моста остались десяток обозных телег с провиантом и боезапасом. Циверский, Ильян Хомский, тысячник пехотного ополчения, и Ефхен Умежский, командующий верховыми, вместе выехали вперед.

- Здесь начнется новая история Фарка, - сказал, ни к кому конкретно не обращаясь, Борин. – Остался последний рубеж и мы вновь будем хозяевами своей земли.

Хомский в знак согласия склонил голову, а Умежский усмехнулся. Оба они были потомками родов, пострадавших от репрессий после восстания Клио. Оба они жаждали отмщения.

- Отдавайте приказ, воевода, - сказал Ильян. – Время стереть память о роде Приречских со скрижалей истории!

- Представляю лицо старика Масия, когда мы…, - начал было Ефхен, но тут же осекся, - панове, что это на холмах?

Борин и Ильян посмотрели на вершины двух ближних холмов. И да, действительно, по всей протяженности их виднелись небольшие, будто деревянные

сооружения, издалека напоминавшие укрепления. Борин обругал себя за недальновидность – вернувшиеся с утра дозорные сообщили ему о том, что через мост переправляется дюжина телег но Циверский предположил, что это эконом привез в фольварк припасы и не придал значения этим сведениям.
- Подъедем, посмотрим? – предложил Ильян. Борин согласился. К ним присоединились еще восемь всадников из первой верховой полусотни, и небольшой отряд двинулся вперед. Сомнения начали одолевать Борина. Если Масий успел изготовится к обороне, дело невероятно осложнится. Он даже начал раздумывать, не повернуть ли назад, но быстро отбросил эту мысль – укрепиться за мостом они вряд ли успеют, а их отступление даст старому тысячнику еще больше времени и, соответственно, маневра для удара. «Значит, даже если все пойдет по худшему сценарию, мы должны будем подать сигнал Косситу. Если Альда окажется у нас в руках – не все еще будет потеряно». По мере их приближения стало заметно, что импровизированные укрепления составлены из те самых селянских телег, и опасения покинули Борина. Действительно, до Масия могла дойти молва о приближающемся к Приречью войске, но если это все, что он сумел, то что он сможет противопоставить бойцам Борина, дворянам, с детства держащим в руках оружие? Селянских ополченцев и местных егерей? Борин улыбнулся и поднял руку, делая знак сопровождающим остановится. Телеги в ответ на его жест ощетинились дулами самострелов
- Смотрите, там! – воскликнул один из его людей. Взгляды их устремились к дальнему холму, носившему название Дозорный. На холме этом они увидели двух всадников - седовласого, могучего, одетого в пластинчатый доспех на огромном статном кабане воина, и невысокого воя в плаще и шлеме, на черном, как смоль, псе. За их спиной развивался штандарт Рейка – серая рысь на зеленом фоне.
- Кто это рядом с Масием? – Ильян, безошибочно узнав тысячника фаркской гвардии, щурил глаза, пытаясь разглядеть его спутника. Близорукий от природы Ефхен пожал плечами.
- Кажется, я догадываюсь, - сквозь зубы прошипел Борин и выругался. Спутники его не обратили внимания, но он сразу отметил, что штандарт Рейка вышит золотом, а рысь на нем венчает малая корона – символ представителя правящей династии. – Эглина Фаркская!

И в аккомпанемент к его словам со стороны холмов зазвучал звук рога, спутница Масия сняла шлем, и каскад серебряных волос рассыпался по ее плечам. Масий снял с луки седла и приложил к губам конусовидный рупор – усиленную магической печатью стальную воронку, используемую в войсках для передачи команд, и, с почтением, подал его Эглине. Та ровным, властным голосом, произнесла:
- Дворяне Терии, именем Ее Высочества княгини Альды Фаркской, я приказываю вам остановиться и сложить оружие. Я, княжна Эглина Фаркская, в этом случае обещаю вам, что вы все, за исключением тех, кто повинен в злом умысле и учинении злодеяний против власти моей семьи и жителей княжества Фаркского и Великого княжества Ластартского, будете отпущены на свободу без гонений и ущемления в правах! Ежели вы решите мечом угрожать миру и порядку нашей земли, то все вы будете признаны мятежниками и ответите за свои преступления по законам Великого княжества!

Командующие ополчения переглянулись. Вид их стал серьезен, хотя Борин успокаивал себя, что собрать силу, которая могла бы им противостоять, у Эглины и Масия времени все равно не было. Несмотря на то, что неизвестным образом сама княжна и смогла оказаться здесь, Рейкских и Ластартских гвардейцев с ней быть не могло. «Возможно, они пытаются тянуть время, - решил он. – Удержать холмы до прихода основных сил. Тогда мы должны начинать штурм немедля!». Борин приказал дать ему рупор, и один из сопровождающих протянул ему его.
- Пани Эглина Фаркская видимо не в курсе последних событий, - выкрикнул он. – Вашей сестре должны были вручить манифест, где именем народа Фарка мы низложили вашу

семью, и теперь дворянство не подчиняется вашим приказам. Что до ваших слов – так сопротивление законной гвардии Фарка, коей мы являемся, повлечет за собой только лишние смерти, и заставит нас пойти на крайние меры в отношении графа Милана Теринского, который, как мы знаем, дорог вашей сестре. Стоит ли затевать эту междоусобицу, пани Эглина? Пускай ваши вои сложат оружие и допустят нас к бывшей княгине для окончательного решения вопроса о передачи власти.

Ефхен одобрительно хмыкнул. Действительно, их полторы тысячи обученных и натренированных дворян, цвета Терии, да и всего Фарка. Кто может сравниться с ними?

Эглина тяжело вздохнула, глядя на выстроившиеся в низине шеренги пехоты и клинья верховых ополчения «Гарды». Шансов того, что Борин послушает ее, было немного, но девушка все же надеялась, что здравый смысл может возобладать. Теперь, когда надежда решить все мирно окончательно умерла, Эглина почувствовала внутри какую-то пустоту и отрешенность. И она все никак не могла отделаться от мысли, что Мали была не права, и вот она – героиня, проведшая в походе три дня, с развивающимися по ветру волосами (хотя ветер дул ей в спину и волосы то и дело налетали на лицо). По сути, вся эта бравада со шлемом была попыткой оправдать любимую книгу детства перед неспособной сейчас ее видеть подругой. Масий неодобрительно посмотрел на княжну:

- Надели бы вы шлем, Ваше Высочество, - ворчливо сказал он. – Расстояние, конечно, порядочное, но от шальной стрелки никто не застрахован.

Эглина посмотрела на него, и про себя усмехнулась. Если бы тысячник знал, какими мыслями сейчас руководствуется княжна, наверняка бы обозвал бы ее про себя неразумной дурницей. Масий и так не одобрял ее желание наблюдать за битвой (какое уж тут «командовать»), а так совсем бы уверился что она – неразумной ребенок. Княжна вновь глянула на ожидавших от нее ответа командиров терийского ополчения, приложила к губам рупор:

- Судьба Милана Теринского, как и любого из нас, в руках Богов. И, если вы думали, что жизнь даже такого, безусловно, уважаемого человека, княгиня может поставить выше судьбы княжества, вы ошиблись, панове. Более того, одним этим предположением вы оскорбляете честь правительницы своей земли. Что ж, если вы решили биться – будь по-вашему. Но знайте, что до конца дня ни один из вас, стоящих там внизу, не уйдет с этих холмов живым!

- Я пристрелю ее! – проревел Ефхен, срывая с плеча самострел.

- Спокойно, полутысячник! – остановил его Циверский. – До нее отсюда добрых полторы сотни шагов, а до нас от холмов на треть меньше. Ты не попадешь, а нас накроют залпом! Отходим, панове, нужно приготовить войска к бою!

Всадники отъехали. Наблюдавший за ними Масий со смешанным чувством досады и нетерпения повернул голову к Эглине и, больше для соблюдения приличия, спросил:

- Отдавать приказ, Ваше Высочество?

- Да, барон, - кивнула она, собирая волосы и надевая шлем на голову, - отдавайте приказ.

Масий поднял руку. У ближайшего холма, сидя на кабане и возвышаясь над пехотинцами в форме гвардии Рейка, тот же жест повторил Михо Итинский, а на отдаленном холме, для лучшей видимости встав на камень взмахнул рукой Ниианй Айклин. Вои мгновенно заняли позиции. Первая шеренга - сидя на телегах, прикрывшись деревянными бортами. Вторая шеренга встала сзади, готовясь перезаряжать самострелы. Третья шеренга расположилась за вторым рядом телег, заполненных бочками мутно-желтой жидкостью. Масий отвел взгляд. Для него все еще оставались загадкой эти бойцы, бывшие до сегодняшнего утра шумным, и казалось, беспорядочным сбродом, но по первому же приказу принявшие идеальное построение и теперь угрюмо и решительно глядящие на своего противника. Борин не сильно ошибся, подозревая, что воев под командованием Масия было меньше, чем ополчения «Гарды». Пять сотен пеших стрелков, пришедших с Эглиной из Фарка, да сотня верховых самого Масия, которыми сейчас командовал Талько Бойковский. Но, не смотря на все уверения Талько о том, что эти пять

сотен «отборные бойцы рейкской гвардии», Масий по выправке видел, что даже среди отборных гвардейцев всего Фарка вряд ли бы нашлось пять сотен воев, равных этим. Да и выглядело большинство из них не по-здешнему. Те же подозрения овладевали и Мастером Инианом. Михо Итинский ото всех расспросов относительно воев уклонялся, что еще больше навело Масия на мысль, что армия эта перешла под контроль тысячника Рейка от неизвестных ему благодетелей. После битвы Масий планировал вывести Талько на чистую воду.

Тем временем командиры ополчения доехали до своих порядков, по дороге обсуждая план наступления. Атаковать верховыми не решились – упрутся в телеги и будут расстреляны в упор. После недолгого обсуждения остановились на идее Ефхена: пустить вперед четыре сотни стрелков, которые огнем самострелов наведут смятение и проредят ряды обороняющихся, а может смогут подойти настолько чтобы вступить в рукопашную и сломать импровизированные укрепления.

- Тогда и ударим верховыми, - уверенно произнес Борин. – Когда появится простор для маневра. Плато на холмах небольшое, за пару минут сможем волчьими смести и обратить их в бегство.

Ильян отнесся к плану с сомнением – пешие вои могли понести большие потери, штурмуя высоту. Борин успокоил его.

- Их там вряд ли может быть больше пары сотен, - сказал он. – Стрелками мы проредим их ряды, и до рукопашной не доживет и половины.

- Как прикажете, воевода, - поклонился Ильян. Он и Ефхен двинулись к войску, отдавая приказания сотникам, те выстраивали шеренги для наступления, выкрикивая указания десятникам, а те, в свою очередь, воярам и воям. Циверский наблюдал, как его войско выстраивается для атаки, и гордость овладевала им. «Это будет замечательно – начать новую историю независимого Фарка со славной победы, - думал он. – Потом летописцы опишут, как войско борцов за свободу, выступив из неудобной позиции наголову разгромило превосходящего по численности противника. Это будет завет потомкам – сражаться в любой ситуации и побеждать!».

Он пустил пса рысью, доехав до правого фланга, поднес к губам рупор и воскликнул:

- Воины Терии, воины Фарка! Сегодня ваши руки будут вершить историю! За этими холмами лежит начало новой эры – эры процветающего, сильного, Независимого княжества Фаркского! Между вами и этой эрой собралась кучка безумцев, которая не желает скидывать оковы рабства, связывающие их. И в любой другой ситуации мы бы могли пощадить неразумных. Но не сейчас, когда они закрывают нам собой единственный путь к счастью! И я, верный сын земли Фаркской, говорю вам: мы возьмем это счастье, если надо, переступив через их окровавленные тела! Мы – гордость этой земли, и будем править ей по праву! Вперед, сыны Теринки! Молот и меч!

- Молот и меч! – ответил ему строй. Затрубили рога, забили барабаны и четыре фланговые шеренги двинулись вперед. Пройдя десяток шагов, вои запели, громко и торжественно:

Сталь благородна и ясен взор,
Труден путь, но легок шаг.
Воинов несокрушим напор,
Достойным пусть окажется враг!

Молот и меч!
Судьбою повенчаны!
Молот и меч!
Молот и меч!

Взглянув на пришедшие в движение шеренги противника, Эглина в нервном возбуждении натянула поводья. Пес ее обеспокоено повернул голову и посмотрел на хозяйку. Она почесала его за ушами. «Воля тверже камня, - повторяла про себя княжна девиз дома Фаркских. – Моя воля будет тверже камня. Ради семьи, ради Альды. Я не могу оступиться».

- Терпение, Ваше Высочество, - по-своему трактуя ее поведение, сказал Масий. – пускай подойдут поближе, до ста шагов.

- Вы знаете свое дело, барон, - отозвалась Эглина холодно. – Сегодня этот досадное противостояние должно завершится.

- Если Боги на нашей стороне, - Масий напряженно посмотрел на наступающих.

- Они будут на нашей стороне, - уверенно сказала Эглина.

Шеренги «Гарды» тем временем приближались. Сотники и десятники дворянского ополчения помнили – прицельный выстрел на семидесяти шагах, потом выстрел второй шеренги, пока первая перезаряжается, и так пока не дрогнет строй защитников. И в момент, когда они были примерно в ста шагах от баррикад, как будто резкий порыв ветра рассек воздух - со стороны защитников полетели стрелки. Первый залп привел две сотни нападавших на ближайшем к Эглине фланге в смятение. Княжна видела, как не менее трех десятков человек упали. Строй по инерции продолжил идти, хотя шаг их замедлился. На дальнем фланге потери были больше, но командовал там более опытный сотник, пан Ярик, который, как и Циверский, прошел службу в войске. Своими приказами он выровнял строй. Ярик понял теперь, что противник превосходит их вооружением, но отдавать приказ об ответной стрельбе не стал, а решил, что его числа хватит, чтобы подойти на прицельную дальность. На ближайшем же фланге, уже отделенным от второй части своего воинства выступом древней стены, сотник Влатин, молодой, но весьма упорный в тренировках, решил, что стоит открыть заградительный огонь. Он считал, что у них есть около минуты, пока гвардейцы Фарка будут перезаряжаться. Первый ряд передовой опустился на колено и прицелился, второй вскинул самострелы на плечо – и тут со стороны защитников грянул второй залп. Ставшие плотным строем ополченцы стали отличной мишенью. Поле боя наполнили крики раненых. Оставшиеся на ногах две дюжины стрелков первой шеренги успели дать залп, но на этом расстоянии едва ли смогли причинить какой-либо ущерб. Бойцы второй шеренги даже не успели открыть огонь и после третьего залпа защитников, растеряв всякое присутствие духа, обратилась в бегство. Влатин еще успел подумать, что перезарядка у обороняющихся происходит с какой-то сверхъестественной скоростью, как стрелка пробила ему грудь и молодой воин упал замертво. Отступающих гардовцев четвертым залпом ударили в спину, и отойти к позициям основного войска смогло не более сорока человек.

На дальнем фланге после второго залпа Ярик приказал рассредоточиться и сблизиться с противником для рукопашной. Напасть на телеги, отбить их, а там и верховые подойдут, помогут. Он не знал, что, видя паническое бегство на другом фланге, Борин отдал приказ перегруппироваться и снова пустить в бой пехоту, оставив предыдущий план неизменным. И когда оставшиеся у Ярика две дюжины бойцов, дав один залп на бегу, добрались до телег, сотник, обернувшись, увидел, что помощи ждать не приходится, а остальное войско даже не двинулось с места. Он помянул последними словами командование, но отступать было поздно. «За Терию и Фарк», - крикнул он, и ответный клич озверевших от страха и напряжения бойцов придал ему сил. Следующий залп, не такой скорый, как предыдущие, настиг их у самых телег, сократил число нападавших еще на две трети. Ярик успел ударить мечом одного из стрелков, а потом дорогу ему преградила черная тень. Последним, что он видел в жизни, было необычайно бледное лицо и черные провалы вместо глаз.

Видя, что Ярик ведет своих людей в атаку, Ефхен настаивал на помощи ему, но Ильян, устрашенный быстрой потерей почти двух сотен, согласился с Циверским и дал приказ о перегруппировке.

- Тогда атакуем сразу всем войском, - предложил Ефхен. Глаза его сверкали. Он только что пытался взбодрить своих воев, выкрикивая слова о мщении и ярости, и сам от этого пришел в нездоровое возбуждение. – Как бы быстро они не стреляли, не перебьют всех!
- А если у них есть верховые? – возразил Ильян. – Только того и добьемся, что потеряем всех стрелков разом!
- Спокойно, панове, - твердым голосом сказал Борин Циверский. Если бы рядом был Милан Теринский, то по тону голоса он понял бы, что воевода ополчения не на шутку перепуган. Но Ефхен и Ильян знали Борина гораздо хуже, и спокойный, металлический тон голоса командира слегка успокоил их. – Приготовьте третью, четвертую, пятую, и, соответственно девятую, десятую и одиннадцатые сотни к наступлению. Шестую и двенадцатую поставим у подножия холмов. Отдайте приказ к штурму. В случае появления верховых противника – пускай немедленно рассредоточатся и дадут возможность резервным сотням открыть огонь.
- Куда рассредоточиться, Борин? – спросил Ильян. – Ты же видишь – слева река, справа отвесный холм. С центра камень, будь он неладен. Они размажут нас по траве!
- Не будет у них столько верховых, перестань паниковать! - Борин с силой встряхнул тысячника за плечо. – Прорвутся сквозь строй – выедут к резервным сотням. Пробьют их – здесь мы их посечем своими верховыми. Выполняй приказ!
- Будет сделано, воевода! - Ильин направил пса к своим сотникам.
- И еще, - окликнул его Борин. – Отступивших – тех, кто легко ранен или просто обделался – к обозам. Пускай их там приведут в порядок. Потом отправим их к резервным сотням.

Ильян кивнул и отъехал.
- Кабы не сорвался он, - задумчиво сказал Ефхен.
- Не сорвется, - ответил Борин. – Своих перестрой на левый фланг. Я думаю, он дрогнет раньше. Одну полусотню… нет, лучше сотню, оставь при нас – на всякий случай. Маневр начнем, когда завяжется бой.
- Приказ понял, воевода, - кивнул Ефхен.

Он отъехал, а Борин подозвал к себе двух сотников из резервных сотен. Эти двое были его воспитанниками в тренировках и он полагался на них, как на себя.
- Панове, есть вероятность, что часть наших воев может смалодушничать, и тем самым подставить все воинство. Если увидите, что вои бегут с поля боя – стреляйте по ним. Пусть знают, что дорога к свободе одна, и она за теми холмами.

Эглина и Масий наблюдали за построениями противника. Старый тысячник не мог не отметить железной выдержки, которую он не ожидал от княжны. Он даже отметил жесткую ухмылку, появившуюся на лице Эглины, когда ближайший к ним фланг противника дрогнул и побежал.
- И эти люди называли себя цветом нашей нации, - сказала она. – Я бы не хотела, чтобы они были под моим началом в бою. Им место в селянском подворье, а не на поле брани.
- Ваше Высочество слишком строго к противнику, - корректно отметил тысячник. – Могу ли я спросить, сталкивались ли вы со смертельной опасностью?
- В атаку я не ходила, если вы об этом, пан Масий, - Эглина посмотрела на него, и лицо ее сделалось каменным. – Но стрелять в меня, стреляли. Не скажу, что вела себя храбро, но нападали тогда на меня, и я не желала, в отличие от этих людей, чужой крови.

В этот момент к ним подъехали гонцы с обоих флангов.
- Потери? – обратился к ним Масий, поклоном прося извинения у Эглины за прерванный разговор.
- Двое раненых, - отрапортовал гонец с ближайшего фланга.
- Трое убитых, один раненый, - сказал после него гонец с дальнего фланга. – Пан Иниан просит разрешения приготовить вторую линию. Говорит, что атаковать будут его фланг.

Масий обернулся, посмотрел на перестраивающегося противника. Судя по сосредоточению верховых – больше к ближнему флангу, но так, чтобы мгновенно развернуться в сторону группы Иниана, эльф был прав.
- Разрешаю, - согласился Масий. – Пану Итинскому скажите – пусть отправит гонца к пану Бойковскому. Действуйте по плану.

Гонцы уехали.
- Я надеюсь, Боги простят нас за то, что мы собираемся сделать, - сказал Масий, обращаясь к Эглине.
- Будьте спокойны, пан Масий, - Эглина горько усмехнулась. – Вашей вины перед Богами здесь нет. А я за спасение своей семьи готова отвечать перед любым судом, что мирским, что божественным.

Тем временем перестроившиеся пехотные шеренги Ильяна вновь пошли в атаку. Песня уже не звучала, хотя барабаны по краям все также выбивали ритм. Ильян не воспринял идею быстрого штурма без построения. Он не понимал, каким образом беспорядочная беготня может дать какой-либо результат. Стоя у заградительных сотен, он смотрел, как его люди идут на встречу своей славе и, многие из них, на встречу своей смерти. Вид этот страшный и, в тоже время, завораживающий действовал на него гипнотически и он, повторяя про себя «за Терию, за свободу, за Фарк», как молитву, трепал рукой холку своего пса, сам этого не замечая. Ефхен же, решив лично вести верховых в бой, с нетерпением взирал на стрелков, ругая их за медлительность.

На этот раз защитники открыли огонь, когда нападавшие подошли на полторы сотни шагов. Каждый боец, сидящий в телеге имел по пять длинных войсковых самострелов, которые, сразу после выстрела, заряжались стоящими сзади бойцами, тем самым сокращая время перезарядки и создавая эффект почти беспрерывной стрельбы. Правый фланг атакующих, волной нахлынув на укрепления, был отброшен назад, но почувствовавшие вкус крови вои немедленно, с удвоенной яростью снова бросились в атаку. На левом же фланге, рубившийся в первых рядах Иниан Айклин одним своим видом наводил ужас на прорвавшихся воев противника. Но перевес в числе у гардовцев был значителен, и защитники левого фланга постепенно стали отходить по натянутым канатным дорогам ко второй линии телег. Некоторые из них падали замертво, но другие успевали занять вторую линию обороны, где, к удивлению нападавших не начинали стрелять, а запрыгивали за неплотно стоящие здесь телеги и скрывались за ними. Увидев это, сотник, командующий наступлением по левому флангу, дал знак сзади стоящим и через пару минут Ефхен заметил, как к нему несется боец, жестами показывая, что путь для верховых открыт, а телеги захвачены.
- Вперед, братья! – закричал полутысячник. – Покажем этим презренным наш дух и силу оружия! Молот и меч!

И две сотни верховых на псах бросились вперед, к левому флангу, где на передних телегах оставалось не более десятка защитников, среди которых с зажженной самокруткой в зубах, сражался Иниан Айклин. Борин Циверский посмотрел на Дозорный холм, и удивился тому, что Эглина и Масий до сих пор находятся там и не предпринимают никаких действий. Он не видел гонцов, скачущих к флангам, он не замечал характерных жестов, которыми тысячник давал бы команды правому флангу (где волна нападавших в очередной раз откатилась, и ряды их все больше редели), придти на помощь левому. «Отчаянье, - думал Борин. – Ими владеет отчаянье, и ничто не способно их спасти!». В этот момент он вспомнил о сотне Коссита Анесского. «Пускай Коссит подождет! – подумал он, улыбаясь. – Сегодня – мой триумф. Его вои пригодятся потом, если сюда подойдут войска из Рейка, Дина или Ластарта».

Тем временем, когда верховые Ефхена проделали уже треть пути к вершине холма на левом фланге, Иниан Айклин буквально на мгновение, для него, впрочем, в боевой стойке длящимся неизмеримо дольше, чем для всех остальных на поле боя, осмотрелся. Живыми и не отступившими на передних телегах остались он и еще человек пять. Пока

только их, а в основном его, действия сдерживали нападавших, но вскоре, буквально секунд через двадцать положения их стало бы безнадежным.
- Отступаем! - крикнул он своим спутникам, и повернувшись ко второй линии обороны, заорал. – Бочки!

Этот крик подействовал на оставшихся на телегах бойцов магическим образом. Все они кинулись ко второй линии. Один споткнулся и следующим движением стоявший рядом его противник заколол его. Еще один, заметив это, вместо отступления кинулся в гущу врагов, где, успев ранить трех противников, был повален наземь и затоптан. Сам Иниан отбиваясь на последней незахваченной телеге, рисковал утонуть в людском море, наваливавшимся на него, и готовым сомкнуться за спиной. Он еще раз глянул вниз, увидел приближающихся, уже в сотне шагов от себя, верховых, схватил ближайшего к нему воя противника, швырнул того в приближающихся «гардовцев» и бегом бросился ко второй линии. В тот момент, когда он поравнялся телегами, они странным для нападающих образом перевернулись на бок, и из бочек, стоявших в ней маслянистая жидкость хлынула под ноги рванувших вперед «гардовцев». Следом за этим грянул редкий залп защитников. Но к этому моменту пехотинцы атакующих успели отодвинуть часть укреплений первой линии, давая верховым место для атаки. Ефхен уже видел вторую линию – не плотно стоящие на боку телеги не могли помешать верховому прорыву. В этот момент лапы его пса захлюпали по растекающейся жиже, а в нос ударил терпко-сладковатый запах. Запах жидкости для зажигания факелов и огненных потех! Ефхену понадобились доли секунды, чтобы понять, что произошло. Он успел повернуть голову и увидеть, как в той же жидкости успели испачкаться отодвигавшие телеги вои, как течет она под лапы его верховым. И эльфа, стоящего на телеге с тлеющей самокруткой в зубах. Ефхен успел закричать «отступаем!», понимая, что это уже не поможет.

Иниан Айклин, держа двойной меч одной рукой, оскалился, сделал последнюю затяжку и швырнул самокрутку на землю.

Ильян закричал. Кричал он неистово, а потом крик его перешел в вой. Он не понял что произошло – увидел только как люди его на вершине холма обращаются в живые факелы, как псы, лапы которых охватывает пламя от боли падают на землю, сбрасывая наездников. Нечеловеческий вой пронесся над Ратными холмами. Выли псы, умирающие от шока и боли, выли люди, кидающиеся с обрыва в реку или катающиеся по земле. Более всего повезло первым линиям нападавших – следующий залп подопечных Иниана избавил их от боли.

На Дозорном холме тем временем осталась лишь Эглина. Тысячник Масий направил своего кабана вниз, к стоящему с другой стороны холма резерву. И в этот момент одиночества княжна, вдыхая запах горелого мяса, слушая повиснувший над холмами вой и стоны, с гордо поднятой головой твердым взглядом озирала тот ад, что творился на дальнем фланге. Тошнота подступала к горлу, на глазах наворачивались слезы. Но показать в этот момент свою слабость она не имела права. Ни противники, ни союзники не должны усомниться в том, что воля ее крепка, и она пойдет на все ради своей семьи и своей земли. Лишь потом, оставшись одна, она будет рыдать, вонзая ногти себе в руки. Ее будет рвать от этого сладковатого запаха, будто въевшегося в одежду, в волосы, в кожу. Запах этот будет преследовать ее даже после трех флаконов с благовониями. Потом она сможет позволить себе быть слабой. Но не сейчас, когда столько глаз обращено в ее сторону.

Борин Циверский закусил губу до крови, глядя на то, что происходит на левом фланге. Он немедленно отдал приказ Ильяну и двум оставшимся сотням отходить к нему. О наступлении не могло быть и речи. Циверский оглянулся на Дозорный холм и, сквозь поднимающийся дым, увидел Эглину Фаркскую, взирающую на поле боя. Он не мог видеть ее глаз или ее лица. Но он представлял себе сталь – такую, какую он однажды видел в глазах ее отца, когда тот собирался в поход. Весь букет чувств, наполнявший в

этот момент воеводу «Гарды», мгновенно схлынул, оставляя внутри лишь четкое осознание поражения, которое только что нанесла ему эта девушка. И это осознание породило в душе Циверского такой ужас, которого он не знал никогда. Впервые в жизни он осознал себя не возвышенным, уникальным человеком, родившимся для воплощения великой миссии, а простым смертным, проигравшим самый важный бой в своей жизни. Усилием воли он отогнал от себя наваждение, заставив вновь вернуться в реальность.

Правый фланг атакующих тем временем, не имея возможности видеть того, что происходит на левом, но прекрасно услышав и учуяв все последствия происходящего, дрогнул и в беспорядке побежал. Там оставалось еще больше двух сотен бойцов, но это уже не могло решить исход боя. Тем более что через мгновение на Дозорном холме появился Масий, доложивший Эглине, что резерв готов наступать, а еще чуть позже затихающий вой прорезал звук рога, трубящий боевой клич рейкской гвардии. Телеги на правом фланге спешно растянули сами защитниками, и из-за них вылетела резервная кабанья сотня под командованием Талько Бойковского. За верховым уже бежали, вооружившись короткими морскими клинками, пехотинцы с обоих флангов. На дозорный холм въехали Иниан Айклин и Михо Итинский.

- Я отдал приказ взять в кольцо отступающих, когда пан Бойковский прорежет их строй, - сказал Иниан. – По-моему, все получилось достаточно недурно.

- Смотрите! - сказал Итинский взволнованно, обрывая фразу эльфа. – Циверский с верховыми отходят к мосту. Их не успеют задержать!

- Не переживайте, пан Михо, - усмехнулась Эглина. – У нас для них приготовлен сюрприз.

И в этот момент с другой стороны холма, где-то в тысяче шагов от моста, сверху по течению Фарчивки показалась сотня всадников. Их кабаны неслись к мосту, а на знамени, развивавшемся над командиром, был заметен белый лебедь, расправивший крылья на фоне гор.

- Озерецкая сотня! – обрадовано воскликнул Циверский. Ну конечно! Анесский увидел черный дым и пришел к ним на помощь! – Гонца к ним, пусть перекроют мост и прикроют наше отступление!

Один из всадников резервной сотни направился к верховым, а Циверский приказал развернуть своих бойцов – все-таки Анесский далеко, а на мост вот-вот взойдет Бойковский. На Ильяна надежда была мала – часть его стрелков уже побросала оружие, другие в беспорядке отступают, что минуту сокращаясь количеством под ударами верховых и пеших противников. И вот на мосту сшиблись первые ряды рейкцев и теринцев. Взгляд Циверского обратился на своего гонца и на сотню Анесского. Вот они сближаются, вот сейчас Коссит (а кто еще может командовать сейчас сотней, если не он?) должен выслушать гонца и направиться к ним на подмогу. Тот действительно направился в их сторону, но не замедляя ходу и сначала одним ударом срубил голову гонцу Борина. Воевода повстанцев застыл в изумлении, а затем осознание навалилось на него всей тяжестью своей так, что он в бессилии завыл, а потом, выкрикивая проклятья, развернул пса и поскакал прочь, оставляя людей своих на произвол судьбы.

- Предатель! Гнида! – кричал он, вспоминая Анесского, которому пожимал руку еще седмицу назад. – Как я мог не догадаться?!

Мысли Циверского метались, он пытался понять, что же ему делать дальше. «В Терию, бежать! Убить Милана, а дальше? А дальше – посмотрим. Главное живым выбраться отсюда!».

Бегство его заметил и пан Талько, и командующие на Дозорном холме. Бойковский, прорвавшись сквозь неплотный, разваливающийся строй терийцев направил своего кабана за Бориным. Эглина же, указав на это пальцем, повернулась к своим спутникам:

- Пан Михо, судя по всему, пан Бойковский направился за Борином Циверским. Езжайте следом и убедитесь, чтобы Циверский не ушел. Живым или мертвым – не важно, - уточнила она.

- Может это сделать мне, Ваше Высочество? - подал голос Айклин.
- Нет, Мастер. Вы и пан Утравницкий сейчас спуститесь со мной принимать капитуляцию противника.
- Да, Ваше Высочество, - вместе ответили Масий и Иниан, а Михо Итинский, рукой скомандовав двум стоящим рядом гвардейцам двигаться за ним, ветром помчался к мосту.

Бойковский отдавал себе отчет в том, что пес Циверского двигается гораздо быстрее его кабана, но рассчитывал, что более выносливый и отдохнувший его зверь начнет вскоре нагонять мятежного барона. Так и вышло – не удалились они и на пару верст от поля боя, когда пес Борина начал сдавать, задыхаясь. Циверский остановил усталого зверя, обернулся, выругался, но вновь пускать того бегом не стал. Если зверь падет, то будет еще хуже. Он спешился и обнажил меч.
- Не настало ли время нам с вами выяснить отношения, как дворянин с дворянином, пан Бойковский? – сказал Борин, рассчитывая на то, что дворянская честь не позволит Бойковскому выстрелить в него.
- Мне бы стоило просто пристрелить тебя, Циверский, - ответил Бойковский, спешиваясь и вынимая свой меч. – Ты позоришь честь своего рода и своего отца, почтенного дворянина. Ты забыл, что значит служить своей родине!
- Ничуть, - Борин принял боевую стойку. – Но, в отличие от вас, я служу именно своей родине, а не эльфийскому прихвостню на троне или его же эльфийским дружкам.
- Как бы ты удивился, узнав, кому на самом деле служишь, - покачал головой Бойковский и атаковал.
- Ну так просвети меня, старик, - Циверский отразил удар и сам провел контратаку.
- А знаешь ли ты, что твой дружок, Клесский, давно продал вас эльфам? – Бойковский увернулся от атаки противника и провел серию выпадов, которые, впрочем, Циверский успешно отразил. – Узнав это, даже пан Анесский перешел на нашу сторону. Что думаешь об этом?
- Вот разберусь с тобой, - прошипел Циверский, парируя очередной выпад Талько, - и тогда и проверю, насколько это правда. И если это правда, я займусь всеми этими предателями.
- Что же ты сделаешь, воевода без войска? – осведомился Бойковский. Он понял, что взял слишком высокий темп и начинает уставать, но остановиться уже не смог.
- Не переживай, Бойковский, - Циверский парировал очередной удар и сам перешел в наступление. – Новое войско не заставит себя ждать. И тогда попляшет и твоя княжна, и ее сестра со своим суженным, и предатель Коссит, и Йатик, если того заслуживает. Только ты всего этого уже не увидишь!

Пан Талько отскочил, и меч Борина прорезал воздух. Бойковский попытался нанести удар, но Борин был быстрее и сумел выбить старого тысячника из равновесия. Еще некоторое время тот, тяжело дыша, отбивал резко увеличившие темп атаки Циверского. В какое-то мгновение Бойковскому показалось, что Борин открылся, но это был лишь обманный маневр. Циверский могучим ударом выбил из руки противника меч, а седующим движением вонзил свой клинок в сердце старого тысячника. Пан Талько Бойковский охнул и осел на землю.
- Как я и говорил, - перевел дыхание Борин. Он вытер меч о плащ и двинулся к своему псу, но в этот момент услышал, что к нему приближаются всадники. Устало взглянув в сторону поля боя, он увидел как в паре десятков шагов от него остановился Михо Итинский в сопровождении двух бойцов. Барон Итинский поднял самострел и направил на Борина.
- Сдавайтесь, пан Циверский, - прокричал он, - и я обещаю вам справедливый княжий суд!
- Вы же честный дворянин, - крикнул в ответ Борин, улыбнувшись. – Вы же не станете стрелять такому же дворянину в спину!

С этими словами он кинулся к псу и вскочил на него. Итинский выругался и тут перед глазами его, на одно мгновение, предстала саркастическая улыбка Адды из Леснерта, и в ушах прозвучало одно слово «приказ». Циверский не услышал, как стрелка разрезала воздух. Лишь боль пронзила его тело, а потом наступила темнота.

На поле боя, тем временем, пленных, и бросивших оружие и уже неспособных его держать, усадили кругом у теринских обозов, под недружелюбными взглядами фаркских всадников. Защитники в этом бою потеряли не больше пяти десятков человек ранеными, и еще полтора десятка убитыми. Живых нападавших осталось не более двух сотен. Ильян, изрядно потрепанный, весь в грязи, сидя в первых рядах, угрюмо смотрел на победителей и ждал. Он не боялся смерти. Пугало то, что столько людей погибли, и погибли страшно, а цель так и не достигнута. Он проклинал Борина, поведшего их на смерть, Ефхена, так бездумно позволившего себя убить, и Коссита Анесского, который предал их и забрал надежду на светлое будущее. И лишь себя он не винил ни в чем. «Я сделал все, что мог, - думал он. – А теперь будь, что будет».

Строй охранников расступился и к пленным подошли трое – седовласый статный тысячник Масий Утравницкий, эльф, в черном одеянии, в котором Ильян узнал командующего левым флангом противника и девушка, невысокая, с распущенными серебряными волосами в плаще, кольчуге, штанах из грубой кожи и высоких сапогах. «Не смогли что ли штаны ей подходящие найти», - удивился сам себе Ильян.

- Высокородная княжна Фаркская, графиня Рейкская, Эглина! - зычно возвестил голос.

Ильян посмотрел в глаза княжне. Те ответили ему зеленым огнем. Тысячник терийцев отвел взгляд. Он чувствовал, как его люди – те, кто еще мог – становятся на колени перед победительницей. «И это дворяне! - горько подумал он. – Вымаливать свою жизнь на коленях!». Княжна взглядом прошлась по строю.

- Кто здесь старший офицер? – спросила она звонким, как серебро, голосом.

- Тысячник Ильян, - сказал он, поднимаясь. Потом помолчал, и добавил, - заместитель, а теперь и исполняющий обязанности командующего.

- Признаете ли вы поражение? – княжна посмотрела на него снизу вверх, но так, что Ильян немедленно ощутил свою малость.

- А как вы думаете? – тем не менее, дерзко ответил он. – Вы сожгли наших людей, безбожно растоптали их кабанами. Нас осталось вдвое меньше вас. Как вы думаете?

- Нас было втрое меньше вас, - сказала жестко Эглина. – И мы сражались. По правде, мне бы хотелось всех вас повесить прямо здесь. Тем не менее, раз вы признали поражение, я согласна оставить вашим людям жизнь. И, поскольку, как мне известно, они предали не только мою сестру, но и своего пана, графа Теринского, вас всех ожидает графский суд.

Вздох облегчения прокатился среди пленных. Графский суд означал каторгу или ссылка. Если бы княжеский – то могла быть и казнь. Ильян презрительно хмыкнул. Что ж, это он переживет.

- Вашим людям, но не вам, - обратила на него взор Эглина. Пока она смиряла его взглядом, рука ее легла на рукоять меча. Меч этот, принадлежавший прадеду Эглины, графу Рейкскому, ей перед отъездом подарила Ирия Найская. «Пусть в твоих руках, внучка, послужит он княжеству, - сказала старая баронесса. – Прадед твой так и не дождался наследника для него, так пускай в руках наследницы он послужит благому делу».

- А что же со мной? – Ильян гордо вскинул голову. – Княжеский суд?

- Нет, - Эглина покачала головой. – Вы были в свите Циверского, когда я предлагала вам сдаться. И потом я пообещала, что ни один из вас живым с этого поля не уйдет.

Княжна сделала знак, и двое гвардейцев поставили Ильяна на колени, заломив ему руки за спиной.

- Будь ты проклята! – выкрикнул он. – Будь весь ваш род проклят!

- Как вы планировали поразить землю мою в самое сердце, - медленно произнесла Эглина, вынимая меч из ножен. – Так и я поражу в самое сердце вас!

Одним ударом она вонзила клинок в грудь Ильяну, а затем с силой вырвала его.
- Предки… во славу… - пошептал Ильян, опрокидываясь на бок. – Мол-лот и ме…
- Тела предателей предайте огню, - распорядилась Эглина, - наших мертвых сложите на телеги – мы приготовим для них должное погребение. Пленных отведите в Надозерный Форт, и отправьте гонца в Терию справиться о положении там.

Подъехал Михо Итинский. Княжна посмотрела на него вопрошающе:
- Борин Циверский мертв, - отчеканил барон, спешившись. – Убит при попытке к бегству.
- Пан Бойковский? – спросила княжна.
- Прошу простить меня, Ваше Высочество, - преклонил колено Итински. – Я не успел.

Эглина склонила голову, помолчала. Потом прошептала «Пани Ирия очень расстроится», и пешком побрела по направлению к фольварку Приречье.
- Пан Масий, я вам больше не нужен? – спросил Иниан Айклин. Тысячник махнул рукой, показывая, что сам управится и с приказами княжны, и с ситуацией вообще. Эльф кивнул, и быстрым шагом нагнал Эглину.
- Мастер, - спросила княжна, и глаза ее вновь стали такими, какими были в детстве. – Неужели это и есть цена власти?
- Нет, милая, - ответил Иниан, глядя, как солнце неумолимо катится к закату. – Это лишь предоплата.

Великое княжество Ластартское, Год 1476 от В.Н., 69-86 день осени.

Последние дни тысяча четыреста семьдесят шестого года от Великого Низвержения пролетели мимо основных участников описываемых событий как один большой и очень разнообразный день.

Масий Утравницкий, как верный сын своей земли и истинный дворянин, проследил, чтобы одинаковое последнее пристанище, в соответствии со всеми канонами получили все участники сражения у Ратных холмов, несмотря на указание княжны Эглины. Тела «гардовцев», которых смогли опознать, отправили в родовые каплицы, ибо все они были дворянами. Тех же, кого опознать не смогли, предали земле прямо там, на Холмах, где позже, средствами Милана Теринского и Альды Фаркской был воздвигнут памятник жертвам свершившийся здесь бойни. Всех Рейкских гвардейцев на ладьях пустили по течению Фарчивки, ибо так, по словам их командиров, они завещали себя похоронить.

Остальные же рейкские бойцы, сопроводив Озерецкую сотню Коссита Анесского в казармы, растворились в Озерце, исчезнув, будто и не было их никогда. Странные обстоятельства их появления и исчезновения дали множество поводов для кривотолков. Романтики и мистики говорили, что это восстали полки, которые водили в бой предки Фаркских, дабы защитить свою землю и славных своих дочерей. Более прагматично настроенные высказывали предположение, что это были наемники из Срединных земель, или даже из Айнвиля или Литинии, которые за большую плату сыграли свою роль в этой кровавой драме. Михо Итинский, один из тех, кто видел и лично командовал этими людьми, не мог сказать по поводу их появление ничего путного. Единственный из участников событий, кто точно знал, откуда же взялись эти бойцы, Талько Бойковский, в эти дни лежал в каплице рода Фаркских, ожидая упокоения в своем фамильном склепе, в лесах Рейка.

В тот же день когда пропали таинственные бойцы, гордость речного флота Великого княжества Ластартского «Княжий гнев» вышел из Озерца и направился в порт Берклики. На борту славного корабля, глядя на удаляющуюся гладь Великого Озера, стоял адмирал речного и озерного флотов Великого княжества Ластартского Нив Беркликан. На следующий день он докладывал своему отцу о великолепно проведенной операции и обо всех ее деталях. Выслушав сына и коротко хмыкнув, князь Лону велел подать ему перо и бумагу. Через час из Берклики в Ластарт отправился гонец.

Алый Клинок и Милан Теринский узнали о произошедшей битве через два дня - услышали об этих событиях от людей барона Грусского. Барон сам смог освободить свой фольварк. Узнав от успевших сбежать оттуда слуг о постигшей родовую землю напасти, он с верными людьми тайным ходом пробрался внутрь. Там барон обнаружил упившихся до беспамятства ополченцев «Гарды» и своих родных, запершихся в подвале. Связав и приведя в чувства захватчиков, барон с помощью доброго слова и каминных щипцов выяснил, кем были молодые люди и с какой целью явились в Фарк. Верный своим клятвам Великому княжеству барон тут же велел седлать кабанов и двинулся во главе небольшой дружины из двух десятков личных дворян и десятков трех егерей по направлению к Приречью. На Ратных холмах он встретился с Масием Утравницким и успел со своими людьми поучаствовать в похоронной процессии, и в конвоировании пленных. Люди барона стали первыми вестниками Новой битвы на Ратных холмах. Услыхав эту историю, Милан Теринский, Коссит Анесский и Алый Клинок немедленно помчались в Приречье, где и обнаружили отдыхающих после славной победы Эглину Фаркскую и Иниана Айклина, с минуты на минуту ожидавших прибытия княгини Альды, до начала битвы отправленной в городскую резиденцию. Многое было сказано в тот вечер. Особенно Пеской, который так распекал Иниана и Эглину, что даже эльф почувствовал себя неуютно.

В эти дни состоялись тайные переговоры, на которых присутствовали сестры Фаркские, Милан Теринский и Кирий Динский. На этих переговорах было решено, что Альда Фаркская отречется от трона Фарка в пользу сестры, однако в подписанном отречении будет особо оговорено, что дети Эглины будут претендовать на трон лишь после детей Альды и Милана. Милан Теринский добавил к этому еще одно условие:
- Пан Кирий, я хочу чтобы вы всеми силами содействовали освобождению несчастного графа Миковского. Он честный человек и стал жертвой интриг, вы, как и я, прекрасно это понимаете. Дайте мне слово дворянина, что вы сделаете все, чтобы освободить его.
- Даю вам слово, - сказал Кирий и глубоко вздохнул. Тем же вечером он отправил донесение об обстоятельствах этих переговоров, принятых на них решениях и данном им слове в Ластарт, канцлеру Ирлингу. Ирлинг буквально влетел в переговорную к Неркану Элендскому. Тот стоял и смотрел в окно.
- Неркан, у меня очень важные вести, - начал канцлер.
- «Гарда» все-таки смогла поднять восстание, но Эглина Фаркская разбила их войска и теперь она займет престол – также и по праву сильного, - не оборачиваясь, сказал Неркан. – Ты это мне хотел сообщить?
- Еще и то, что Теринский был успешно освобожден из плена, в который его захватили гардовцы, - Ирлинг решил не выдавать своего удивления осведомленностью Великого князя. – И что соглашение между Альдой, Теринским и Эглиной уже составлено и заключено.
- Что же ты мне тогда говорил о победе? – Неркан обернулся. Глаза его недобро сияли.
- Прошу простить, Великий князь, - склонил голову канцлер. – Я торопил события.
- И едва не упустил их из-под контроля, канцлер. Опять. Славь Богов, что у тебя такие отличные люди, как Алый Клинок, и что Эглина Фаркская оказалась достойной дочерью своих предков. И собирайся. Мы поедем в Фарк к назначенной дате сейма, чтобы лично поприветствовать новую княгиню Фаркскую.
- А разве по придворному этикету не она должна явится к своему пану? – удивился Ирлинг.
- Мне кажется, что эта девушка заслужила наше внимание, - сказал Неркан и, неожиданно, улыбнулся. – Но ты, конечно, как хочешь. Лону сообщил мне, что будет там к сроку, так что я в любом случае без компании не останусь.
- Я прикажу подготовиться к поездке, - быстро сказал эльф. Лону! Вот значит как! Получается, это старый князь где-то опередил его, Ирлинга, в этом деле. Или, по крайней мере, сделал так, что они пришли к финишу вместе. Ну что ж, это был лишь первый раунд, настоящая игра еще впереди.
- И, Ирлинг, - сказал Неркан, потом сделал многозначительную паузу, и продолжил, - возьми с собой свою жену. А то вскоре кроме длинных ушей рискуешь обзавестись ветвистыми рогами.
- Верность моей жены не вызывает у меня сомнений, - недовольно фыркнул эльф.
- Ну, победа в Фарке тоже не вызывала у тебя сомнений, - заметил Великий князь, и Ирлинг осознал, что следующий сезон у него предстоит нелегким.

Последние дни года в Рейке проходили суетливо. Первую седмицу после возвращения Эглина провела у постели Ирии Найской. Узнав о гибели Бойковского, старая баронесса слегла, и лекари серьезно беспокоились за ее жизнь. Эглина проводила дни в уходе за Ирией и в молитвах о ее выздоровлении.
- Бабушка, милая, ты мне так нужна, - шептала она на ухо Найской. – Не умирай, пожалуйста!

И однажды, на седьмой день, услышала недовольный ответ:
- Конечно, нужна, - проворчала старуха. – Кто ж еще поможет разобраться в этом бардаке. Да еще и настучать по заднице этому пройдохе Милану. Сколько по его милости настрадались, а он сюда готовится хозяином приехать?! Я его еще поучу манерам, чтоб впредь заговоров не затевал!

Эглина в порыве чувств обняла старую баронессу.
- Аккуратней, княжна, а то задушишь! - сказала та, охнув. – А теперь иди и отдохни. И я отдохну. Нам еще многое предстоит сделать.

Свадебный наряд в эти дни готовили в небольшом домике в Терии, где вдова десятника Мида Анеля готовилась стать пани Анесской. В фольварке Рейк эта же седмица обозначилась двумя предложениями о заключении брака. Сайн, наконец, сделал предложение Адде, а Иниан Айклин – Нике Рыжей. И если по первой помолвке вопросов ни у кого не возникло (кроме подозрений Иртэи о том, что предложение это ускорилось условием получения фольварка этими двумя лишь после заключения брака, которое Эглина, подмигнув Мали, поставила перед ними), то второе стало неожиданным даже для самой невесты. Ника сперва лишилась чувств, а после радостно бросилась эльфу на шею. Присутствовавший при этом Песка весь день ходил пораженный, а после, наедине, спросил у Иниана о причинах его поступка.
- Может, я решил, что настала пора, наконец, остепенится, - сказал он, глядя в глаза другу.
- Ни длимерна я тебе не верю, - покачал головой Песка. – Остепенится он решил! Ха!
- А может, я хочу доказать тебе, что не все эльфы мужеложцы, - хмыкнул Иниан. – Как тебе такая мысль?

Кирий в общих чертах выразил свое отношение к ней, где, наряду с подозрением в мужеложестве, к эльфу были обращены и более изощренные эпитеты.
- Иниан, - после всех витиеватостей, сказал Песка, - она ведь тебе не то, что не ровня. Это как будто бы дурная сказка о пастушке и принце!
- Ты действительно хочешь знать, почему я так поступаю, Кирий? – неожиданно серьезно произнес Иниан.
- Дело, конечно, твое. Но…
- За свою жизнь, друг мой, я принес в этот мир огромное количество боли и страданий. Зачастую я причинял вред невинным людям, преследуя неправедные цели. Считай, что этой свадьбой я хочу искупить часть своей вины, принеся хоть одной жительнице этого жестокого мира крупицу счастья.

Пораженный Кирий замолчал, а потом покачал головой и решил больше не расспрашивать эльфа на этот счет.

В этой суете все они почти забыли о гардовцах. Суд над выжившими в битве, взятыми в штабе, плененными во дворце Грусского и на заставе, Милан Теринский отложил на первую треть зимы нового года. Омрачать себе праздники судом он не хотел, а вот своим бывшим союзникам очень даже пожелал. Тело Борина Циверского передали отцу. Заметно постаревший после известий об измене сына и восстании, Циверский-старший подал в отставку с поста тысячника гвардии Терии, и этот пост занял Коссит Анесский, которого быстро проведенный суд, при участии княгини, княжны и Алого Клинка в качестве свидетелей, оправдал по всем статьям. Кир из Айния бесследно исчез, и поиски его, также как и сопровождавшего его, по словам других «гардовцев», Каита Холмицкого, успехов не принесли. Зато принес плоды допрос захваченного людьми Анесского связного. Сперва, конечно, над ним пришлось поколдовать – почти в прямом смысле этого слова. Пришедшая допрашивать его Иртэя сразу определила необычную печать на его ауре. После долгих совещаний и возражений (особенно со стороны Коссита, который с большим подозрением относился к любым эльфам), к пленному привели Иниана Айклина. Мастер подтвердил подозрения Иртэи, и сказал, что стоило пленнику заговорить на определенные темы, и жизнь его самым внезапным образом бы прервалась. На снятие этой печати у эльфа ушло три часа, после чего Иртэя и Коссит приступили к допросу. С обреченностью смертника, пленник ответил на все вопросы, сказав, что будет ли он что-то скрывать или нет – его судьба уже решена. Так официальному Ластарту удалось установить имя злоумышленника, завербовавшего Йатика Клесского и имевшего самое непосредственное отношение ко всем беспорядкам, произошедшим в Фарке, Ариэна Ниэна, и многие детали его плана. Неизвестными остались лишь мотивы, хотя

официальной версией была попытка сорвать разработку перспективных фаркских месторождений. Посол Великого князя явился к Темному Трону с просьбой содействовать в аресте предателя, но выяснилось, что Ариэн успел бежать из Мертволесья и его местонахождение невозможно выяснить. Данэирт обещал всеми силами помогать в поимке мерзавца. На том и договорились.

Йатик Клесский же вел себя в заключении тихо и спокойно. Суд над ним откладывался, так как Альда не хотела выносить смертный приговор, а сейм, который должен был короновать Эглину, был назначен на восемьдесят шестой день осени, за пять дней до Нового года. В Новогодние же прадзники казнить даже государственных преступников было не принято.

Несмотря на увещевания допрашивавшей его Иртэи, про Ариэна он не сказал ни слова. Даже когда та передала ему показания связного, из которых явствовало, что Ариэн лишь использовал его, Йатик вздохнул, усмехнулся, и глядя дознавателю в глаза, произнес:

- Неужели вы думаете, что на предательство я обязательно должен ответить предательством? Он дал мне надежду, он был единственным, кого я когда-либо любил. Пускай с его стороны чувства были фальшивкой – но мои-то настоящие.

И снова замкнулся в себе. Проводить над Йатиком темный допрос Песка Иртэе не позволил – ему еще предстояло выступать перед судом. Эйниэ, которая несколько дней промаялась в разговорах с Клесским, будучи наедине с Эглиной ругала и заключенного и Песку на чем свет стоит.

- Зачем, вот скажи мне, я там нужна!? – восклицала она. – Ничего нового он нам не скажет, все уже сказал этот блаженный связной. А тут – на тебе, майся, Иртэя, стучись головой о стену.

Эглина обняла ее и задумалась. А на следующий день собралась и уехала в Илин.

Отец Йатика, вежливый подтянутый хорошо одетый мужчина встретил княжну в гостином зале своей илинской резиденции сухо и спокойно. После всех необходимых почестей, он предложил госте присесть в мягкое кресло и собственноручно налил бокал вина. Потом, расположившись в кресле напротив нее, сказал:

- Я наслышан обо всем, что сделал мой сын на ваших землях. И, как вы, наверное, знаете, он более не принадлежит к нашему роду – я лишил его наследства и имени. Поэтому, если вы заехали в связи с какими-нибудь претензиями…

- Нет, Ваше Сиятельство, - Эглина мягко посмотрела на него. – Я не имею к вам никаких претензий. Да и все, что были у меня лично к вашему сыну, уже исчерпаны. А за многое я даже могла бы его поблагодарить, - и княжна усмехнулась.

- Тогда какова цель вашего визита, Ваше Высочество?

- Я хотела, чтобы вы навестили сына в тюрьме и, по возможности помирились с ним, - сказала Эглина, пригубив вино.

Мужчина с ног до головы оглядел сидящую перед ним девушку. Зеленое ее платье с небольшими синими вставками, серебряные волосы, рассыпавшиеся по плечам, добрую, слегка растерянную улыбку. Он провел рукой, поглаживая свои усы, как делал в минуты чрезвычайно задумчивости.

- Я не думаю, что пытаться таким образом получить от него необходимые вам сведения, совместимо с честью вашего рода, Ваше Высочество, иначе я бы немедленно попросил вас уйти, - сказал он, наконец. – Но мне было бы интересно узнать, что же движет вами?

- Видите ли, - Эглина поставила бокал на столик. – Когда-то я сбежала из дома из-за ссоры с отцом. Думаю, наши ситуации с вашим сыном во многом различны, но, поймите меня правильно, многие мои действия до текущего момента были обусловлены попыткой доказать моему покойному отцу, что я чего-то стою. И только сейчас, я начинаю понимать, что мне очень не хватает возможности поговорить с ним. Возможно, теперь мы смогли бы понять друг друга. Может быть и нет. Но я отдала бы все, что сейчас имею ради одной возможности этого разговора. Не буду лгать вам, сына вашего, безусловно,

казнят. Здесь политическое дело, и я, даже если бы хотела, не смогу повлиять на его исход. И, думаю, что если вы не встретитесь с ним, то будете жалеть об этом до конца своих дней.

Мужчина посмотрел на нее, сжал губы и снова погладил усы.

- Спасибо за визит, Ваше Высочество, - сказал он. - Если вы не против, я обдумаю ваше предложение и пришлю вам ответ в ближайшие дни.

Эглина поднялась, подала руку для поцелуя и удалилась.

Граф Клесский навестил сына за два дня до сейма. Говорили они долго, но о чем говорили неизвестно. Неизвестно было также и то, что написал граф в письме Эглине Рейкской, которое передал с гонцом сразу же после свидание с Йатиком. Доподлинно известно лишь, что Йатик Клесский скончался от истощения за несколько дней до назначенного над ним суда. Никто из тюремщиков, передававших семье его тело, не обратил внимания на небольшой черный браслет на запястье заключенного…

… На закате восемьдесят шестого дня осени тысяча четыреста девяносто шестого года от Великого Низвержения набережная истока Фарчивки у самого Великого Озера в городе Фарке была практически пуста. Коронационный сейм, который почтили своим присутствием Великий князь Неркан Элендский, канцлер Великого княжества герцог Альята, воевода Западного воинства князь Лону Беркликан и сын его адмирал Нив, и многие другие именитые и не очень дворяне Великого княжество и сопредельных земель, подходил к концу. По случаю коронации княгини Эглины Фаркской пред сеймовым залом были установлены огромные столы, а по всему городу разбиты шатры праздничной предновогодней ярмарки. Множество народу собралось как на площади, так и у стен, радуя своим присутствием почтенных детей Назара, то есть купцов и карманных воришек. А на набережной тем временем находилась парочка, сидящая на одной из многих пустующих лавочек и смотрящая на Великое Озеро, покрывшееся тонкой, абсолютно зеркальной коркой льда. Казалось, что оно является сейчас лишь продолжением громадного неба, обзаведшегося вторым солнцем, которое неуклонно катилось на встречу первому. Небо это заканчивалось обоюдоострыми горами-призраками, то ли существующими на самом деле, то ли лишь кажущимися в туманной дымке. Парочкой, сидящей на лавке у озера, были Мали и Звяк. Адда была одета в черный плащ, черную с вышивкой юбку и богатый меховой жилет, а Сайн, надел сегодня вычурный наряд Зара Вестника.

- Иниан не говорил, куда его длимерны понесли? – девушка подобрала камень с земли и швырнула его на зеркальную ледяную поверхность. Тонкий лед треснул и в водном зеркале образовалось небольшое, с рваными краями, отверстие.

- Нет, сказал только что дела какие-то надо завершить, - задумчиво сказал Сайн. – К сроку обещал вернуться.

Бракосочетание двух пар назначили на третий день весны. И вот вчера Айклин неожиданно собрался в путь и сказал, что ему буквально на треть сезона надо уехать. Ника провожала его со слезами на глазах – боялась, что чудесный сон закончится. Эльф торжественно поклялся, что вернется и больше никогда не покинет ее.

- Если он не приедет, я найду его и пришибу, - грозно сказала Мали.

- Тебе больше обидно за Нику или за двойную свадьбу? – спросил Звяк.

- За все, - коротко сказала девушка. Звяк хмыкнул.

- Как думаешь, а через двести лет все произошедшее будут помнить? – Мали положила голову на плечо жениху, вглядываясь в причудливой формы малиновые облака, плывущие над ними.

- Конечно, будут, - хмыкнул Звяк. – И напишут и в театрах поставят. Только покажут там все не так, как было на самом деле.

- Ну да, - протянула Мали и улыбнулась. – Конечно. Там будет заколдованная княгиня…

- Принцесса, - поправил ее Звяк. – У нас с трактатчиками всегда были не лады, так что писать будет кто-нибудь с севера. А там у них принцессы.

- Ну, пускай принцесса, - согласилась Мали. – Так вот, заколдованная принцесса, под чарами злого волшебника, убившего ее родителей и готовящегося захватить власть в ее королевстве. И ее сестра, которую похитили в детстве, и которая выросла в бедности. Сестра узнает о своем благородном происхождении и спешит на помощь.
- А еще будет принц, который сначала работал на злого колдуна, но затем одумался, и прельщенный красотой зачарованной принцессы помогает героине победить злодея. И будут они драться на стенах громадного колдовского замка, пока бедная девушка не приведет под стены замка целое войско, восставшее против коварного чародея.
- Ага, точно-точно, - Мали вскочила, изображая по очереди, злодея и героя. – Как ты мог предать меня, когда мы были так близки к могуществу!? Как мог быть я так слеп, чтобы не видеть, какое зло ты творишь!? Тебе никогда не быть с ней! Нет, это ты не сможешь помешать нашему счастью!
- Эй, - раздался голос Пески, - чем это вы тут занимаетесь?
- Песка! - Мали и Звяк обернулись на голос. Песка и Иртэя стояли от них неподалеку. Оба были в парадных мундирах и выглядели очень официально. – А разве вы не на сейме?
- Сейм закончился, - ответила Иртэя.
- А торжественная часть? – спросил Звяк.
- Мы решили, что этот вечер нам следует провести празднуя вместе с вами, а не в обществе властьдержащих, - улыбнулся Песка. – Так чем вы тут занимаетесь?

Мали рассказала их краткое изложение истории Эглины и Альды Фаркских. Песка рассмеялся, так комично она изобразила всех мнимых героев повествования.
- А еще там будет благородный и несправедливо обиженный властью разбойник со шрамом, который в конце соберет простой люд на помощь главной героине, - добавил Звяк. – И обязательно добрый король, появляющийся в конце и поддерживающий права младшей принцессы на престол.

Песка, улыбаясь, покачал головой, а Иртэя подумала, что точно знает, чего в этой сказке не будет. Не будет в ней выпадающих из окон неудачливых убийц, полуночных прорывов через ворота и скандала на сейме. Не будет матери-княгини, собиравшейся убить свою дочь, перерезанных глоток и отрубленных рук. Не будет обгоревших тел, и воя от нечеловеческой боли, проносящегося над Ратными холмами.
- Я знаю, чего там не будет, - довершила она свою мысль в слух. – В этом трактате не будет нас. Не будет Алого Клинка.

Повисло молчание. Каждый из четверых задумался о своем. Мали снова посмотрела на озеро, где два солнца уже слились в одно и продолжали медленно уменьшаться, погружая город во тьму.
- Зато я знаю, где мы обязательно будем, - прервал молчание Песка и подмигнул товарищам. – Здесь недалеко, в самом начала Кузнечного бульвара, недурной трактир. Пиво там вполне приличное, и я слышал, сегодня там будет весело.

Мали и Иртэя переглянулись.
- Ты думаешь о том же, что и я? – спросила полуэльфка подругу.
- В точку, - кивнула Мали, и они бегом бросились в сторону города. Мали крикнула, – кто последний, тот и платит!
- Вот длимерн, - выругался Звяк и бросился за ними следом. Песка, хмыкнул, поправил перевязь. И неспешным шагом пошел к трактиру.

Эйдария, город Драдо, Год 1477 от В.Н., 8 день зимы.

День выдался морозным и солнечным. Свет отражался от снега, переливался на узорчатых стеклах домов богатого центра города Драдо, торговой столицы Эйдарии. Шумела новогодняя ярмарка, радовались погожим денькам розовощекие детишки купцов и горожан. Взрослые подсчитывали деньги, приобретенные или оставшиеся за время новогодних праздников. Гуляния продляться еще три дня, и одни думали, как бы выручить за них побольше, в то время как других интересовало, как не отдать последнее.

Пробираясь сквозь разношерстную толпу, Ариэн Ниэн думал о том, что сегодняшний день его раздражает. Когда небо засыпало его снегом, а ветер чуть не сдувал с пса, он мог сосредоточиться на борьбе с текущими трудностями и не думать о неизбежной встрече со своим «попечителем». И о неизбежном же вопросе «и как ты допустил, что все пошло прахом?». Ниэн был в бегах уже больше, чем треть сезона. После стычки с бойцами Анесского он уже предполагал, что ничем хорошим его операция не закончится. Эльф успел вернуться в Мертволесье, отдать последние распоряжения, взять вещи и деньги, которые пригодились бы ему в изгнании. Он сбежал до того, как в двери его постучалась стража Темного трона. И последние три седмицы он скитался по Срединным землям. Волосы его, обычно скрученные в две косы, спущенные вдоль щек, теперь были собраны в хвост сзади, да и даже в таком виде более напоминали свалявшийся моток черных ниток. Кожа на руках и лице обветрилась и стала жесткой. Сам эльф казалось, постарел, хотя такое и было невозможно. Он теперь мало спал, питался на ходу. Все эти дни он ждал, пока в одном из придорожных трактиров ему передадут место встречи. И вот три дня назад он получил послание.

В корчме «Дивное место» он скинул с головы капюшон. Здесь он бывал до этого, несколько раз, в основном с деловыми партнерами. Разок они заезжали сюда и с Йатиком Клесским. Мысли о Йатике были Ариэну неприятны. Он не собирался соблазнять юношу, но было в том что-то притягательно жертвенное, и эльф не устоял. Ниэн считал себя игроком, дельцом, но отнюдь не негодяем и все, что он проворачивал с Клесским было ему не особо приятно. Однако, дело было превыше всего. Ниэн отогнал воспоминания о этом несчастном человечке. Что сделаешь, он был слаб и глуп, и теперь расплатиться за это.

Ариэн подошел к стойке. За столиками у него за спиной сидело несколько респектабельного вида людей, парочка гномов, по которым так и не скажешь, охрана это купца, сам купец с деловым партнером или просто наемники, спустившихся с гор в поисках наживы. Два бледного вида молодых человека подпирали стойку и опасливо озирались по сторонам. Ниэн кивнул корчмарю, небольшого росточка лысеющему толстяку, в длинном, до пола черном камзоле и с хитрым прищуром.

- Мастер Ниэн! – воскликнул тот, угодливо улыбаясь. – Как же, как же! Давно вы у нас не были.

- Меня никто не спрашивал? - сухо поинтересовался Ариэн, потирая лоб и борясь с желанием почесать давно немытую голову.

- Ах, да, - закивал корчмарь. – В деловой комнате вас ожидают. Проходите.

Ниэн кивнул, кинул на стойку серебрушку и направился в угол зала, где, за дверью, находилась деловая комната для особо важных гостей. Корчмарь с тоской посмотрел эльфу вслед, бросил взгляд на молодых людей. Один из них чуть заметно кивнул. Корчмарь стал еще грустнее и отошел от стойки в кухню.

Ариэн Ниэн открыл дверь и быстро вошел. В голове у него вертелось сотня оправданий и предложений. И извинения, самые различные и витиеватые. Он так погрузился в свои мысли, что сразу не заметил, что за столом его ожидает вовсе не тот, кто должен был. А когда заметил, было поздно. Исполнитель Клехт поднялся над столом во весь свой громадный рост и грозно глянул на эльфа.

- Доброго дня, Мастер Ниэн, - сказал он. – Присядьте.

Ариэн мгновенно развернулся, чтобы покинуть комнату, но дорогу ему преградил некто в длинном черном плаще, капюшоне и двойным ланиртским мечом в руке. Заглянув под капюшон, Ариэн вздрогнул, и лишь потом понял, что черные провалы глаз таковы, потому, что ланирт находится в полной боевой готовности, а белесое страшное лицо-череп всего лишь маска.

- Мастер Ниэн, не пытайтесь скрыться. Мастеру Айклину стоит огромных усилий сдерживаться, чтобы не прикончить вас на месте. Держит его только моя просьба, а я ведь могу и передумать.

Ниэн подошел к столу и присел напротив исполнителя. Тот тоже опустился на стул, отставляя боевой топор в сторону. Иниан Айклин не двинулся с места.

- Я – исполнитель Клехт и именем Богов я арестовываю вас, - торжественно объявил Клехт

- Интересно, с чего бы Мастеру Айклину так меня ненавидеть? – Ариэн понимал, что попал в ловушку, и решил принять свою судьбу спокойно и с достоинством. Он вынул из-за пазухи длинную трубку и принялся набивать ее.

- Важно ли это, Ариэн? – спросил Клехт. – В вашем-то положении?

- Ну, если он переживает из-за Эсте, тогда я, пожалуй, должен извиниться, - Ниэн закурил. – Но он сам должен понять, что не стоило доверять поиск информации воительнице до мозга костей. А вот если он думает, что я виновен в смерти его боевых товарищей из Гончих Хамса, так ему стоит знать, что это вы организовали их встречу с Богами.

- Я рад, что вы не упорствуете, Мастер Ниэн и признаете, что за всем безобразием в Мертволесье и Фарке стояли вы.

- Боги, да это же доказанный факт, - рассмеялся Ариэн глядя на рассерженного Клехта.

- Не поминай Владык всуе, еретик, - рявкнул Клехт. Вздохнул, и сказал более спокойно, - а что касается Гончих Хамса, так вы не открыли ничего нового Мастеру Иниану. Лично он и позаботился о них, с моего благословления.

Ариэн Ниэн пораженный застыл. Затем отложил трубку и несколько раз хлопнул в ладоши.

- Я аплодирую вам, исполнитель, - сказал он серьезно. – Убить два десятка невинных, лишь бы сорвать нашу операцию. Да еще и сделать это руками того, кому они доверяли!

- Если бы ваша операция удалась, погибло бы гораздо больше невинных. Ниэн неужели вы не понимали, что делаете?

- Почему не понимал? – Ариэн вновь затянулся. – Прекрасно понимал. А вы сами-то понимаете?

- Отлично понимаю! – лицо Клехта сделалось страшным. – Вы хотели начать войну и принести тысячи невинных душ в жертву вашим истинным хозяевам – Падшим Богам!

Ариэн изумленно разинул рот. Затем пару раз моргнул и расхохотался.

- Да вы просто одержимый глупец, исполнитель! - смеясь, сказал он. – До вас до сих пор не дошел очевидный факт. Миром правят не Боги, миром правят деньги! Из-за денег ваши экзархи с таким трудом сделали Священный союз Айнвилля, Мирграда и Литинии, да и подбивали Рейнвилль туда вступить. Вы думаете, никто не понимает, что вы стремитесь к колонизации Иртинтора? Что вы хотите наложить свои загребущие руки на богатства Новой земли? Тот же Неркан это прекрасно понимал, и его усилиями сам факт вашей высадки на южный континент был отложен. Но ни Империя, ни Княжество не решаться сейчас воевать с Союзом, за спиной которого стоит Храм, даже ради того, чтобы предотвратить захват морских путей и новых территорий. А вот если бы перед Ластартом замаячил бы хотя бы призрак договоренности Империи и Союза, Неркан наверняка бы решил нанести превентивный удар. Кто бы ни выиграл в этой войне, вы бы проиграли – Священный Союз, даже победив, даже и с помощью Рамонда был бы настолько ослаблен, что не смог бы в одиночку колонизировать новый континент. Вы бы не стали единоличными хозяевами его богатств!

- И вы считаете это истинной причиной? – усомнился Клехт.

- А другой и быть не может, - презрительно бросил Ариэн. – Имперский консул хотел выслужиться перед Императором и поссорить Ластарт и Темный трон. Так мы и вышли на эту сделку. Консул не знал о том, что Гончие связаны с Княжеством. И заглотил наживку.
- Кто «мы»? Как вы называетесь?
- Я бы сказал, что мы – купеческий союз, - Ариэн улыбнулся уголком рта. – Можете так нас и называть. Так вот, мы ждали, пока информация о нашей сделке достигнет Княжества. Но вы, как я теперь понимаю, убрали Гончих, и нам пришлось придумывать новую операцию. Тогда на нас и вышла Эсте, действующая по просьбе Мастера Айклина. Прошу прощения, Иниан, но твоя подруга решила, что сама способна со всем справиться. Могу лишь сказать, что после того, как она нам рассказала про тебя, мы убили ее быстро. Так вот, я узнал, что Иниан Айклин напал на наш след. Я решил, что он винит нас в смерти Гончих или хочет выслужиться перед королем Данэиртом. В любом случае, мы послали за ним убийц.
- А потом принялись вмешиваться в Ластартскую политику? - нетерпеливо сказал Клехт. – И вы мне хотите сказать, что новой вашей целью не стала массовая резня в Ластарте?
- Нет, конечно! Консулат начал требовать результатов, грозясь раскрыть нас перед Темным Троном. И нам пришлось устраивать это безобразие в Фарке в надежде вывести разведку Ирлинга или людей Беркликана на очевидную связь Фаркских событий с Мертволесьем, и, потом уже, на Имперский след. Там бы всплыла и история с «гончими» и мотивы Священного Союза. Но Альята и Беркликан были так увлечены интригами друг против друга, что не замечали этого. Тогда я на свой страх и риск решил начать гражданскую войну в самом Княжестве. Если моя затея увенчалась бы успехом, мы бы устроили Йатику Клесскому встречу с представителями Империи и Союза и не оставили бы другого выбора, кроме как воспользоваться их поддержкой. Что в свою очередь привело бы к той самой войне, которую мы и затевали. Но мои усилия, как вы знаете, не увенчались успехом. А теперь скажите, как вы нашли меня?
- Ваш человек, захваченный в Теринке, рассказал, какими должны были стать действия в случае провала группы. А дальше это уже не ваше дело.
- Понятно, - кивнул Ариэн. – И что теперь?
- Вы пойдете со мной и расскажете экзарху все, что знаете о вашем… купеческом союзе и его замыслах. Если все сделаете по хорошему, может, поживете в монастыре пару сотен лет во искупление грехов. Если нет – вампирам за Пыльным хребтом всегда нужны вечные доноры.
- А если, предположим, я сейчас брошусь на меч Мастера Айклина? – Ариэн задумчиво обернулся.
- У стойки нас ожидают два толковых некроманта, - неприятно улыбнулся Клехт. – Нам позволено использовать все средства для вашего допроса. Уверяю вас, существование в виде нежити, особенно для эльфа, очень неприятно.

Ариэн вздохнул, вытряхнул трубку прямо на стол и кивнул:
- Вы умеете убеждать, исполнитель. Что ж, идемте. Я слышал, жизнь кающихся в монастырях не сладка. Но я полагаю, это не самая худшая доля. Вы разрешите мне пообедать в корчме на последок.
- Почему бы нет, - Клехт поднялся из-за стола. – Мы три года гонялись за вами. Думаю, еще час не сыграет роли.

Ариэн вышел из комнаты вслед за Клехтом. Иниан Айклин снял маску, смахнул слезы со щек, посмотрел невидящим взглядом на стену.
- Мастер Иниан, все в порядке? – в комнату снова вошел Клехт, передав Ариэна на попечение некромантам. Иниан надел маску и повернулся к исполнителю.
- Абсолютно, - улыбнулся он. – Время двигаться дальше.

Минск-Витебск-Минск, август 2013 – август 2016